

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

1

МИРЫ
РОДЖЕРА
ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume one

COILS

THE BLACK THRONE

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том первый

ВИТКИ

ЧЕРНЫЙ ТРОН

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995**

*Издание подготовлено
при участии АО «Титул»*

**Миры Роджера Желязны том 1 / Пер. с англ. —
Рига. Полярис, 1995. — 447 с.**

Роджер Желязны представлен в настоящей книге двумя романами, написанными в соавторстве с известным американским мастером фантастики Фредом Сейберхэгем. Интервал между романами — восемь лет; именно этим, вероятно, и объясняется разительная перемена темы и стиля. Если первое совместное произведение Р. Желязны и Ф. Сейберхэгена — «Витки» — роман в высшей степени динамичный, острожюгетный, изобилует достижениями компьютерной и иной техники недалекого будущего, то второе совместное произведение авторов — «Черный трон» — попытка проникнуть в самые глубокие тайники души человека, лирическое сказание о коварстве, преданности и любви, основанное на биографии одного из самых талантливых и самых загадочных американских писателей Эдгара Аллана По.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Coils

Copyright © 1982 by Roger Zelazny
and Fred Saberhagen

The Black Throne

Copyright © 1990 by Roger Zelazny
and Fred Saberhagen

© Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление,
название серии, 1995

Витки

© В. Баканов, А. Корженевский
перевод, 1990

Черный трон

© В. Задорожный, *перевод*, 1992

ISBN 5-88132-200-2

ВИТКИ

Глава 1

*Кликлик. Кликлик.
Два градуса право руля.
Клик. Клик.*

...И сквозь призрачную полудрему слова загоняют на стапели тысячи судов, сжигают мои уходящие за облака башни. Бежит сладкий сон... Все, его нет. Что же...

— Ты странный человек, Дональд Белпатри, — звучали слова. — И многое пережил.

Я не поворачивал головы. Я притворялся спящим, пытаясь разобраться в своих чувствах. Только что мир вновь куда-то ускользнул... Или дело во мне? Нет, все на месте: вот палуба моего плавучего дома «Хэш-клэш», плетущегося со скоростью, наверное, километр в час по заросшему мангровыми деревьями каналу, что змеится вдоль Лонг-Ки, где-то между Майами и Ки-Уэст. Тепло, прохлада, свет, тень. Щелк-щелк.

Мы шли на новом автонилоте фирмы «Рэйдиоу шэк». Тот сравнивал информацию от недавно установленных государственных навигационных маяков с заложенной картой и приправлял смесь щепоткой радарных сигналов — амулетом от столкновений. Канал местами так сужался, что двум катерам уже не разойтись, — а значит, здесь было достаточно тенисто, чтобы сделать летнюю жару сносной. Более того, очень приятной. А в сущности, на остальное мне плевать. И все же...

Я не повернулся к Коре головы, лишь хмыкнул. Я должен был сделать по крайней мере это, потому что по ее тону понял — она знает, что я не сплю.

Но такого ответа оказалось недостаточно. Она молчала продолжения.

— Трюизм, — наконец произнес я. — Назови трех людей, которые ничего не пережили. Назови хоть одного.

— Хорошо образован, — размышляла вслух Кора, будто наговаривала в диктофон. — Довольно умен. Возраст... сколько? Двадцать семь?

— Около того.

— Сложение: крупное. Хотя тело еще не деформировано чрезмерным пристрастием к итальянской кухне. — За две недели, прошедшие с момента нашей встречи, мы привыкли подшучивать над общей склонностью к макаронным изделиям. Сейчас это позволяло ей вести допрос в шаловливой манере. — Материально, очевидно, обеспечен. Цели в жизни...

Кора выжидательно замолчала.

— Приятное времяпрепровождение, — подсказал я, все еще не поворачивая головы.

С закрытыми глазами легко представить себе, как урчание двигателя сливаются с рокотом проходящих через микрокомпьютер битов информации. Я все еще не доверял по-настоящему этой проklärтой штуковине — иначе, оставив его у кормила, позволил бы дремоте перейти в глубокий спокойный сон. И избежал бы неприятного вопроса... Точнее, отсрочил бы его. Рано или поздно мне все равно было бы не отвертеться. Кора подбиралась к этому уже несколько дней.

— Каковое ты возвел в ранг искусства, — продолжила она. — Глаза голубые. Волосы темные, вьющиеся. Черты лица строгие, пристрастный человек мог бы даже сказать красивые. Видимых...

Да, практически невидимые. При нормальных обстоятельствах. Именно поэтому ее голос затих. Шрамы были хорошо укрыты теми самыми «темными, вьющимися». Кора обнаружила их неделю назад, когда моя голова лежала у нее на коленях, и, естественно, заинтересовалась. Внезапно мне почудилось, что этим вопросом она пилит меня постоянно, и чертовски захотелось, чтобы меня оставили в покое.

Я знал, что, если прямо попросить ее отвязаться, она отвяжется. Но, разумеется, после этого я больше ее никогда не увижу. А я стал замечать, что очень хочу и впредь ее видеть.

Похоже, Кору тянуло ко мне сильнее, чем требовалось условиями «летнего романа», и я...

Я повернул голову, положив ее на сложенные руки, и посмотрел на Кору. Она тоже была высокой, футов шести ростом. Сейчас ее изящное тело вытянулось на расстеленном на палубе пляжном полотенце. Она сняла лифчик купальника, но держала его под рукой — на неизвестный случай. На случай серьезной ссоры со мной, к примеру.

В сущности, осмотрительная молодая женщина, какой и надлежит быть школьной учительнице. В сущности, красивая. Лицо не голливудское, нет-нет. Темные волосы, остриженные короче, чем диктовалось нынешней модой, потому что, по ее словам, за такими легче ухаживать, а в жизни есть вещи поважнее причесок... Но самое главное, я очень не хотел ее терять.

— Нет видимых причин для существования? — на конец предположил я. Беззаботным тоном, конечно.

Кора чуть повернулась, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Расскажи о своем детстве, — попросила она. — Судя по твоему говору, оно прошло где-то на Среднем Западе.

Тема менее опасная на первый взгляд. Опасная? Нужели я в самом деле так подумал? Да. На какое-то неприятное мгновение показалось, что меня прижали рогатиной и тщательно рассматривают. Кое-где болело. Например, шрамы. Я всегда считал себя человеком, который не очень-то любит раскрывать душу, и...

Мне дано было увидеть себя будто зажатым в пинцете. Что-то было явно не так. Словно существовали определенные вопросы, которыми не следовало задаваться. Впервые за многие годы я попытался разобраться в себе и осознал, что в ткань моей жизни вплетена нить необъяснимого. Но это и все, что я увидел — ни пути подобраться к нити, ни тем более расплести ее.

Видение исчезло так же быстро, как появилось, и я был этому рад. Здесь почва тверже.

— Верхний Мичиган, — ответил я. — Маленький городок. Уверен, что ты о нем и не слышала. Представь себе, называется Багдад. Неподалеку от Национального парка Гайаваты. Миллион озер и без числа комаров... Что тут скажешь? Типичная провинция.

Она улыбнулась — первый раз за долгое время.

— Завидую. Я рассказывала тебе кое-что о Кливленде... Полагаю, твой отец был владельцем какой-нибудь лесопилки?

Я покачал головой:

— Нет. Всего лишь работал там.

Мне не хотелось говорить много о родителях. И, между прочим, даже думать о них. Хорошие люди, вот и все. Жизнь в Багдаде была идиллической, ребенком я кротал дни подобно Гекльберри Финну. Но все это лежало в далеком прошлом, и я не испытывал желания возвращаться к нему.

Из-за поворота навстречу нам выполз еще один плавучий дом. Мой компьютер принял немного вправо, уступая проход.

— Я думала, что ты живешь на какое-то наследство.

У меня заболела голова — возможно, из-за солнца. Я сел и потер шею.

— Мы не взяли удочки, да? Черт побери, а ведь со-бирался! Забыл...

— Ну хорошо, Дон, прости. Это не мое дело.

Встречная лодка выключила двигатель и скользила по инерции. В иллюминатор на обращенной к нам стороне высунулись два парня.

Полубнаженные загорающие девушки здесь не редкость. Но, очевидно, не такие красивые, как Кора. Один из парней что-то сказал, но я постарался пропустить это мимо ушей и лишь с неловкостью загородил надевавшую лифчик Кору.

Голова раскалывалась.

— Нет! Ну, Кора... Черт побери, ты не так меня поняла!

— Я не обижаюсь.

— Но ты удаляешься от меня, я чувствую.

— Удаляюсь? Или меня отталкивают?

— Я...

Я встал, но идти было некуда. Ухмыляющиеся юнцы проплыли мимо и запустили двигатель под моим почти беспомощным взглядом.

Я сел спиной к Коре, свесив ноги с палубы, и заколотил пятками по стекловолокну корпуса. Робот-навигатор, словно безумец, непрерывно бормотал про себя данные.

— Дон, меня действительно не касается, откуда у тебя деньги. Я знаю только, по твоим же словам, что тебе на счет ежемесячно поступает восемь тысяч долларов, и...

— Когда это я тебе сказал?

— Ночью, несколько дней назад, практически во сне, — ответила она. — Похоже на правду — ты ведешь довольно обеспеченную жизнь.

Мое лицо под тщательно культивируемым загаром покраснело.

— Хочешь знать, откуда у меня деньги?! — крикнул я. — А я не хочу!

Ну как ей удается заставить меня чувствовать себя ребенком, признающимся в тайном грехе?! Вдруг возникло желание повернуться и ударить ее по лицу.

— Что «не хочу»? — помолчав, удивленно спросила Кора.

В горле встал ком, голова буквально разламывалась.

— Не хочу думать об этом! — наконец выдавил я, будто пробивая словами стену.

Затем я вновь повернулся — и неожиданно моя рука, которую я едва не занес в ударе, теперь рванулась вперед и сжала запястье Коры. Я не мог больше вымолвить ни слова, но знал, что отпустить ее тоже не могу.

Внезапно вспыхнувшее в ней раздражение тут же сменилось жалостью и озабоченностью.

— Дон... Что-то ведь у тебя не в порядке, да?

— Да.

Я почувствовал облегчение, сумев признаться. «Не в порядке»? Да, к тому времени я уже понял это. Хотя не представлял себе, что именно. Но определенно не в порядке. Настолько я уже прозрел — с ее помощью.

— Тебе придется отпустить мою руку, — с деланной непринужденностью сказала Кора. Ее торопливо застегнутый лифчик грозил упасть. — Сюда идет еще одна лодка.

Я поднял голову. Лодка едва показалась из-за поворота футах в тридцати впереди. Запястье Коры выскользнуло из моих разжавшихся пальцев, и тут я увидел загорелое мужское лицо.

— Никак Малыш Уилли Мэтьюс собственной персоной, — заметил я и сам удивился совершенно неуместной догадке.

Внезапно я понял, что только что благополучно пережил какой-то внутренний кризис, и едва не задохнулся от облегчения. Я сохранил Кору. Что бы там ни произошло, а расставаться с ней я не собирался.

— Уилли?.. Почему ты о нем вспомнил? — спросила Кора, поправляя лифчик.

— Не знаю. Наверное, просто былье знаменитости иногда всплывают в памяти.

Вблизи лицо в лодке мало напоминало сгинувшего проповедника, каким я его запомнил по фотографиям и телевизору. Собственно, это было всего лишь весьма расплывчатое общее сходство. Когда мозгу нужен повод, чтобы отвлечься, он хватается за самые несуразные соломинки.

— Что тебя тревожит? Поделись, — сказала Кора. — Обещаю, ничего ужасного не произойдет.

Не уверен, что я поверил в это, но поверить хотел. Не осознавая причин, я чувствовал отчаяние, из глаз готовы были брызнут слезы. Жаль, если такие страдания окажутся напрасными. Еще одно усилие, уговаривал я себя, — и все будет сказано. Она узнает ровно столько, сколько знаю я сам. Едва не расставшись, мы станем ближе друг другу. Несмотря на дурные предчувствия, овладевшие моей душой, — что ужасного могло произойти?

— Хорошо, — сказал я, глядя на сверкающую воду. — Я понятия не имею, откуда приходят деньги.

Я выждал, надеясь на какую-нибудь ее реплику, но Кора молчала.

— Пока я не копаюсь в причинах, не нажимаю, пока не пытаюсь выяснить — все будет в порядке, почему-то я это знаю. Средства перечисляет компьютер, без указания источника. Около года назад я пошел в банк и спросил, насколько трудно их проследить. Оказалось, по имеющимся данным невозможно. Потом я заболел, свалился на несколько дней и больше об этом не вспоминал. Но пока я не задумываюсь об источнике денег, все хорошо. Просто чудесно.

Последние слова продолжали звучать у меня в голове. Я повторял их, будто зубрил наизусть. Непонятно, как можно было сказать такое применительно к описанной ситуации... Но мало того — долгое время я искренне верил в это.

Я поднял руку и потер лоб, глаза. Головная боль не утихала. Опуская руку, я заметил, что она дрожит.

Кора вдруг взяла меня за плечи.

— Успокойся, Дон. Я думала, ты, возможно, получаешь какое-то пособие — эти шрамы... Но ведь здесь нечего стыдиться.

Тут я понял, что веду себя, будто в самом деле стыжусь. Однако чего? Хотя теперь я уже боялся думать об этом. Почему — тоже уже понял. Действительно, было что-то... странное в моем образе жизни. Но самое странное — мое отношение ко всему происходящему. И сколько это уже тянется?

На лбу выступила обильная испарина. Что-то неладно. Мне откуда-то было известно: получаемые деньги — не компенсация заувечье. Но я не знал и не желал знать, за что мне их платят. Я понял, что попросту страшусь узнать. Я так дико боялся, что готов был пойти на что угодно, лишь бы не знать. И все же...

Кора села рядом со мной, свесила вниз длинные загорелые ноги. Мы смотрели на струящуюся воду, то яркую, то темную, когда падала тень, — скорее пятна Роршаха, чем магическое зеркало; Кора не видела моего страха.

— Зачем предполагать что-то дурное... — тихо произнесла она. Потом, помолчав, добавила: — Хотя ты говорил, что семья у тебя не из богатых?

Я кивнул, теперь, когда кризис миновал, слушая вполуха. Кора одержала победу, и мы оба это чувствовали, хотя сформулировать какую именно, не могли. Я только начал прозревать. Я знал, что уже не смогу вновь стать тем человеком, которым был совсем недавно. Я содрогнулся, а потом взял Кору за руку. Мы продолжали смотреть на воду, и головная боль утихла.

Настал момент кристальной ясности. Вдруг я как наяву увидел сосны и ели вместо окружавших нас мангровых зарослей, уловил запах и шум леса вместо соленой свежести океана...

Впервые за долгое время — долгие годы — я захотел вернуться домой.

— Кора...

— Да?

— Поедешь со мной знакомиться с родителями?
О благословенная тяга к общепринятым...

Глава 2

Билет? Билет?

Билет.

Что-то кликнуло. Беззвучно. Что-то как-то где-то. Бит-клик-клет. Бип-клет. Бип...

Вокруг. Вперед и назад. Пауза. Толчок. Поворот. Еще один. Передо мной — огромный сияющий котел с алфавитной кашей. Подход спереди. Я нырнул туда, где движется рука, собравшая нити власти. Естественно. От одного — к другому, потягнешь за ниточку, и клубок размотается. Расширяясь и пульсируя...

На причале, где мы оставили днем «Хэш-клэш», имелись все удобства, в том числе устройства для подключения бортовых компьютеров к телефонной сети. Многие деловые люди и на отдыхе предпочитали иметь под рукой подобную возможность.

Все мое дурное самочувствие испарилось, остался лишь налет почти приятной усталости и легкого оцепенения, который в случае надобности я мог бы стряхнуть. Надобности такой, однако, не возникало, и я был благодарен за притупленность чувств, которую заботливо дает иногда дух или тело. Для полной безмятежности недоставало лишь хорошей порции жаркого. Но сперва дела.

— Отчего бы не заказать сейчас билеты? — сказал я, ощущая нетерпение.

Кора улыбнулась и кивнула.

— Давай. Я не передумала.

Я спарил разъемы, которые включали нас в информационную сеть побережья и всего мира, и вернулся в помещение, где стоял компьютер.

В заказывании билетов нет ничего особенно сложного или экзотического. По сути надо лишь соединить мое информационно-обрабатывающее устройство с аналогичными устройствами авиалиний и банка и передать указания, сколько людей, куда и каким классом летят. Однако...

Это произошло после того, как с делом было покончено. Можно было протянуть руку и выключить компьютер. Но вместо этого я продолжал смотреть на экран дисплея, чувствуя приятное удовлетворение, что билет...

Билет?

Очевидно, я замечтался, сперва подумав о билете и о том, что следует за подобным решением, затем о точной, слаженной работе самой машины, которая все это делала возможным, и наконец...

Я вроде бы слышал, как Кора меня окликнула — самым обычным тоном, едва ли требующим ответа. Потом я увидел сон наяву.

Мне казалось, будто я с головокружительной скоростью несусь вдоль темных и ярких линий; словно безумный аттракцион — вверх, вниз, по какой-то знакомой местности, на территории мозга или духа, где я уже бывал в предыдущем воплощении, а может, вчера, в момент забывчивости. Там, в конце пути, держали в заточении часть моей жизни. Ее окружали стены, преграждающие мне дорогу, и беззвучно затряслись вокруг сирены, когда я попытался найти проход...

— Дон! Что с тобой?

С порога на меня смотрела Кора. Я выдавил улыбку.

— Замечтался о доме, — сказал я, стряхивая оцепенение сна, потер глаза и зевнул.

— На секунду мне показалось, что ты уснул или...

— ...отключился? Ничего подобного. Я знаю, что тебя надо периодически кормить. Одевайся и...

Тут я внезапно заметил, что она уже в синей запахивающейся юбке и красной блузке.

— Дай мне пять минут, и мы сойдем на берег в поисках протеина.

Она улыбнулась. Я выключил терминал. Возвращение домой все еще согревало душу.

Кликлик.

В Детройте мы пересели на самолет до Эсканобы, что на северном берегу Мичигана. Яркое зеркало озера, по крайней мере вдоль береговой линии, словно конфетти было усеяно парусниками — меня будто током ударило. И чем ближе становилось мое пасторальное детство, тем больше наплывало воспоминаний. Я постоянно указывал Коре то на одну, то на другую достопримечательность, занимательные истории сами собой возникали в голове и просились с языка.

Багажа у нас не было — только сумки через плечо. Сойдя с самолета, мы сразу взяли напрокат машину и по автостраде № 41 поехали вдоль берега к северу, к выезду из города.

Солнце нанесло по зеркальной поверхности озера скользящий удар, и тотчас, словно трещины в стекле, побежали волны. Через несколько миль мы свернули на шоссе Джи-38 к Корнеллу. Темно-зеленый косматый горизонт казался удивительно близким, и мое воображение, опережая события, устремилось вперед.

— Все же я думаю, что надо было предварительно позвонить, — уже не в первый раз сказала Кора. — За пять лет многое могло измениться.

Пять лет?.. Неужели так долго меня не был дома? Я выпалил цифру не задумываясь. Так сколько же лет прошло? Ни в прошлом, 1994, ни в позапрошлом году я Флориду не покидал, точно. В 1992... Я не мог припомнить, что делал в девяносто втором.

— Знаешь, я немного боюсь знакомства с твоими.

Дорожный указатель обещал Багдад через пятнадцать миль после Корнелла. Как мне и подсказывала память.

Я повернулся к Коре.

— Тебе нечего бояться, все будет хорошо.

Да и как иначе? Чем ближе мы подъезжали к Багдаду, тем меньше я беспокоился о дальнейшем. Главное... я улыбнулся... главное, что мы вместе.

Крошечный Корнелл, очевидно, за несколько лет сильно изменился — я ничего не мог узнать. Но шоссе в окружении высоких деревьев, старая железнодорожная ветка, водонапорная башня там или сям — все было до боли знакомо.

— А вот это что-то новое, — сказал я, помолчав.

Бензоколонка на краю Багдада оказалась маленькой и обветшалой, а не крупной станцией от «Ангро энердже», которую я так отчетливо помнил. У въезда стоял новый знак: «Багдад. Нас. — 442».

Я притормозил до требуемых тридцати миль в час и поехал по единственной дороге, которую в черте поселка с известной натяжкой можно было бы назвать улицей. Незаасфальтированные дорожки, поросшие кое-где травой, развалихи сараи и скособоченные домики с облупившимися фасадами...

Беда была в том, что эта улица не имела ничего общего с той, которую я помнил. Впрочем, возможно, на другой стороне поселка...

Ее мы достигли неприятно быстро. Промелькнуло последнее здание, и начались поля.

Население — 442. Нет, не может быть. В детстве меня окружало некое подобие если не столичной жизни, то уж во всяком случае мира, в котором существовали города, — не эта богом забытая дыра. Я помнил... что-то большее. Где красная кирпичная школа с покрашенными в черный цвет пожарными лестницами, где белая церковь со шпилем, театр с большим шатром? Где дом моих родителей?

Я вел машину, растерянно глядя по сторонам, и Коря, наверное, догадалась, что что-то не так. Вернее, то, что все это время было не так, теперь обрело осозаемые очертания.

Я затормозил, прижавшись к правой обочине, развернулся — движения, собственно, не было никакого, даже сейчас, в разгар лета, — и медленно поехал назад, в ту часть, которую условно можно было бы назвать центром. Мимо проплыли старые фасады четырех магазинов, совершенно мне незнакомых.

«Кафе». Хорошая идея. Я припарковал машину — с таким же успехом можно было оставить ее посреди улицы — и мы зашли в кафе.

Кроме нас, посетителей не было. Мы сели у стойки и заказали охлажденный чай. День выдался жаркий, и, наверное, неудивительно, что я вспотел.

— Вы не знаете здесь в округе семью Беллатри? — спросил я усталую официантку с голубым лаком на ногтях.

— Кого?

Я повторил по буквам.

— Нет. — В этой женшине — владелице или совладелице кафе — безошибочно угадывался старожил. — Вроде, в Перронвиле есть Беллы, — добавила она.

Мы не спеша пили чай и наблюдали за отвратительно опытной мухой, залетевшей за стекло на кокосовый орех, украшавший что-то сухое и желтое. Я не хотел смотреть на Кору и на ее ни к чему не обязывающие фразы отвечал односложным мычанием.

Расплатившись, мы сели в машину и медленно поехали по шоссе к югу. Я внимательно всматривался в боковые уложки — ничего. Все выглядело совершенно иначе.

На краю поселка я свернул на заправку и залил бензин. Подзарядкой здесь и не пахло — так далеко на север от Солнечного Пояса электромобили, как видно, не дошли. А на новой станции «Ангро», которую я вроде бы помнил — действительно помнил! — подзарядочные устройства были.

Заправщику пришлось выдержать ту же серию вопросов о семействе Белпатри. Увы, эту фамилию он слышал впервые.

Не успел я завести двигатель, как Кора спросила:

— Ты помнишь улицу, на которой стоял твой дом?

— Конечно. Беда лишь в том, что это ложная память.

Я был потрясен открытием — да. Но не до такой степени, как можно было ожидать. Где-то глубоко внутри я все время знал, что и запечатленный в памяти дом, и мое детство — изощренная ложь. Важно было приехать сюда и убедиться. И главное, чтобы при этом рядом была Кора.

— Конечно, я помню улицу и дом. Но они не в этом городе. Улицы другие, и дома другие, и люди... А все, что я вижу вокруг, — я этого не помню. Я никогда в жизни не был в Багдаде.

Наступило молчание.

— А может, их два? — произнесла Кора.

— Два города с одним названием? Оба в Мичигане, оба в нескольких милях к северо-востоку от Эсканобы по одной дороге? Причем дорогу я помню, все сходится. Все до края поселка. Потом... словно вживили что-то чужеродное. В географии или в памяти — не знаю...

— А твои родители, Дон? Если их здесь нет...

Они по-прежнему стояли у меня перед глазами, но не близкие, а будто с киноэкрана или страницы книги. Мама и папа. Милейшие люди.

Я больше не хотел думать о родителях.

— Ты нормально себя чувствуешь?

— Нет, но... — Я понял, что в каком-то отношении мне сейчас даже лучше, чем там, во Флориде, без единого облачка на горизонте. — Вернешься со мной во Флориду?

Кора хихикнула — видимо, от облегчения, что я держу себя в руках.

— Да уж. Честно говоря, не хочется остаток отпуска проводить здесь.

Я выехал на знакомое шоссе. Прощай, Багдад, вор моей юности.

Глава 3

Закат и вечерняя звезда, горизонт, увенчанный гирляндой увядших роз...

Нам повезло с рейсом на Детройт и недолго пришлось ждать самолета до Майами. Кора попросила меня сесть у иллюминатора, и я наблюдал, как чернильную тьму прокалывают светящиеся колодцы звезд.

— Ты не собираешься обратиться к помощи, когда мы вернемся?

— К чьей помощи? — спросил я, уже догадываясь. — И по какому поводу? — догадываясь и об этом.

— Тебе нужен врач, разумеется. Специалист по подобным вопросам.

— Думаешь, я сумасшедший?

— Нет. Но мы оба знаем, что-то у тебя определенно не в порядке. Если автомобиль бараблит, его показывают механику.

— А если правый глаз обманет тебя?

— В роль Эдипа можешь не входить. Я говорю о психиатре, а не о психоанализе. Предположим, какое-то повреждение органического характера... Куда-нибудь давит осколок кости — последствие твоего несчастного случая — или что-нибудь в этом роде.

Я долго молчал. Ничего лучшего в голову не приходило, однако...

— Просто душа не лежит, — признался я.

— «И остается лишь разгладить эту прекрасную пустоту», — почти что с горечью сказала Кора.

— Что?

— «Тихая Лета — моя обитель. Я никогда, никогда не вернусь домой!» Сильвия Плант, из поэмы об амнезии. Предпочитаешь жить без памяти?

— За цитатой у преподавателя литературы дело не станет, — пробормотал я, но последняя ее фраза мне не понравилась.

Нельзя попросту забыть о поездке в Мичиган и вновь соскользнуть в счастливое неведение, сказал я себе. Нет.

И тут же опять пришло странное чувство — а может, отмахнуться от всего этого и плыть по течению, никогда, никогда, никогда не возвращаясь домой?..

Мне стало страшно.

— Ты знаешь хорошего специалиста в этой области?

— Нет. Но, безусловно, найду.

Я потянулся и тронул ее за руку. Наши глаза встретились.

— Хорошо, — сказал я.

Кроме плавучего дома у меня на Флориде-Кис есть собственная квартира. Но мы остановились в гостинице в Майами, где выбор врачей значительно шире. Кора сразу же села за телефон и разыскала приятеля одного знакомого, каким-то образом связанного с администрацией медицинского института. По ее теории, надо обращаться к тому специалисту, к которому приходят с собственными проблемами другие врачи. Через несколько часов после нашего приезда я был записан на прием к психиатру, доктору Ралфу Даггетту, на следующее утро.

Словно готовясь к предстоящему испытанию, мое подсознание услужливо высыпало калейдоскоп снов. Из-за бензоколонки в какой-то дикой глупости выглянул Малыш Уилли Мэтьюс, предупредил меня, что следующий полет в самолете добром не кончится, и превратился в медведя. Кора, раздевшись, чтобы легче было залезть в мой домашний компьютер и починить его, объявила, что на самом деле она — моя мать. А когда я — во сне, разумеется, — пришел в кабинет психиатра, в засаде за столом меня поджидало толстое черное чудище.

Настоящий психиатр, с которым я встретился, в подобающее время проснувшись, побравившись и позавтракав, оказался вовсе не таким страшным. Доктор Даггетт

был радушным обаятельным мужчиной лет сорока, не высокого роста, скорее плотно сколоченным, чем полным, — этакий лощеный хоббит, увеличенный в размере.

Пока у нас шел ни к чему не обязывающий разговор о причинах, побудивших меня к нему обратиться, Даггетт с непроницаемым лицом профессионального картечника изучал лежащую перед на столе медицинскую анкету, которую я только что заполнил. Собственно, изучать там было нечего. Насколько мне известно, всю жизнь я был до отвращения здоров.

Доктор передал анкету медсестре для введения в компьютер, а сам уставился мне в глаза, подсвечивая маленькой лампочкой. Он поинтересовался, часто ли мучают меня головные боли, а я мог припомнить лишь недавний приступ в плавучем доме. Даггетт проверил мои рефлексы, координацию движений и артериальное давление. Наконец усадил меня на неудобный стул и развернул над спинкой и моей головой стереотактическую раму, а сестра вкатила аппарат КОГ-ЯМР (компьютеризованная осевая голограмма посредством ядерно-магнитного резонанса) для сканирования мозга. В отличие от рентгеноскопии новая методика, появившаяся в последние годы, давала голографическое изображение исследуемого органа — вне поля вашего зрения, если вы брезгливы, и на виду, если вас от этого не тошнит.

К счастью, мой психиатр оказался современных взглядов, а я — не из брезгливых. Сначала он рассматривал изображение за складным экранчиком, но по моей просьбе его убрал.

Серо-розовый цветок на толстой ножке (прежде никогда не приходилось лицезреть собственный мозг). Весьма хрупкий на вид. Вот, значит, каков я — «заколдованный ткацкий станок» по Шерингтону, где неустанно ткут сознание миллиарды клеток? Или радиостанция, материализующая душу? Или «компьютер из плоти» Минского? Или...

Как бы то ни было, Даггетт оборвал мои размышления, вынув изо рта трубку и пользуясь ею как указкой.

— В височной доле, похоже, шрам, — заявил он. — Однако аккуратный. Любопытно... Судороги случаются?

— Насколько я знаю, нет.

— Не замечали по утрам прикуса языка, самопроизвольного мочеиспускания, болей в мышцах?

— Нет.

Дагgett ткнул трубкой в изображение, и я невольно поморщился.

— Возможно, гиппокамп... — заметил он. — Повреждения в этой области могут сказываться на памяти самым невероятным образом, но... — Доктор замолчал и что-то подрегулировал в аппаратуре. — Расскажите-ка мне подробнее о вашей поездке в Мичиган... Вот! Что ж, внешне гиппокамп в порядке... Давайте, говорите.

Он продолжал измываться над изображением моего мозга, а я излагал все связанное со злополучной поездкой. Кора была рядом, чтобы подтвердить, что по крайней мере эти воспоминания — не ложные.

Наконец доктор щелкнул тумблером, и парящий в воздухе мозг исчез. Мне даже стало не по себе.

— Я бы хотел попробовать гипноз, — сказал Дагgett. — Не возражаете?

Впрочем, времени возражать он не дал — признак того, полагаю, что мой случай его заинтересовал.

— Вас раньше гипнотизировали?

— Никогда.

— Тогда давайте устроимся поудобнее.

Дагgett высвободил меня из рамы и, подведя к мягкому креслу, откинул его спинку чуть ли не до горизонтального положения. Аппаратура в кресле определила ритмы моего мозга, подстроила под некоторые из них свое собственное слабое излучение и стала постепенно наращивать мощность, вызывая в то же время тончайшие изменения. Я словно чувствовал деятельность компьютера, управлявшего этим устройством. Волны текли через меня, как вода, а потом внутри головы вспыхнул белый шум и я потерял сознание.

— Как ваше самочувствие? Надо мной нависало профессионально внимательное лицо доктора Даггетта. Рядом, выглядывая из-за его плеча, стояла Кора.

— Полагаю, неплохо, — отозвался я, промаргиваясь и потягиваясь. Мне казалось, что я спал очень долго и при этом видел сны — из тех, что немедленно бледнеют и ускользают, когда пытаешься их осознать.

— Что вы помните о Багдаде? — спросил Дагgett.

У меня все еще сохранялось два набора воспоминаний: город, который я действительно видел, и уже изрядно потускневший, будто призрачный Багдад, какой

якобы я запомнил с детства. И теперь за почти неосязаемой пеленой ощущалась некая другая реальность, какие-то движущиеся за занавесью тени. Какие — пока я определить не мог. И сказал об этом доктору.

Он задал мне несколько простых вопросов — какой нынче год и тому подобное, чтобы убедиться, что я более или менее ориентируюсь в происходящем (по крайней мере, не хуже, чем до начала сеанса). При каждом моем ответе Дагgett кивал.

— Сколько же вы действительно живете во Флориде?

Тени за занавесью всколыхнулись. Что-то очень важное показалось на мгновение и тут же растаяло.

Я покачал головой.

— Не уверен... Несколько лет точно. Что со мной происходит?

— Во-первых, — начал Дагgett и замолчал. — В анкете вы указали, что травм головного мозга у вас не было.

Шрамы... Конечно. И хотя для меня они почему-то связывались с какими-то иными обстоятельствами, очевидно, логично и неизбежно предположение, что, раз они есть, получил я их в какой-то передряге.

— Итог сканирования совершенно однозначен, Дон, — продолжал доктор Дагgett. — У вас был по меньшей мере один серьезный перелом основания черепа. Может, все же припомните?

Почти осязаемые видения пришли — и растворились. И больше не приходили. Я снова покачал головой. Теперь я, во всяком случае, знал, что в моем прошлом что-то скрыто, — уже немалое достижение.

— Из того что я видел и слышал, — продолжал он, — осмелюсь сделать вывод, что бытые травмы — не единственная ваша беда. И даже не самая большая. Вполне вероятно, что они вообще не играют сколько-нибудь серьезной роли в этиологии вашего состояния. Налицо признаки умышленного воздействия на вас гипнозом; возможно, в сочетании с наркотиками.

«Зачем?» — спросил я себя. Все этоказалось просто диким. Вначале я даже не поверил. Но Дагgett показал мне распечатку. Перед моим пробуждением он пропустил результаты обследования через терминал своего компьютера, соединенного с большим банком диагностических данных в Атланте.

— Видите, электронный коллега согласен со мной.

Я посмотрел на Кору.

Она кусала губы и глядела на распечатку, словно на невесть откуда взявшегося покойника.

— Что все это значит? — в конце концов выдавил я.
Прежде чем ответить, Дагgett раскурил трубку.

— Я думаю, над вами кто-то поработал, — проговорил он. — Не могу сказать, была ли умышленно нанесена травма головного мозга. Но фальшивую память вам, безусловно, имплантировали.

— Кто?

— Любой мой ответ был бы на данном этапе достаточно беспочвенным предположением.

— Так предполагайте!

Дагgett слегка пожал плечами.

— Известно, что так относятся к людям некоторые правительства. Но потом эти люди, как правило, не ведут беззаботную и обеспеченную жизнь. — Он сделал паузу. — Судя по вашему говору, вы коренной уроженец Америки.

— Я тоже так думаю. Однако не из Верхнего Мичигана.

— Истинные воспоминания о том периоде пока не появились?

На миг, лишь на какой-то краткий миг, пока он говорил, мне почудилось, что я сумел что-то ухватить, почти уже держал в руках — и вдруг все. Исчезло. Капут. Истина издевательски скалилась мне из-за угла.

Я состроил зверскую гримасу — плотно сжал веки, свел брови, стиснул зубы.

— Черт побери!

На мое плечо легла рука Даггетта.

— Придет, придет в свое время. Не мучайтесь так.

Доктор отвернулся и стал чистить трубку над большой пепельницей.

— Я мог бы загипнотизировать вас глубже, — сообщил он. — Но существует опасность создания новой конструкции. Если отчаянно пытаться что-то найти, можно вызвать к жизни иную фальшивую память — для восполнения нужды. Так что на сегодня все. Приходите через три дня.

— Я не в силах ждать три дня. Завтра.

Дагgett отложил трубку и скребок.

— Лед тронулся, — сказал он. — Лучше бы некоторое время не торопиться. Дать настоящим воспоминани-

ям, если можно так выразиться, шанс, возможность проявить себя.

— Завтра, — повторил я.

— Я не хочу вмешиваться так скоро.

— Доктор, мне необходимо знать.

Он вздохнул, признавая поражение.

— Хорошо. Завтра утром. Условьтесь о встрече с моим секретарем.

Я взглянул на Кору.

— Полагаю, мне следует пойти в полицию.

Дагgett то ли фыркнул, то ли хохотнул.

— Не могу, разумеется, вам указывать, — медленно произнес он, — но позвольте заметить, что, если вы не в состоянии рассказать полиции больше, чем знаете сейчас, они лишь порекомендуют вам обратиться к врачу.

Уловка 22 не пропала даром. Секретарь Дагgetta, которая, должно быть, привыкла ко всяческому проявлению эмоций у пациентов, и глазом не моргнула, видя несоответствие между выражением моего лица и непрерывным хихиканьем. Она назначила мне время и кивнула на прощанье.

Выход — в сопровождении наряженных клоунами фурий, толвой рванувшихся мне вслед.

Реакция наступила через несколько кварталов.

— Мне страшно, Дон, — сказала Кора.

Она вела машину. Я сидел, понуро свесив голову, и вызывал демонов, чтобы с ними бороться. Тщетно — те не обращали на меня внимания.

— Мне тоже.

И это была правда, хотя и не вся. Кора, судя по ее поведению, была напугана сильнее меня. Я же глубоко внутри стал испытывать чувство, от которого совсем отвык. Отвык настолько, что первые его прикосновения казались почти незнакомыми.

Это была злость.

Ангелы? Может быть, я мертв и нахожусь в раю? Нет. Мелодичные звуки не напоминали струнное пение арф, да и не должна бесплотная душа чувствовать кислый привкус во рту.

Я простонал и вернулся на бренную землю, к тренькающему телефону — забыл поставить его в режим записи, когда, ложась спать, еще надеялся на возвращение демонов. Если они и являлись, то конечный счет был примерно таким: демоны — 6, Белпатри — 0.

Часы показали 8.32 и повели отсчет дальше. Я ответил на звонок.

Знакомый голос. А, секретарь Даггетта... Но что-то определенно стряслось.

— ...вынуждены отменить вашу встречу, — говорила она. — Доктор Даггетт ночью скончался.

— Что?!

— Доктор Даггетт скончался. Мы... я обнаружила его в кабинете утром, когда пришла. Сердечный приступ.

— Неожиданно?..

— Совершенно неожиданно. Он никогда не жаловался на сердце.

— Допоздна работал?

— Изучал истории болезни некоторых пациентов. Прослушивал записи...

Больше она, по сути, ничего не знала. Разумеется, я не мог отрешиться от мысли, что именно мои записи прослушивал он перед смертью.

Я встал, умылся, оделся и подготовил кофе. Кора с благодарностью приняла его и бросила на меня вопросительный взгляд. Я рассказал все, что только что узнал.

— Это дело дурно пахнет, — проговорила Кора после паузы. — Что... как... Черт побери! Начинать сначала с другим врачом? Или, быть может, попытаться заглянуть в твою историю болезни?

Я покачал головой.

— Сегодня это точно не получится... А другой врач лишь повторит то, что сделал вчера Даггетт, — зачем? Даггетт ведь предупредил, что воспоминания скоро вернутся. Мне кажется, он прав, поэтому лучше подождать. Я уже чувствую себя иначе, будто в моей голове что-то приходит в порядок, проясняется.

— Но, черт побери, мы были так близко — к чему-то! Просто невероятное совпадение! Может, стоит обратиться в полицию? Рассказать им все, и пусть проверят...

— Слухи и догадки, — перебил я. — К тому же исходящие от предполагаемого душевнобольного. Даже

если они отнесутся серьезно, за что ухватиться? Сердечный приступ — это не удар тупым орудием. Для полиции у нас ничего нет. Как и у них для нас.

Кора сделала глоток кофе, опустила чашку на прикроватную тумбочку.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Вернуться в Ки-Уэст. Послезавтра в банк должен поступить следующий платеж. Мы можем позволить себе успокоиться и ждать результатов лечения.

— Успокоиться? — переспросила на, сбросила ноги с постели и встала. — Как это возможно, зная то, что мы узнали?

— А что же еще делать?

— Когда уляжется шум, постараться заглянуть в твою медицинскую карту. Дагgett мог записать туда больше, чем сказал нам.

— Навести справки можно по телефону через несколько дней, уже из дома. Приводи себя в порядок и пойдем завтракать — если ты не предпочитаешь поесть здесь. Потом складываем вещи и уезжаем.

— Нет, — сказала Кора, решительно откинув назад волосы. — То есть да — завтраку, и нет — «уезжаем».

— Что ж, одевайся. Остальное обсудим за завтраком.

Сошлись на компромиссе: мы задерживаемся здесь, ночуем, днем пытаемся добраться до моей истории болезни и, если ничего не получится, утром уезжаем.

Ничего не получилось.

Я хочу сказать, что приемная Даггетта была закрыта. Справочная не могла или не хотела связать нас с его родственниками. Разыскать его секретаря я не сумел. В конце концов нашел медсестру, и она сообщила, что то, что мне нужно, получить немедленно я не смогу. Архивы носят весьма деликатный характер; они опечатываются в случае кончины психиатра и выдаются лишь по решению суда или запросу нового лечащего врача. Ей очень жаль, но...

Ничего не получилось.

— Давай обратимся в суд, — предложила Кора.

— Нет, — ответил я. — Не надо вмешивать посторонних. Я сдержал свое обещание — мы ждали, мы пытались. Завтра уезжаем.

- Так и не узнав?
- Все придет. Я чувствую.
- Ты и Багдад «чувствовал».
- Иначе.
- Вот как?

Тяжелый был вечер. Вдобавок ко всему снова вернулись демоны, прихватив с собою запас кошмаров. К счастью, большинство из них с первыми лучами солнца бесследно исчезли. За исключением сценки последнего танца войны вокруг бензоколонки «Ангро энерджи» с участием всевозможных ужасов; и земля разверзлась под ногами, когда какой-то толстяк пылающим топором разрубил гигантскую голограмму моего мозга... Словом, были все те маленькие прелести, которые превращают сон в захватывающее приключение.

Кора не очень радовалась нашему отъезду, но я выполнил свои обязательства, и она сдержала обещание. Почти всю дорогу нас преследовал моросящий дождь. Патетично — природа будто прониклась нашими чувствами. Мы оба были далеко не в блестящем настроении, когда приехали домой.

И едва пришли в себя, как Кора вновь завела разговор об адвокатах. Нет ли у меня надежного юриста, способного заняться этим делом?

— Нет, — солгал я, потому что был уверен, что Ралф Даттон, с которым я иногда встречался, не отказал бы мне в просьбе. Просто не хотелось идти этим путем, и поперек горла стояли подобные разговоры.

А она не унималась. Я вновь почувствовал злость, на сей раз направленную на Кору, но боялся дать ей выход. Я сказал Коре, что устал, что у меня опять разболелась голова и что мне нужно побывать одному. Я извинился и вышел на улицу.

Прогулка привела меня в бар, куда я изредка заглядывал, возле старого дома Эрнеста Хемингуэя. Неужели Хемингуэй в самом деле утащил отсюда писсуар и сделал из него дома поилку для своих котов?

Я потягивал пиво, когда ко мне подошел Джек Мэйс. Рослый, веснушчатый, вечно улыбающийся; песочные волосы, выгоревшие до белизны... Он имел вид неунывающего школьника и с первой же встречи производил на многих неотразимое впечатление. Пожалуй, более несерьезного человека я не встречал. Он часто влипал во

всякие неприятности, хотя, в сущности, ничего порочного в нем не было. По натуре Джэк был искателем удовольствий и, подобно мне, каждый месяц получал вклад на текущий счет. Только он знал, откуда приходят деньги. Ему их переводили родители — за то, чтобы он не возвращался в Филадельфию.

Мы с ним всегда прекрасно ладили, возможно, потому, что Джек находил между нами много общего — если вообще об этом задумывался. В тех редких случаях, когда я выбирался в свет, я приветствовал его общество. Джек, не теряя головы, мог выпить гораздо больше меня и присматривал за мной, вытаскивая из щекотливых ситуаций.

— Дон! — Он хлопнул меня по плечу и сел на соседний стул. — Сколько лет, сколько зим! Куда ты пропал?

— Немного попутешествовал. А как у тебя?

— Слишком хорошо, чтобы хотелось уезжать. — Джек ударил по стойке. — Эй, Джордж, принеси-ка кружку!.. Ко мне тут приились две крошки, — продолжил он. — Заходи попозже. Тебе это пойдет на пользу.

Мы пили пиво и болтали. Я ничего не рассказывал — он не из тех, с кем делятся неприятностями. Зато в пустопорожних разговорах ему не было равных, и меня это вполне устраивало. Мы обсудили общих знакомых, прелести рыбалки — порой выбирались вместе, — политику, кино, спорт, секс, питание, а потом пошли по второму кругу. Господи, какое же это облегчение — не думать о том, что тревожит больше всего!

Не успел я опомниться, как уже стемнело. К тому времени мы успели поесть — даже не скажу где — и посидели в другом заведении. В голове у меня все плыло, но Джек выглядел свежим как огурчик и беспрерывно трепался, пока мы не дошли до его дома.

Потом он знакомил меня с девушками, включал музыку, готовил коктейли, снова готовил коктейли... Мы потанцевали. Немного погодя я заметил, что он и высокая — Лаура — куда-то исчезли, а я сижу на диване с Мэри, обнимая ее за плечи, со стаканом на коленях, и второй раз выслушиваю историю ее развода. Периодически я кивал и время от времени целовал Мэри в шею. Не думаю, что это отвлекало ее от захватывающего рассказа.

Еще немного погодя мы каким-то образом оказались в одной из спален. Позже я на несколько секунд выплыл

из забытья, смутно припоминая, что девушка осталась мною недовольна, и никого рядом с собой не обнаружил. И снова заснул.

Наутро я чувствовал себя больным и разбитым и потащился за исцелением в ванную, оснащенную Джеком лучше любой аптеки. Пока я глотал попадавшиеся под руку витамины, желудочные, болеутоляющие и успокаительные средства, магическая занавесь в моем сознании колыхнулась, неожиданно пропустив вперед какие-то картины. Я даже не сразу понял какие. А когда понял, застыл — прямо в процессе полоскания рта, — испугавшись захлебнуться.

Из прихожей донесся шум. Я выплюнул пахнущую мятым жидкость, сполоснул раковину и вышел.

Это был Джек, в желто-оранжевом пляжном полотенце направляющийся в туалет.

— Джек! Я работал в «Ангро энерджи»!

Он поднял мутные глаза, пробормотав: «Прими мои соболезнования» — и исчез в туалете. Интеллектуал, сразу видно...

Я направился на кухню и, пока варился кофе, оделся и выпил апельсинового сока вместе с сырьим яйцом. А потом с чашкой кофе вышел на балкон.

Солнце висело в нескольких метрах над горизонтом, но утро было прохладным. Лицо обдувал влажный солнечный ветер. В кустарнике по обеим сторонам дома перекликались птицы.

При мысли о Коре мне становилось стыдно, но в целом я чувствовал себя лучше, чем когда-либо. Я вспоминал, и это отодвигало все остальное на второй план.

Да, я работал на «Ангро». Не охранником, не бурильщиком, вообще не в поле. Не на разведывательной станции. Чуть не сказал себе «ничего технического», но что-то меня остановило. Это было бы неправдой.

Я сделал еще глоток кофе. Возможно, переработка информации? Я определенно разбирался в компьютерах...

Где-то в управлеченческом аппарате или в лаборатории... Да, в какой-то лаборатории, точно.

Затем, на миг, мне явилось видение — то ли воспоминание, то ли воображение, то ли смесь того и другого: дверь, дверь со старомодным матовым стеклом. Она как раз закрылась перед самым моим носом, показав черные буквы — «ВИТКИ·ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ».

Разумеется, дроссели индуктивности еще нужны в некоторых устройствах типа реле, их не заменили процессоры и микропроцессоры...

Как насчет такой версии: несчастный случай в лаборатории? В результате — шрамы, черепная травма, затем имплантация ложной памяти, покрывающей значительный период моей жизни; шаг, возможно, необходимый для сокрытия вины определенных руководителей компании. И пенсия — чтобы я сидел тихо и не лез на рожон.

Однако очень многие попадают в того или иного рода происшествия, а о столь экзотических последствиях я что-то не слышал. Крупные фирмы могут позволить себе уладить все честь по чести; и делают так.

Нет, неубедительная версия. Но я чувствовал, что главное еще впереди.

Я допил кофе и поднялся, поставив чашку на перила. Пора просить прощения у Коры. По крайней мере я принесу ей добрые вести.

Я вошел в дом и позвал:

— Кора?

Тишина. Что ж, понятно: дуется. Я ведь просто сказал, что иду гулять, и она, вероятно, беспокоилась.

На душе у меня стало совсем муторно, и я сразу решил сделать ей что-нибудь приятное — обед, цветы и...

— Кора?

И во второй комнате пусто. Неужели она так разозлилась, что переехала в гостиницу?

«ВАС ОЖИДАЕТ ПОСЛАНИЕ» — светилась надпись на экране телефона-компьютера, как всякий раз, когда кто-нибудь звонил или, уходя, оставлял записку. В желудке возник ледяной ком, во рту прорезался привкус кофе.

Я пересек комнату, коснулся клавиши, и экран показал:

«ДОН ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СКЛАДЫВАЮТСЯ ТАК ЧТО МНЕ ПОРА ЕХАТЬ. У НАС БЫЛ ЧУДЕСНЫЙ ЛЕТНИЙ РОМАН, НО ДУМАЮ НЕ СЛЕДУЕТ ПРИДАВАТЬ ЕМУ ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ. ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ В МОЕЙ ПАМЯТИ. КОРА».

Я осмотрел весь дом и удостоверился, что ее вещей нет. Потом вернулся и сел у экрана. Конечно, по дисп-

лею не проверишь почерк и роспись не сличишь. Но преподаватель языка, который так соблюдает пунктуацию...

Я был почти удивлен собственной реакцией. Не отчаяние, не грусть, не истерия, не страх. Нечто совершенное иное.

Во рту, однако, пересохло. Я открыл холодильник, достал пиво, вырвал крышечку и в несколько глотков осушил всю банку.

Рука дрожала — похмелье плюс волна нахлынувшего адреналина. Адреналина — от ярости, не от испуга. Я почти забыл, что такое ярость.

Пальцы слушались меня идеально. А почему, собственно, нет? И все же где-то глубоко внутри это казалось странным... Позже, позже... Об этом будем думать позже... Я смотрел, как жестянка хрупким цветком сминается в кулаке.

Физическое напряжение будто очистило путь для другого — не только для логики и здравого смысла...

Всматриваясь в экран, я попытался почувствовать на клавиатуре пальцы Коры, вводящие это послание. Время поступления информации на центральный процессор...

Сознательно я не отдавал себе отчета в своих действиях. Но на более глубоком уровне знал, что заглядываю в компьютер, воспринимаю его электрическую жизнь — чувство сродни той полудремотной эмпатии, которую я недавно испытал к электронному навигатору плавучего дома.

Потрясение от открытия или, вернее, повторного открытия такой силы внутри меня отступило на задний план перед иной, необоримой нуждой. Я не мог найти пальцев Коры. Здесь были чужие пальцы...

Пришло время думать. Адреналин тут плохой помощник, и даже мой вновь обретенный талант оказывался бессильным. Я проклинал нашу ссору, ругал себя за то, что оставил Кору одну, беззащитной перед нападением, перед похитителями. Я вернулся в Ки-Уэст, как на родную землю, в мой дом — мою крепость, где можно стоять насмерть — вовсе не из-за денег (как я пытался уверить Кору), которые должны сегодня поступить в банк...

Банк.

Перед глазами, как во вспышке, вновь предстала захлопывающаяся дверь со старомодным матовым стеклом. То, что много лет назад я тайно обозначил, — только

для себя, мысленно! — язык моего сна, моего подсознания назвал — «ВИТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ»
Банк.

Я вышел из дома, сел в машину и подъехал к банку, встав на площадке в тени кокосовой пальмы. Я взглянул на часы. Деньги должны поступить в полдень — в виде электрических импульсов по оптоволоконным кабелям, что тянутся под теми же длинными мостами, по которым несутся легковушки и грузовики.

В машине было жарко и душно. Не выключая мотора и кондиционера (никто не смотрел на это косо теперь, когда мир так стремительно завоевала солнечная энергия — и «Ангро энерджи»), я откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

Компьютер в банке был целым городом по сравнению с крохотным электронным форпостом у меня дома. Но городом, выстроенным логически, с четко обозначенными проспектами.

С каждым часом, с каждой минутой ко мне возвращалась память. Мысленно я потянулся к банковскому компьютеру. Начался «эффект витков».

Глава 4

Кликлик, и вперед, в волшебный город света и тьмы... Реки холодных электронных огней, огибающие геометрически правильные острова, текущие под мостами, останавливающиеся перед плотинами, тихо струящиеся здесь, с ревом несущиеся там... Огоньки, перемигивающиеся, как на дисплее пинбола... Грохот, шорох...

Я пробрался к оазису спокойствия, откуда открывалась вся картина, где-то окуная палец, где-то касаясь пилона, чтобы чувствовать эхо пульсирующей информации. Врата открывались и закрывались, нейтральные сигналы проносились мимо товарными поездами... Не то, не то, не то...

Время приостановилось. Да и в любом случае — Боже, до чего приятно вернуться... Я мог ждать. Казалось, что, если бы мое тело сейчас умерло, я продолжил бы существование в окружающей громадной машине. Кликлик...

Замедли, останови, увеличь, расширь.

Да.

Вот, поймал. Цепочка-символ с ежемесячной стипендией: 11111010000000, с моим именем. Я проследил ее до своего счета. Немедленное уведомление о получении, с тем же кодом, возникло, словно феникс, из электрически потрескивающего гнезда, стремглав помчалось в силовую линию, по которой прибыли мои деньги...

Я пометил его, ухватил, последовал за своим именем. Вдоль цепи кабельных трасс, подвешенных (отметил я на другом уровне сознания) на опорах, от острова к острову, по медным и оптоволоконным проводни-

кам, змеящимся по каналам, к расчетной палате Майами, через другой, еще более крупный город огней и дальше вперед, вниз, вверх, вокруг, насквозь, от терминала к терминалу: Атланта, Нью-Йорк, Нью-Джерси и затем...

Нью-Джерси, правление «Ангро энерджи».

Да, разумеется. Но я должен был убедиться.

Я нырнул. И выплыл на фондовой бирже, омываемый успокаивающими ритмами прогнозов цен на пшеницу. Память возвращалась...

Эль-Пасо. Мне семь лет. Я сижу на полу в торговом центре, где работают мои родители. И, как другие дети с игрушками, беседую со старым, модели 1975 года компьютером, отключенным от информационной сети на ремонт, но работающим в режиме проверки. «Что с тобой? — спрашиваю я. — Почему ты сбиваешься?» Затем в моей голове вспыхивают разряды, и я ввинчиваюсь в город огней; только где-то их нет. Здесь, здесь, здесь — и здесь!.. Так я впервые скользнул в компьютер. Я...

Напомнил о себе другой мир — более медленный, менее яркий. Я смутно осознавал, что кто-то стоит у моей машины на стоянке возле банка, смотрит на меня. Я не хотел возвращаться, но увы... Пришлось стряхнуть с себя видение, скользнуть назад в свою голову, посмотреть на назойливого прохожего.

В белом брючном костюме, невысокого роста, темноволосая, довольно хорошенская, с восточными чертами лица. Она не сводила с меня глаз.

Я чувствовал, что должен ее знать.

Я опустил стекло.

— Как твои дела, Дон? Ты неважно выглядишь.

Энн. Энн Стронг. Я не помнил ничего, кроме этого, но именем-то можно воспользоваться.

— Мне давно уже не было так хорошо. Что ты здесь делаешь, Энн?

— Меня ты по крайней мере помнишь, — сказала она. — А я уж стала сомневаться.

— На мне пока рано ставить крест, — с улыбкой заметил я и выпалил еще кое-что: — Любишь цветы?

— Их так много, и все такие красивые, — ответила девушка. — Такие чистые... краски.

Что-то в ней... особенное. Не «краски» она хотела сказать, другое слово, я чувствовал. У нее действительно было особое отношение к цветам, но...

— Ты давно в городе?

— Нет. — Она чуть качнула головой. — Тебе здесь нравится?

— Я постепенно привязался к нему.

— Понимаю. Но неужели же нет ничего увлекательнее, чем сидеть в машине на стоянке возле банка?

— Ожидая откупных денег от «Ангро», — бросил я — отчасти наугад, прощупывая, а частично потому, что уже начал подозревать связь.

Энн нахмурилась, поджала губы, поцокала, медленно качая головой.

— Кнутом и пряником. Старое правило.

— Ну, я-то кнутом не ограничусь.

— Откуда такая злоба, Дон?

— Почему ты здесь?

— Приехала в банк получить по чеку и увидела знакомое лицо.

— Ладно. Тебя подбросить куда-нибудь?

— Я собиралась перекусить.

— Есть одно приличное mestечко. Залазь.

Она села в машину, и мы выехали на дорогу, повернув налево.

— Отдыхаешь, значит, — заметил я.

— Вроде того.

Что-то с ней... В голове зазвенели, предупреждая, колокольчики. Словно я уже нащупал причину, но та упрямо от меня ускользала.

Неважно, решил я. По крайней мере — не жизненно важно. В пропаже части моей биографии и в исчезновении Коры из-за ее связи со мной виновата «Ангро энержи». Мне так казалось.

Я собирался отправиться в Нью-Джерси и поднять там большой шум. Я собирался отыскать людей, которые пока лишь темными силуэтами маячили в затуманенной памяти.

Их имена вспомняются, вспомнятся их лица. Я найду их. Я заставлю их говорить. Они вернут мне Кору, иначе я... что-нибудь сделаю. Что-нибудь разоблачающее или

отчаянное. Или и то, и другое. Выбора у меня больше не оставалось.

Я въехал на стоянку возле небольшого кафе, куда иногда заглядывал. Сейчас, в необеденное время, там вряд ли будет многолюдно.

Мы вышли из машины, и я чуть не взял Энн за руку. Внезапно налетел запах гиацинтов.

Мы сели за маленький угловой столик, я вдруг ощутил зверский голод. Зеленый суп, салат, побольше мяса, охлажденный чай, пирог — я заказал все. Энн взяла салат и чай.

Теперь я был совершенно уверен, что знал ее, когда работал в «Ангро». Но в каком качестве? Хоть убей, не помню.

— Хорошо, что ты здесь счастлив, — помолчав, произнесла Энн.

— Бывали времена посчастливее.

— Вот как? — Ее глаза расширились, к щекам, показалось, прилила кровь. Но только на миг. Тут же лицо Энн застыло. — Ничего, еще вернутся твои радости. Все придет.

Мне почудился аромат роз.

— Кто знает?

Она перевела взгляд на тарелку, подцепила вилкой листок салата.

— Кое в чем можно не сомневаться.

— Например? — отозвался я.

— Сотрудничество с властями предержащими приносит предсказуемые результаты.

— В наши дни не поймешь даже, с чего начинать.

— Ты испытываешь беспокойство.

— Да.

— А говоришь, что тебе здесь нравится.

— Верно. Но скоро я уеду.

Ее глаза встретились с моими.

— Так не начинают, — сказала она.

— Тебе известен лучший путь?

— Любой путь, который не связан с необдуманными поступками, лучше.

— С удовольствием показал бы тебе окрестности, — заметил я, — но скоро самолет. В Нью-Джерси.

Я внимательно следил за ее лицом, надеясь уловить реакцию. В воздухе расплылся запах жасмина.

А выражение лица нисколько не изменилось, когда она сказала:

— Не глупи, Дон. Это как раз и есть необдуманный поступок.

— Что же посоветуешь делать? — спросил я ее.

— Ступай домой. Никуда не уезжай. Рано или поздно с тобой свяжутся...

— Хорошо, давай напрямую! Тебе известно больше, чем мне. Где она?

Энн покачала головой.

— Понятия не имею.

— Ты знаешь, что происходит.

— Я знаю только, что ты вспоминаешь вещи, которые лучше не вспоминать.

— Сделанного не вернешь. А я не собираюсь торчать дома и ждать, пока зазвонит телефон.

Она положила вилку на тарелку, достала платочек и промокнула губы.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты пострадал.

— Мне бы тоже, — сказал я.

— Не лети в Нью-Джерси. С тобой произойдет что-то ужасное.

— Что?

— Не знаю.

Я издал горловой звук, и Энн торопливо вскочила.

— Извини.

Я сразу же поднялся и пошел за ней. Но она сделала несколько шагов и исчезла в туалете, а я в нерешительности остановился.

Мимо проходила наша официантка с кофе

— У женского туалета есть второй выход?

— Нет, — ответила она.

— Окна?

Она покачала головой.

— Четыре зеленые стены.

— Спасибо.

Я вернулся за столик и доел пирог. Выпил охлажденный чай, затем попросил кофе.

В туалет зашла седая женщина. Когда чуть погодя она выходила, я к ней подошел:

— Прошу прощения, там нет невысокого роста девушки с восточными чертами лица, в белом брючном костюме?

Она поглядела на меня и покачала головой.

— Нет. Никого нет.

Когда я расплачивался в кассе по счету, оставив чаевые на столике, мне почудился голос Энн:

— Никуда не уезжай. Думаешь, сейчас у тебя неприятности? По крайней мере ты жив! Сиди дома, не дразни собак.

Я огляделся по сторонам, но Энн нигде не было. И все-таки я почти физически ощущал ее присутствие.

— Неудачно, — пробормотал я. — Ты что — омрачила мне рассудок?

Ее смех смешался с ароматом цветов.

Глава 5

Дома я переоделся, закинул в сумку бритву и кое-какие мелочи и, наведя через компьютер справки о расписании полетов, убедился, что новых посланий для меня нет. Я запер дверь, вновь сел за руль и направился к аэропорту. Призрачный голос Энн больше меня не преследовал, хотя я со страхом ожидал увидеть ее буквально за каждым поворотом.

Долгий полет — это как раз то, что нужно, если вы хотите хорошоенько все обдумать.

Я припарковал машину, нырнул в здание аэропорта и зарегистрировался у стойки, где мне дали талон на посадку. Оставалось еще немного времени, и я, взяв чашку кофе, прошел в зал ожидания. Впервые с самого раннего утра на меня ничего не давило, можно было расслабиться. Я уселся в кресло и отхлебнул горячей жидкости.

Кликлик?..

Расслабиться...

Кликлик.

Я смыжал веки и почувствовал вокруг себя пульсирующую сеть электронной активности, практически вездесущей в наши дни и все же сосредоточенной в большей степени в определенных местах. Например, в аэропорту, с его обилием перерабатывающих информацию устройств.

«Привет, — сказал я. — Ты успокаиваешь и не жиши».

Мой мозг массировали проходящие волны. Я ни о чем не думал. Я не ввинчивался и не считывал...

Через несколько минут я вынырнул из потока, сделал глоток кофе и стал смотреть в окно на подкатываю-

щий по полосе самолет. Мне было гораздо лучше. После аптечки Джека и хорошего завтрака все следы похмелья улетучились. Голова работала так ясно, как не работала целую вечность. Несмотря на предупреждение Энн, я даже поверил в успех своей миссии.

Мне ведь была нужна только Кора. Ее исчезновение, пожалуй, могло быть вызвано лишь недовольством неведомых лиц тем, что я обретаю память. Им требовалась управа на меня — на случай, если я вспомню что-либо опасное. И я с радостью пообещаю держать рот на замке, если только Кору отпустят.

Каким образом им стало известно, что я вспомнил нечто запретное?

Ну, во-первых, Багдад. Возможно, за мной вели наблюдение. Или, возможно, на некоем пульте вспыхнула красная лампочка, когда я купил билет в Мичиган; или когда врач-психиатр затребовал на меня данные через крупный медицинский компьютер. А может, мой плавучий дом и квартира прослушивались. Или... Да все, что угодно! Собственно, неважно, что именно вызвало сигнал тревоги. Главное, они заподозрили, что я вспомнил что-то для них крайне нежелательное.

Что?

Я напрягся. Компьютеры, компьютеры, компьютеры... Нет, пока чересчур туманно.

Кора нужна им для оказания давления на меня, и теперь для контригры мне необходимы эти воспоминания — вдруг моего обещания окажется недостаточно? Я надеялся, что по пути память вернется. А если нет, придется блефовать. Они напуганы — иначе бы не пошли на риск. Это может оказаться мне на руку.

Даже тогда я не очень беспокоился о своей личной безопасности. В конце концов, желай они того, меня давно бы уже убили. А они, напротив, выбрали более сложную альтернативу, лишь стерев у меня определенные воспоминания.

Самолет остановился, прилетевшие пассажиры вышли. Через несколько минут багаж был выгружен, салоны убраны, баки заполнены горючим. Работник аэропорта объявил, что можно пройти на посадку.

Я недоверчиво потер глаза. Что-то с этим работником было определенно не в порядке.

Кожа его позеленела, над нижней губой нависли два длинных изогнутых клыка. Что это — шутка, розыгрыш? Другие пассажиры, не обращая никакого внимания, пошли к выходу. Я взял сумку сделал то же самое. Если их это не беспокоит...

Все же я, наверное, смотрел на него необычно, потому что, проверяя билет, он мне улыбнулся — поистине жуткое зрелище. Я проследовал дальше, качая головой.

И замер, выйдя из здания. Самолет исчез. На его месте стоял огромный старомодный катафалк. Темная деревянная карета с черными шторами была запряжена рослыми черными конями с траурным пломажем на головах. Из моего горла вырвался сдавленный звук.

Меня оттирали локтями и шли на посадку. Кони фыркали и били копытами. Я повернулся, не в силах идти вперед. Я знал, что умру, если...

Кликлик?..

Я закрыл глаза, отрешаясь от кошмарной картины. В окружившем меня электрическом городе огней царили логика и здравый смысл. Моя защита от дурных видений.

На миг окунуться в волны для восстановления сил...

Я опустил голову и вновь открыл глаза. Надежный бетон, исчерченный желтыми линиями.

Иди по желтой бетонной дорожке...

Я пошел. Я наткнулся на женщину и извинился, при этом подняв взгляд.

Мы находились у подножия трапа, но видение не изменилось — передо мной стоял роскошный катафалк.

Я начал узнавать правду о себе, и теперь меня не двусмысленно предупреждали.

По-моему, я повернулся, уже готовый искать иные средства путешествия. Но тут подумал о Коре, о причине, толкнувшей меня на полет, о причине, по которой я должен взойти на борт во что бы то ни стало.

Плотно зажмурив глаза, я положил руку на перила и одну за другой стал преодолевать ступени. Взобравшись наверх, я услышал удивленный женский голос:

— Вам плохо?

— Да, — ответил я. — У меня непреодолимый страх перед полетами. Пожалуйста, проводите меня до места.

— Разумеется.

Меня взяли за руку, повели за собой. Я дважды приоткрыл глаза в надежде быстро сориентироваться.

Салон, зловеще освещенный свечами, был наполнен ухмыляющимися вампирами и чудовищами. Я не смел взглянуть на свою проводницу, страшась увидеть богоиню смерти и осознать, что мне конец.

Я нашел под ногами место для сумки. На ощупь все казалось нормальным. Так или иначе, мое осязание затронуто не было. Я отыскал концы ремня и защелкнул их на животе. Не глядя — не сомневаюсь, что увидел бы змею. Но знать и видеть — совсем разные вещи. Приоткрывая глаза, я представлял, на что будет походить салон. Но само по себе знание на несколько степеней менее тошнотворно, чем непосредственное ощущение. Успокаивала мысль, что у меня не совсем нормальное состояние — в конце концов, вмешательство психиатра растревожило самые недра моего сознания...

«Да, придерживайся этого, — решил я, — таким образом, все сводится к здоровью. Пока ты еще не тронулся...»

Тронулся?.. Мы тронулись с места. С одной стороны, я понимал, что самолет поворачивает, двигаясь по взлетной полосе. С другой — я слышал зычное ржание и цокот копыт. Фургон болтало, колесные оси скрипели.

Кликлик.

Да, опять. Нырок в плавное течение работающих вокруг систем — более простых, чем в аэропорту, всего лишь несколько огоньков рациональной структуры. Но я держался их и плыл, будто войдя в транс, вновь и вновь циркулируя в каждом функциональном уровне.

Я двигался по морю тьмы в собственном мирке света и целую вечность, пока по динамикам не объявили посадку в Майами, не обращал ни на что внимания. Я прекрасно понимал произнесенные слова, но в то же время слышал и другое: траурный перезвон бронзового колокола и мрачный голос, извещающий, что Дональд Беллатри сейчас будет брошен в геенну огненную и останется там, пока плоть не слезет с костей. Я едва не закричал тогда, но прикусил губу и до боли, до хруста в суставах сжал кулаки.

Мы приземлились, и, когда самолет замер, подсознание тут же оставило меня в покое — устроило перекур? просто сдалось после благополучного прибытия?.. Я открыл глаза и увидел обычных людей, отстегивающих

посадочные ремни и собирающих вещи. Все тщательно избегали моего взгляда. На выходе я снова поблагодарил стюардессу и, живой и невредимый, добрался до здания вокзала.

Там нашел свою секцию, зарегистрировался, зашел в туалет, осушил у автомата два стакана холодной как лед кока-колы и занял место в зале ожидания поближе к проходу на посадку — как мог подготовился к возвращению галлюцинаций. Все это я делал чисто механически, стараясь ни о чем не думать. Но стоило мне сесть, как вновь стали одолевать неприятные мысли.

Могли ли беспокойство и тревога — естественная реакция на медицинское вмешательство и исчезновение Коры — под воздействием реальной, высказанной мне угрозы выразиться на столь ярком параноидальном уровне? Так глубоко психологию нам не преподавали, но это казалось возможным — учитывая, какие тяжелейшие стрессы я перенес.

Преподавали? Я внезапно понял, что учился в университете. Где? В Денвере?.. Вроде бы там. Однако до защиты не дошел. Почему? Снова тупик. Но осталось ощущение, что Энн как-то связана с моим университетским срывом. Да, я знаком с нею еще с тех пор.

Энн... В чем ее слабость? В чем ее сила? И тем и другим она была наделена щедро. Казалось чрезвычайно важным вспомнить... Но и здесь все было заблокировано.

Я рвался, рвался изо всех сил. Если память об Энн для меня закрыта, как насчет «Ангро»? Компания «Ангро эндржи», моя былая хозяйка... Компьютеры. И я. Но не программист, не специалист, к примеру, по системному анализу. Я работал в каком-то особом качестве — весьма особом, весьма ценном для «Ангро», — пользуясь, да, своим уникальным средством с самими машинами, их функционированием. Я был слишком важен для компании, даже когда немедленная необходимость во мне отпала. Ведь существовала возможность, что я снова понадоблюсь. И вот...

Объявление о начиナющейся через пять минут посадке ворвалось в мои мысли, перемешало их. Но все же шаг вперед сделан. Теперь бы только вспомнить какие-нибудь подробности, тех людей...

Объявление, похоже, послужило сигналом для выхода на сцену ватаги неврозов, до поры до времени при-

таившейся за кулисами. Ничего не изменилось, и все же все изменилось. Мною овладело оцепенение, жуткое, как затишье перед бурей, невесть откуда возникло ощущение неумолимо надвигавшейся трагедии. Я почувствовал, как теряю способность трезво рассуждать...

Но я уже проходил через подобное испытание и остался жив. Я поклялся взойти на борт во что бы то ни стало и обратился к единственной защите: влился в окружающие меня пульсирующие системы, проскользнул в пункт управления полетами, миновал блок вечно меняющейся кратковременной памяти, словно огромный яркий ткацкий станок, сплетающий полетную и метеоинформацию...

Объявили посадку. Когда я встал и повернулся к проходу, предъявив билет контролеру, все будто померкли и поплыло: передо мной зияла сырья темная пещера, и что-то змееобразное копошилось на ее сводах.

Цепляясь за последние крохи реальности, я прикинул, что до поворота шагов пятьдесят, закрыл глаза и, касаясь левой рукой стены, двинулся вперед, не думая ни о чем, только шагая, только считая...

Пятьдесят!

Тогда я открыл глаза, увидел, что нахожусь почти у цели, и побежал.

За поворотом меня ждал катрафалк, еще шире, еще длиннее прежнего.

— Забыл очки, — взмолился я, обращаясь к стюарду. — Совсем не вижу номеров...

Стюард был полон сочувствия, хотя, пока он провожал меня до места «13 А», оказавшегося у иллюминатора, у него появились третий глаз, оранжевая кожа и зеленые волосы.

Я пристегнулся, сунул сумку под кресло перед собой и съежился, дрожа всем телом. Бормочущие невнятные голоса по сторонам казались частью зловещего заговора, направленного против меня. Я ругался, я возносил молитвы и наконец снова влился в электронную систему самолета.

Но отвлечения неизбежны — полет долгий.

Я услышал, как стюард предложил мне что-нибудь выпить, и попросил двойной скотч, причем, протягивая деньги, умышленно не смотрел в его сторону. Однако при этом невольно глянул в иллюминатор.

Иллюминатора не было. Меня окружало открытое пространство, как я почему-то и предполагал. Внизу клубились облака. Мы сидели в длинном широком экипаже, и дьявольская упряжка черных как смоль, увенчанных кривыми рогами, изрыгающих огонь лошадей мчала нас к виднеющейся вдали вершине — я знал, это Брокен, — где мерцали вспышки, гигантская тень колыхалась в небе и крошечные фигурки плясали под ней...

Мои сотоварищи-пассажиры... Все уродливые, злобные, у каждого на коленях черная кошка, рядом — самоудельное помело, вокруг мечутся летучие мыши... Мы направлялись на шабаш ведьм, и, разумеется, я знал, кому уготовано быть жертвой...

Принесли мой заказ — отвратительное пойло желто-зеленого цвета, с какими-то маслянистыми пятнами на поверхности. Я взял стаканчик и закрыл глаза. Понюхал — скотч. Я сделал большой глоток и поперхнулся. Скотч.

В желудке разлилось тепло. Сидя с закрытыми глазами, я твердил себе, что нахожусь на борту самолета, летящего в Филадельфию. Я протянул руку и коснулся холодного стекла иллюминатора, ощупал спинку переднего сиденья. Некоторое время слушал бортовой компьютер. Я думал о Коре...

Да, Кора, я иду. Так легко меня не остановить — всего лишь несколькими демонами, упырями, чудовищами. Я знал, что сам придумываю их для развлечения в полете, чтобы сбалансировать свое внутреннее состояние. Схожу с ума? Какое там!.. При следующей нашей встрече я буду исключительно рационален. На происходящее надо смотреть, как на результат приема слабительного, как на благополучный исход всего того, что грызло меня на самом глубоком уровне. Я не схожу с ума. Честно, Кора, ведь не могу же я сейчас сойти с ума? Это было бы верхом иронии: обрести столь многое — тебя, свою истинную личность — и сразу все потерять, сойдя с катушек. Нет, я должен верить, что все это служит высшей цели — рациональности. Именно так...

Я сделал еще глоток. Уже чуть лучше. Пока, по сути, я совершенно невредим. И разве участники шабаша не расслабились сами, потягивая из своих стаканчиков? Вздохни, Белпатри. Когда это ты бросил курить? Ты вроде бы имел обыкновение...

А затем чаши весов дрогнули, и я понял, что попался.

— Не желаете перекусить, сэр?

Отказываясь, я машинально открыл глаза. Стюард был все тем же чудовищем, но мой взгляд упал вниз, на открытый храм с колоннадой и скульптурами, где юноши играли на флейтах, а девы танцевали. А посреди храма на некоем подобии алтаря меж пылающих жаровен две седовласые старухи голыми руками раздирали младенца, перемалывая челюстями его косточки, то и дело вытирая кровь, струившуюся из их ртов. Они почувствовали мой взгляд, подняли головы и затрясли кулаками.

Это было кошмарно, и все же так знакомо...

— «Снег»! — вырвалось у меня. — «Снег»! Черт побери, помню!

Сон Ганса Касторпа в главе «Снег» романа Томаса Манна «Волшебная гора». Изучая в университете литературу, я прочитал эту книгу, о чем упомянул Энн. Оказывается, она тоже читала ее. Как-то мы целый вечер обсуждали значение этой сцены, слияние аполлонического и дионаисийского, классического и бесформенно-го, интеллектуального и эмоционального...

Энн знала, какое впечатление произвел на меня когда-то «Сон».

Я глубоко вздохнул и уловил запах ландышей. Этот аромат все время исподволь сопровождал меня, погребенный под лавиной других ощущений.

«Моя дорогая Энн, — сказал я про себя, — если слышишь, что я сейчас думаю, можешь убираться к черту! Ты дала промашку, я тебя раскусил. Того, что ты делаешь, недостаточно».

Вид подо мной замерзал, стал расплыватьсь. Меня окружали нормальные люди, сидящие в салоне самолета.

Я не сходил с ума, моя психика не выворачивалась наизнанку. Энн каким-то образом внушала мне иллюзии. Но и всего лишь — пустые и бесплотные.

Вскоре они вернулись. Нас атаковали сверхскоростные птеродактили, они разносили в куски крылья самолета. Некоторое время я бесстрастно наблюдал за этим, потом смежил веки — все же картинки отвлекали, а мне надо было обдумать кое-что поважнее. Например, что я скажу моим бывшим работодателям, когда доберусь до них.

Глава 6

Змей цвета морской волны, обвивавшийся вокруг фюзеляжа, растаял, когда мы зашли на посадку. Самолет мягко коснулся бетона и без промедления подкатил к своим воротам.

У выхода из туннеля, на сей раз свободного от чудовищ, ко мне приблизился сотрудник аэропорта — невысокий, темноволосый крепыш в новенькой, с иголочки, форме.

- Мистер Белпатри?
- Да.
- Дональд Белпатри?
- Точно.
- Прошу вас следовать за мной.

Я машинально сделал несколько шагов, а потом спросил:

- Куда вы меня ведете?
- В зал для особо важных лиц.
- С чего это вдруг?
- Там вас ожидают.
- Любопытно, кто?
- Имя этого господина мне неизвестно, сэр.
- Что ж... — сказал я. — Пойдем и выясним.

Мы прошли по короткому коридору, и передо мной распахнули дверь.

В зале были четверо — трое мужчин и женщина. Двое мужчин принадлежали к свите, я это сразу понял: высокие, молодые, с короткими стрижками, атлетически сложенные; рубашки апаш под светлыми пиджаками — типичные телохранители. Они стояли немного позади седовласого, радушной наружности мужчины по-

старше, который сидел лицом ко мне. На нем был темный, отлично сшитый пиджак, белая рубашка, строгий галстук. На столе красовалась бутылка минеральной воды, и все трое держали по стакану прозрачной искрящейся жидкости. Только у женщины в руке был большой старомодный бокал со зловещего вида напитком. Женщина сидела справа от седовласого. Привлекающие внимание черты лица — очевидно, квартиронка — и почти бесцветные волосы. Лет сорока. На ней была милая желтая блузка с оборками и нитка черных бус вокруг шеи. Мари располнела с последней нашей встречи — я заметил это, когда она вместе с мужчиной поднялась мне навстречу. Мари... Мари Мэлстренд, вспомнил я так же внезапно, как и то, что вообще ее знал. Однако больше моя память ничего о ней не подсказывала.

Оба мне улыбались.

— Как поживаешь, Дон? — спросил Босс.

Босс... Мы почти всегда звали его так. На самом деле имя председателя правления «Ангро энерджи» было Крейтон Барбье.

Мы?.. Я не мог сказать точно, кого имел в виду под этим местоимением, здесь мне память изменяла. Но себя я смутно воспринимал членом некой особой группы, которая работала на Босса. Мари... Мари была одной из нас.

— В последнее время весьма интересно, — ответил я. — Как вы узнали, что я прилетаю этим рейсом?

Он прищурил левый глаз и улыбнулся — на языке его мимики это означало, что Босс считает вопрос глупым. Разумеется, я должен понимать, что ему известно все...

— Я беспокоюсь о тебе, Дон, — сказал он и, приблизившись, скжал мое плечо. — Ты неважко выглядишь. Я полагал, что мы лучше о тебе печемся. Устал от Флориды?

— Я от многоного устал.

— Безусловно, — согласился Босс, тронув мою руку. — Прекрасно понимаю. Не всякому по душе ранняя отставка...

Я машинально позволил подвести себя к столу.

— Выпьешь?

— Не сейчас, спасибо.

— ...Но ты же знаешь — такие обстоятельства, — продолжал он, сделав глоток из стакана. — Пришлось

порядком повозиться, чтобы вовремя увести тебя из-под удара.

Он сел и посмотрел на меня открытым прямым взглядом.

— Видит Бог, ты этого, разумеется, заслуживал. Ситуация сложилась довольно деликатная, и рисковать было нельзя. Однако стоит похлопотать ради хорошего человека.

— Дональд, — произнесла Мари, прежде чем я успел что-либо сказать. Она протянула руку, и я, опять машинально, пожал ее.

— Мари, как ты живешь?

— Неплохо, — ответила она. — С каждым днем мои способности возрастают. Чего еще можно желать?

— Действительно, — согласился я, чувствуя ее враждебность под маской улыбки.

— Я много о тебе думал, Дон, — вновь продолжил Босс. — Знаешь, нам тебя недоставало. Ощутимо недоставало.

— Где Кора? — спросил я, поворачиваясь к нему.

— Кора? — Он нахмурил брови. — Ах, Кора... Конечно. Кто-то мне о ней говорил. Девушка, с которой ты в последнее время встречался. Знаешь... Знаешь, Дон... готов поспорить, что она не выехала даже за пределы штата. Спорю, что она там, в Кис, сейчас тебя разыскивает. Сперва надула губки и ушла, а потом спохватилась. Тебе следовало оставить ей записку.

Я немного смутился, потому что в принципе такая возможность не исключалась. А Босс гнул свое, не давая мне выразить свои сомнения.

— Знаешь, я не думаю, что тебя на самом деле привели сюда поиски, — заговорически сказал он. — Может быть, ты себя в этом убедил, но причин в другом. Я думаю, что тебе стало лучше, чем несколько лет назад. Думаю, ты пришел к нам — возможно, не отдавая себе отчета, — потому что устал бить баклушки. Полагаю, ты хочешь вернуться к прежней работе.

При этом он смотрел на меня очень внимательно; я бы сказал, с надеждой.

— Я не очень-то хорошо помню свою прежнюю работу... Кора здесь?

— Мы бы могли использовать тебя, если ты готов, — быстро продолжил Босс. — Безусловно, с ощутимой

прибавкой к жалованью. Не хочу, чтобы мои люди стра-
дали от инфляции. Конкурентная борьба ожесточилась,
ты знаешь? Преимущество, которым мы располагали в
области солнечной энергии, улетучивается буквально на
глазах. Черт побери, правительство везде сует свой нос! Да и другие ребятки шпионят за нами похлеще Джеймса
Бонда. Должен признать — они пользуются хитрыми
трюками, и нам немалого стоит держать их на расстоя-
нии. Хотя они и в подметки не годятся моим лучшим
людям; тебе ясно, что я имею в виду. Бьюсь об заклад, ты
им сто очков вперед дашь.

— Может, да, а может, и нет — уклонился я. — Но
сейчас речь о Коре. Вы знаете, где она?

— Эх, Дон, Дон... — Он вздохнул. — Ты будто не
слышишь моих слов. Мы на самом деле можем тебя
вновь использовать. Я предлагаю тебе прежнюю работу,
причем на еще лучших условиях. Добро пожаловать в
лоно нашей семьи. На меня поглядывают косо, однако я
действительно считаю своих личных помощников чле-
нами семьи. Кажется, все бы сделал, чтобы внести в их
жизнь немного больше света.

— Кора, — выдавил я сквозь стиснутые зубы.

— Возможно, даже помог бы тебе отыскать по-
дружку.

— То есть вы не знаете, где она?

— Не знаю, — ответил Барбье. — Но мы поможем
тебе, если ты поможешь нам.

— Я думаю, вы лжете.

— Ты причиняешь мне боль, Дон, — сказал он. — Со
своими людьми я стараюсь вести дела без обмана.

— Ладно. Я знаю, что вы всему ведете строгий учет —
как делам, так и делишкам. Давайте убедимся. Позвольте
мне проверить закрытое досье «Дубль-зет».

— А еще жалуешься на память... Верно, ты много
работал в «Дубль-зет». Пожалуй, такое трудно забыть.
Хорошо. Обидно, что ты не веришь мне на слово, но, по-
жалуйста, проверяй. Все, что угодно. Можем пойти
взглянуть прямо сейчас.

Не вспыхнули ли насмешливо глаза Мари, когда она
подняла бокал и осушила его?

Босс подал знак телохранителям. Один открыл дверь —
не ту, в которую вошел я, — другой проследовал наружу.

Мари подхватила с пола свою сумочку и вместе с Барбье направилась к двери. Я за ними.

Мы вышли на маленькую частную стоянку. Первый телохранитель уже садился за руль лимузина. Легкость, с какой Босс согласился везти меня в святая святых для проверки секретных архивов, казалась мне более чем по-добрительной.

Лимузин заурчал и тронулся с места.

— Вы очень любезны, — сказал я. — Но я не готов заниматься проверкой немедленно. Мне бы хотелось, чтобы при этом присутствовал мой адвокат.

На самом деле здесь у меня вообще не было знакомых юристов, но, если позвонить Ралфу Даттону, он наверняка сможет связать с компетентным специалистом.

— Адвокат? — переспросил Босс, поворачиваясь ко мне. — Брось, Дон! Это должно остаться сугубо между нами. Мыслимо ли, чтобы какой-то законник копался в самых деликатных наших делах!

— Я приду утром, через парадный вход, — сказал я, — с адвокатом. Надеюсь получить тогда ответы на многие вопросы. Например, что же я такого сделал, если мне пришлось промыть мозги и отправить «на пастбище». Да, я и об этом захочу поговорить.

Автомобиль подкатил к нам, остановился.

Стоявший рядом с Боссом телохранитель шагнул вперед и открыл дверцу. Я отступил назад, расслабил руки, поиграл равновесием. Возможно, меня силой попытаются заставить сесть в машину. Тогда...

— Что ж, раз ты настроен таким образом, — проговорил Барбье, — мне жаль. Мне на самом деле жаль, что мы не можем найти общий язык, как в былые дни... Но будь по-твоему. Приводи своего человека утром, я согласен.

Они с Мари сели на заднее сиденье.

— До свиданья, Дональд.

Телохранитель закрыл за ними дверцу, сел за руль, и я проводил взглядом отъезжающую машину.

Вот так развязка! Все оказывается чертовски просто...

Неужели я ошибся в оценке ситуации?.. У меня была амнезия. А если все видения по пути сюда — натуральные галлюцинации Белпатри? Могу ли я полагаться на свои суждения? Что, если у Коры просто лопнуло терпение и она ушла? Вполне возможно...

Нет, в этом направлении лежит... Я хохотнул. Дальнейшее сумасшествие? Ну, за работу, ноги, уносите меня отсюда.

Я огляделся по сторонам. Единственный выход со стоянки вел на платформу автоматического монорельсового транспорта, которым пользовались для передвижения в пределах аэропорта.

Поднявшись по ступеням на платформу, я увидел кнопку на столбе, а ниже кнопки — табличку с инструкцией. Это была особая платформа. Вагончики останавливались здесь только в том случае, если кто-нибудь из особо важных лиц нажимал кнопку. Идея, очевидно, заключалась в том, чтобы зеваки и бездельники из обыкновенной публики не могли сойти на этой остановке.

Я нажал кнопку.

Через несколько секунд появился вагончик с единственным пассажиром, который сидел лицом ко мне. Что-то знакомое было в его фигуре. Я зашел в вагончик и рассмотрел его поближе.

Седой мужчина неопределенного, «среднего» возраста. С последней нашей встречи он отпустил густые бакенбарды, по широкому носу расползлась сеть прожилок; тело раздалось, обрюзгло, ярче обозначились мешки под светло-голубыми глазами.

— Малыш Уилли! — воскликнул я.

Нет, в плавучем доме там во Флориде я видел не его. Но словно бы еще тогда память и воображение слились воедино, чтобы предупредить меня о чем-то.

— Спаси и помилуй, никак мистер Белпатри! — воскликнул он своим волшебным голосом, звонким и почтительным.

Когда-то этот голос был известен всей стране. Слова всегда произносились четко; говор менялся в зависимости от обстоятельств, но уроженец Юга чувствовался неизменно. Он драл глотку Евангелием сперва на улицах, потом в залах и наконец перед миллионами по телевидению.

Были исцеления и восславления, а затем была история с девочкой в Миссисипи — аборт, попытка самоубийства... Капитал Малыша Уилли лопнула. Уголовного наказания не последовало, но верующие лишились его версии Господа. Образ проповедникастерся в памяти толпы.

И все же что-то особое в нем было. Что-то связанное с исцелениями — реальными исцелениями.

— Мэтьюс, — сказал я и сел рядом, зачарованный его присутствием, вспоминая с каждой секундой все больше и больше.

Зачарован я был и явной переменой в нем — переменой к худшему. Вместе со слабым запахом спиртного от него, казалось, исходило само Зло. И, как ни странно, я был рад, потому что это означало, что я не ошибался, что я не сошел с ума и дело не кончено.

Вагончик не двигался, стоял с открытыми дверями. Тогда я не придал этому значения.

— Как дела на рынке энергии? — спросил я, потому что он был членом нашей группы, это я знал точно, хотя роль группы до сих пор представлял весьма туманно. Интересно, чем именно занимался Мэтьюс...

А потом я вспомнил — когда на себе почувствовал род его занятий. У меня внезапно перехватило дыхание, в груди разлилась боль, отдающая в левую руку.

...Однажды, давным-давно, я отправился с Малышом Уилли в его квартиру. Там мы провели вечер, принимая на себя «заряд» целой бутылки очень мягкой «белой молнии».

Прямо на виду на маленьком столике у окна лежала Библия, совершенно неуместная при нынешней работе Малыша Уилли. Она была раскрыта на псалме 109, почти полностью подчеркнутым.

Позже, когда нас обоих уже порядком развезло, я спросил его о днях проповедничества:

— Сколько в том было трюков и обмана? Ты действительно верил в то, что говорил?

Малыш Уилли опустил стакан и поднял глаза, пригвоздив меня их ацетиленовой голубизной, которая так хорошо смотрелась с экрана.

— Верил, — ответил он просто. — Клянусь, вначале я был полон огня Господня. И только для Бога хотел покорять души. Я верил. Я надрывался, я читал из священного писания и потрясал Библией. Я был ничуть не хуже Билли Грэхема, Рекса Хамбарда... Любого из них! Даже лучше! Когда я молил об исцелении и видел, как калеки отбрасывают кости и идут, как прозревают слепые, я знал, что осенен благодатью, и я верил. — Он отвел взгляд в сторону. — А однажды я разозлился на газетчи-

ка, — медленно продолжил Малыш Уилли. — Я его прошум отойти — он стоял у меня на пути, — а тот ни в какую! «Черт побери! — подумал я. — Чтоб ты сдох, ублюдок!» — Малыш Уилли вновь замолчал. — А он так и сделал — свалился и отдал концы. Доктор сказал — сердечный приступ. Но газетчик был молодым крепким парнем, а я-то знал, чего желал ему в глубине души. И тогда я стал думать: ведь не пойдет же Господь на такое для своего слуги? Исцеление — безусловно, ради спасения душ. Но убийство?.. Я стал думать: может, сила моя проистекает не от Господа, и ему все равно, как я ей пользуюсь. Ему все равно, проповедую я или нет. Не Святой дух движет мною, вызывая исцеления, а нечто внутри меня самого, что может лечить, а может и убивать. Тогда-то я и начал блудить, и пить и все остальное. Тогда-то и появились обман, и грим, и телевизионные камеры, и подсадные утки в толпе лжесвидетельств... Я утратил веру. Существуем лишь мы, животные, растения и камни; больше никого. Смысль жизни в том, чтобы урвать побольше да поскорее, ибо дни сочтены, и время бежит быстро. Бога нет. А если и есть, меня он уже не любит.

Малыш Уилли залпом выпил, вновь наполнил свой стакан и заговорил на другую тему. С тех пор мы с ним общались только по делу.

...А делом его было убийство. Инфаркт, кровоизлияние в мозг — естественные причины смерти. Сила в нем была. Думаю, он ненавидел себя и вымешивал ненависть на людях. За деньги «Ангро». А теперь он сжимал мое сердце, и в считанные секунды я умру.

Я начал вставать и повалился назад. Он не спешил прикончить меня. Что-то новенькое — неприкрытый садизм. Он хотел насладиться моими муками, моей медленной смертью.

Я скатился с сиденья на пол. В голове как сигнал тревоги возникла схема компьютеризированной системы управления вагоном. Не отдавая себе отчета в том, как я это делаю, я пытался заставить вагончик двигаться, отвезти меня туда, где мне могли оказать помощь. Я дотянулся до дверей, только что захлопнувшихся, но не смог их развести. Я тянул и толкал правой рукой — левая будто пылала. Сквозь стекло смутно виднелась фигура... крупного мужчины... Третьего телохранителя, наверно. Он стоял и смотрел, как я корчусь.

Надо мной нависло лицо подавшегося вперед Мэтьюса, его баки, длинные пожелтевшие зубы; меня обволокли густые винные пары. Я тянулся изо всех сил. Что-то...

Вагончик внезапно дернулся, заходил ходуном. Малыша Уилли скинуло с сиденья.

Боль в груди ослабла; неожиданно открылись двери.

Я полузыпал, полузыкатился на платформу и пополз прочь. Единственное спасение от атак Мэтьюса — расстояние. Если удастся отойти на бросок камня, убить он меня уже не сможет.

Я заставил себя подняться на ноги, качаясь сделал шаг и едва не упал, когда накатила новая волна слабости. Лицо того, кто ждал на платформе, выражало удивление — от Мэтьюса не уходили.

Вагончик сзади все еще продолжал со скрежетом дергаться, когда телохранитель опомнился и кинулся ко мне. Он занес ногу для удара, но мое тело среагировало раньше, чем память. Понятия не имел, что в этом деле у меня были какие-то навыки.

Моя рука со сжатым кулаком успела поставить блок. Телохранитель потерял равновесие, опрокинулся назад, покатился к краю платформы и упал на путь, где над узким дорожным полотном проходил монорельс.

Обернувшись, я увидел, что Мэтьюс не удержался на ногах в дергающемся вагончике. Алкоголь и возраст замедлили его рефлексы.

Он попытался подняться, но вновь упал, на этот раз ближе к дверям. Тогда он пополз и уже почти выбрался наружу...

Но тут со злобным стуком захлопнулись двери, прочно сжав его в своих тисках. В тот же миг вагончик прекратил дергаться, быстро разогнался — и с полотна, куда упал телохранитель, раздался крик. Я не посмотрел вниз. Хрустящий звук, который ни с чем не спутаешь, резко оборвавшийся вопль, специфический запах...

А меж дверей удаляющегося вагончика виднелась голова Мэтьюса — сведенное судорогой, налившееся кровью лицо, беззвучно шевелящийся рот.

Волна тошноты подступила и отошла. Я огляделся по сторонам. Монорельсовое полотно казалось самым лучшим путем для бегства. Отводя взгляд от бесформенной груды, я спрыгнул вниз и побежал в сторону, противоположную той, куда ушел вагончик.

Что-то мне помогло. Однако думать, что именно и каким образом, было некогда. Сейчас я хотел только убраться от этой платформы подальше и побыстрей. Я бежал с тяжело колотящимся сердцем, надрывно втягивая в себя воздух.

Не знаю, долго ли; может быть, несколько минут. Затем я почувствовал дрожь под ногами и сперва решил, что где-то поблизости, за окрестными строениями, взлетает или садится самолет. Но дрожь усиливалась, и к ней прибавился звук — на меня несся вагончик.

Через секунду он вынырнул из-за поворота. Я видел, как пассажиры тщетно дергают аварийные рубильники. В мою сторону пока никто не смотрел.

Я собирался отпрыгнуть с пути, когда вагон вдруг стал тормозить. Никакой платформы не было и в помине, но он остановился, открылись двери. Я подбежал и вскарабкался. Двери захлопнулись за мной, и вагон вновь набрал скорость, помчавшись в том направлении, откуда появился.

Ухватившись рукой за одну из свисающих петель, я стоял, пытаясь отдышаться. Все смотрели на меня. Я почувствовал безрассудное желание рассмеяться.

— Контрольные испытания, — пробормотал я. — К предстоящему визиту папы римского.

На меня продолжали смотреть, но вскоре показалась запруженная людьми платформа. Вагон остановился, как и положено; двери открылись. Я вышел, тут же затерявшись в толпе, пригладил волосы, поправил одежду и отряхнул пыль, прежде чем дать волю дрожи. Мною овладело желание повалиться на ближайшую скамейку. Но мгновение назад захлопнулся смертельный капкан — вращаются шестерни, пляшут рычаги, ходят противовесы, — а чье-то вмешательство поменяло передаточное число, изменило баланс сил в мою пользу, и все горести отступили перед блаженством жить... Было бы невежливо свести все это сейчас к нулю, свалившись на месте.

Я не свалился.

Глава 7

У станции стояли вереницей такси, я сел в первое и велел водителю ехать в город. Не удивился бы, если вдруг завыли бы сирены, поэтому большую часть пути напряженно смотрел в окно: на машины, на деревья, на дома, на дорожные знаки. Солнце уже клонилось к западу, но было светло. Следовало выскользнуть из города, убраться как можно дальше, забиться в какую-нибудь нору, хорошенко все обдумать, разработать план действий. Сейчас я думать не мог — кто знает, что случится в следующую секунду? Эту поездку на такси в конце концов, безусловно, проследят, и потому я направлялся именно в центр — там легче затеряться.

Я вылез у ничем не примечательного оживленного перекрестка и дошел до автобусной остановки. Поглязев на прохожих и голубей, забрался в первый попавшийся автобус и долго ехал куда-то на северо-запад. А когда автобус повернулся к югу, сошел и пешком двинулася снова в северо-западном направлении.

Еще дважды я садился на автобусы и порядком отмахал на своих двоих, прежде чем добрался до окраины, а там, подняв палец, попытался привлечь внимание автомобилей.

У меня возникло ощущение, что такое уже было — давным-давно, еще в студенческие годы. Да, после первого семестра я собирался домой и хотел сэкономить деньги. Помню, дул чертовски холодный ветер. Надо улыбаться. Иногда это помогает...

...Обязательные общеобразовательные дисциплины и наконец профилирующая — компьютеры. Все шло хорошо. Сперва мне было одиноко, но теперь появились то-

варищи — например Сэмми, который звал меня Губастиком, — и я рвался домой поделиться новостями. Губастик? Давно я не вспоминал это прозвище. Сэмми учился со мной в одной группе — невысокий темноглазый парень с извращенным чувством юмора. У меня была привычка шевелить губами, работая с компьютером. На самом деле я с ними говорил. Но об этом Сэмми не знал. Со временем мы стали хорошими друзьями. Интересно, где он сейчас? Вот бы позвонить — вдруг вспомнит?

Но разговаривать с компьютерами я начал не в колледже, а гораздо раньше, в глубоком детстве, когда с ними играл. Правда, за исключением того случая, когда мне было семь, диалога не получалось. Однако мне всегда казалось, что вот еще чуть-чуть...

Рядом остановился автомобиль. За рулем сидел мужчина в светлом деловом костюме.

— Вам куда? — спросил он.

— Вообще-то, в Питтсбург.

— Я возвращаюсь домой в Норристаун. Если устроит, могу подбросить до Тирнпайка.

— Великолепно.

Я сел в машину.

Водитель, похоже, не жаждал общения; я откинулся на спинку и попытался продолжить свои воспоминания, однако ничего в голову не шло. Ладно. Я был уже не так напряжен, как в такси, и мог бы, пожалуй, сосредоточиться на сложившейся ситуации. Тогда, возможно, от примитивной реакции — бегства — удалось бы перейти к действиям.

Барбье определенно намерен меня убить. Сомнений нет. И Мэтью до сих пор работает на него, как и другие члены группы.

Группа... Вот ключ. Когда-то в нее входил и я, хоть сейчас даже думать об этом противно. Малыш Уилли, Мари Мэлстрэнд... Кора? Нет, она тут ни при чем. Это на самом деле случайная встреча во время ее отпуска во Флориде. Энн С特朗г? Очень похоже. На было четверо. Да, четверо. Нас объединяла общая особенность.

Мы были наделены экстраординарными психическими силами. Я общался с машинами — этакая телепатия между человеком и компьютером. Я мог читать их программы на расстоянии. Мари? Мари способна была воздействовать на предметы — ТК, телекинез. Но, в со-

стоянии уничтожить компьютер, она не могла узнать его содержимое, что мог сделать я. Энн? «Обычный» телепат. К компьютерам она не имела никакого отношения, но читала мысли людей и внушала им что угодно, включая очень реалистичные образы. А Малыш Уилли?.. Вроде ТК, но не совсем. Он мог оказывать физиологическое воздействие, манипулировать веществом и энергией лишь внутри живых организмов.

Насколько сильны эти способности? Где их пределы? Память подсказывала...

Мари гордилась своей стряпней — и готовила действительно великолепно. Несколько раз она созывала нас всех на обед. Однажды, не обременяя себя возней с прихватками или сковородником, Мари, сидя за столом, левитировала из кухни в гостиную и плавно опустила прямо перед нами огромную дымящуюся супницу. Я видел, как она опрокинула бокал и сперва остановила капли в воздухе, а затем заставила их все вернуться на место. Наибольшая масса, которой Мари могла оперировать?.. Как-то раз она на спор подняла на несколько футов от пола Энн и держала так с полминуты, но вспотела и, тяжело дыша, опустила ее довольно резко.

Старина Малыш Уилли... Чем ближе вы к нему, тем скорее он сделает свое дело: внезапная смерть — в десяти футах, в двадцати — уже медленнее; в тридцати — сорока — давалось ему с трудом. Пожалуй, его предел — пятьдесят футов, минут пятнадцать понадобится, чтобы добиться результата. Между прочим, пятьдесят футов — таков примерно радиус самых больших шатров, в которых он привык работать. Я, наверное, один из весьма немногих, кто почувствовал как разящую, так и целительную его силу. Помню утро после той пьянки у него дома. Я вырубился на диване, а проснувшись, услышал невнятное чертыханье. Голова раскалывалась. Я встал и поплелся в ванную. Малыш Уилли глотал там аспирин и ухмыльнулся, увидев меня: «Ты тоже неважно выглядишь, мой мальчик». Я попросил оставить пару таблеток. «Зачем? — Он взъерошил мне рукой волосы. — Исцелись! Исцелись, грешник!» Тут же к лицу прилила кровь, в висках на миг застучало, и боль прошла. Я чувствовал себя превосходно. «Все в порядке», — сказал я, удивленный своей незаслуженной поправкой. «Восславим Господа!» — ответил Малыш Уилли, проглотив последнюю

таблетку аспирина. «Почему ты себе-то не поможешь?» — спросил я тогда. Он покачал головой. «На себе не получается. Вот мой крест — юдоль печали».

Энн... Ее способности, казалось, не зависели от расстояния. Она могла сидеть в гостинице на Флорида-Кис и внушать мне, когда самолет шел на посадку в Филадельфию, того змея. Слабость ее заключалась в другом, но в чем именно — не помню. Энн была неравнодушна к цветам. Их примитивные эманации неизменно успокаивали ее в минуты душевных тревог. Цветы занимали такое важное место в ее жизни, что часто окрашивали — или, вернее, ароматизировали — внушаемые ею образы. Еще — Энн могла заставить не видеть то, что действительно существовало.

Итого, четверо — группа, комплект инструментов для Барбье. Благодаря нам «Ангро» несколько лет назад обошла всех своих конкурентов. Я мог выкрасть информацию из любого компьютера. Или Энн извлекала ее из мозгов тех, кто ее хранил. Мари срывала эксперименты, вызывала несчастные случаи, тормозила исследовательскую работу. Если кто-то причинял особое беспокойство, некий южанин мог пройти мимо на улице, сесть рядом в театре, пообедать в том же ресторане...

Но можно ли быть уверенным в силе этих способностей сейчас? В зале для особо важных лиц Мари вскользь упомянула, что ее способности возрастают. Значит ли это, что у каждого из них дар развивается, усиливается со временем? Кто знает?.. Лучше полагать, что так оно и есть. Накинуть Мэтьюсу еще несколько футов, может быть, усилить наводимые Энн галлюцинации, допустить, что Мари поднимает груз потяжелее, держит его подольше. Собственно, радиус действия ее способностей я никогда и не знал. Больше, чем у Малыша Уилли, несравненно меньше, чем у Энн. Вот и все.

А сам Барбье? Всего лишь жестокость и проницательный ум? Неизвестно. Если у него и был особый дар, он его надежно прятал — или именно этого я не помнил.

И где сейчас Кора? Что они с ней сделали? Вряд ли что-то ужасное. Мертвая, она не может служить рычагом давления. Похоже, Боссу я представился не очень-то говорчивым. Энн, возможно, прочитав мои мысли, дала сигнал, что использовать меня нет смысла. И Босс даже не удосужился предложить сделку: Кору в обмен

на преданную работу. С другой стороны, Барбье знал о моем прибытии. Он принял бы меня, изъяви я желание, и был готов избавиться от меня, попробуй я заартачиться. И на всякий случай, на тот дикий случай, если я вдруг вырвусь, оставалась гарантия — Кора. Скоре всего так. Значит, она жива, укрыта где-то в надежном месте.

Машина сбросила скорость, и я поднял голову. Вечерело, видимость ухудшилась... Затор. Наверно, авария. Я увидел полицейские машины.

Нет. Впереди, возле узкой полоски зелени, разделяющей нашу и встречную полосы, дорожная застава. В желудке появился ледяной ком. Останавливали всех подряд; очевидно, проверяли документы.

Несмотря на протесты борцов за гражданские свободы, каждый должен иметь при себе регистрационную карточку. Их ввели в конце 80-х, с одним номером для всего — отношения к воинской обязанности, социального обеспечения, водительских прав... Теперь уже было видно, как полицейский вводит номера в небольшое устройство.

Я понимал, что меня будут искать. Но не думал, что так быстро и так эффективно. Показательно, однако, что их интересует номер, а не лицо. Очевидно, Барбье не хочет, чтобы стало известно, кто именно ему нужен. Полицейский компьютер, вероятно, настроен просто на поиск определенной карточки. Возможно, в него ввели мой номер и еще ряд вымышленных, чтобы затруднить установление моей личности. Да, так Барбье и поступил бы.

Подъезжая к кордону, я задумался: а не сообщить ли обо всем, раз полиция под рукой?

Но мое более циничное «я», которое что-то замедлило с возвращением, глумливо усмехнулось. В лучшем случае меня сочтут не в себе. В худшем...

Я не знал, насколько правдива высказанная Барбье версия моего прошлого. Судя по обретаемой памяти, даже слишком правдива. Выходит, я действительно виновен в преступлении или преступлениях такого масштаба, что потребовалась моя отставка да еще с созданием фиктивной личности? Я почему-то не сомневался, что Босс сумеет поддержать обвинение против меня куда лучше, чем я против него.

Наконец мы подъехали к кордону.

— Предъявите, пожалуйста, ваши документы, — сказал ближайший полицейский. — И вашего пассажира тоже.

Водитель извлек из бумажника карточку; я выудил свою.

— В чем дело?

Полицейский покачал головой.

— Беглец.

— Опасный?

Полицейский посмотрел на водителя, перевел взгляд на вторую машину, на капот которой облокотился его коллега с револьвером руках, и улыбнулся.

Водитель протянул мою карточку. Почти не задумываясь, я влился в небольшое устройство, висящее у полицейского на ремне. Старая модель. В новых карточку просто опускали в паз для прямого считывания.

Полицейский набрал мой номер, но сигнал ушел уже несколько измененный. В переданном варианте две цифры поменялись местами. На панели ящика вспыхнула зеленая лампочка.

— Можете ехать, — сказал полицейский, поворачиваясь к следующей машине.

Мы тронулись с места. Водитель вздохнул. Теперь у всех машин были включены фары.

И почти сразу же сзади раздался крик, грохнул выстрел. Заглушая все, взревела сирена.

— Что за черт! — воскликнул водитель, нажимая почему-то на газ, а не на тормоз.

Но я уже догадывался. Кто-то где-то там в центре следил за распечаткой или экраном дисплея. Машина дала «добро», но для наблюдателя-человека пара представленных цифр показалась подозрительно близкой к искомому. Наблюдатель допустил возможность ошибки при наборе номера и отдал приказ задержать нас. То, что полиция сразу стала стрелять... Любопытно, что им обо мне сообщили, какие указания дали. Впрочем, желания лично поинтересоваться я не испытывал. Поэтому...

— Стойте! — закричал я. — Они снова будут стрелять!

Водитель наконец нажал на тормоз, и автомобиль сбросил скорость. Полной остановки я ждать не стал, понимая, что понадобится каждый метр преимущества.

Я открыл дверцу и выпрыгнул на разделительную полосу, упал и покатился по траве. А вскочив на ноги, не оглядываясь бросился к лесу, петляя из стороны в сторону. Сзади раздались выстрелы.

Земля круто пошла вверх, и я едва не споткнулся. Из-за склона доносился шум дороги — какой, я не знал, да это и не имело значения. Я устремился вперед. Стояла темень, меня и полицию разделяли деревья, крики утихли. Только бы перебраться на ту сторону шоссе... Надеяться, что кто-нибудь остановится и подберет меня, было бы уже слишком. Я смутно ощущал кровь на руках и лице и не сомневался, что порвал штаны...

...Их наверняка предупредили, что я вооружен и чрезвычайно опасен, возможно, на моей совести даже убийство полицейского — иначе бы не стали стрелять почем зря. Вот-вот сзади вновь раздадутся выстрелы...

Вдруг впереди ожила, зашевелилась тьма, оформилась, оторвалась, покачиваясь, от земли, резко выделилась, будто залитая ярким лунным светом. Медведь! Огромный гризли — я видел таких в зоопарке — поднялся на задние лапы навстречу мне.

О нет, Энн, только не здесь, только не так. Гризли на окраине Филадельфии? Полицейский с револьвером — это да. Я бы наделал в штаны и не почувствовал запаха твоих цветов. Желаю удачи в следующий раз.

Я устремился вперед, прикусив губу и сжав веки, — и прошел насквозь. Когда я открыл глаза, то через последние редкие деревья увидел огни машин. Не отдельные, а сплошной поток. Перебраться на ту сторону, не попав под колеса, было немыслимо.

Но сзади из леса мне послышались голоса. Небогатый выбор...

Я побежал на обочину, размахивая руками, отчаянно взвывая к едущим по крайней полосе, представляя, как выгляжу — окровавленный, грязный, в лохмотьях — в свете фар.

...Надо улыбаться. Иногда это помогает...

Теперь сзади определенно раздавались крики преследователей, продирающихся сквозь лес...

Внезапно передо мной со скрежетом затормозил грузовик. Я не мог поверить удаче, но це указывать же водителю на неразумность его решения. За грузовиком тормозила вся череда машин. Я бросился вперед, рванул

дверцу и плюхнулся на сиденье. Двигатель тут же взревел, и мы двинулись. Я чувствовал себя как граф Монте-Кристо, Билли Саттон и Человек, который взял банк в Монте-Карло, — счастливым и свободным. По крайней мере я не стою на месте и на какое-то время спасен от пуль.

— Спасибо, — пробормотал я. — Вы меня просто спасли. Я все объясню, когда отдохнусь.

Двигатель тихо урчал. Мы ехали с весьма приличной скоростью, за окном неясными образами мелькали окрестности. Я наконец перевел дыхание и повернул голову.

Водительское место было пусто, как сердце ростовщика.

Я набрал полную грудь воздуха. В кабине не пахло ни нарциссами, ни лилиями — лишь стоялый запах пыли в давно не проветриваемом помещении.

Я выдохнул. Какого черта...

— Спасибо, — повторил я.

Глава 8

Сливаясь воедино, проносятся мимо города и фермы. Машина движется, словно в туннеле ночной тьмы. Мелькают огни, похожие на яркие бусины, усыпляющие монотонно гудит двигатель. После всего пережитого за день меня начинает клонить в сон...

Я мчался со скоростью полутораста километров в час в одной из самых безопасных на дорогах страны машин. Грузовик работал от большого и дорого аккумулятора, однако вполне экономичного благодаря недавнему снижению цен на электроэнергию. Широкое распространение получила и конкурирующая модель с водородным двигателем — ведь водород безвреден, не загрязняет окружающую среду и доступен в неограниченном количестве опять же из-за дешевизны электричества, вырабатываемого солнечными энергостанциями. И то и другое стало возможным в значительной степени благодаря патентам, принадлежащим «Ангро Энерджи», и огромным энергетическим комплексам этой же корпорации на юге страны.

Я прекрасно помнил, как добывался материал для кое-каких патентов. Мне, очевидно, можно было бы предъявить обвинение в промышленном шпионаже, но я не уверен, что законодательством предусмотрены те методы, которыми я пользовался. Однако с точки зрения морали...

Ладно. Я выбрал не самое лучшее время для самокопания, хотя вопрос, почему это не беспокоило меня прежде и беспокоит теперь, оставался открытым. Но может быть, и прежде беспокоило? Или я так сильно изменился? А может быть, и то и другое сразу? Где-то глубо-

ко-глубоко пряталось воспоминание, до которого я никак не мог дотянуться

Полностью автоматизированные грузовики типа того, что мне достался, ходили только по специально подготовленным трассам, хотя последнее время для этого оборудовалось все большее число дорог. Обычно грузовики двигались по одной отведенной им полосе с четкой разметкой; последнее — для водителей, которые не хотели бы туда заезжать. Однако на практике компьютеризированные машины оказались гораздо безопаснее обычных, и очень немногие возражали против их появления на дорогах.

Все это означало, что непосредственной угрозы пока нет. Кое о чём, конечно, следовало позаботиться сразу, но так приятно было вытянуть ноги, полулежа на правом сиденье, которое легко превращалось в койку... И я продолжал лежать, подперев голову руками, чтобы видеть не только горящие в небе звезды, но и огни вдоль дороги. Мягко гудел подо мной двигатель, ветер со свистом проносился мимо. Краешком сознания я ощущал непрерывный поток данных для компьютера, и от этого мне тоже казалось, что все в порядке. С каждой минутой я уходил все дальше и дальше от преследователей.

Помимо койки в кабине размещались элементарные санитарные удобства — по той же самой причине, по какой изготавливатели оставили весь комплекс приборов ручного управления и два сиденья. Профсоюз водителей грузового транспорта получил довольно значительную долю акций от компаний, которым этот стремительный взлет автоматизации принес наибольшую выгоду. Транспортники уже серьезно не протестовали против постепенного сокращения рабочих мест, однако дебаты о необходимости присутствия в такой машине водителя все еще не угасли. Поэтому грузовики по-прежнему выпускались с полностью оборудованными кабинами, а на продолжающихся переговорах по-прежнему стоял вопрос о мерах по уменьшению безработицы. За что мне оставалось только благодарить судьбу. Впрочем, не только за это; в кабине я нашел еще и сухие концентраты, очевидно, оставленные последним водителем или пассажиром. Съев ровно столько, чтобы унять голод, я снова откинулся спинку сиденья и улегся. Усталость давала о себе знать.

Однако пришло время позаботиться о собственной безопасности. А это означало, что надо выяснить как можно больше о своем положении, и лишь потом я смогу позволить себе заснуть. Слишком многое я еще не знал о маршруте грузовика и обо всем том, что касалось избранного способа передвижения. Чтобы получить необходимую информацию, у меня был только один путь...

Клик. Кликлик. Кликликлик.

Вниз, сквозь, внутрь, через, теперь в стороны, в боковые витки и еще дальше... Светящиеся точки... Бездонное пространство... Элегантные симметричные образы основных и аварийных программ бортового компьютера — словно сияющие аллеи ухоженного английского сада. Никаких запахов, только закодированное ощущение... Остановиться и понять, куда оно ведет... Остальное придет само...

Компьютер на позволял машине уйти с полосы и следил за скоростью, считывая информацию о состоянии трассы и прочие необходимые данные с провода коммуникационной линии, проложенного под дорожным покрытием. Радар грузовика постоянно регистрировал как движение со всех четырех сторон, так и всевозможные неожиданные препятствия. Собственно, по такому же принципу лавировал в проливах между островами «Хэшклэш», получая информацию с радиомаяков, расположенных на берегу. Помимо этого компьютер следил за работой двигателя, состоянием тормозов и надежностью всех других систем.

Я прошел через его рабочие программы, шаг за шагом усваивая стоящие перед ними задачи, что в свою очередь помогало понять общую структуру. Затем скользнул еще дальше и атаковал дорожные коды. Кое-что оставалось неясным — отдельные участки данных без каких-либо характерных признаков, точный смысл которых едва ли можно разгадать до того, как они будут использованы в работе, — но уже вырисовывалась цельная картина. Похоже было, что мы движемся в сторону Мемфиса.

Дальше, дальше... Сквозь программы, мимо... Самый главный вопрос оставался по-прежнему открытым. То самое «почему» продолжало манить меня, как трепещущий яркий флаг далеко впереди... Я перетря-...

хивал команды, хранившиеся в памяти, пока не нашел то, что искал. Очень странно и одновременно очень знакомо...

Кликликлик.

Удивляясь находке, я вернулся из яркого компьютерного пространства в реальный мир, потом сунул руку под приборную панель и достал аптечку, о которой узнал из инвентарной описи, содержащейся в памяти компьютера. Внутри нашлись и бинты, и пластырь, и бактерицидная мазь.

Там же, под приборной панелью, оказался небольшой бачок с водой; рядом хранился гибкий шланг с кранчиком на конце. Я попил, промыл ссадины, затем наложил мазь и залепил пластырем порезы.

Колонна огромных грузовиков неслась, поглощая дорогу, словно стая каких-то таинственных существ, мигрирующих в ночи, — равнодушных и бесчувственных. Все строго выдерживали интервал, и, если только на полосу попадал другой водитель, мгновенно следовала корректировка движения. Гармония дороги подчинялась биению механического сердца. Во всем, что меня окружало, я чувствовал ритм его программы. И все же..

Я видел там... свою подпись. Предельно отчетливую, словно выписанную от руки. Никаких сомнений. Как в тот раз, когда я понял, что запись, оставленная для меня в компьютере дома, сделана не Корой, а кем-то чужим. Вроде бы совершенно иррациональное ощущение... И все же какая-то логика во всем этом была...

Я откинул спинку до конца и теперь уже не видел дороги — только звезды в черном небе за окном. Загадка настоятельно требовала ответа, и я заставлял свой усталый мозг думать, отыскивать разумное объяснение.

Изначальный набор программ грузовика не предусматривал остановки, чтобы взять пассажира. Но я видел изменения в программе и отчетливо понимал, что внес их туда сам, каким-то образом приказав машине остановиться. Но как? Никогда раньше я не делал ничего подобного, просто не умел этого делать и даже не имел представления, как такое можно осуществить.

Однако тут меня снова одолели сомнения... Те две измененные цифры, что набрал полицейский, когда вводил мой регистрационный номер... Действительно ли он

сделал ошибку или изменение возникло уже в электронном сигнале? Может быть, там тоже осталась моя «подпись»?

А странное поведение монорельсовых поездов на станции?.. Мне действительно хотелось каким-то образом ответить, когда Малыш Уилли пытался остановить мое сердце. Не мог ли я тогда уже действовать на каком-то ином, подсознательном уровне?

Снова вспомнились слова Мари: «...и с каждым днем мои способности возрастают...» Может быть, дар, которым я обладаю, тоже развился за период вынужденного покоя, только в другом направлении? Или все те стрессовые ситуации, что выпали на мою долю совсем недавно, заставили меня использовать свой талант в новом качестве, а за ниточки до сих пор дергало исхлестанное подсознание?

Если это так и если я научусь управлять своим даром, тогда у меня на время пути появится нечто вроде страхового полиса.

Я продолжал перетряхивать память, где по-прежнему оставалось множество провалов, и не находил ничего похожего. Я всегда был пассивным наблюдателем, способным лишь воспринимать процессы, происходящие внутри информационных систем. Не вспоминалось ни одного случая, когда я действительно менял программы. Но теперь, похоже, такая способность у меня появилась — и как нельзя вовремя.

Кликликлик.

...Виток спирали и дальше внутрь, снова. Вокруг меня раскинулся волшебный простор. Я отыскал то место, которое воспринималось разумом как огненный водопад, обрушающийся в ярко-желтое озеро... Да. Здесь.

Я нырнул в озеро. Глубже, еще глубже... Через бесплотную цепочку, соединяющую машину с коммуникационной линией под асфальтом... Словно подземная река... Дальше, дальше, к огромному комплексу взаимосвязанных терминалов, процессоров и коммутаторов... То, что мне нужно, потребует подгонки данных здесь и там...

Смогу ли я изменить характер перетекающей информации?

Попробовал. Толкнул. Растиекся в оба конца, стараясь внести исправления сразу в передающее устройство и в принимающее. Заменил специфический сигнал, который непрерывно сообщал центральной системе дорожного контроля о местонахождении грузовика, и подделал инструкции, чтобы все выглядело как положено.

Биты информации проносились мимо, словно вытянувшийся в струнку рой сияющих пчел...

Удалось.

Я надежно замаскировал свой грузовик. Как только Барбье поймет, что меня не сбили, когда я пересекал шоссе, и что меня нет нигде на другой стороне, он начнет задумываться: кто мог остановиться посреди ночи и подсадить истекающего кровью беглеца?

Пусть думает. Пусть ищет. Грузовик в том районе даже не проезжал...

Просто для собственного удовольствия я перетекал из системы в систему, сопротивляясь озорному желанию вмешаться и изменить какую-нибудь мелочь. Понимание этой новой стороны моего дара наполняло меня ликованием. Что бы мне предложил Барбье, зная он о моих теперешних способностях?

Кору? И мою жизнь?

Нет. Я не хотел больше работать на него. Нужно отыскать другой путь. Но сначала...

На какое-то мгновение я потерял контроль над собственными перемещениями, и все мое создание вдруг захлестнуло потоком метеорологических сводок... Я словно лежал посреди поля под дождем и наблюдал за приближающимся фронтом высокого давления. Выглядел он как огромное, расползшееся по небу облако в форме буквы «В». Где-то далеко-далеко, смутно понимал я, раскрылся в зевке мой рот... Я засыпал... Мысли путались... Дело сделано, и настала пора возвращаться... Но так приятно было просто плыть по могучим рекам информационной сети, заглядывая то тут, то там в заводи банков данных... Меня ласкали электронные импульсы... Накатывали волны цифр, результаты каких-то бейсбольных игр... Я был...

Короче, я уснул. Никогда раньше мне не доводилось видеть сны среди витков и спиралей глобальной инфор-

мационной системы, никогда раньше не отдавал я свое создание столь полно. Усталость настигла меня, и, даже не успев ничего понять, я провалился в сон...

Сон в объятиях моря данных, в самых его пучинах. Что-то снилось мне, и никогда прежде я не испытывал ничего подобного, но потом, когда я очнулся, над горизонтами сна остались лишь какие-то фрагменты воспоминаний...

Мне чудилось, что я — компьютер. Огромный, сверхсложный компьютер, живущий в некоем запредельном пространстве. Затем рядом появился неясный силуэт какого-то существа. Я не знал, кто это, но в то же время чувствовал, что мы уже знакомы.

Существо подошло к клавиатуре и напечатало запрос — не помню, как он выглядел конкретно, — на поиск среди моих банков данных. То, что его интересовало, потребовало огромного количества информации. Мой принтер загудел, и на стол поползла широкая полоса бумаги. Взяв распечатку в руки, таинственное существо принялось считывать строки, причем с такой же скоростью, с какой я их печатал. Бумага скатывалась со стола равномерным шуршащим потоком, отчего на полу вскоре образовалось несколько уложенных неровной гармошкой куч. Они все росли и росли и через какое-то время с головой скрыли читающую фигуру.

Когда я закончил печатать, бумагу сдуло ветром и существо набрало на клавиатуру новый вопрос. Я ответил. И еще. И еще...

Потом существо принялось печатать на моей клавиатуре что-то длинное, сложное и не требующее ответа с моей стороны. Оно пыталось запрограммировать в меня — сообщить мне — какую-то информацию. Данные продолжали вливаться, но я почти ничего не понимал. В отчаянье существо предприняло еще несколько попыток...

После всех тех фокусов, какие обычно проделывает просыпающееся сознание с материалом снов, я запомнил только одну фразу: «КОМПЬЮТЕРНАЯ СЕТЬ — ЕДИНЕНИЮ ИСТИННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ; ПОМЕХИ ОСЛАБЕВАЮТ...»

Удивительно все же, как работает просыпающееся сознание: образы, которыми мы маскируем жизненные явления, обыденное посреди таинственного, и наоборот...

Проснулся я уже не в витках информационной сети, а в самом себе. Проснулся, чувствуя, что мне удалось отдохнуть. Несколько секунд я не мог понять, где нахожусь, но затем память вернула события предыдущего дня. Я сел и посмотрел в окно. Кругом по-прежнему поля и холмы; лишь слева по курсу чуть посветлело перед восходом небо...

Я сделал два-три глотка безвкусной воды из бачка и воспользовался санитарными удобствами. Умылся, причесался и оттер пятна на одежде. Затем вскрыл пакет концентрата, единственным достоинством которого была калорийность, и принял утолять голод, глядя вперед на дорогу и пытаясь вспомнить что-то, казавшееся очень важным.

Что-то на самом деле произошло. И я никак не мог осознать, что именно. Я уже не сомневался, что действительно изменил кодовый сигнал грузовика и данные о его передвижении. Но оставалось еще кое-что. Я чувствовал: в том, что приснилось, был какой-то смысл. Вдруг я и в самом деле компьютер, которому снится, что он человек?..

Внезапно грузовик дернулся и, взглянув за окно, я успел заметить слева девчонку в джинсах, толстом свитере и кроссовках. Какого черта она делает здесь, посреди дороги?.. Затем впереди показался еще один силуэт. На этот раз дорогу пересекал парень — неторопливо, словно он совсем не беспокоился за свою жизнь. Что-то его движениях было от заученного танца. Радар, конечно, заметил человека, и грузовик снизил скорость, однако через секунду стоявший на разделительной полосе парень тоже скрылся из виду.

Потом мы снова притормозили. Впереди никого не было, но, разумеется, грузовик снижал скорость, если тоже самое делала идущая перед ним машина, а она в свою очередь повторяла маневры идущей впереди и так далее вдоль всей цепочки.

Еще один судорожный рывок — и мы снова снизили скорость. Еще один...

За окнами мелькнули двое молодых людей, которые, очевидно, повторяли действия своих предшественников.

И тут я вспомнил, что или читал, или слышал где-то о подобной практике. Этих молодых людей называли то «дорожными танцорами», то «дорожными хулиганами».

и занимались они тем, что рано утром или поздно ночью, когда не так много свидетелей, высакивали перед идущим по автоматической полосе транспортом. Зная, что радарное устройство обязательно заметит их и что компьютеры грузовиков запрограммированы избегать столкновений с посторонними объектами, они чувствовали себя в относительной безопасности. Некоторых забавляла уже сама возможность изменять скорость и строгий порядок движения длинной череды грузовиков, но встречались и такие, которые ставили перед собой более опасные цели: за короткий промежуток времени изменить скорость машины таким образом, чтобы перегрузить управляющую систему и вызвать целую серию столкновений. Конечно, тут оставалась определенная доля опасности: мало того, что «танцоры» рисковали оказаться на полосе перед несущейся машиной с «обычным» живым водителем, они полагались на тот самый компьютер, в чьих системах пытались вызвать перегрузку.

Что это? Может быть, подумал я, просто новая забава молодых искателей острых ощущений? Или луддизм в еще одном его воплощении? Перенесенное на компьютеризованную, автоматическую технику стремление бить и крошить «злые» машины, которые разрушают знакомую, устоявшуюся жизнь?

А может быть, ни то и ни другое? Что-нибудь еще более глубокое и не столь пессимистичное? Мне вспомнились слова одного из моих преподавателей о том, что ритуальные игры и праздничные состязания заложены в самой природе человека. Возможно, то, свидетелем чего я стал, представляло собой современный ритуал перехода к зрелости, ритуал вступления в век автоматизации, подтверждение за молодым человеком его превосходства над созданными людьми механизмами...

Меня словно тряхнуло. Черт бы побрал этих подростков! Безответственная глупость — вот что это такое. Некуда им девать свободное время. Нет чтобы заняться...

Чем? Кражей промышленных секретов?

Ладно. Положим, будучи молодым, я тоже совершал кое-какие социально неприемлемые поступки. Но, видимо, на то были причины, хотя я никак не мог их вспомнить.

Движение выровнялось, и мы снова набрали скорость. Ритуал, или что это там, закончился, и ускользающее

воспоминание, которое я стремился вернуть, стало еще ближе; оно маячило почти в пределах досягаемости.

Небо светлело. Ночь уходила, словно вода при отливе, оставляя за собой дома, фермы и стога сена вдоль дороги. Вдруг перед моим внутренним взором снова возник образ «дорожного танцора»: возмутитель спокойствия в предрассветной мгле, взмах раскинутых рук в отражении радарных импульсов, ноги, переступающие в такт какому-то тайному ритму. Все это, чтобы доказать свое превосходство, появляясь вдруг перед кабиной стремительного механического чудовища? Чтобы повлиять на его движение? Чтобы...

Повлиять?

Изменить?

Перенаправить?

Подчинить себе?

Новый, более совершенный тип власти... Я задумался. В principe я мог бы добраться отсюда — терминал за терминалом, контакт за контактом, через всю компьютерную сеть — прямо к Большому Маку, информационной системе «Ангро энерджи». Чтобы защитить компанию от тех же методов, которыми пользовались мы сами, систему охраняло огромное количество всевозможных сторожевых программ. Коды, ядро безопасности, скремблеры... Вспомнились фразы с тех далеких дней, когда я работал над защитными приспособлениями Большого Мака: «иерархическое построение», «постшаговая детализация», «модульность Парнаса»... Конечно же, за прошедшие годы все было переделано, просмотрено, улучшено, доведено до гораздо более совершенного уровня. Но со мной, похоже, случилось то же самое. Если бы я смог проникнуть в информационное хранилище Большого Мака и добраться до сектора «Дубль-зет», где скорее всего и содержались данные о Коре, это стало бы, возможно, моим собственным ритуалом перехода в новое состояние, на новый этап развития. Если только удастся...

Все эти мысли пронеслись у меня в голове за считанные мгновения, и я понял, что должен попытаться. Снаружи вставало солнце, проливая яркий свет на дорогу впереди.

Раскрываются головки цветов, подают голоса птицы, а я ускользаю в недра системы...

Глава 9

Клик — я нащупал компьютер, протянулся внутрь, ощущив его непрерывную работу словно набегающие на берег волны, которые едва касаются моих ног. Клик — шагнул вперед, чувствуя ногами, как крепнет сила волн. Клик — двинулся дальше, к самой большой, стремительной волне, где...

Не снижая скорости, огромный трейлер свернул с ближайшей полосы на другой стороне дороги и, подпрыгнув на разделительной полосе, ринулся, словно взбесившийся слон, в мою сторону.

Я не сразу сообразил, что происходит, поскольку уже вошел в компьютер. Но спустя секунду, метнувшись через кабину, подтянулся за рулевое колесо на водительское сиденье. Ноги сами нащупали педали, а я все еще лихорадочно искал переключатель ручного управления. Мой грузовик продолжал двигаться с прежней скоростью и никак не реагировал на встречную машину.

Конечно же, я действовал недостаточно быстро. Трейлер оказался совсем близко... и вдруг исчез.

Я взглянул в зеркальце заднего обзора, ожидая вот-вот услышать грохот аварии... Ни самого трейлера, ни каких-либо звуков. Он просто исчез, бесшумно испарился словно признак.

Внезапно меня охватила подозрительность, и я принюхался. Нет. Никаких цветочных запахов. Тем не менее все это здорово напоминало проделки Энн, и я не мог придумать другого объяснения.

Положив руки на руль, я ждал. Если даже один мираж оказал на меня такое воздействие, где остальные?

Энн работала очень последовательно, и навстречу мне должна была двигаться уже целая колонна автомашин.

Может быть, это что-то другое? Например, голограмма? Хотя нет, конечно. Слишком убедительно выглядел трейлер, и я просто не представлял себе, как можно добиться такой точности изображения без комплекса сложного проекционного оборудования. Взглянул вверх: вертолетов тоже нигде не было. Да и не могли меня отыскать так быстро.

Я ждал, принюхивался, но ничего не происходило.

Потом решил все-таки заняться делом.

Клик — я направился к тому же месту, откуда мне пришлось вернуться. Теперь из-под воды просвечивали яркие огни, словно передо мной раскинулся затонувший город Иф. Я знал, что океан представляет собой огромную сеть передачи данных и нужно нырнуть к светящемуся городу...

...Навстречу мне, по нашей стороне дороги, неслась с огромной скоростью красная спортивная машина...

Пальцы сжались на рулевом колесе. Левая нога невольно вдавила в пол педаль тормоза. Однако сам я остался в компьютере и быстро двинулся к монитору радарного устройства, которое тут же опровергло стоящую перед глазами картину: на дороге ничего не было, никаких легковых машин.

Через секунду и та, что я видел, исчезла. Только что она грозила неминуемым столкновением, а мгновение спустя ее просто не стало.

Клик.

Черт с ними. Если эта игра настолько безвредна, решил я, не стоит обращать на нее внимание.

Назад в Иф...

Боже! Еще один трейлер! На этот раз я на какую-то долю секунды усомнился в принятом решении. Он обогнал меня слева и неожиданно двинулся наперерез. В первое мгновение я принял его за настоящий, хотя радар тут же убедил меня, что это снова призрак.

Я начинал злиться. Несмотря на всю иллюзорность, призраки здорово отвлекали от дела, мешали сосредоточиться, возвращали назад...

Более того. Мысль об аварии на дороге почему-то беспокоила меня особенно сильно, и я вытер лоб тыльной стороной руки. Обдумать это можно и позже, а сей-

час мне больше всего хотелось избавиться от навязчивых агрессивных иллюзий. Даже закрыв глаза, я все равно продолжал бы их ощущать, как во время бегства через лес. Но в данном случае даже этого будет достаточно, чтобы помешать сосредоточиться, потому что иллюзии бередили какую-то затаенную душевную рану, намекали на что-то такое, о чем мне совсем не хотелось в этот момент знать.

Я снова принюхался. Ничего. Но это уже не имело значения. Я не сомневался, что во всем виновата она.

— Энн? — произнес я громко. — Зачем ты это делаешь, Энн? Мы ведь были когда-то... друзьями? Мне кажется, я что-то помню... Босс, видимо, еще не знает, что ты нашла меня и читаешь мои мысли. Пока не знает. Дай мне хотя бы маленький шанс, а? Я должен закончить одно важное дело, но у меня нет желания мстить Барбье или «Ангро». Мне нужна только Кора, а она у них в руках... Раз уж ты должна сказать им что-нибудь про меня, скажи, что я исчезну и они никогда обо мне больше не услышат, если только отдадут Кору. Я серьезно. Ты же телепат. Загляни в мои мысли, и ты увидишь, что я говорю правду. Оставь пока эти игры с машинами, ладно? Они мне мешают.

Кабину мгновенно заполнило запахом фиалок.

— Ладно? — повторил я. — Пожалуйста. Дай мне немного времени закончить свои дела. Я бы сделал это, окажись ты на моем месте. Не мешай мне.

Цветочный аромат не исчезал. Ответа не последовало, но и новых машин-призраков на дороге не появлялось. Я не мог понять, то ли она размышляет над моими словами, то ли притаилась и готовится к новой атаке.

Однако в ожидании мало смысла, решил я через несколько минут и снова начал осторожный «эффект витков».

Клик. Кликлик. Клик.

Вниз. Сквозь прозрачные, сверкающие отблесками воды...

Прямо в движении я превращался в какую-то еще более зыбкую субстанцию. Повсюду застыли в пространстве строгие световые орнаменты, похожие на дисциплинированные эскадроны причудливых рыбешек... Я двигался дальше, выбирая дорогу между сияющими колоннами, вдоль змеящихся кабелей... Меня охва-

тывал восторг. Это и раньше случалось, но сейчас появилось что-то другое. Более сильное. Не просто восторг... Во мне крепло ожидание чего-то значительного, предвосхищение... Что-то в моем микромире, протянувшемся по всем континентам планеты, изменилось, и у меня возникало ощущение, будто я должен знать, что именно. Но я по-прежнему оставался в неведении и продолжал двигаться к одной из больших систем, где между двумя блестящими стенами на фоне глубокой черноты то и дело вспыхивали искры.

— Ладно, — услышал я мысленный ответ, прозвучавший для меня голосом Энн со всеми его знакомыми интонациями. Она согласилась дать мне время. Но не просто по доброте душевной. Теперь я отчетливо воспринимал ее присутствие и ощущал ее восторг, вызванный феноменом, который Энн уловила в моих мыслях. Медленными витками, начавшимися сразу за стенами, она следовала за мной. Казалось, вот-вот случится что-то непостижимое, потому что никогда раньше компьютерная сеть не овладевала моим разумом в такой полной мере. И я чувствовал, что с разумом Энн происходит то же самое.

Движение, виток, еще виток... Терминал... Минут... Еще один... Обходим сверху и снова вниз... Вверх-вниз...

Энн воспринимала все, словно ребенок, который сидит у отца за спиной, обхватив его руками за шею. Я чувствовал ее страх и одновременно — неодолимое любопытство, страстное желание узнать...

Поворот, еще поворот... Что-то... Что-то зовет...

Нет!

Что-то вот там... Зовущее, манящее... Я уже хотел прервать свой маршрут и направиться туда, но мысль о Коре, о моей цели, заставила меня воспротивиться, побороть желание, быстро перерастающее в одержимость... Что-то...

Я вырвался, освобождая мысли и стряхивая с себя оцепенение. Зная цель, я не мог позволить себе свернуть и поэтому ринулся дальше.

...И Энн вместе со мной.

— Поверни! — Почувствовав ее мысленный окрик, я в тот же момент понял, что манящий зов, с которым мне удалось справиться, все еще держит ее в своей власти. Она по-прежнему хотела туда, в сторону, чтобы узнать, откуда этот зов исходит.

Я промолчал. И пока двигался по спирали вместе с течением, то поднимаясь, то опускаясь с головокружительной скоростью, кое-какие из воспоминаний об Энн вернулись...

Я знал, что она читает мои мысли, но не удержался и принялся раскладывать перед собой все эти вспомнившиеся вдруг факты. Я даже почувствовал ее реакцию.

По-прежнему оставалось неясным, как мы встретились, когда я учился в университете. Хотя похоже было, что я узнал о ее таланте довольно быстро. Могучий дар. Она вполне могла бы создать для себя настоящую империю вместо того, чтобы помогать строить империю Барбье. Кто сумеет сохранить тайну, если она захочет что-то узнать? Кто устоит перед ее способностью обрушивать галлюцинаторные стрессы или просто мешать думать? Она могла бы узнать любой секрет, устраниТЬ любого врага — другими словами, не женщина, а целое разведывательное управление.

Но...

В характере Энн имелось одно уязвимое место. И весьма серьезное. Отсутствие самостоятельности. Она хорошо это скрывала, и тем не менее ей всегда был кто-то нужен, какая-то сильная личность, человек, на которого она могла бы опереться.

Вперед... Что-то новое открылось вдали. Мне представился впереди заполненный огнем ров...

Медленнее, медленнее... Тормозим. Стоп. Мы приблизились к цели.

Я чувствовал, как будоражит Энн все, что она видит. И ощущал ее недовольство моей оценкой присущей ей слабости. Тем не менее она соглашалась со мной. Барбье стал как раз той скалой, за которую Энн держалась, и именно поэтому она силилась запутать меня своими галлюцинациями, прикончить. Ей хотелось вернуть расположение Барбье, утерянное после того, как она не сумела удержать меня на островах и сломить, когда я летел на самолете.

Медленно, осторожно я подобрался ближе. Да. Теперь я оказался в периферийных устройствах информационной системы «Ангро энерджи». За кольцом огня вырастал темный силуэт. Он рос и ширился прямо у меня на глазах, очертания его становились все отчетливее. Темные, грубо вытесанные стены с бойницами, за которыми то и дело мелькали какие-то фигуры. Башни, навесные балконы...

Большой Мак обретал в моем восприятии форму крепости — огромной, мрачной цитадели. Мелькнули огоньки в узких оконцах на одной из стен, отчего та на мгновение стала вдруг похожа на старинную перфокарту, которую кто-то держит перед яркой лампой...

Кругами, кругами... За сиянием огней встала еще одна стена, превратившаяся в израненное нечеловеческое лицо, высеченное из камня. Протолкавшись между электронными схемами, я вгляделся в это лицо, изучая его сразу с нескольких сторон...

Дальше стоял подводный Стонхендж, вокруг которого покачивались, словно столбы дыма, филигранные кружева водорослей. Вспыхивали и вновь гасли разбросанные по его поверхности светящиеся ракушки... Рядом нечто похожее на закатный горизонт, упрятанный в массивный глубокий ящик и заполненный внутренним движением... Там — зловещий черный алтарь...

Крепость... Замок... Цитадель... Кругом пульсирующие базовые программы, охраняющие все пути подхода...

Я продолжал скользить, отталкиваясь от каждой встречной схемы, деля и умножая свои наблюдательные пункты. Когда-то я уже был внутри тех избитых штурмами стен. Когда-то меня принимали там с радостью. Но теперь, чтобы проникнуть туда, мне придется отыскать их слабые места...

Я видел, что ни один из защитников не может покинуть свой пост...

Присутствие Энн по-прежнему действовало на меня. Хотя бы потому, что я не мог совсем о ней не думать. Может быть, когда-то я тоже был сильной личностью, на которую она опиралась? Как я начал работать на «Ангро»? Связаны ли эти вопросы между собой?

Не успев додумать до конца, я почувствовал, как мои догадки находят у Энн подтверждение, передавшееся мне — возможно, против ее воли — через ту зыбкую связь, что нас объединяла.

Огни... Теперь моим вниманием завладели огни, складывающиеся в рисунок невероятно сложного внутреннего микропередвижения... Языки пламени превратились в набросок пантилиста, где все более и более очевидными становились отдельные яркие орнаменты... Глубже, глубже... К их, на первый взгляд, почти броуновским метаниям...

Энн... Пока я нащупывал ходы, Энн выглядывала из-за моего воображаемого плеча. Я чувствовал, как восторгает и удивляет ее появление каждой новой картины. Сама она ничего подобного увидеть не могла, но, очевидно, зрелище оправдывало в ее глазах даже то, что и я был способен чувствовать какие-то ее мысли, когда мы находились так близко друг к другу.

Нет, конечно же, огненные частички двигались не хаотично... В их движении чувствовался ритм, определенная периодичность, и теперь, глядя со всех своих наблюдательных пунктов одновременно, я это понял. Где-то внутри, я был уверен, лежит информация о Коре, информация о том, где она, и я продолжал пристально вглядываться...

Подумав о Коре, я уловил подтверждение, исходящее от Энн.

— Где она? — спросил я. — Если ты знаешь, скажи. Это избавило бы меня от трудной работы.

Но она тут же ответила отрицанием, хотя я успел заметить, как Энн попыталась затушевать мысль о Коре, и уловил лишь намек на какое-то место с теплым климатом. Не Флорида, а что-то другое... Мне стало понятно, что она остается со мной главным образом ради ожидаемого представления. Ей хотелось узнать, что я успел сделать и что собираюсь предпринять, но только для ее собственного удовольствия. Если бы со мной случилось что-нибудь ужасное, она всегда могла бы ускользнуть. Кроме того, Энн, видимо, не прочь знать наверняка, если меня постигнет неудача, чтобы потом было что доложить Барбье. Ведь ее последняя попытка свести меня с

ума своими иллюзиями провалилась. Вряд ли она скажет что-нибудь добровольно.

— Ладно, — произнес я. — Может быть, страсть к подглядыванию все же лучше, чем отсутствие каких-либо чувств.

Меня окатило волной душевной боли, оскорбленного достоинства и еще каких-то эмоций, но я никак не отреагировал и продолжал наступать на крепость со всех сторон.

Оттолкнувшись сразу от множества своих опорных пунктов, я двинулся вперед и почти вплотную прижался к мельтешащим огненным точкам сторожевых программ. Потом приказал, чтобы они рассступились...

И пламя раздвинулось, словно открылись клювы перед каждым из моих наблюдательных пунктов... Я проник за огненный ров...

С этого расстояния стены уже казались дымчатыми, клубящимися и подвижными...

Я продвинулся вперед сразу в двух местах, и меня мгновенно толкнуло обратно. Дым сомкнулся, принял твердую форму — передо мной возникло нечто блестящее, похожее на глыбу черного льда... Пристально вглядываясь, я даже мог различить внутри кристаллическую решетку, уходящую в темную бесконечность...

Но пока силы защитников крепости скапливались у тех двух моих точек проникновения, чтобы отразить врага, я заметил, как, становясь все прозрачнее, слабеют стены цитадели у всех остальных занятых мной постов...

И на какое-то стремительное мгновение стены вдруг напомнили мне тот день, когда я пытался отследить свой чек. Стены, которые, по прежним моим представлениям, скрывали утерянную летопись моей жизни... Почему-то теперь это уже не казалось мне таким важным. Лучше сосредоточиться на одной цели...

Я двинулся вперед еще в четырех точках, и стоящие передо мной стены превратились в рой светлячков, мечущихся, чтобы преградить путь моим лазутчикам...

Двинувшись вперед в трех новых точках, я в одной из них проник за стену...

...в еще один город света — Париж или Нью-Йорк мира компьютеров — огромный, сияющий, в постоянном повсеместном движении...

...Навстречу мне рванулась фаланга безликих сверкающих защитников, но двигались они как-то неуверенно, словно группа марионеток...

Я принялся отталкиваться от близлежащих конструкций, выстраивая свои отражения для битвы, пока меня не стало больше, чем их. Затем, оставив своих фазо-войников сражаться под руководством определенной части сознания, я пошел вперед...

...и увидел, что в случае моей полной победы на поле битвы беззвучный сигнал тревоги тут же повернет реку света, протекающую у меня слева, и пустит ее справа...

...а если это произойдет, я буду отрезан от похожей на лабиринт информационной сети. Поток света накроет ее и помешает следующему этапу моего путешествия...

...поэтому я отклонился в сторону и направился к сигнальному устройству. Однако увидел, что любые манипуляции с ним заставят сеть всколыхнуться и закроют часть системы насовсем...

...но оставался еще механизм, который должен всколыхнуть сеть. Его можно было отключить закодированной командой, блок ввода которой завис возле сигнального устройства, словно объемное изображение космической дыры...

Проследив цепочку сигналов назад, я нашел нужный код, затем отключил сигнальное устройство... Каждое из моих фазовых воплощений продолжало сдерживать сверкающих защитников крепости, не давая им вырваться... Примерно с наносекунду у меня перед глазами держался образ наложенных друг на друга сцен, словно из какого-то исторического фильма, где воины штурмовали средневековый замок. Видимо, почувствовав свою силу, подсознание позволило себе маленькую передышку и подчинилось смутному поэтическому импульсу.

...Факелы, крики, огонь, сверкающие клинки, море крови, здесь и там обломки доспехов, ржание лошадей, проткнутые стрелами кирасы. Смятение и хаос...

Сбросив с себя иллюзии, но сохранив ощущение душевного подъема, я принялся изучать саму информационную сеть, понимая, что мне придется туда внедряться. Если я выберу неправильный маршрут, компьютер обязательно переведет в другое место и рассчитает по всей системе нужный мне информационный массив «Дубль-зет». Придется отыскивать его еще раз и снова решать те же самые проблемы. Если не подойти сразу правильным маршрутом, данные будут исчезать постоянно, находя себе все новые и новые тайники...

Еще один блок ввода завис неподалеку, но, проследив назад его цепочку сигналов, я не обнаружил ключа. Долго думал, пытаясь найти решение, — он казался полезным... Потом наконец понял, что блок говорит на моем старом языке, языке обмана, и только тогда догадался инвертировать его содержимое. Наложил получившийся орнамент на рисунок информационной сети, и передо мной предстало странное зрелище — я словно смотрел на информационную сеть сквозь множество оптических прицелов одновременно, и перекрестья тоненьких рисок указывали правильный рисунок входа...

Я перестроился под рисунок — как будто подогнал кусок обоев — и проскользнул...

...в многоэтажный лабиринт. Размерность его меня не пугала, поскольку я осознавал, что способность воспринимать окружающее сохранит силу, пока я сам являюсь частью процесса. После, конечно, все это будет вспоминаться не так отчетливо. Мой талант не срабатывал в пустоте: ему требовалась ситуация, на которые можно реагировать. А сознание, сопровождавшее его в передвижениях, позволяло оценить и понять эти ситуации, хотя бы посредством работоспособных аналогий...

...поэтому я увидел себя/нас в движении сразу на нескольких уровнях лабиринта. У каждого нового перехода приходилось останавливаться и отслеживать коды для блоков ввода программы, за которой я охотился. Теперь, когда я прошел через двоично-четвер-

ричный преобразователь у входа в лабиринт, это требовало уже не просто выбора «да/нет», а гораздо более сложных решений. Видимо, преобразователь добавили в систему уже после меня: как для экономии объема памяти, так и в качестве дополнительного сторожевого устройства...

Я просочился сквозь лабиринт, и только один раз надо мной промелькнул силуэт какого-то оборонительного механизма.

...Сражение продолжалось уже в стенах замка, в каменных серых залах, увешанных гобеленами... Крики и стоны... Тяжелая мебель темного дерева... Качающиеся канделябры... Лай собак...

...Теперь я вынырнул в аллее с параллельными рядами огней, убегающими вдаль. Оставалось только надеяться, что они идут не до бесконечности... Глядя на них, я почувствовал, что начинаю уставать. Сражение с защитниками Большого Мака уже мешало мне сосредоточиться...

Эн следила за происходящим с неотрывным вниманием. Увиденное производило на нее огромное впечатление, но ее понимание обстановки не поспевало за ощущениями, и она как будто подгоняла меня, чтобы я демонстрировал все новые и новые образы.

— Мне следовало взять с тебя деньги за показ, — мысленно произнес я и почувствовал ответный всплеск похожего на удовольствие чувства.

...Я обратился к подсознанию с вопросом, не порали привлечь еще одну аналогию. Почти сразу же раскинувшийся передо мной ландшафт задрожал и преобразился...

...Куда-то вдаль уходила, казалось, бесконечная библиотека. Я двигался мимо сплошных рядов полок со столками книг... Ряды были размечены в алфавитном порядке, и у основания каждого стеллажа сверкали огромные металлические буквы...

...A, B, C...

C*!

Я свернулся и двинулся вдоль ряда С. Первый раздел — CA — все не кончался и не кончался. А я все сильнее ощущал усталость.

* По-английски имя Кора пишется с буквы «С» — Cora.

Длинные ряды старательно переплетенных книг по-прежнему начинались на СА. Я бросился бегом...

...Откуда-то издалека донеслись до меня звуки битвы, продолжающейся в огромной центральной башне замка. Но они становились все ближе, и в своих остальных воплощениях я уже понимал, на чьей стороне перевес. Очевидно, я терял позиции у одной из сигнальных систем, которую мне какое-то время удавалось удерживать силой, словно разжатые челюсти капкана. Чтобы сделать ощущения убедительнее, мое подсознание добавило еще и запах дыма...

«Спасибо, друг», — пробормотал я мысленно.

...В конце концов я добрался до СЕ — еще один нескончаемый ряд полок. Чувствуя, что волнение Энн растет прямо пропорционально моему отчаянию, я побежал еще быстрее. По-прежнему оставалось неясным, переживает ли она за меня или надеется стать свидетелем моего краха...

Перебросив часть сил своим воинам, сражающимся с защитниками Большого Мaka, я вдруг осознал, что стало труднее читать надписи на корешках книг. Дым сочился мимо меня и проскальзывал вдоль полок, застилая буквы.

Ругаясь про себя, я замедлил бег и взгляделся... Все еще СЕ. Черт.

Вперед, вперед! Пол превратился в зеркало, затем то же самое произошло с потолком. Бесконечная цепь отражений Белпатри торопливо двигалась сквозь дым реальности. Прошлое стало пожарищем позади, будущее — неверной дорогой в бесконечность. «Гонку не всегда выигрывает быстрейший, но на кого еще ставить?» Деймон Раньон, кажется? Да... Я чувствовал, как что-то вроде смеха, моего собственного смеха, отдается внутри меня и снаружи. Пугающее ощущение...

Снова проверил полки. Славу богу, уже СН! Скоро появится СI, а потом...

Уже СI! Не успел я об этом подумать, как уже СI. Хотя кому они нужны? У меня возникла мысль стереть всю секцию СI из досье «Дубль-зет» в памяти Большого Мaka — в знак протеста или из мести. Я понял, что усталость уже сказывается на моей способности рассуждать здраво...

...Звон оружия стал громче, запахи резче. Дым подавил еще плотнее...

Нет!

Я не могу сдаться так близко от цели!

Собрав все свои силы, я попытался восстановить и укрепить контроль над противостоящими мне системами. Теперь я двигался медленнее и напряженно, скрепоточенno думал...

Дым стал реже, шум сражения отдался, книги казались теперь тверже, а их заглавия яснее.

CO! Наконец-то CO!

Осознав, что я добрался до нужной секции, я едва не потерял контроль над битвой. Но бесконечный клан отражений Белпатри — и нормальных и перевернутых верх ногами — все же справился с собой, унял дрожание в окружающем его однообразно повторяющемся библиотечном мире и побежал дальше, минуя COB... COD...

COL...

COM...

CON...

И наконец-то, после COP и COQ, появилась CORA. Красавица, кроткая, королева. Кора, крошка, картиночка, Кора, корпорация — кровожадная корпорация, — контроль, криминал, конфронтация, кризис...

Я оборвал завораживающий джойсовский поток ассоциаций С-матрицы и схватил том с надписью CORA. Воспользовавшись кратким мгновением, когда я отвлекся, снова накатил дым. Возвращались запахи и звуки, Большой Мак опять брал верх...

Раскрыв голубой том с золотым тиснением, я увидел на первой странице слово «Кора», но оно тут же начало таять...

Кора. Все еще в безопасности, где-то на юго-западе страны... Кора... в Нью-Мексико? В Аризоне? «Юго-восточный квадрант самой северной части Новой Испании, которая...»

«Нью-Мексико», — взволнованная тем, как я почти решил проблему в ее присутствии, Энн не сумела спрятать от меня эту мысль. Или сказалась общечеловеческая привычка давать в такие моменты непрощенные советы. — «Неподалеку от Карлсбада».

Дым уже окутывал меня целиком. Я отпустил челюсти капкана, и мои войска отступили...

Уже не заботясь, что буду замечен, я рванулся наружу, оставив Большого Мaka вопить и скрежетать зубами в бессильной злобе...

Спустя секунду Энн оправилась от потрясения и, мне показалось, даже всхлипнула. Потом она пустилась своим путем, а я — своим...

Где-то на полпути обратно я снова ощутил присутствие таинственного наблюдателя, но на этот раз оно меня не заинтриговало...

«Доброе утро,, — передал я. — Может быть, когда-нибудь встретимся и позавтракаем вместе?»

...Затем снова витками вверх.

На несколько секунд я открыл глаза и увидел, что кабина залита ярким солнечным светом. Грузовик двигался с неизменной скоростью. Кажется, я получил, что искал, но сейчас мне совсем не хотелось разбираться в новой информации и строить планы. Какое-то странное оцепенение тормозило мысли и мешало думать.

Глаза снова закрылись, и мне приснилось, будто я мчусь в гробу на колесах, и еще множество других странных вещей.

Глава 10

...Машина безостановочно двигалась по ровному отрезку техасского шоссе. Я сидел на заднем сиденье и читал учебник, лишь краем глаза замечая за окнами пустынные поля, еще более унылые теперь, под нависающими громадами облаков, чем в начале пути. Резкие порывы ветра, словно гигантская ладонь, то и дело ударяли в бок нашей легкой машины. Откуда-то издалека доносились низкие глухие раскаты грома, надолго отстающие от вспышек молний, которые разбегались по небу, как будто ручьи расплавленного золота, пролитого с вершин облачных пиков... Звуки автомобильных гудков, вырастающие из тишины и пролетающие мимо...

Отец сидел за рулем. Мама рядом с ним на переднем сиденье. Радио тихо наигрывало какую-то мелодию в стиле кантри... Я вернулся домой на выходные, и мы собирались навестить семью старшего брата моего отца. Однако мне нужно было заниматься, и рядом на сиденье лежала стопка учебников. Первые капли дождя ударили по крыше машины, словно пули, и вскоре я услышал, как заработали стеклоочистители. Звуки гитары и чей-то знакомый гнусавый голос, поющий о том, что он «все пьет, и гуляет, и ходит по чужим женам, но никакой радости ему от этого нет», все чаще и чаще прерывались треском статики, и у меня возникла забавная мысль, что это очень похоже на то, как разгневанный муж палит в героя песни. В конце концов мама переключила радио на коротковолновую станцию, где музыку передавали инструментальную и не такую назойливую.

Мимо нас на большой скорости пронеслась машина, и я услышал, как отец пробормотал что-то, включая фары. Еще один удар гигантской ладони — и отцу пришлось выворачивать руль влево, чтобы вернуть нас с обочины. Гром, казалось, грохочет уже прямо над головой, а секунду спустя, словно водопад, обрушился дождь. Я закрыл книгу, заложив палец на нужной странице, и выглянул в окно. Тяжелый серый занавес из блестящих бусин срезал видимость всего до нескольких десятков метров. Ветер сердито завывал между ударами.

— Поль, — сказала мама, — может быть, съедем на обочину и остановимся...

Отец кивнул, посмотрел в зеркальце заднего обзора, потом пристально взгляделся вперед.

— Да, пожалуй, — сказал он и начал сворачивать.

В тот же момент еще один тяжелый порыв ветра обрушился на машину сбоку. Мы оказались на обочине, потом слетели с дороги. Отец ударили по тормозам, и машину повело. Что-то перевернулось у меня внутри, когда машина клюнула носом; заскрежетало по днищу, закричала мама. Потом мы куда-то падали, и я услышал сначала грохот грома, а затем грохот удара, заглушивший музыку, крик матери и все остальное...

Я вскрикнул и широко открыл глаза, но все равно ничего не видел несколько секунд из-за слез... Мне приснился сон, но на самом деле это случилось не только во сне. Это действительно произошло, вспомнил я, потому что именно так погибли мои родители. Это...

В лобовом стекле зияла похожая на звезду дыра, и мой грузовик — уже не во сне — медленно съезжал с дороги вправо. Так же, как случилось девять лет назад, хотя теперь не было ни бури, ни глубокого высохшего русла реки за краем дороги. Здесь сразу за обочиной начиналось кукурузное поле, манящее своими ровными рядами зеленых растений...

Я метнулся на водительское сиденье и на этот раз тут же нашел переключатель ручного управления — я специально заметил его положение в электрической схеме грузовика, когда последний раз проскальзывал в бортовой компьютер.

Резко, даже грубо я снова внедрился туда, одновременно поворачивая руль и возвращая машину на трассу. Зеркальце показывало, что грузовик позади меня отстает, а идущий впереди уходит все дальше. Танец без танцоров...

Теперь я заметил другие дыры в кабине — пулевые отверстия, не иначе. Очередь прошила грузовик с левой стороны и впереди. Тонкий свист заполнял кабину. Но сверху доносился еще более сильный вибрирующий звук.

Краткий осмотр изнутри показал, что компьютер поврежден и мне придется сохранять ручное управление, если я не хочу слететь с дороги.

Гудение в воздухе стало громче, и рядом с грузовиком пронеслась тень вертолета — как вернувшийся обрывок ночной тьмы.

Потом я его увидел и услышал звук выстрелов. Почувствовал удары пуль, рвущих тело машины. Уловил запах горячего масла.

К тому времени я уже «выскользнул» из компьютера грузовика и «протягивался» вверх. Выше, еще выше. Искал компьютер, управляющий автопилотом вертолета...

Чувствовал я себя довольно глупо. Мне казалось, что я так ловко замаскировался, изменив код грузовика... Конечно, меня тогда валила с ног усталость и мешала думать радость от осознания новых возможностей своего дара, однако...

Глупо было полагать, что я сумею спрятаться, изменив лишь один этот код. Скорее всего это сделало меня еще более уязвимым. Возможно, моя машина была частью транспортной колонны — я даже не удосужился проверить — из двух десятков грузовиков, направляющихся в Мемфис с какого-нибудь одного склада или завода на востоке страны. С таким же успехом я мог нарисовать на крыше своей машины — какая она там по счету — крест. Нужно было сначала проверить и изменить характеристики всей колонны. А так Барбье даже не потребовалась услуги Энн. Без каких-либо особых способностей он переиграл меня в моей же собственной игре. Мне следовало это предусмотреть. Следовало...

Вверх, вверх... Почувствовав наконец мозг автопилота, я скользнул внутрь и быстро ознакомился с рабочими

системами, пока человек, управлявший вертолетом, разворачивал его, чтобы сделать надо мной еще один заход. Я уже чувствовал запах дыма, а двигатель грузовика начал издавать странные, прерывистые звуки.

Мой противник развернулся, и я, захватив контроль над автопилотом, привел его в действие, стремясь сбить вертолет с курса, увести вправо...

И как раз в тот момент, когда у ствола пулемета расцвели короткие вспышки, вертолет резко дернулся вперед. Стрельба тут же прекратилась. Очередь прошла стороной.

Вертолет продолжал исполнять в воздухе свой нелепый танец. В кабине грузовика уже поднимались рядом с сиденьем водителя струйки дыма, и правой ногой я чувствовал, как разогревается пол кабины. Двигатель задыхался. Грузовик притормозил, потом рванулся вперед, снова притормозил и снова рванулся.

Вертолет увело вправо, потом он выправил курс, но скрылся позади, когда моя машина пронеслась под ним. Я чувствовал, как пилот сражается с механизмами управления, борется с автоматической системой, которая вдруг очнулась и выступила против него. Однако я не снижал усилий, стараясь увести аппарат в сторону, к земле...

Гудение в воздухе стихло, потом до меня снова донесся нарастающий звук. Я следил за обочиной дороги и не мог видеть своего противника. Он вынырнул в поле зрения слева, но довольно далеко. Понимание того, что пилот пытается меня убить, как-то не сразу проникло к тем уровням сознания, где содержатся страх, ненависть и другие способствующие выживанию инстинкты. Сердце мое стучало, и, когда дым в кабине стал еще гуще, я закашлялся. Кукурузные поля мы уже миновали; теперь от края дороги начинались пологие холмы. Я снова заставил автопилот двигаться вправо и вниз.

С надрывным воем двигателей вертолет подчинился приказу. Я совершенно отчетливо ощущал накал борьбы между человеком и машиной, сражающейся на моей стороне. Забыв про пулемет, пилот пытался справиться с механизмами управления, но я блокировал каждый его ход. В конце концов вертолет перевернулся и ринулся к земле.

Самого падения я даже не видел. Место, где вертолет врезался в землю, грузовик оставил позади, а дым в кабине становился все гуще. Когда я сумел наконец открыть окно, языки пламени уже начали прорываться из-под пола. Но меня беспокоило какое-то странное чувство... Человек, который вел вертолет, оставался для меня безликой абстракцией, существом, пытавшимся меня убить, хотя сам я не желал никому зла... А вот компьютер...

Я побывал у него внутри и только что его узнал. А затем принудил к действиям, принесшим ему смерть. Я оставался с ним до самого удара о землю, когда все его системы вдруг обезумели и тут же прекратили свое существование. В тот момент я испытал маленький всплеск чувства вины, хотя ни о каком разуме тут и речи идти не могло. Но когда вещь перестает быть просто вещью?..

Грузовик снова уводило с дороги. Я повернул руль, однако ничего не изменилось. Нажал на тормоз — он тоже не работал.

Машина скатилась с дороги и понеслась вниз по склону пологого холма к торчащей в центре поля длинной каменистой гряде. Действовал ли я в тот моментrationально? Может быть, не совсем. Я скользнул в компьютер грузовика и обнаружил, что он мертв, за исключением двух-трех обслуживающих систем, которые тоже работали на пределе. Я чувствовал: мне приходит конец. А Энн, которую такая связь вполне бы устроила, даже не было рядом... Впрочем, возможно, я зря о ней так думал. Не знаю. Когда-то я нравился ей, в этом я уже не сомневался. В прошлом мы действительно что-то знали друг для друга...

«На тот случай, Энн... — подумал я, четко выделяя каждую мысль. — На тот случай, если это действительно финиш... А я думаю, что так оно и есть... Короче, я знаю, что Босс получил информацию от машин, а не от тебя... Нюхай свои цветы... Если ты слышишь меня сейчас, я совсем не так хотел уйти из жизни, раз уж пришлось бы, но я знаю, что это не твоих рук дело... Я не стану проклинять тебя — несмотря на твои второсортные иллюзии — за то, что ты составила мне не так давно компанию... Жаль, что я не могу вспомнить больше, хотя... Ты единственный человек, который меня слышит сейчас. И на этом я с тобой прощаюсь. Хочу только сказать, что Бар-

бье для тебя — не самый лучший вариант. Нюхай свои проклятые цветы...»

...Затем шум мотора стал громче, еще громче, еще... Я не сразу понял, что это звук не только моего двигателя, и лишь через какое-то время почувствовал рядом присутствие других компьютеров, работающих. Затем мою машину обогнали тени. Затем резко толкнули...

Охваченный паникой, я потел и задыхался от страха, но, когда тени сравняли скорость и первый грузовик ткнулся в борт моего, до меня национец дошло, что происходит.

Вслед за моей с трассы сошли еще две машины, настигли меня и теперь шли вровень. Та, что приблизилась справа, с лязгом и скрипом притерлась бортом к моему грузовику. Тут же нас толкнули с другой стороны. Металл скрежетал и гнулся, а у меня в голове, словно метеоры, проносились фрагменты недавнего сна, оставляя за собой клубящиеся следы страха.

Вид через лобовое стекло сменился... Огонь проник в кабину... Теперь я уже ехал не вниз по склону холма, теперь меня повернули. Словно двое слонов, помогающих раненому товарищу, два грузовика меняли мой курс, отворачивая от поджидающей у основания холма смертоносной каменной гряды.

Какое-то время я выиграл, но проблемы это не решило, потому что пламя по-прежнему наступало. Надо было выбираться из кабины. Это означало — прыгать, а я прекрасно понимал, что, спрыгнув на такой скорости, разбьюсь насмерть.

Я выглянул налево. Грузовик с этой стороны уже отошел чуть в сторону и теперь толкал только тот, что справа. Всего метра полтора, может быть, отделяло меня от машины слева. Когда она толкнула мою в бок, дверца кабины у нее распахнулась, да так ее и заклинило.

Перепрыгнуть... Если получится... Должно получиться. У меня оставался только один шанс сохранить себе жизнь...

Я открыл свою дверцу, удерживая ее против набегающего потока воздуха, и осторожно развернулся на сиденье лицом к выходу. От ворвавшегося в кабину ветра пламя тут же выросло и прыгнуло мне на спину, опалив одежду. Я взглянул вниз, чего делать совсем не следова-

ло. Потом, с трудом оторвав взгляд от проносящейся по-до мной земли, снова посмотрел на спасительную кабину машины слева. Чего я жду? Когда страх съест последние остатки решимости? Выбора действительно не оставалось. Я внимательно посмотрел, за что можно ухватиться руками, и прыгнул.

...Ливень. Скрежет днища, когда машина клюнула носом... Крик матери... Грохот удара... Мрак, бесконечный мрак, который все не проходил и, казалось, никогда не пройдет...

Мрак.

Безмолвие.

Мрак и безмолвие.

А в самом центре этого мрака и безмолвия — боль. Моя голова...

Время от времени боль чуть отступала, и возникали ощущения — разум мой словно существовал сам по себе, плавая в каком-то дурмане отрешенности. Это чувство не вызывало протesta — все, что заглушало мысли, я мог только приветствовать.

Мне казалось, что я лежу на спине в каком-то помещении, хотя полной убежденности у меня не было. Кроме этого смутного ощущения и боли, я ничего не чувствовал. Однако позже мне начало казаться, что моя голова лежит на подушке.

Я попытался крикнуть и ничего не услышал.

Очень долго меня не оставляло подозрение, что со мной случилось что-то совершенно ужасное и несправедливое.

Как долго?

Дни? Недели? Я не понимал даже этого и только чувствовал, что времени прошло очень много.

Мысли мои снова и снова возвращались к аварии. Может быть, такова смерть? Этот бесконечный дрейф сознания в черной безмолвной пустоте, сохранившей лишь боль расставания с жизнью? Порой я действительно в это верил. Но иногда вдруг чувствовал, как мне на лоб ложится чья-то невидимая рука.

Видеть...

Может, я ослеп? И оглох?

От этих мыслей хотелось кричать. Но если я кричал, то все равно ничего не слышал.

Мрак и безмолвие.

Постепенно боль унялась. К тому времени я уже прошел через периоды паники, кошмарной иррациональности, уныния, летаргии, отчаяния. Случалось, я не мог догадатьсяся, когда сплю, а когда бодрствую. Я знал, кто я, но не понимал, где нахожусь и сколько прошло времени.

Все это изменила пища. Зачем нужна пища бесплотному духу? Мне осторожно открывали рот и вливали туда — видимо, из пластиковой бутылки — бульон. Я давилася, какое-то время задыхался, но в конце концов глотал.

Именно это ощущение позволило мне наконец понять, что я в больнице — ослепший, оглохший, парализованный. Даже странно, как такое ужасное озарение может — хотя бы и недолго — сопровождаться чувством облегчения. Но по крайней мере я узнал, где нахожусь, и понял, что обо мне заботятся. Все мои мрачные метафизические предположения растаяли без следа. Я жил, и меня лечили. Теперь я даже мог надеяться на выздоровление...

Ход времени я замечал по кормлениям и, как мог долго, отгонял от себя мысли об аварии. Но в конце концов пришлось думать и об этом.

Живы ли родители? Может быть, мы лежим на койках, стоящих совсем рядом, или... Если они живы, каково их состояние? Как у меня? Я снова и снова прокручивал в памяти катастрофу. Может быть, я пострадал меньше, потому что сидел на заднем сиденье? Или наоборот — машина перевернулась и мне досталось больше всех?..

Совершенно невыносимые болезненные фантазии, когда невозможно узнать точно, как обстоят дела. Но сделать я ничего не мог и постоянно искал, чем бы еще занять свои мысли. Вспоминал о колледже, об экзаменах, которые наверняка пропущу, — возможно, уже пропустил. По минутам восстанавливал в памяти какой-нибудь самый обычный день из студенческой жизни, пытаясь вспомнить всех, кого я знал в колледже. Старался до последней мелочи припомнить расположение предметов, что находились у меня в комнате. Самые лучшие лекции, что я слышал, книги, которые читал...

Я придумывал для себя игры и играл в них до бесконечности. Дошло до того, что я научился сохранять в

памяти все положения фигур на шахматной доске, но без настоящего противника игра не доставляла особого удовольствия...

Когда я уставал от всего этого, когда воображение ничего больше не могло подсказать, а спасительный сон не приходил и не приходил, мне начинало казаться, что лучше бы я умер. Раз я почти ничего не чувствую во всем теле, скорее всего поврежден спинной мозг или даже головной. Я понимал, что ничем хорошим это не кончится, если только скоро ко мне не начнут возвращаться хотя бы какие-то ощущения. Иногда от боли головы просто раскалывалась, и я с сожалением вспоминал о тех первых днях, когда меня накачивали лекарствами или наркотиками, от которых мне становилось абсолютно все равно. А временами у меня возникал вопрос, не сошёл ли я постепенно с ума? Или, может, уже сошел?

Я пытался говорить. Слыши ли я свою речь или нет — не столь важно. Главное, чтобы меня услышал кто-нибудь еще. Один раз я начал повторять фразу «у меня болит голова» снова и снова. На самом деле голова не болела, но кто-то, должно быть, услышал, ввел мне сильное обезболивающее, и я опять «уплыл».

Эту хитрость я пытался применять довольно часто, но сработала она всего несколько раз. Видимо, они сообразили, в чем тут дело. Однако у меня возникла новая идея.

Почувствовав в очередной раз у себя на лбу чью-то руку, я попытался сказать:

— Подождите. Я в больнице? Если «да», надавите один раз, если «нет» — два.

Одно прикосновение кончиками пальцев.

— А мои родители? — спросил я. — Они живы?

Ответ последовал не сразу, но по замешательству врача я и так понял, каков он будет. После этого я ушел в себя, замкнулся. Возможно, на какое-то время даже потерял рассудок.

Позже — возможно, спустя несколько дней — я справился с собой и попробовал заговорить вновь. Попчувствовав на лбу руку, которую уже долго игнорировал, я спросил:

— У меня разорван спинной мозг?

Два касания.

— Поврежден?

Одно касание.

— Я поправлюсь?

Без ответа. Видимо, неверный вопрос.

— Есть шанс, что я поправлюсь?

Неуверенное касание. Не очень обнадеживающее.

— Глаза у меня повреждены?

Два касания.

— А мозг?

Одно.

— Это излечимо?

Без ответа.

— Операция мне поможет?

Без ответа. Неужели они ушли? Может быть...

— Мне уже сделали операцию?

Одно касание.

— Когда будет известно, насколько она успешна?

Без ответа.

— Черт! — произнес я и снова ушел в себя.

Спрашивать ни о чем не хотелось — ответы на те вопросы, что волновали меня больше всего, я уже получил. Позже я много раз чувствовал руку на лбу, но просто не знал, о чем спросить.

Последовало несколько долгих периодов, во время которых я, видимо, терял психическое равновесие; периодов, заполненных дикими, похожими на сны видениями, которые на самом деле были не снами, а какими-то бредовыми странствиями ума. Между этими периодами ко мне возвращалась способность мыслить нормально, и в один из последних таких периодов я решил попытаться сохранить свой разум. Зачем — до сих пор не уверен. Может, само это решение было решением безумца. Иногда мне казалось, что будет лучше, если я потеряю всякое представление о причинности, всякое рациональное понимание себя. И все же я решил попытаться выстоять против надвигающегося хаоса.

Начал я с рассказа самому себе истории своей жизни. Сначала отрывочно, в общих чертах, потом все глубже и подробнее. Обратившись к детским воспоминаниям, я оттуда стал медленно продвигаться вперед и так несколько раз. Вспоминал лица одноклассников в начальной школе, отыскивая имена для каждого из них.

Извлекал из памяти даже скатерти, ковры и картины на стенах, о которых не вспоминал годами. Каждого родственника, каждого друга... Одежду, которую носил когда-то давно... Свою первую драку и первую любовь. Каждую боль в своей жизни. Я перелистывал многочисленные рождества, дни благодарения, дни рождения, вспоминал, кто где сидел на праздничных обедах, подарки, которые дарили мне и которые дарил я, свадьбы, рождения, смерти... Дело, что вели родители... Это последнее заняло меня надолго, и я порой удивлялся, сколько невероятных подробностей можно обнаружить в памяти, если немного напрячься...

Дело, что вели родители?..

Я вспоминал компьютеры и все те игры, в которые я с ними играл. О каждом из них я думал, как о своих одноклассниках, поскольку многие компьютеры представлялись мне как бы самостоятельными личностями.

Я даже помнил, как я решил, что каким-то образом чувствовать работу электроники...

Мне вдруг захотелось, чтобы у меня был компьютер, с которым я мог бы поговорить, и снова вспомнилось то странное, почти забытое все эти годы чувство.

Клик. Клик. Кликлик.

Да. Именно так. И вдруг...

...Я увидел бесконечные ряды огней, вращающиеся кольца пламени, услышал треск контактов, щелчки переключений и последовал за яркими витками спирали в эту волшебную страну...

Словно я вернулся в детство. Именно такое у меня возникло ощущение. Только машина была не та, что воскресала в памяти, а другая, настоящая... Я вглядывался в помещенный где-то неподалеку большой компьютер. Никаких сомнений. Как мне это удалось и где он находится, я еще не понимал, но чувствовал, как перебегают туда-сюда данные, и, пока я смотрел, картина с каждой секундой становилась все отчетливее и понятнее...

Каким-то образом я вступил в контакт с больничным компьютером, оказавшись в его внутреннем функциональном мире молчаливым партнером и наблюдателем. В мгновение ока я перестал чувствовать себя одиноким.

С тех пор, просыпаясь каждое утро, я убегал из реального мира и проскальзывал в эту удивительную машину, ставшую моим другом. Там, внутри, хранился колоссальный объем информации, которой я отдавал все свое внимание, перестав реагировать на возникающее время от времени смутное желание пообщаться с теми, кто меня кормит, лечит и моет. Всех этих людей я знал теперь по именам — кто на дежурстве, кто отдыхает, а познакомившись с личными досье, узнал и кое-какие подробности их биографий. Все меню я читал заранее. Прочел истории болезни всех пациентов больницы — в том числе и свою. Положение у меня было тяжелое, с совершенно пессимистическим прогнозом. Чуть позже я обнаружил, что могу выяснить значение любого не известного мне термина через канал связи с компьютером медицинской библиотеки. Я даже знал, где находятся все мои пролежни, хотя сам их не чувствовал. Сведения из собственной истории болезни здорово меня расстроили, зато теперь у меня появилось окно в мир, которого не было раньше.

Новые данные в историю болезни заносились с числами, и постепенно ко мне вернулось настоящее ощущение времени. Текли дни и недели, недели складывались в месяцы, а мое окно в мир тем временем росло и превращалось в огромный panoramic экран...

Больничный компьютер имел канал связи с полицейским, медицинская библиотека связывалась с университетским компьютером, тот — с военным, а этот — с метеорологическим и так далее. А по пути встречались банковские компьютеры, машины проектных фирм, частные компьютеры, выходы на иностранные системы..

При желании я мог «бродить» по всему свету, быть в курсе последних новостей, читать книги, в считанные секунды отыскивать необходимые факты, наблюдать за любыми спортивными играми и событиями реальной жизни...

Я научился укрощать магнитные потоки.

Кликклики.

Конечно, мне было небезразлично, что мое тело лежит без движения и без пользы. Но по крайней мере я снова стал частью большого мира. У меня появилось

множество удивительных вещей, за которыми можно наблюдать. Забываясь, я мог целыми днями следить за какими-нибудь деловыми, политическими или военными манипуляциями с людьми, предметами, деньгами... Я видел, как одни корпорации захватывают другие, как проводятся экономические санкции в политически сложных ситуациях, как ведутся переговоры о профессиональном спортсмене экстра-класса, как гуманитарный университет реорганизуют в технический институт. Я предсказал самоубийство, заранее догадался об экономическом успехе океанографического концерна, присутствовал на операции по спасению потерянного спутника. Я уже не был одинок. Конечно, я хотел снова обрести свое нормально функционирующее тело, но по крайней мере мне перестали мерещиться разъедающие прикосновения безумия...

Я неоднократно задумывался — разумеется, задумывался, а как же? — о природе своей уникальной связи с машинами. Ни о чем подобном я раньше не слышал и не читал. Казалось, это какая-то неестественная форма телепатии — между человеком и машиной. Я не один раз пытался уловить мысли людей, находящихся рядом, но из этого решительно ничего не получалось. Судя по всему, мой дар имел строго определенную направленность. Я понимал, что, должно быть, родился с какими-то крохотными зачатками этой способности. Но она никогда не развилась бы, не попади я в уникальные обстоятельства.

Однако как бы дар ни возник и ни развивался, мне оставалось только благодарить за него судьбу. У других пациентов — в лучшем состоянии, чем я — были, возможно, в комнатах телевизоры. Я же прямо в голове мог подключаться практически ко всему миру.

...Шло время. История болезни показывала, что мое состояние неизменно. По-прежнему недостаточный вес, катетеры, электростимуляция кишечника. Время от времени внутривенные вливания. Регулярные дозы лекарств. Меня все так же переворачивали и перекладывали, но пролежни оставались. Показаний для дальнейшего хирургического вмешательства не было. Более того, один из неврологов предполагал, что я уже совершенно выжил из ума. Все говорило о том, что я остаюсь — и скорее всего до конца своих дней останусь — растением

Любые попытки примириться с этой мыслью ни к чему хорошему не приводили: она преследовала меня и во сне и порой наяву. Я, конечно, досконально изучил свое состояние и все связанные с ним медицинские проблемы, но ничего обнадеживающего не нашел. Тем не менее поиски новых развлечений среди чудес информационной сети никогда не заслоняли для меня достижений медицины, которые могли бы помочь мне справиться со своим недугом.

Не помню точно, когда именно у меня возникло смутное чувство тревоги. Не по поводу своего состояния, нет. Ничто в моей истории болезни не предвещало неминуемой смерти или внезапного ухудшения. Я не принимал ни стоеческих поз, ни каких-либо решений о покорности судьбе, и во мне по-прежнему жила крохотная надежда на выздоровление. Меня не оставляла ничем не подтвержденная уверенность в том, что это самое «достижение медицины» все-таки появится и вернет мне полноценную жизнь. В этом я не мог себе отказать. **А** вот чувство тревоги объяснить гораздо труднее.

Когда я плутал по информационной сети, у меня иногда возникало впечатление, что кто-то смотрит мне через плечо. Поначалу это случалось редко, короткими наплывами, но вскоре такое ощущение стало приходить все чаще и чаще. Первое время я считал, что это просто параноидальные фантазии. В конце концов, я довольно долго находился в тяжелом состоянии, и это не могло не сказаться на мне, тем более что теперь у меня оставался только один способ как-то отвлечься, и способ в высшей степени необычный. То, что меня начали преследовать электронные призраки, видимо, просто реакция, рассуждал я, возможно, здоровая реакция, подчеркивающая, что я теперь замечаю, даже ищу что-то за пределами той заполненной моим «я» Вселенной, где мне довелось прожить так долго.

Но ощущение, что я не один, не уходило, набирало силу и со временем стало моим постоянным спутником. Я даже как-то сжился с ним и не собирался оставлять свои прогулки по информационной сети. Однако этот период мне вспоминается не очень четко, что связано, возможно, с последующими событиями.

Однажды утром я проснулся со странным ощущением в левом бедре. Ни двинуть ногой, ни сделать чего-то еще столь же сложного я не мог, но маленький участок кожи, размером, быть может, с ладонь, покалывало. Потом буквально начало жечь. Я чувствовал себя очень неуютно и совершенно не мог сосредоточиться. Не мог уснуть в информационную сеть, ничего не мог — только думал и думал о том, что происходит — наверное, несколько часов подряд. Странно, как мне не пришло в голову, что это, обнадеживающий признак. Я воспринимал новое ощущение просто как еще одну пытку.

Проснувшись в следующий раз, я почувствовал то же самое в пальцах левой ноги, и время от времени вспыхивали какие-то ощущения в икре. Болезненный участок на бедре стал больше. Только тогда до меня дошло, что со мной происходит, видимо, что-то хорошее.

Дальше — сумятица, монтаж, и этот период занял не одну неделю. Я помню ужасный звон в ушах. Он продолжался несколько дней подряд и лишь потом превратился в отдельные звуки, а еще позже — в слова. Наверное, больше суток я просто не замечал слабого свечения и только через день понял, что возвращается зрение. Теперь уже жгло правую ногу, живот, руки. Все зудело, и в конце концов я почувствовал боль от пролежней. Не помню точного момента, когда улучшение в моем состоянии заметила дежурная медсестра. Врачи приходили толпами. Мне довелось встретиться с тем самым неврологом, который решил, будто я сошел с ума, и даже поговорить с ним. Разумеется, я не рассказал ему — как и никому другому — об «эффекте витков», опасаясь, что подобный рассказ только утвердит его в прежнем мнении.

Прошло немало времени, отданного физиотерапевтическим процедурам, прежде чем я смог ходить, но для начала мне было достаточно просто кататься в кресле по коридорам (позже я научился возить себя сам), разглядывать через окно сад или машины на дороге, разговаривать с другими пациентами. Как хорошо было вернуть способность есть самостоятельно! И я решил не начинать курить снова, поскольку полностью и незаметно для себя освободился от прежнего пристрастия к никотину.

Мысль о смерти родителей все еще отдавалась болью в душе, и я знал, что после больницы первым де-

лом навещу их могилы. Однако времени с тех пор прошло немало, я успел сжиться с этой мыслью и уже не думал о них постоянно.

Достижение медицины, которого я ждал, так и не пришло. К счастью, по прошествии времени мой организм сам устроил себе ремиссию...

...Отдыхая, я теперь постоянно ускользал в компьютерную сеть, поскольку она стала частью моей жизни. К этому феномену я относился с огромной любовью и благодарил судьбу, что он не исчез, вытесненный возвращением остальных моих способностей. Лежа вечерами в постели, я по-прежнему отправлялся бродить по информационной сети. Хотя что-то неуловимо изменилось.

Клик.

Я лежал поперек сиденья спасшего меня грузовика и никак не мог отышаться. Грузовик уже снизил скорость, отстав от моей горящей машины и второго «спасателя», который тоже теперь горел. Взираясь по склону холма, мы плавно выворачивали назад к трассе.

Спину все еще жгло. От меня несло дымом, смешанным с запахом паленой одежды и волос. Дым чувствовался даже во рту. Я кашлял и вдыхал чистый воздух. Грузовик тряхнуло, когда он переехал мелкую канаву, и полуоткрытая дверца заскрипела. Окно на дверце потрескалось, но не разбилось.

Я поднялся на локтях и, закрывая поплотнее дверцу, увидел, как два грузовика врезались в каменистую грязь. Последовало два взрыва, среди обломков заплясало пламя. Трешины на стекле дверцы полыхнули в ответ, словно разряд молнии.

Глава 11

Машины на автоматической полосе пропустили нас в ряд, и мы снова стали частью равномерного транспортного потока. Увы, все хорошее быстро кончается. Мы нарушили строгий рисунок движения, за которым следят программы компьютера, управляющего автоматическим транспортом, и, даже вернувшись на дорогу, наверняка выделялись в общем потоке сигналов. Если раньше я еще мог безнаказанно перепрограммировать целую колонну грузовиков, то сейчас мне это вряд ли бы удалось. Я даже не сомневался, что теперь, когда результаты моего последнего вмешательства в работу транспортного компьютера стали известны, там добавили какую-нибудь новую следящую программу. Кроме того, мой новый грузовик очень легко будет обнаружить визуально, поскольку на нем остались вмятины и царапины.

Быстрый виток, краткий поиск — и я уже знал, что нахожусь в восточной части Теннесси. Заставив машину съехать на обочину, я с милю прогнал ее по краю дороги, потом остановил и вышел. Вдалеке, за пустынными полями и ухоженными посадками, виднелась железнодорожная линия. Протянувшись мысленно в ту сторону, я почувствовал, как перетекают по световодам, проложенным вдоль линии, ручейки данных.

Какое-то время я в нерешительности стоял рядом с грузовиком. Из-за холмов, оставшихся позади, поднимались черные, изломанные ветром столбы дыма от обломков двух машин. Оставалось только надеяться, что Барбье подумает, будто я погиб в аварии, и у меня будет хоть какое-то время, чтобы опередить преследователей.

Я приказал грузовику вернуться на автоматическую линию и продолжать свой первоначальный маршрут. Машина послушно взревела и двинулась прочь, в промежуток, который, притормозив, ей тут же выделили другие машины.

Взглянув на небо, я убедился, что вертолетов нигде больше нет, однако издалека доносился звук полицейской сирены, и я зашагал через холмистое зеленое поле, направляясь к похожему на парк участку. Там, среди деревьев, располагалось несколько зданий, но людей почти не было видно, и, двигаясь по щиколотку в мягкой траве, растущей из красноватой жесткой земли, я догадался, что приближаюсь к студенческому городку.

Клик. Клик. Клик. Точно. В компьютере содержались списки оценок. Летняя сессия...

Сирена, завывавшая вдалеке, смолкла. Видимо, полицейские наконец добрались до обломков. «Конечно, — подумал я, — пройдет время, пока они сумеют разобраться в обгоревших останках грузовиков», но тем не менее ускорил шаг. Полуденная жара тоже подгоняла в тень, ждущую впереди. Я поразмыслил и решил, что для студенческого городка выгляжу вполне сносно.

Вскоре я выбрался на тропинку, которая через несколько сотен метров стала шире и сменилась дорожкой, усыпанной гравием. Пахло магнолиями и свежескошенной травой. Не увертюра к каким-либо воображаемым ужасам, а настоящие запахи: я видел впереди и деревья, и поляну, где скосили траву.

На открытой площадке справа несколько парней и девушки играла во фризби. Никто из них не обратил на меня внимания. Пройдя мимо и добравшись до ближайших зданий, я уловил запах пищи, и в животе у меня тут же заурчало.

По каменным ступеням с перилами из железной трубы я спустился в маленькое полуподвальное кафе и остановился у открытой двери, словно высматривая кого-то внутри. Люди подходили к стойке и платили наличными, а парень у кассы в перерывах между клиентами читал книгу в мягкой обложке. Никто ни у кого не спрашивал удостоверений личности.

Я прошел в кафе, купил себе две сосиски, пакет чипсов и большую бутылку кока-колы, потом выбрался на

улицу и устроился на уединенной скамейке под большим старым деревом, что приметил еще раньше.

Пока я сидел, ел и разглядывал студентов, у меня возникло странное чувство, заставившее вспомнить свои собственные годы в колледже. Я уже совсем собрался скользнуть в ближайший компьютер — видимо, просто ради компании, — когда мимо меня по направлению к кафе прошла с ракеткой в руках девушка в белых шортах, лимонного цвета кофточке и теннисках. При мерно такого же, как Энн, роста и сложения. С тем же цветом волос...

...И она явилась перед моим внутренним взором, как в тот далекий день, когда я еще учился, — в белой шелковой кофточке, в темно-синей юбке, с маленькой сумочкой в руках. Я стоял в дверях студенческого кафе, прячась от ветра. Она взглянула мне в глаза, словно уже знала, кто я такой, улыбнулась и назвала меня по имени. Я кивнул, потом произнес:

— А вы — Энн Стронг.

— Да, — сказала она. — Я хотела бы пригласить вас на ленч.

— Согласен, — ответил я, поворачиваясь к кафе.

— Не сюда, — возразила она. — В какое-нибудь более цивилизованное и тихое место.

— О'кей.

Мы сели в ее машину и отправились в ресторан при старинном отеле, где она остановилась, — ресторан с великолепной кухней и тяжелыми льняными салфетками.

Я уже три месяца как приступил к занятиям. А между выездом и возвращением в университет прошло еще полгода. Учебу я воспринимал словно трудотерапию, занимался очень серьезно и рассчитывал получить неплохие оценки на экзаменах, до которых оставалось всего несколько недель.

По дороге мы не разговаривали ни о чем серьезном, просто знакомились. Во время еды она тоже не торопила события, и за приятной беседой я даже забыл, что Энн Стронг подбирает людей для «Ангро энерджи». Словно случайно она затрагивала в основном те темы, которые меня тогда волновали, в том числе и несколько книг, что я прочел за последние месяцы или еще читал.

И только когда подали кофе, она наконец спросила:

— Каковы ваши планы на будущее?
 — Что-нибудь связанное с компьютерами.
 — Вы никогда не думали перебраться на восточное побережье?

— Пока не думал, — сказал я, пожимая плечами. — Но если работа мне понравится, я поеду, куда потребуется.
 — Я обратила на вас внимание, потому что вы, может быть, подойдете для «Ангро».

— Вот это меня и удивляет, — ответил я. — Я считал, что в таких случаях нанимают только старшекурсников или выпускников. А мне еще не один год учиться.

Она отхлебнула кофе.

— Меня интересует талант, а не диплом с хвалебными отзывами.

Я улыбнулся.

— Но это, конечно, тоже нужно.

— Не обязательно, — ответила она. — По крайней мере в особых случаях.

Подошел официант и снова наполнил наши чашки. Энн протянула руку и коснулась нераскрытоого бутона розы в вазе резного стекла, стоявшей на столе.

— Я польщен такой оценкой, если я правильно понял, о чем вы говорите, — сказал наконец я. — Однако я не так давно в колледже, чтобы о моих успехах уже можно было судить.

— Я знакома с вашими ранними оценками, — произнесла она, — и, разумеется, мы прислушиваемся к рекомендациям профессоров, которые преподают у вас сейчас.

— Вы знаете о том, что со мной произошло?

— Да.

— Тогда, если быть практическим — с вашей точки зрения, — следовало бы предположить, что этот несчастный случай мог вызвать у меня психическую неуравновешенность. Может быть, в такой ситуации есть смысл понаблюдать за человеком подольше?

Она кивнула.

— Это один из доводов в пользу личного контакта. Можно мне за вами понаблюдать?

— Конечно.

— Как вы сами оцениваете свое состояние?

— Устойчив, как скала.

— Тогда я включу в расходы за счет «Ангро» еще и обеды. Вы свободны в пятницу вечером?

— Да.

— В пятницу будет премьера, на которой я хотела бы побывать.

— Я люблю театр, — сказал я, — но мне не хотелось бы вас обманывать. Я действительно думаю, что мне нужно сначала закончить учебу и только потом заниматься на работу.

Энн накрыла мою руку своей ладонью.

— Об этом мы поговорим в следующий раз. Но я должна упомянуть, что «Ангро» предоставляет своим сотрудникам возможности для получения дальнейшего образования. Однако сейчас мне важнее найти оправдание для того, чтобы самой воспользоваться представительскими. В пятницу в шесть вечера я за вами заеду.

— Хорошо, — ответил я.

И действительно все вышло как нельзя лучше. Энн сказала, что пробудет в городе неопределенное время, по крайней мере несколько недель, а когда есть машина, деньги и желание узнать кого-то по-настоящему, всегда можно придумать, чем заняться и где побывать.

Хотя еще до конца семестра мы стали близки, я все равно отказывался оставлять университет и начинать работать на «Ангро энерджи» в середине учебного года. Мне хотелось закончить год и устроиться на работу летом. В этом случае я мог бы уйти, если бы работа мне не понравилась, и осенью вернуться к занятиям, ничего не пропустив. Могло показаться, что, выставляя такие условия, я слишком далеко зашел для студента младших курсов, которому крупная компания предлагает хорошее место, но у меня уже возникли подозрения, что здесь не все так просто, как казалось. И то, что мои условия приняли, только подтвердило эти подозрения.

Энн то уезжала, то снова возвращалась в город весь следующий семестр, и мы виделись почти каждый выходной. Она словно сторожила меня, и как-то раз я спросил:

— Ты здесь бываешь довольно часто. Они там, видимо, боятся, что меня украдет какая-нибудь другая компания?

— Я так планирую свои дела специально, чтобы видеться с тобой, — ответила она обиженно. — А ты бы

уехал куда-нибудь еще, если бы получил другое предложение?

— Никаких предложений мне никто не делал, — сказал я. — Я обещал поработать летом в «Ангро» и свое слово сдержу.

— Тогда нам остается просто наслаждаться теми благами, что предоставляет моя работа.

После этого продолжение расспросов выглядело бы просто черной неблагодарностью с моей стороны. Однако я понимал, что неглупых парней вроде меня по всей стране полно, и даже порасспрашивал своих однокурсников. Некоторые из них были действительно очень талантливы, но дальше стандартного интервью и такого же стандартного «мы вам сообщим» никто из них не продвинулся. Никому, кроме меня, Энн не предлагала работы, даже студентам последнего курса и выпускникам. В каждом из нас живет, видимо, тщеславие, но у меня хватило ума понять, что я не настолько лучше всех остальных, чтобы заслужить подобные знаки внимания.

...Если, конечно, из-за наших отношений она не расписала меня перед своим начальством как нового да Винчи. В этом случае, я понимал, мне будет в «Ангро» очень неуютно. Никаких незаслуженных преимуществ мне не хотелось, быть чьим-то любимчиком — тоже.

Однако Энн предугадала этот поворот в моих настроениях, как уже неоднократно случалось в прошлом. Неумолимая логика подобных рассуждений требовала ответа, а ответ мог быть только один: пришло время поговорить начистоту.

Разговор состоялся в один из солнечных, проникнутых свежестью и кристально чистых дней конца апреля. В полях только закипала нарождающаяся зелень весны, а запахи влажной земли дышали самой жизнью. Мы снова сидели за кофе, только на этот раз я прогулял кое-какие занятия, благодаря чему нам удалось провести три дня вместе, и кофе мы пили на террасе домика в горах, который то ли она сняла, то ли принадлежал «Ангро», — я так и не уяснил. На мне был бордовый халат на несколько размеров меньше, чем я ношу, с золотым пучеглазым драконом, завившим тело кольцами слева на моей груди. Я чистил апельсин и думал, как сказать Энн, что я не хочу этой работы, если мне ее предоставляют

только из-за наших отношений. Если не в этом причина, тогда в чем же?

— Полагаю, рано или поздно нам пришлось бы об этом поговорить, — сказала Энн прежде, чем я успел собраться с мыслями. — «Ангро» интересуют вовсе не твои академические успехи, касающиеся вычислительной техники.

— А если точнее? — спросил я, все еще разглядывая апельсиновые корки.

— Твоя уникальная способность мысленно общаться с компьютерами.

— Если я такой способностью и обладаю, — спросил я, — откуда ты можешь о ней знать?

— Та уникальная способность, которой обладаю я, имеет отношение к мыслительным процессам других людей.

— Телепатия? Ты знаешь, о чем я думаю?

— Да.

Разумеется, я сразу проверил ее, загадывая цепочки чисел и строчки стихов, но поверил в это еще до того, как она доказала мне, что говорит правду. Видимо, обладателю какой-то паранормальной способности совсем не трудно убедить себя в том, что он не одинок.

— Я в общем-то и не думал, что причиной всему служит мой замечательный характер.

— Но ты действительно мне дорог, — сказала она, может быть, чуть более поспешно, чем хотела.

— Почему «Ангро» нанимает экстрасенсов? — спросил я. — И много таких еще?

— Таких, как ты — ни одного. Но компания, располагающая группой людей вроде нашей, получит значительный перевес над конкурентами.

— Хотя я еще не знаю, что конкретно будет входить в мои обязанности, но даже сейчас мне кажется, что у такого перевеса весьма сомнительная этическая сторона.

Она встала и сложила руки на груди. Губы ее сжалась. Никогда раньше я не видел Энн рассерженной.

— Посмотри вокруг, — сказала она. — Страна катится к пропасти. Весь мир рушится. А почему? Потому что грядет колоссальный энергетический кризис. Но его можно предотвратить. Ты спросишь как? Так вот, необходимая технология уже существует, однако все это по

частям принадлежит десяткам различных концернов. Этот вышел вперед в одной области, этот — в другой. У того почти оформлен патент на что-то еще, у того — блестящие теоретические разработки, но еще нет практических результатов. Все они мешают друг другу, переходят друг другу дорогу. А если предположить, что одной компании удастся прорваться сквозь все эти идиотские препятствия, быстро захватить в свои руки то хорошее, что может пригодиться, и превратить идею в реальность? Тогда мы получим дешевую, чистую энергию — много и сразу. Конец кризисам. Разумеется, кое-кому сильно отдавят пальцы. Будет множество судебных разбирательств, а позже, может быть, какие-то антитрестовские меры. Ну и пусть. Такой компаний, как «Ангро», это ни почем. Они будут тянуть, улаживать и договариваться. Но зато какие получатся результаты! Мы действительно решим энергетическую проблему. Это можно сделать за десять лет. Ты предпочтешь смотреть, как все они давят друг друга, пока мир катится к пропасти, или все-таки решишь сделать хотя бы что-нибудь, чтобы это положение изменилось? Именно для этого ты нужен «Ангро», и именно для этого они хотят использовать твой уникальный дар. Ты согласен помочь?

Я продолжал пить кофе. В общем-то меня обрадовало, что я наконец узнал, чем действительно буду заниматься: у меня оставался еще целый месяц на размышления.

В июне я уехал работать в «Ангро», и наши с Энн отношения не изменились. Они стали прохладнее гораздо позже, когда я начал понимать, что был для нее просто заданием. Кое-какие обстоятельства это, похоже, подтверждали, но мне недоставало ее способности узнавать, что действительно чувствуют люди. Возможно, я ошибался. Когда я в первый раз отправился куда-то с другой женщиной, Энн повела себя со мной довольно холодно, а позже подарила мне книгу Колетт «Шери». Это случилось ближе к концу моего пребывания в «Ангро», но еще до начала наших разногласий. Прочитав историю молодого человека, который сумел оценить женщину старше его возрастом, только когда было уже поздно, я так и не понял, действительно ли Энн любила меня и переживала из-за моего поведения или ее просто

беспокоило, что она старше. С литературой всегда так. Двусмысленность...

Оглядываясь вокруг, я видел теперь, что предсказание Энн сбылось. «Ангро» и в самом деле переломила хребет энергетическому кризису. Только где-то что-то пошло не так...

— Черт!

Я затолкал салфетку с бумажными обертками в пустой стаканчик и швырнул его в стоявшую неподалеку урну. Потом двинулся через студенческий городок. По дороге мне встретилось несколько автостоянок, и я начал думать, не угнать ли машину...

— Доктор Портер. Я насчет оценки...

Я резко обернулся, потому что даже не слышал, как ко мне подошел худощавый парень с болезненным цветом лица и длинными каштановыми волосами. Он так и застыл с открытым ртом.

— Извините, — сказал он наконец. — Я принял вас за своего преподавателя...

— И хотели узнать оценку?

— Да, сэр. Я скоро уезжаю и подумал...

— Назовите мне фамилию и поток, — сказал я. — Может быть, я смогу помочь.

— Джеймс Мартин Браун, — ответил он. — Политическая экономия, группа 106.

Клик. Клик. Клик.

— У вас стояло «четыре», — сказал я ему. — За экзамен тоже «четыре». Оценка должна быть «четыре».

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я улыбнулся.

— Я работаю в деканате. Компьютерная обработка информации. И кое-что иногда запоминается.

— Спасибо, — сказал он, улыбаясь. — По крайней мере буду спать в поезде спокойно.

Он повернулся и заторопился прочь.

Поезд? Я почти забыл про железнодорожный путь неподалеку. По большей части там ходили грузовые составы, несколько пассажирских и несколько смешанных. В основном автоматические, грузовые — вообще все, но в отличие от трейлеров их всегда сопровождали два-три человека на какой-либо непредвиденный слу-

чай. В этом вопросе профсоюз железнодорожников оказался тверже, чем транспортные рабочие...

Я снова перевел внимание на пролегающие неподалеку пути.

Скользнул внутрь компьютерной сети... Туда, обратно... Через, вдоль...

Меньше чем через час должен был пройти поезд. Но пассажирский. Клик. Через три часа еще один. Смешанный. Клик. Через пять часов грузовой. Последние два направлялись в Мемфис. Клик.

Повернувшись, я двинулся к железной дороге. К западу от линии стояли деревья, и, решив, что там подождать удобнее, я свернулся к небольшой рощице.

Оценку для того парня в студенческом городке я узнал отнюдь не из чистого альтруизма. Если его вдруг станут расспрашивать, не встречал ли он кого-нибудь постороннего, он будет думать обо мне как о своем, университетском, как о человеке, оказавшему ему услугу.

Я перебрался через пути и, выбрав укромное место, уселся там в тени деревьев, отмахиваясь от комаров и проглядывая хранящиеся в памяти компьютера данные о третьем поезде. Оказалось, его должны сопровождать три человека — в локомотиве, в грузовом отсеке и в служебном купе последнего вагона, — но, насколько я понимал, обычно они собирались втроем в каком-нибудь удобном месте и резались в карты. Короче, поездом я мог добираться в такой же безопасности, как и на грузовике. В том, что я выбрал, было двадцать два грузовых вагона и три пустых пассажирских, которые доставляли в Мемфис.

Возникал вопрос, где лучше подсесть? Все зависело от того, где разместились трое сопровождающих, но я надеялся узнать это, когда поезд «неожиданно» остановится. Разумеется, мне хотелось устроиться в пассажирском вагоне.

Вводить в компьютер остановку поезда было еще рано: какой-нибудь слишком бдительный оператор мог заметить изменение в программе. Я продолжал сидеть, прислушиваясь к голосам птиц и наблюдая за облаками на востоке. Пытался решить, какие действия предпринять дальше, и думал о Коре...

Вибрацию, передающуюся по земле, я почувствовал задолго до появления первого поезда, потом он пронесся мимо, рассекая воздух, и снова затих вдали. Я сверился с компьютером и узнал, что второй и третий по-прежнему идут по расписанию. Когда я проверял эти данные, на какую-то долю секунды мне показалось, что из недр компьютерной сети за мной снова наблюдает что-то расплывчатое и неуловимое. Я тут же скользнул обратно и вернулся к размышлениям о ближайшем будущем.

Вскоре я задремал и проснулся, только когда появился второй поезд. Солнце заметно сместилось к западу. Колени и плечи у меня немного ныли от долгого лежания в неудобной позе. Во рту пересохло.

Я потянулся, щелкая суставами, и проводил второй поезд взглядом. Потом проверил свой. Он уже приближался, по-прежнему по расписанию. Я запрограммировал остановку, взяв в качестве ориентира ближайший электронный указатель дистанции, и пожалел, что не додумался купить в студенческом городке хотя бы пару плиток шоколада и банку кока-колы. Потом, пожевывая стебелек травы, принял вспоминать, когда мне в последний раз приходилось ездить по железной дороге.

Наконец поезд прибыл и начал тормозить, следуя моим указаниям. Послышался визг колес, земля вздрогнула. Замедляя ход, проплыл мимо локомотив, потом еще несколько вагонов, и весь состав замер. От вагонов падали длинные тени, и я изготовился бежать.

Слева послышались голоса. Из служебного купе выбрался сопровождающий. За ним еще один. Он что-то прокричал третьему, который остался в купе, затем первые двое посовещались и, разделившись, двинулись к голове поезда по обеим сторонам пути.

Я скользнул в компьютер локомотива. Как раз в этот момент кто-то запрашивал его о причине остановки. Видимо, пока двое сопровождающих искали какое-то объяснение вдоль состава, третий занялся проверкой систем. Человек, который шел с моей стороны, заглядывал под вагоны и между ними, решив, видимо, лично проверить состав до самого локомотива. Я заставил открыться двери ближайшего пассажирского вагона, метнулся через насыпь, вскочил внутрь и тут же отпустил створки.

Долго ждал в волнении и неуверенности, опасаясь, что меня заметили. В моем вагоне было темно, так же как и в двух других. Я сел у одного из окон, выглядывая над нижним краем наружу. Прошло несколько минут, и я задышал спокойнее. Но только минут через десять до меня донеслись звук шагов и шорох гравия с правой стороны. Я съехал еще ниже на сиденье и продолжал ждать. Вскоре слева прошел второй сопровождающий.

Я глубоко вздохнул, сбрасывая с себя напряжение, и снова проверил компьютер. Однако лишь когда команду «Стоять до последующего распоряжения» сняли и вагон дернулся, я по-настоящему расслабился. Поезд медленно пошел вперед, набрал скорость, и движение стало более равномерным. Я снова сел прямо.

Когда локомотив разогнался, я встал и осмотрел все три вагона, потом решил, что останусь в самом первом, чтобы услышать, если кто пойдет из конца поезда. У меня не было уверенности, что сквозь шум движения это мне удастся, но так казалось спокойнее.

Затем я сел и проскользнул в центральный компьютер, отвечающий за движение на этом участке дороги. Стер все упоминания о непредвиденной остановке и заменил их просто сведениями о том, что поезд запаздывает. Прямо на моих глазах компьютер сформулировал и передал локомотиву корректирующую команду. Поезд тут же увеличил скорость. Если никто из операторов не заметил изменений до тех пор, пока они не стерлись, я был в относительной безопасности. Мне начало казаться, что я успешно овладеваю искусством маскировки.

За окном проносились бескрайние поля и фермы. Пока мне везло, и я чувствовал, что какие-то шансы на успех у меня есть.

— Кора, я уже в пути, — произнес я вслух под размеченные сухие смешки вагонных колес.

Солнце медленно падало на запад, уходя в забвение где-то над теми местами, куда я и направлялся.

Глава 12

Так я и задремал под убаюкивающий телеграфный реттайм вагонных колес. Спать в общем-то не хотелось, поскольку я хорошо отдохнул, дожидаясь поезда, но меня охватило какое-то бездумное оцепенение, а руки и ноги налились тяжестью. Видимо, просто реакция на быструю смену событий последних дней. Слишком многое случилось за очень короткий промежуток времени. Я пережег слишком много адреналина, прожил и пережил слишком много потрясений. И я понимал, что это еще не все, но разум восставал против необходимости готовиться и строить планы. Мне хотелось просто сидеть, ни о чем не думая, и разглядывать сумеречные пейзажи за окном.

Довольно долго я именно этим и занимался, заложив руки за голову и вытянув ноги.

Не уверен, сколько прошло времени, потому что я не без наслаждения претворял в жизнь великий таоистский принцип «ву вей» — ничегонеделанье, — но совершенно неожиданно у меня возникло ощущение, словно я находусь в саду. Энн выбрала не самое удачное время, чтобы вдруг обрушивать на меня философию просвещения, и я мгновенно насторожился.

Вокруг плавали вполне достоверные изображения цветов, в воздухе чувствовалась сильная смесь их ароматов. Даже при всей моей настороженности я в первый момент растерялся от этого ворвавшегося в мои ощущения цветочного хаоса.

— Энн? — произнес я, нащупывая твердую почву. — Что ты задумала на этот раз?

В ответ — молчание и все то же буйство красок и запахов, медленно меняющее структуру, словно орнамент в калейдоскопе.

Потом, заполнив все мои мысли, прорвалась безмолвная нотка страха. Я чувствовал за ней Энн, хотя мне казалось, что она лишь частично уделяет мне внимание.

— Энн?

— Да. Я пропала... — донесся до меня ее голос вместе со смутным ощущением боли.

Цветы начали меркнуть, запахи стали тоньше...

— Больно... Вот! Я его остановила!

— Энн! Что происходит, черт побери?

— Он здесь... Малыш Уилли пришел по мою душу.

В это мгновение что-то в моих ощущениях перевернулось. Я очутился рядом с ней, вместе с ней, как в прошлом случалось всего несколько раз. Я чувствовал себя гостем в ее разуме, смотрел ее глазами, слушал ее ушами и чувствовал ее боль...

Мы оказались в квартире, довольно большой, но я даже не представлял, где она находится. Боковым зрением я заметил элегантную мебель, но наш взгляд через всю длину комнаты приковывал Малыш Уилли, прислонившийся к стене в холле. Он стоял, чуть сгорбившись, и тяжело дышал. Невысокий простенок отделял нас от маленькой кухни. Справа — большое окно с видом на залитый солнцем горизонт, но я все равно не догадывался, где находится квартира, хотя чувствовал, что это восточное побережье. В углу размещался ее компьютер-телефон-и-так-далее — одним словом, «домашний блок», как их теперь называли почти все.

Мы стояли у светло-коричневого кожаного диванчика, опервшись на марокканский столик. У нас в груди пульсировала боль, но мы ее не только принимали, но еще и отбивались.

— Сестра моя, я понимаю твою точку зрения, — произнес Малыш Уилли, — но ты только оттягиваешь исход, не больше.

Энн добавила силы в созданную для него галлюцинацию. Она заставляла его испытывать острую сердечную боль, такую же для него реальную, как настоящая, которую Малыш Уилли вызывал у нее. Его это заметно отвлекало. Он на несколько секунд оставил свои попыт-

ки, тем самым дав ей возможность разыскать меня и мысленно перенести к себе.

— Какое-нибудь оружие, Энн! Вот та тяжелая пельница или лампа... Что угодно! Дай ему по голове! — говорил я. — Переключайся на реальное нападение. Нужно лишить его сознания. Это тебя спасет. Наступай!

— Я... не могу... — ответила она. — На то, чтобы его сдерживать, уходят все мои силы...

— Тогда двинь ему между ног! Выцарапай глаза! Он убьет тебя, если ты не будешь нападать.

— Я понимаю, — произнесла она. — Но если я пойду ближе, преимущество будет на его стороне. Чем ближе подходишь, тем он сильнее.

— У тебя есть пистолет?

— Нет.

— Ты можешь добраться до кухни и взять нож?

— Он к кухне ближе, чем я. Ничего не выйдет.

Разговор отвлекал ее. Я тут же почувствовал жгучую боль в груди и в левой руке, как тогда, на монорельсовой станции.

Энн послала Малышу Уилли точную копию этого ощущения, и он прижал руку к груди.

— Видимо, у него действительно неладно с сердцем, — сказала она. — Я могу играть на его страхе и не давать сосредоточиться.

— Как долго?

— Не знаю.

Я лихорадочно искал способ помочь ей. Мне внезапно вспомнилось, как много она значила для меня раньше.

— Какой у тебя номер телефона?

Номер тут же всплыл у нее в памяти, но в этот момент Малыш Уилли оттолкнулся от стены и сделал несколько шагов вперед. Энн снова ударила его ощущением боли, и он остановился.

— Ты не сумеешь меня спасти, — сказала она. — Я позвала тебя не за этим.

— Мы будем драться, — сказал я. — Нужно хотя бы попытаться.

— Я знаю. Но он слишком силен. Это всего лишь дело времени. Я хотела вернуться в то место, что ты мне недавно показывал. Мир даже более реальный, чем мои цветы, холодный металлический мир, заполненный

электричеством и логикой. Я хочу снова его увидеть, и только ты можешь меня туда доставить.

— Следуй за мной, — сказал я, чувствуя, что Мэтьюс снова набирает силу.

Клик. Клик. Кликик.

На мгновение «эффект витков» словно слился со стуком вагонных колес, и я вскользь заметил, что появившаяся луна залила пейзаж за окном жемчужным блеском, потом добрался до компьютера локомотива и нырнул глубже, через систему связи к региональному компьютеру, оттуда еще глубже...

Клик.

Я гнал через раскинувшийся передо мной простор, выискивая входные и выходные каналы...

Самое главное — найти связи с телефонной сетью. Нужно выбрать правильный контакт и проникнуть в саму систему...

Энн безропотно, словно зачарованная, следовала за мной.

С головокружительной скоростью, в вихре ошеломляющих впечатлений мы промчались, сделав несколько неудачных попыток, туда-сюда по тупиковым улицам, пока я все же не нашел то, что искал. Никогда раньше мне не удавалось делать это столь стремительно.

Однако боль в груди всколыхнулась с новой силой. Малыш Уилли времени не терял.

Бесконечное число светящихся пчел вились вокруг меня — аналоги телефонных выходов. Они вспыхивали и исчезали вновь, эти светящиеся пчелы, а мое подсознание добавляло к щелчкам и гудкам перезвон множества колоколов...

Я разыскал и привел в действие механизм для связи с абонентом. Ее квартира, узнал я, проскочив релейную станцию, находилась в Риджвуде, штат Нью-Джерси. В долю секунды между подключением цепи и звонком аппарата я снова почувствовал сквозь боль, сквозь тряску вагона и образ наступающего Малыша Уилли, что в недрах компьютерной сети за нами кто-то наблюдает. Безмолвное, мрачное нечто, которое я уже не один раз замечал, снова оказалось с нами, становясь все ближе, наблюдая все пристальное.

«Домашний блок» зазвонил, и это сразу отвлекло внимание экс-проповедника. Мэтьюс остановился, взглянул на аппарат, потом снова на Энн. Она тяжело дышала, прижав одну руку к груди, другой все еще опираясь о столик. По лбу ее катились капли пота. К четвертому звонку боль и сдавливающее ощущение ослабли, но они слишком сильно отвлекали Энн, чтобы она могла восстановить и обрушить на Малыша Уилли свою прежнюю иллюзию.

Еще один звонок. Черт! Сколько их она запрограммировала в свою машину?

После шестого звонка «блок» ответил и предложил записать сообщение. Я мгновенно просочился в компьютер и овладел всем набором домашней аппаратуры, которой он распоряжался.

Малыш Уилли резко повернулся на звук, донесшийся из кухни. Я всего лишь включил автоматический тостер. Мэтьюс сделал несколько шагов назад и заглянул за угол.

— Беги, Энн! — сказал я. — Попробуй добраться до двери.

— Не могу, Стив, — ответила она, назвав меня чужим именем. — Я упаду.

— Попробуй.

Она отпустила столик и покачнулась. Я чувствовал, как кружится у нее голова.

— Сделай глубокий вздох и попробуй снова.

Она было послушалась, но Мэтьюс уже возвращался.

— Почему он хочет тебя убить? — спросил я.

Сигнал микроволновой духовки заполнил квартиру противным, назойливым жужжанием.

Малыш Уилли снова повернулся, видимо, не в силах сосредоточиться, и прошел на кухню.

— Я не сообщила Боссу, что ты еще жив, — сказала Энн. — Но он узнал, когда разобрался наконец с обломками грузовиков, и решил, что не может больше мне доверять. Я прочла в его мыслях, что он боится меня, боится, что я перейду на твою сторону. Видимо, он решил не оставлять мне такой возможности... Боже, как красиво там, в компьютерной сети! Жаль, что я умею читать мысли людей, а не машин. Лучше бы мне родиться с твоим даром..

Жужжение прекратилось.

— Сестра моя, я не знаю, как ты это делаешь, — произнес Мэтьюс, появляясь из кухни, — но ты только оттягиваешь...

Я выключил весь свет и услышал, как Малыш Уилли выругался.

— Постарайся собраться с силами и беги, — сказал я.

Свет подключался через реостат, и я принял быстры-быстро включать и выключать ток, создавая стробоскопический эффект. Разорванные вспышками света движения Мэтьюса казались почти комичными, когда он вскинул руки, защищая глаза, потом чуть приоткрыл их, чтобы видеть комнату, сделал шаг и остановился.

Но через несколько секунд выражение его лица изменилось. Он плотно прижал ладони к векам, закрыв свет совсем, и я почувствовал острую, резкую боль, пронзившую тело Энн. Она коротко вскрикнула, и на мгновение мы едва не потеряли друг друга.

...А где-то рядом я по-прежнему ощущал присутствие полузнакомого молчаливого наблюдателя.

Малыш Уилли сделал еще шаг вперед, потом еще, и с каждым шагом его сила росла.

Я включил телевизор, и экран тут же засветился. Малыш Уилли продолжал наступать. Большилась и крепла. Я увеличил громкость и принял торопливо переключать каналы. В некоторых штатах транслируют круглосуточно... Вот!

— ...счастливый день!

Мэтьюс замер и опустил руки. Я вернул в комнату свет.

— ...словами Христа: «Блажен будет...»

Малыш Уилли побагровел. Глаза его стали вдруг очень большими. Боль снова утихла. Не отрывая взгляда, он смотрел на экран, где появился безупречно одетый проповедник с поднятыми к небу руками и обворожительной улыбкой.

— Сукин сын! — прорычал Мэтьюс и, взглянув на Энн, заговорил, словно между ними ничего не произошло. — Проклятые журналисты прямо распяли меня! А им вот кем следовало заняться! И я же еще выучил этого елейного пустословия! Правда, потом вышиб... У него только два занятия было: либо шарить в корзине для

приношений, либо щупать мальчиков из хора. Отродье! Ничтожество! — Он махнул рукой в сторону телевизора. — Однако они так за него и не взялись! Я мог бы его посадить, но сделал христианское дело и просто отпустил на все четыре стороны. У меня и у самого тогда неприятностей хватало. Разницы никакой не было... Думал, они и так до него рано или поздно доберутся. А теперь посмотри на него! Послушай! Ничего ему не сделалось. Нет в мире справедливости. Люди жаждут праведности, и вот, пожалуйста, он уже на высоте!

Мэтьюс бросился к телевизору и хлопнул кулаком по кнопке выключателя, потом потер ладонью лоб.

Я снова включил телевизор на полную громкость.

— Помолимся же...

— Черт! — прорычал Мэтьюс, снова его выключая.

Я опять включил.

— ...грядет твое царствие...

Он опять ударили кулаком по кнопке, но я опять включил.

— ...на земле и на небесах...

Малыш Уилли попробовал удержать кнопку на месте, но я обошел эту цепь.

— ...и прости нам наши прегрешения...

Он громко, как-то по-животному, замычал и, упав на колени, полез искать сетевой шнур.

— ...не введя в искушение...

Наконец, тяжело дыша, Малыш Уилли поднялся с пола. Его тряслось.

Я снова включил стробоскопический эффект, сигнал микроволновой духовки и добавил туда записанные на ленту и хранящиеся в памяти компьютера вступительные слова автоответчика. Но на этот раз на него ничего уже не действовало. Стиснув зубы, он ринулся вперед и уставился на Энн горящим взглядом.

Боль стала невыносимой, а затем Энн как будто закрыло волной мрака. Я мысленно прижал ее к себе, словно таким образом мог сохранить ей жизнь в своем собственном сознании.

Я понимал, что ее физическая оболочка мертва. Но сама Энн все еще оставалась со мной.

— Энн? — произнес я, перебираясь от одного телефонного коммутатора к другому.

— Да.

Я связался с региональным компьютером и выбрал место, где движение информационных потоков было не таким сильным.

— Мы проиграли, — сказал я.

— Я знала, что так получится. Я ведь тебе говорила.

...Горизонты компьютерной сети закручивались в спираль, перегоняя костяшки на бесконечных нитях счетов...

— Я сделал все, что мог. Извини...

— Знаю, Стив. Спасибо. Если бы мне встретить тебя раньше... Я никогда не обладала сильным характером.

Странное ощущение, что кто-то стоит рядом, вдруг усилилось и стало почти осязаемым. Еще немного, и я бы его распознал...

— Конечно, — произнесла Энн.

Я не понял, о чём она. Ее голос слабел и удалялся. Энн не имела права на существование, разве что в таком вот симбиозе, и я не знал, что делать с ней дальше.

— Теперь можешь меня отпустить, Стив.

Безмолвный неведомый призрак стал еще ближе, отчетливее. В его присутствии было что-то устрашающее. Я прижал Энн покрепче, стараясь разделить с ней свою силу.

— Не волнуйся, все в порядке, — сказала она.

По ее словам я почувствовал, что это действительно так, словно Энн посетило какое-то особенное видение, к которому я оказался непричастен.

— Правда. Мне пора.

И она высвободилась из моих мысленных объятий.

— То, что тебя интересует, находится неподалеку от Карлсбада. Это исследовательская станция «Ангро». Номер четыре. Она там, — сказала Энн. — Удачи!

— Энн...

Возникшее ощущение напоминало мне прощальный поцелуй. Потом Энн двинулась к незнакомцу, и тот взял ее за руку.

Передо мной предстало странное видение: двое на бесконечной равнине из листового металла, где под ярко освещенным электрической дугой небом покачивались на озоновом ветру алюминиевые, медные, латунные и оловянные розы. Мне показалось, что лицо существа,

которое Энн держала за руку, скрывает металлическая маска, но, возможно, это и было его настоящее лицо...

...Я вернулся к равномерному регтайму вагонных колес, словно читающих скороговоркой: *quadrupedante putrem sonitu quatit ungula cunctum**, и, покачиваясь на сиденье, продолжил стремительный полет на запад. Похожий на сон ночной полет с полной луной на южном небосклоне.

Странно, почему она назвала меня Стивом?

Клик.

* Топот конских копыт сотрясает степь (лат.).

Глава 13

Через какое-то время я заснул, однако спалось мне плохо, тревожно. Почти бессознательно я то и дело проверял по данным компьютера, сколько осталось до Мемфиса. Кажется, мне что-то снилось, но память ничего не сохранила. Тем не менее даже такой сон помогал отдать события последнего вечера, и я с благодарностью принимал эту возможность забыться.

Когда я окончательно проснулся, луна взобралась уже совсем высоко, и мне пришло в голову, что пора продумать свои дальнейшие действия. Рисковать, добираясь до самого места назначения состава, не следовало, а это означало, что придется организовать еще одну «непредвиденную» остановку. Однако Мемфиса я не знал, и мне очень не хотелось выходить посреди ночи далеко от города, поскольку я мог просто заблудиться. Да и сама идея длительной прогулки по незнакомой местности казалась малопривлекательной. В конце концов я решил, если не представится другой удобной возможности, сделать остановку перед сортировочной станцией.

Хотя мне и удалось подчистить записи об этом рейсе как в компьютере локомотива, так и в региональном компьютере, я ничего не мог поделать с памятью людей, которые сопровождали поезд. О двух необъяснимых остановках они обязательно доложат, и, видимо, будет проведено расследование. А когда обнаружится, что показания людей не совпадают с данными компьютера, кто-нибудь в «Ангро», кого интересуют транспортные аномалии на этом направлении, наверняка встревожится. Неизбежное следствие моей временной безопасности и

еще одна причина, почему мне следовало сойти как можно позже и как можно быстрее убраться подальше. Я начал задумываться, каким образом оставить ложный след для сыщиков «Ангро»: перебирал в памяти то немногое, что мне известно о Мэмфисе, и пытался решить, чем смогу быстро воспользоваться.

Позже, когда я ввел программу торможения, по обеим сторонам линии уже виднелись городские огни. Присев перед дверью вагона, я заставил ее открыться, спрыгнул на землю еще до полной остановки поезда и тут же побежал, опасаясь, что меня заметит кто-нибудь из сопровождающих. Спустился с насыпи и двинулся через поле. На этот раз я ничего в компьютере не менял, только приказал закрыть за мной дверь.

Удалившись на безопасное расстояние, я перевел дух и сбавил шаг, потом направился к цепочке уличных огней, протянувшихся вдоль темных домов. Переbralся через канаву, затем миновал чей-то двор. В доме залаяла собака, но, когда я выбрался на тротуар и пересек улицу, она затихла.

Минут пятнадцать я просто шел, безуспешно пытаясь определить, где нахожусь по отношению к чему-нибудь такому, что могло бы оказаться полезным. С поезда, как выяснилось, я спрыгнул не в самом удачном месте. Жилые кварталы после определенного часа просто вымирают, а для того, что я задумал, проку от них никакого.

Тем не менее я продолжал прислушиваться, надеясь уловить знакомые компьютерные голоса, но кроме совсем уже сонных (в смысле ведущейся в процессорах работы), которые невозможно перевести в рабочий режим, ничего не попадалось: большинство компьютеров работало в эти часы как перенасыщенные электроникой будильники.

Двигаясь дальше, я свернул на более широкую улицу. Время от времени проносились мимо машины, но я решил ни к кому не подсаживаться из опасения, что у кого-то в памяти застрянет описание одинокого ночных путника.

Напрягая свои способности до предела, растекаясь мысленно во все стороны сразу, я продолжал искать активную работу компьютеров.

Справа, издалека, ощущалось нечто подобное. На ближайшем перекрестке я свернул и двинулся в ту сторону мимо домов с темными окнами, ожидая, что попаду в деловые кварталы. Однако ожидания меня обманули.

Вокруг по-прежнему были жилые дома, но сигнал становился сильнее и в конце концов достиг уровня, на котором я уже мог ясно его различить. Оказалось, это какой-то страдающий бессонницей любитель компьютерных игр, увлеченный сложнейшим сражением с двумя игроками в штате Миссисипи и одним в Кентукки. В окне дома напротив горел свет, и, решив, что там и находится источник сигнала, я замедлил шаг.

Клик. Клик. Клик.

Не потревожив игру, я проник через компьютер и модем в систему телефонной связи, но на первом же коммутаторе ушел с линии, по которой велось сражение. Передо мной медленно проплывали дырки в огромном куске светящегося швейцарского сыра...

Я нырнул в одну, вынырнул, потом еще и так много раз, пока, прыгая от одной цепи к другой, не почувствовал, что нащупал те, которые ведут к действующим компьютерам, а не к телефонам в квартирах местных жителей...

После трех неудачных попыток я просочился в главный компьютер управления полиции. Конечно, там тоже стояли сторожевые программы, но, имея за душой опыт сражения с большим Маком, я прошел сквозь них, даже не замедлив шаг. В общем-то я не искал специально полицейский компьютер: мне вполне подошел бы любой другой, в котором содержалась карта города...

Довольно долго я изучал карту, запоминая приметы, которые могли бы мне пригодиться. Потом запомнил положение нескольких основных улиц, идущих с востока на запад и с севера на юг, чтобы позже, когда окажусь на одной из них, сразу вычислить свое местонахождение на координатной сетке...

Я уже собрался входить из системы, когда мне пришло в голову поискать там себя.

Клик. Клик. Клик.

Дональд Беллатри (описание и фото в кодах). Вооружен, опасен. Ордер на арест выдан в Филадельфии.

Кража у «Ангро энерджи». Попытка убийства Уильяма Мэтьюса. Угон машины...

Стер. Зачем облегчать им работу, когда есть возможность вмешаться?

Однако я чувствовал, что скоро мои данные вернутся в память компьютера. Видимо, сразу после того, как моя Немезида из «Ангро» получит сообщение о случившемся на железной дороге. Чтобы уничтожить эту информацию, пришлось бы потратить, наверное, всю ночь, а времени у меня было мало. Кроме того, информация, возможно, уже попала в систему «Ангро» и... Не исключено, что, стерев запись, я сам невольно дал им еще одну наводку! Дьявол! Однако теперь уже поздно сожалеть. В следующий раз сначала думай...

Кликклики.

Я обнаружил, что стою, прислонившись к дереву. Смутно припоминалось, что я действительно остановился, когда вошел в систему... Снова двинулся вперед, проглядывая на ходу схему улиц и стараясь получше ее запомнить.

Миновал несколько кварталов. Сплошь узенькие улочки. Ничего похожего на то, что мне нужно. Но впереди... Впереди стоял комплекс высотных жилых домов с большой автомобильной стоянкой. Несколько минут я пристально взглядался, однако так и не увидел никакой охраны. Конечно, завести какую-нибудь из этих машин усилием мысли я не мог — они стояли с выключенным зажиганием, а мне для работы с компьютером нужен хотя бы минимальный ток в цепях.

Но может быть...

Я прошел на стоянку и двинулся вдоль длинного ряда машин. Освещения не везде хватало, поэтому мне приходилось заглядывать в машины, и, если бы кто-нибудь из жильцов меня заметил, я наверняка показался бы им подозрительным. Однако по статистике кто-то из владельцев всех этих машин просто должен был оставить ключи в замке зажигания.

Через двадцать минут я уже начал сомневаться в собственных умозаключениях, но тут наткнулся на то, что искал: черный двухместный автомобиль с электродвигателем. Быстро сел за руль, завел мотор, вывел ма-

шину задним ходом, развернулся и стремительно выехал со стоянки. Однако лишь отъехав на несколько миль, я вздохнул свободно.

Вскоре мне удалось добраться до широкой улицы, которая в конце концов привела меня в деловой район, и я решил двигаться по ней, пока не увижу один из тех ориентиров, что запомнил, или пока счетчик не намотает десять миль — что раньше случится. Если бы случилось последнее, я бы развернулся и двинулся в противоположном направлении. Однако довольно скоро мне встретилась одна из запомнившихся улиц, и я свернул. Мили через две — еще одна. Теперь я по крайней мере знал, где нахожусь.

Сориентировавшись в уме по карте, я направился к выбранному месту, но едва не наделал глупостей, когда сзади вдруг появилась патрульная машина. К счастью, рассудок взял верх, и вместо того чтобы рвануть вперед, вдавив педаль газа до упора, я исправно остановился у светофора. Когда загорелся зеленый свет, полицейский патруль промчался мимо и вскоре свернул налево. Меня буквально трясло, хотя я и понимал, что они не могли искать машину: слишком мало еще прошло времени. Дальше я ехал очень осторожно.

По дороге мне встретилось открытое ночное кафе, посещение которого совсем не входило в мои планы, однако здесь желудок оказался сильнее. Увидев, что там почти никого нет, я решил завернуть на стоянку. Съел сандвич и кусок пирога, запивая кофе. Потом умылся в туалете, привел в порядок одежду и, проведя рукой по обросшему щетиной подбородку, пожалел, что нет с собой бритвы. Там же достал бумажник и пересчитал деньги. Обычно я ношу с собой довольно много наличными — есть у меня такая старомодная привычка. Оставалось еще несколько сот долларов, и это радовало: они могли очень пригодиться.

Снова за рулем, но теперь я чувствовал себя гораздо лучше и продолжал двигаться по выбранному маршруту, хотя каждый раз, заслышав полицейскую сирену, невольно вздрагивал.

Я не знал, где точно находится нужное мне место, но надеялся, что, оказавшись поблизости, рано или поздно встречу на дороге указатель.

Городские постройки редели. Сначала встречались жилые кварталы и торговые центры, потом остались все более редкие дома. Наконец я увидел указатель и свернул.

С севера появился небольшой самолет, сделал круг и опустился на ярко освещенной полосе впереди. Как раз туда мне и было нужно.

Приближаясь к аэродрому, я снизил скорость и свернул на подъездную дорогу. Аэродром оказался не особенно большим и не очень загруженным — обычная транспортная организация, каких много.

Я выбрал место на стоянке, выключил двигатель и свет в машине. Затем проскользнул в диспетчерский компьютер, установленный в здании прямо передо мной, и, проскочив мимо информации о находящихся в воздухе машинах и метеосводок, выяснил, что на аэродроме в тот момент находилось восемь вертолетов. Два из них были на осмотре, два только вернулись и ждали разгрузки. Зато четыре других стояли на своих площадках, полностью проверенные, полностью заправленные и готовые к вылету.

Я разглядывал аэродром, увязывая зрительные образы с информацией компьютера. Самый дальний вертолет, видимо, будет мой...

Оставив машину с ключами на стоянке, я обогнул здание слева у стены, где было меньше всего окон, и, прячась по возможности в тени, прошел вдоль ряда небольших ангаров. В первом стоял легкий самолет, и там кто-то работал.

Оказавшись около нужной мне вертолетной площадки, я спокойно пересек пятнадцать метров ровного асфальта и забрался в кабину на сиденье пилота. Ни окрика, ни тревожных возгласов. Может быть, меня кто и заметил, но решил, что я имею право здесь находиться. Трудно сказать...

Я принялся изучать приборы управления, поскольку не имел ни малейшего понятия, что какую функцию выполняет. Искал какой-нибудь простой выключатель зажигания или аккумуляторную батарею — что-то, что подает ток в бортовые системы машины.

Пристегнув ремни, я принялся экспериментировать и спустя полминуты завел двигатель. Одновременно

ожил бортовой компьютер типа того, с которым я совсем недавно имел дело.

Я привел в действие программу взлета. Звук мотора усилился, лопасти пропеллера над головой заревели. Я продолжал следить за работой различных систем, но все казалось в полном порядке.

Поднявшись в воздух, я не стал включать полетные огни, чтобы не облегчать никому розыск. Конечно, они должны были попытаться отследить меня радаром, но я планировал идти над землей очень низко и рассчитывал, что мне удастся скрыться, по крайней мере на время.

Вместо того чтобы пройти над взлетным полем, я из опасения столкнуться с подлетающими к аэродрому машинами направился в сторону, налево.

Затем, отлетев на достаточно большое расстояние, повернул на северо-запад и решил обойти город по окраине. Пролетая вслед за луной над полями и фермами, я держался очень низко, чуть выше линий электропередач. Через какое-то время земля стала уходить пологими склонами вниз, и вскоре передо мной раскинулась темная, в отражениях звезд река. Приближаясь к реке, я снова обследовал карту полицейского компьютера, затем пролетел над водой, повернул налево и направился вниз по течению.

Примерно в миле от того места, которое, я надеялся, меня устроит, был пустынnyй участок дороги.

Я посадил там вертолет, быстро выбрался из кабины, отбежал в сторону и снова поднял машину в воздух. Просмотрев незадолго до этого все заложенные в компьютер маршруты, я выбрал рейс до Оклахомы, приказав первые двадцать миль лететь очень низко, а затем вернуться к запрограммированным параметрам.

Сам я повернул налево и пешком добрался до района, где размещались главным образом склады. Света здесь было совсем мало, и где-то, видимо, дежурили охранники, но теперь меня это не смущало. Двигаясь вдоль складов, я с удовольствием вдыхал запахи реки, откуда задувал легкий бриз, теплый и влажный. Я понимал, что на следующий день окажусь в жарком, удушливом климате, и, пока возможно, наслаждался ночной прохладой. Сюда не доносились звуки города, лишь стрекотали на-

секомые за краем дороги, по которой так и не проехало ни одной машины.

Я не торопился. Не хотел, чтобы кто-нибудь связал мое появление с пролетевшим недавно вертолетом. Следя изгибу дороги, я оказался за зданием склада, стоявшего почти у реки.

Через несколько минут моему взгляду открылась наконец картина, в которой присутствовали люди. Подвешенные на проводах лампы заливали причал светом, где-то скрипела лебедка. Разворачивалась стрела крана. Неподалеку покоились на якоре несколько барж. Стоявшую у самого причала загружали огромными плоскими стопками картона, которые укладывали и натыкали по мере поступления двое рабочих. Я нашел себе удобное, неприметное место на берегу реки, справа от дороги, и устроился там, наблюдая за работой. На причале лежало еще довольно много упаковок, которые требовалось погрузить.

...Быстрая пробежка по цепям компьютера баржи, который сравнивал поступающий на борт груз с декларацией, подсказала мне два интересных факта: отправляется судно через два часа и будет останавливаться в Виксберге.

Значит, можно не торопиться, что меня вполне устраивало: я мог бы привести сразу несколько доводов, почему мне не следовало появляться там слишком рано. Соответственно я оставался на месте и продолжал наблюдать, пересчитывая рабочих и проверяя данные компьютера.

Двое укладывали груз на борту баржи. Возможно, еще один управлял краном, хотя мне подумалось, что сидящий на грузовом контейнере рыжеволосый широкоплечий человек в вытертых джинсах и полосатом свитере управляет им на расстоянии с помощью небольшого приборчика, который он время от времени брал в правую руку...

Кликлик.

Нет. Он просто передавал на компьютер номера грузовых партий. Краном управлял кто-то другой, из помещения склада. Еще один человек — спящий, или пьяный, или и то и другое сразу — лежал на причале, прислонившись к сараю. Голова его склонилась набок, рот открылся.

Я решил, что широкоплечий человек, сидевший на ящике, и есть «Капитан судна: К. Кэтлам», как значилось в компьютере баржи. Сам компьютер походил на тот, что стоял на моем катере, и, ознакомившись с его содержимым, я узнал, что во время рейса на борту должны обязательно находиться двое сопровождающих. Парень, спавший на причале, этому требованию удовлетворял, хотя и с определенной натяжкой. Судя по всему, правила, установленные профсоюзами, запрещали капитану и команде выполнять погрузочные работы: это должен был делать кто-то другой.

На стоянке у склада я заметил три легковые машины и грузовик. Машины, видимо, принадлежали рабочим, а грузовик — той же компании, что и склад. Приглядевшись, я различил на его борту надпись «Деллер Сторидж». Отлично! Я решил, что уже неплохо представляю себе ситуацию, и задумался о том, как ее использовать наилучшим образом. Пробраться на баржу тайком у меня не было никаких шансов — это я понял сразу.

Наблюдал я больше часа и уже не сомневался, что других людей поблизости нет. Штабель картонных стопок становился все меньше. «Еще пятнадцать минут», — решил я...

Когда это время истекло, я поднялся на ноги, неторопливо прошел по дощатому настилу к освещенному причалу и остановился у контейнера. Грузить осталось совсем немного. Человек, спавший у сарая, так ни разу и не пошевелился.

— И вам также «здрасте», — произнес мужчина с контейнера, даже не повернувшись в мою сторону.

— Капитан Кэтлам? — спросил я.

— Точно. Однако мы не в равном положении.

— Стив Ланнинг, — сказал я. — Насколько я понимаю, вы скоро отправляетесь в Виксберг.

— Не стану отрицать, — ответил он.

— Я бы хотел попасть в Виксберг.

— У меня же не такси.

— Я заметил. Но когда я сказал человеку из «Деллер Сторидж», что всегда мечтал прокатиться по реке на барже, он посоветовал мне поговорить с вами.

— Деллер уже два года как прогорел. Им давно следовало убрать с грузовиков это название.

— Не знаю, как они там теперь называются, но он сказал, что за плату я, видимо, сумею получить то, что мне нужно.

— Правила этого не разрешают.

— Он сказал, пятьдесят долларов. Что скажете вы?

Кэтлам взглянул на меня в первый раз и улыбнулся — обнадеживающий признак. Выглядел он немного суро-во, но в то же время вполне добродушно. И возраста мы были примерно одного.

— Хм, вообще-то я эти правила не писал. Видимо, это сделал кто-нибудь в центральной конторе.

Кран развернулся, подхватил еще одну стопку карточных листов и унес к барже.

— Вы понимаете, что, взяв вас на борт, я рисую своей карьерой? — добавил он.

— На самом деле тот человек упомянул сотню долларов.

Кэтлам сделал что-то со своим приборчиком, реги-стрируя последнюю партию груза.

— Любите играть в шашки? — спросил он.

— М-м-м... да, — ответил я.

— Очень хорошо. Мой партнер, похоже, какое-то время еще проспит. Как вы сказали, звали того человека?

— Уилсон или что-то вроде этого.

— М-да. А что заставило вас ждать так долго, прежде чем подойти?

— Я видел, что вначале у вас было много дел.

Он улыбнулся и кивнул. Затем слез с контейнера, наклонился и, пересчитав оставшиеся стопки, ввел что-то в свой приборчик. Вид его меня просто поразил. Сложен Кэтлам был пропорционально, и, пока он сидел, рост его не бросался в глаза, но когда он встал, я увидел, что в нем футов семь.

— О'кей, — сказал он, прикрепляя приборчик к поясу, и вручил мне термос с чашкой. — Подержите пока, ладно?

Он подошел к спавшему компаньону, взвалил его на плечо и, словно не чувствуя лишнего веса, прошел по мостику на баржу. Затем отнес спящего в небольшую рубку и уложил на койку. Повернулся ко мне и забрал термос с чашкой.

— Спасибо, — сказал он, повесив чашку на крюк и поставив термос в угол.

Я потянулся за бумажником, но Кэтлам вышел из рубки, чтобы проследить за погрузкой оставшихся стопок. Закончив дела, он повернулся ко мне и снова улыбнулся.

— Через несколько минут я отключусь от берегового компьютера. Как вы полагаете, мог Уилсон оставить для меня в машине что-нибудь о вас?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Он не сказал.

— Вы любите спорить, Стив?

— Иногда.

— Спорим на сотню долларов, что он ничего не оставил? Я имею в виду Уилсона или как там его...

Я решил, что деньги мне не помешают, и, кроме того, хотелось подкрепить свой рассказ, поскольку Кэтлам, очевидно, в него не поверил. Впрочем, у меня возникло впечатление, что на самом деле ему все равно.

— Идет, — ответил я и скользнул в компьютер.

— О'кей. Через пять минут они закончат погрузку. Пойдем проверим.

Я пришел с ним в рубку, и он затребовал на экран сообщения, оставленные в береговом компьютере. На экране вспыхнула строчка: «К ТЕБЕ, ВОЗМОЖНО, ОБРАТИТСЯ СТИВ ЛАННИНГ».

— Будь я проклят! — сказал Кэтлам. — Старина Уилсон не забыл. Ловкий фокус. Похоже, вы попадете в Виксберг бесплатно. Ладно, уже пора отчаливать. Послушайте, а вы хорошо играете в шашки?

Я действительно играл неплохо и не видел, почему стоило бы это скрывать.

— Пожалуй.

— Отлично. Скажем, по два доллара за игру? Идет? Полагаю, до завтрака мы вполне успеем сразиться раз пятьдесят.

Я никогда не думал, что найдется человек, способный выиграть у меня в шашки пятьдесят раз подряд. Первую дюжину партий Кэтлам выиграл так быстро, что у меня голова кругом пошла. Он даже не останавливался, чтобы поразмыслить, просто делал ход, когда насту-

пала его очередь. Потом он налил две чашки кофе, и мы выбрались на палубу. Его партнер продолжал хрестить.

Мы глядели на воду, и мне невольно думалось о Марке Твене и обо всех тех судах, что ходили вниз по реке за ее долгую историю.

— Ты бежишь от кого-то? — спросил Кэтлам.

— Наоборот. Бегу к кому-то, — ответил я.

— Ладно. Удачи.

— Тебе не надоедает гонять баржу? — спросил я.

— Я довольно давно делал это в последний раз, — сказал он. — Сегодня у меня нечто вроде сентиментального путешествия.

— М-м-м. — Какое-то время я молчал, потом заметил: — Видимо, здесь было здорово, пока в эти места не пришла цивилизация.

Он кивнул:

— Да, красота. Однако последний раз, когда я проплыл в этом направлении, меня посадили.

Мы продолжали смотреть на воду, пока чашки не опустели, затем отправились назад в рубку.

До того как порозовело небо на востоке, он выиграл у меня еще двенадцать раз. Я старался, как мог, но он продолжал выигрывать и каждый раз довольно посмеивался, забирая мои два доллара или отсчитывая сдачу. В конце концов я решил, что пора его немного осадить, и скользнул в компьютер, где заложил самую, на какую только был способен без подготовки, сильную игровую программу.

Видимо, она оказалась не лучше программиста, потому что Кэтлам продолжал выигрывать.

Когда рассвело, он вернул свою сотню долларов и пошел проверять груз, а я прилег отдохнуть на второй койке.

Не знаю, как долго я спал, но во сне мое подсознание проделало «эффект витков», и я снова оказался внутри того вертолета, что направлялся в Оклахому. Мы шли над равнинными полями, когда с обеих сторон вдруг появились две тяжелые боевые машины. Они без предупреждения открыли огонь, и от моего вертолета полетели клочья. Пока бортовой компьютер падал к земле, я все еще оставался внутри сужающейся сферы его ощущений. Затем последовал удар, и я на короткое

время проснулся, понимая, что это не просто сон. Ощущения, сопровождавшие «эффект витков», стали моей второй природой, и те, которые я только что испытал, были вполне реальны.

Однако предпринять в тот момент я ничего не мог, веки закрывались сами собой, и я снова уснул. Мне опять что-то снилось, но либо спокойные сны, либо те, которые и положено видеть беглецу.

Разбудили меня в конце концов странные повторяющиеся стоны. Я открыл глаза. В рубке было темно. Наверно, целую минуту до меня не доходило, где я находился, а потом память вернулась, и я понял, что станет человек на соседней койке.

Я сел и потер лоб. Неужели я проспал целый день? Видимо, организм здорово устал, если я так отключился. Я перевел взгляд на соседа.

Тот лежал, закрыв лицо рукой, и, судя по всему, мучился с чудовищного похмелья. Компаньоном, он, разумеется, был не самым лучшим, поэтому я встал и двинулся к выходу, осознавая, что невероятно проголодался. Кроме того, хотелось по нужде.

Кэтлам стоял, прислонившись к переборке и улыбался.

— Как раз вовремя, Стив, — сказал он. — Я уже собирался тебя будить.

Посмотрев по сторонам, я не увидел ничего похожего на мой представления о Виксберге и тут же сказал ему об этом.

— Справедливо замечено, — ответил он. — Виксберг немного ниже по течению. Но мы уже миновали Трансильванию. И самое главное — капитан просыпается.

— Подожди. Разве ты не капитан Кэтлам?

— Он самый, — ответил Кэтлам. — Только я капитан другого судна. Это в общем-то мелочь, но могут пристрепиться.

— Но когда я увидел, что ты следишь за погрузкой...

— ...Я оказывал услугу одному приятелю, у которого не хватило сил отказаться от дармовой выпивки.

— А как насчет второго? Ведь положено, чтобы во время рейса на борту находились двое.

— Увы! Второй джентльмен пал в сражении. От пьянства и разгула это случается. Он был не в состоянии отправиться в путь. Ладно, пошли...

— Подожди! Получается, ты угнал эту баржу?

— Боже упаси! Я, возможно, сохранил этому бедолаге работу. — Он ткнул пальцем в сторону рубки. — Однако у меня нет желания ставить его в неудобное положение, дожидаясь благодарности. Через несколько минут нам лучше спрыгнуть. У того мыса слева по борту будет мелко. Там до берега можно просто пешком добраться.

При росте в семь футов идти в воде наверняка гораздо легче, подумал я, но спросил о другом:

— Зачем ты это сделал?

— Мне тоже нужно было в Виксберг.

Я чуть не сказал, что в досье компьютера капитаном значится именно он, но вовремя одумался: ведь я не мог этого знать.

— Пойду сброшу пар, — сказал я вместо этого.

— Ладно, я пока соберу вещи.

Занимаясь делом, я успел проскользнуть в компьютер и проверить еще раз, «Капитан судна: Дэвид Дж. Холланд» — значилось там. Очевидно, Кэтлам тоже каким-то образом подменил запись — на время погрузки — и не мне в такой ситуации его осуждать. Однако, зная, что мой рассказ об Уилсоне из «Деллер Сторидж» и его рекомендации — чистая выдумка, он, должно быть, здорово удивился, когда я назвал его по имени и долго думал, как мне удалось запихнуть в компьютер сообщение от Уилсона. Хотя, может быть, его это не так уж сильно волновало. Во всяком случае, на человека, который побежит докладывать о беглеце властям, он совсем не походил. Возможно, он сам скрывался от закона. Я решил, что мне ничто не угрожает, если я покину баржу вместе с ним.

Когда подошло время, мы спрыгнули. Он действительно побрел к берегу. Мне пришлось плыть. Когда мы выбрались из воды, у меня от холода стучали зубы, но Кэтлам задал хороший темп, и вскоре я согрелся.

— Куда мы идем? — спросил я наконец.

— Еще мили две по этой дороге — и мы выйдем к отличной закусочной, где я уже бывал, — сказал он.

В ответ у меня в желудке заурчало.

— ...А чуть дальше будет небольшой городок, где ты сумеешь купить все, что захочешь. Может, даже новые брюки.

Я кивнул. Одежда моя выглядела теперь совсем уже неприлично. Я становился похож на бродягу. Кэтлам хлопнул меня по плечу и ускорил шаг.

Я старался идти в ногу, думая о барже, уходящей дальше по реке, и ее похмельном капитане. Видимо, даже если кто-нибудь и вычислит мой путь до причала, то дальше след станет еще более запутанным, чем я планировал. За что мне следовало поблагодарить этого мошенника-великана.

Когда мы добрались до придорожного ресторана, у меня от голода буквально кружилась голова. Усевшись за боковым столиком, я заказал бифштекс. Мой спутник сделал то, о чем я только фантазировал по дороге: он заказал сразу три. Прикончил их и занялся пирогом прежде, чем я справился со своим одним. Кофе он заказывал так часто, что официантка решила просто оставить кофейник на нашем столе.

Наконец он глубоко вздохнул, поглядел на меня и сказал:

— Знаешь, тебе не мешало бы побриться.

Я кивнул.

— Не захватил с собой своего парикмахера.

— Подожди минутку. — Кэтлам наклонился, открыл свою дорожную сумку и, покопавшись там, достал пластиковую одноразовую бритву с маленьkim тюбиком мыльного крема. Он положил их на стол и подтолкнул в мою сторону. — Я на всякий случай всегда таскаю с собой несколько таких штуковин. Похоже, ты как раз такой случай.

Он налил себе еще одну чашку кофе.

— Спасибо, — сказал я, подбирай с тарелки последние съедобные крохи, и, поглядев в сторону туалетной комнаты, добавил: — Пожалуй, я твои предложением воспользуюсь.

Когда я умылся, побрился и причесался, из зеркала на меня взглянул человек вполне приличного вида, сытый и даже отдохнувший. Удивительно! Я выбросил использованное лезвие и вернулся за.

Кроме чека, на столе ничего не было.

Я рассмеялся, как не смеялся уже давно, и даже не рассердился на Кэтлама, потому что мне следовало догадаться, что именно этим дело и кончится. Однако у меня возникло такое чувство, словно я потерял нечто большее, чем деньги.

И в шашки он играл действительно великолепно.

Глава 14

Дальше, дальше... под голубой оболочкой неба, со свистом ветра, задевающего в шлем... Крепко держась за руль, я двигался с неизменной скоростью по своей полосе. Мотоцикл вел себя превосходно.

Городок я нашел именно там, где сказал Кэтлам, чуть дальше по дороге. И я действительно купил там новые брюки, рубашку и пиджак. Однако кроме нескольких магазинов, городок не мог предложить почти ничего. Прокат автомобилей оказался закрытым, и я не сумел найти ни владельца, ни менеджера. Впрочем, по зрелом размышлении я решил, что это к лучшему: по крайней мере у меня появилось время подумать.

По дороге в город я миновал небольшой мотель на окраине. Можно было бы снять комнату, и один только душ окупил бы все расходы. Поскольку я отоспался днем, в сон уже не тянуло, но мне казалось, что лучше будет скрыться на время куда-нибудь от посторонних глаз, а прятаться в лесу за городом совсем не хотелось.

Когда я сказал, что буду платить наличными, и клерк увидел, что у меня нет багажа, он попросил деньги вперед. Я, разумеется, согласился, сообщив ему вымышленное имя и адрес за пределами штата, и получил комнату. Затем вымылся и растянулся на кровати.

Все еще чувствуя себя неспокойно, я перебирал в памяти события последних дней — долгую одиссею от островов Флорида-Кис, через Багдад и дальше, до настоящего момента. Думал о Коре. Я знал, где она, и чувство-

вал, что пока она в безопасности. Мертвый заложник — это в конце концов не заложник, а пытать ее имело бы для них смысл только на моих глазах. Барбье наверняка предпочел бы заполучить меня обратно, чтобы я снова работал на него.

Этой части нашего разговора в Филадельфии по крайней мере можно было верить. Однако в случае неудачи он, скорее, отправил бы меня на тот свет. Больше всего Барбье боялся, что я пойду со своим рассказом в Управление юстиции. Я даже представлял, как в доказательство своих слов демонстрирую на суде разные трюки с компьютерами. Конечно, Барбье такое не понравилось бы. И пока Кора в их руках, он знал, что этого не случится. Видимо, Барбье будет держать Кору в живых до тех пор, пока не заполучит мертвого Белпатри. Надо полагать, он уже понял, что я не вернусь.

До сих пор мне удавалось оставаться в живых, только используя новую, активную сторону своего паранормального дара. Барбье оказался не готов к такому повороту событий, и я не сомневался, что результаты его обеспокоили.

Однако не менее отчетливо я понимал, что теперь мне до самого конца путешествия придется полностью полагаться на эту свою способность как для обороны, так и для нападения, — чтобы вывести Барбье из равновесия и всегда быть впереди.

Утром я намеревался взять на прокат машину, но, как обстоятельства совсем недавно напомнили мне у стойки дежурного в мотеле, в таких случаях нужно либо платить наличными, либо пользоваться кредитными карточками. Однако наличных оставалось не так уж много, а на всех моих кредитных карточках значилось ДОНАЛЬД БЕЛПАТРИ.

Не Бог весть какая проблема, решил я вначале, вспомнив полицейского с маленьkim компьютером, который проверял у меня документы в Филадельфии. Независимо от того, что значится на карточке, я всегда могу изменить информацию, которую прочтет машина.

Все же... Этим проблема не исчерпывалась. Прежде всего, просто изменить номер счета недостаточно. Он должен быть изменен таким образом, чтобы машина прочла нечто вразумительное. В противном случае пере-

дающее устройство получит сигнал о неверной информации и у меня будут неприятности.

Далее, на всех карточках написано мое имя. Хотя это ничего не значит для банковского компьютера, который интересуется только номером счета, человек, вводящий информацию при оформлении покупки, заметит имя владельца и, без сомнения, оставит запись о трансакции в своем местном компьютере. Что совершенно неприемлемо, раз «Ангро» ищет меня столь активно.

Я взглянул на одну из своих кредитных карточек: тисненые буквы и цифры были выполнены таким образом, что мне вряд ли удалось бы сильно их изменить. Однако я сумел соскести выпуклые значки кончиком ножа — теперь они не будут отпечатываться на бумажных копиях, которые иногда подкладывают в кассовые аппараты. Места с пропущенными буквами я затер пальцем, чтобы они поменьше бросались в глаза.

Избавился я от трех букв: Б в начале фамилии и РИ в конце. Получилось ДОНАЛЬД ЕЛПАТ, и я решил, что этого будет достаточно. Люди обычно не очень внимательно смотрят на карточку, разве только чтобы убедиться, что она подписана и все еще действительна.

Перевернув карточку, я взглянул на свою подпись: обычная неразборчивая закорючка. Как раз то, что надо. Я добавил туда еще несколько росчерков, и теперь никто уже не смог бы утверждать, что там написано не Дональд Елпат.

...Занимаясь всем этим, я попутно выдумывал простой набор биографических данных для своей новой личности.

Покончив с карточкой, я задумался о номере счета: далеко не всякий номер мог подойти. Если бы я изменил сигнал карточки Елпата на какой-то другой, который в настоящий момент не использовался, компьютер немедленно отказал бы в кредите. Выбрав же номер, соответствующий реальному счету, с которым что-то не в порядке — например, неуплата владельцем крупной суммы или что-нибудь еще, — я опять остался бы без кредита.

Задумавшись о номерах счетов, я сразу же вспомнил «старый добрый» 078-05-1120. Еще в тридцатые годы, когда прошел акт о социальном обеспечении и были вы-

пущены первые карточки, один из производителей кожаных бумажников, чтобы продемонстрировать лишеным фантазии покупателям, как ими пользоваться, вложил в небольшое закрытое целлулоидом отделение бумажника копию кредитной карточки. Немного переоценив человеческую сообразительность, он не догадался снабдить карточку надписью: «Образец». На копиях, которые вставлялись в бумажник, значился номер счета социального обеспечения его секретарши. Позже она прославилась тем, что стала единственным человеком в истории программы социального обеспечения, чей номер был упразднен и заменен другим. И все это потому, что люди действительно пользовались карточками, а их вместе с бумажниками продали многие тысячи. Еще долгие годы на этот счет поступали налоги, и даже поколение спустя налоговая служба по-прежнему получала сведения о денежных перечислениях с этим магическим номером со всех концов страны, потому что с карточками так до конца и не разобрались. Видимо, и сейчас, через шестьдесят лет, они все еще получают время от времени эти номера в финансовых отчетах.

Мне тоже требовался счет с такими же широкими возможностями... Наконец я додумался. Некоторые компании имеют единые счета для дорожных расходов руководства и заказывают по нескольку кредитных карточек с одними и теми же номерами, которые выдаются служащим высокого ранга. Такой номер, обеспеченный банковским счетом респектабельной корпорации, принимается компьютером кредитной компании без вопросов, и я решила, что пришло время изменить «место работы» Дональда Елпата. Для этого необходимо было лишь найти соответствующую корпорацию и ее номер.

Несколько минут размышлений привели меня к одному из возможных путей поиска. Поскольку времени оставалось еще достаточно, я встал, включил телевизор и нашел программу новостей. Не хотелось отставать от происходящего в мире: всегда полезно знать, не добавится ли к твоим проблемам что-нибудь вроде наводнения или торнадо.

Я сидел у телевизора больше часа, но так ничего и не услышал ни о преступнике по имени Дональд Белпатри, ни о компании «Ангро». Впрочем, я и не ожидал, что по-

паду в программу новостей, которую транслируют на всю страну.

Через некоторое время я услышал, как к зданию, где размещалась контора мотеля, подъехала машина. Когда хлопнула дверца, я уже успел выключить телевизор и приник к окну. Затем опустил шторы и протянулся к компьютеру.

Ничего.

Я снова лег на постель, но продолжал искать.

Ничего. Ничего. Однако рано или поздно... Нужно лишь терпеливо ждать...

Ничего. Ничего.

Клик.

Включился терминал в конторе. Человек хотел снять комнату. Дежурный вставил кредитную карточку...

Проскользнув в электронный прибор, я двинулся по прямой к компьютеру кредитной компании... Просматривая списки счетов, которые содержал компьютер, я пытался найти среди них номера с большим числом пользователей и хорошей дневной нормой расходов...

...После чего совсем уже разошелся и принялся выбирать номер, который бы еще и легко запоминался.

Вот, нашел.

Елпат устроился на работу.

Когда я уже выбирался из компьютера, перед моим внутренним взором вдруг предстал неустойчивый образ Энн. Всего лишь какое-то мгновение — кликлик — и она исчезла. Я же долго еще смотрел в потолок и удивленно размышлял о том, какие странные штуки выкидывает порой подсознание...

Потом, хорошенько запомнив номер, я снова включил телевизор и какое-то время бездумно смотрел на экран.

Все дальше и дальше... Запах сосен покалывал ноздри. На мотоцикле красовалось изображение горного орла. Днем стало жарко, но встречный ветер по-прежнему дарил прохладу. Движение было не сильным, и я ни разу не встретил «дорожных танцоров».

Пункт проката автомобилей Дональд Елпат миновал без всяких осложнений.

Выбор свой он сразу по нескольким причинам остановил на мотоцикле. Одной из них служило то, что на мотоциклах не было никаких приборов, которые сообщали бы об их перемещениях дорожному компьютеру. Другая заключалась в том, что я никогда не пользовался этим видом транспорта, пока жил во Флориде, и не особенно часто ездил на мотоцикле до начала работы в «Ангро».

Мне подумалось, что таким неожиданным ходом я смогу сбить своих противников со следа. Однако в юности я все-таки успел узнать, как этими машинами управлять, а последние модели оказались еще и на удивление простыми. Перезарядка гарантировалась на любой из станций «Ангро»; двигателем служили сверхскоростные маховики, которые помимо всего прочего давали стабилизирующий эффект. Дональд Елпат расписался — и мы двинулись в путь.

Поскольку я ушел немного в сторону от прямого маршрута к своей цели, настало время закончить зигзаг, двинувшись в другую сторону, и я направился на северо-запад, к Литл-Року.

У меня действительно сохранились воспоминания о прогулках на мотоцикле еще с тех времен, когда я учился в колледже. Мы начали выезжать на природу вместе с Энн и два или три раза делали это позже, после того как я начал работать в «Ангро»...

Редкий сосновый лес. Мы сидим под деревьями, уминаем прихваченные с собой сандвичи...

— Работа начинает вызывать у меня странное чувство, Энн. Хотя, конечно, ты об этом знаешь.

— Да. Но что я могу сказать тебе такого, чего не говорила раньше?

— Ты никогда не говорила мне, что Мари будет вмешиваться в чужие исследовательские программы и нарушать эксперименты.

Она удивленно сдвинула брови, подрагивающие, словно большие черные крылья.

— Иногда это необходимо, чтобы удерживать передовые позиции.

— Мне казалось, что смысл всех наших подглядываний и подсматриваний как раз в том, чтобы мы, заполучив необходимую информацию, смогли вырваться вперед очень далеко и быстрее других начали производить дешевую электроэнергию.

— Верно.

— Но раз другие исследователи догоняют нас настолько быстро, что нам приходится мешать им, отбрасывая назад, это означает, что они могли бы обогнать нашу компанию, если их оставить в покое. Может быть, все наши предпосылки неверны...

— Ты хочешь поменять хозяев?

— Нет. Просто я думаю, что мы вырвались вперед достаточно далеко и вовсе не обязательно давить конкурентов такими безжалостными методами. В конце концов...

— Нам необходимо абсолютное превосходство, — перебила меня Энн, и теперь в ее словах ясно чувствовалось влияние Барбье. — Мы должны уйти вперед так далеко, чтобы никто уже не смог помешать нам даже в самой малости. Только это позволит нам действовать быстро и эффективно, чтобы спасти экономику и удержать высокий жизненный уровень в стране.

— Ты, похоже, говоришь о монополии.

— И что с того? Это действительно может потребоваться. В противном случае нас ждет хаос.

— Может быть, — сказал я. — Может быть, ты права. Я уже не знаю. И видимо, у меня никогда не было уверенности... А этот Мэтьюс? Чем он занимается? Я чувствую в нем что-то зловещее...

— Он высокопрофессиональный специалист, — ответила Энн, — и его работа еще более засекречена.

— Но ты же способна прочесть его мысли. Ему можно доверять?

— Еще бы. На его слово всегда можно положиться: если уж он что-то обещал, то сделает. Я бы, не задумываясь, доверила ему свою жизнь.

На какое-то время она меня убедила. Однако мысли об «Ангро» не выходили у меня из головы, продолжая тикать, словно бомба замедленного действия...

Почему-то мне очень хорошо запомнилось, как пели среди сосен птицы, и, кроме того, в памяти осталось кое-что о мотоциклах.

Я немного отдохнул в Литл-Роке и перекусил в какой-то забегаловке. Затем перезарядил аккумуляторы и, решив сделать новый бросок в сторону от основного маршрута, двинулся под свист ветра в направлении Далласа.

Ровный ритм дороги захватывал, но оставлял место для раздумий, и мои мысли сами возвращались к последним дням в «Ангро». Я узнал о способностях Малыша Уилли, однако продолжал работать на «Ангро», поверив объяснениям Барбье, который сказал, что Мэтьюс всего лишь притормаживает конкурентов, устраивая их специалистам необъяснимые обмороки, обострения язв, имитации ангины, временную слепоту, потерю речи, вспышки гриппа и различные непродолжительные неврозы. Но как-то раз на пути из досье «Дубль-зет» я наткнулся на приказ уничтожить сотрудника конкурирующей компании. Заметил я его только потому, что в то утро прочел в газете некролог и фамилия этого человека застряла в памяти. Умер он от сердечного приступа. Мы с ним даже встречались однажды: молодой еще мужчина, здоровья хоть отбавляй. Приказ Мэтьюс получил днем раньше, так что это едва ли могло быть совпадением...

Когда я ворвался в кабинет Барбье, тот сначала все отрицал, затем все-таки признался, попытавшись объяснить необходимость таких действий тем, что человек был слишком опасен.

— Слишком опасен, чтобы жить дальше? — выкрикнул я.

— Подожди, Стив, послушай. Успокойся. Ты не понимаешь глобальной картины...

Он обошел вокруг стола и положил руку мне на плечо — этакий отцовский жест. Я тут же ее сбросил.

— Видимо, я как раз начинаю понимать глобальную картину, и именно это меня беспокоит. Я сделал для «Ангро» довольно много — довольно много такого, что мне самому не нравится, но я всегда утешал себя тем, что это обернется множеством хороших дел. А теперь я узнал, что вы еще и людей убиваете! Черт! Мы что, на войне? Должны же быть какие-то границы...

В этот момент открылась дверь и вошли двое охранников компаний. Очевидно, Барбье подал им сигнал. На их беду у меня было непреодолимое желание кого-то ударить. Сразу после выписки из больницы я, чтобы на-

растить мускулатуру и улучшить координацию движений, начал заниматься борьбой и приемами рукопашного боя, да так и не бросил, потому что занятия мне нравились. В результате я приобрел целый набор полезных рефлексов.

Двое охранников оказались на полу без сознания. Барбье пытался убедить меня, что Мэтьюс всегда действовал быстро и милосердно, но я вышел из кабинета и связался с Большим Маком. Прежде чем меня взяли под дулом пистолета, я успел передать содержимое досье «Дубль-зет» в компьютер Комиссии по междурегиональной торговле.

Три дня меня продержали в заключении, однако не били и не пытали. Сначала Барбье подоспал ко мне Энн, чтобы она уговорила меня вернуться, так сказать, в лоно «Ангро». Но я уже давно понял, какой это эффективный трюк: всегда знать мои возражения прежде, чем я что-нибудь скажу, и держать наготове самый лучший из возможных ответов. Так что на этот раз у нее ничего не вышло. Факты она опровергнуть не могла, а все ее рассуждения меня не убеждали. Похоже, Энн была расстроена моим отношением, словно во всем случившемся я обвинял лично ее.

Позже заглянул Малыш Уилли, и я решил, что мне пришел конец. Оказалось, нет. В длинной, прочувствованной речи, пересыпанной библейскими цитатами, которые на самом деле были здесь, по меньшей мере, неуместны, он попытался оправдать свои действия. «Ангро», мол, избранный народ, а он, мол, Иисус, наследник Моисея в лице Барбье. На мгновение я даже посочувствовал ему, но потом вспомнил, сколько он получает за свои способности.

— То, о чём ты говоришь, мало меня интересует, — сказал я. — Да ты и сам в это не веришь.

Он улыбнулся.

— О'кей, Стив. Давай посмотрим на эту ситуацию с другой стороны. Мы с Мари только мешаем конкурентам. Главные добытчики — ты и Энн. Та информация, которую вы добываете, носит технический характер и очень важна для дела. Таким образом, ты становишься влиятельной персоной. Забудь о том, что в твоих глазах может выглядеть плохо или хорошо. Победитель всегда

прав. Ты сам можешь устанавливать моральные нормы, и нечего елозить, как боров на льду. Лет через десять, когда ты будешь действительно наверху, — вот тогда настанет время раскаиваться и сожалеть, если до тех пор твоя совесть еще не успокоится. Тогда ты будешь в состоянии облегчить совесть множеством добрых дел. Поверь мне, уж я-то знаю, что такое совесть...

— У меня на этот счет другие мысли.

Он вздохнул и пожал плечами.

— Ладно. Скажу Боссу, что я пытался. Хочешь выпить?

Он протянул мне плоскую карманную фляжку, и я сделал несколько глотков. Мэтьюс тоже приложился, прежде чем спрятать ее обратно в карман.

— Давай кончай, — сказал я. — Не тяни.

Он посмотрел на меня удивленно.

— Извини, если это получилось слишком похоже на последнее причастие. Я пока не получал приказа отправить тебя к твоему Господу.

— Ты знаешь, что Барбье собирается со мной делать?

— Нет. Он не говорил. Ладно, увидимся.

И это была последняя наша встреча до того момента, когда он попытался убить меня в Филадельфии.

Позже пришел сам Барбье в сопровождении двух вооруженных охранников и начал уговаривать меня, пользуясь уже вполне конкретными социологическими терминами. Мой ответ остался прежним.

Он надул губы.

— И что же нам с тобой делать, Стив?

— Могу догадаться.

— Этого мне хотелось бы избежать. Жаль уничтожать такой редкий талант, тем более что ты когда-нибудь можешь передумать. Кто знает, что принесет нам время?

— Чтобы узнать это, ты хочешь продержать меня несколько лет взаперти?

— Я придумал более подходящий способ.

— То есть?

— Как ты отнесешься к тому, чтобы побыть некоторое время кем-то другим?

— Что это означает?

— Я не могу отпустить тебя на свободу со всеми твоими знаниями. Мой человек в КМТ сумел избавиться от переданной тобой информации. И я думаю, что дело закрыто. Очень не хотелось бы посыпать сейчас Мэтьюса в Вашингтон. Если уж тратить там его время, то по крайней мере на какого-нибудь конгрессмена. — Барбье усмехнулся собственной шутке. — Однако я не могу просто ждать и гадать, что ты выкинешь в следующий раз. Поэтому тебе светит очень длительный отпуск, возможно, постоянный.

— В смысле?

— Хороший специалист при помощи гипноза и наркотических препаратов может сотворить настоящее чудо. Новая личность. Целый набор новых воспоминаний. И это даже легче, насколько я понимаю, если пациент не сопротивляется. Что сказал бы любой человек в здравом уме, если альтернатива — смерть, а новая жизнь будет большим приятным отпуском?

— Веский довод, — проговорил я, обдумав его слова.

...Во сне я видел Багдад, а проснулся уже среди пальм во Флориде.

Солнце садилось, подсвечивая низкие облака. Я здорово устал.

Видимо, давало себя знать то, как мало и нерегулярно я спал последние дни. Глаза болели, и огни встречных машин сливались в светящийся поток расплавленного металла. Если бы я продолжал гнать до Далласа и приехал туда, валясь с ног от усталости, это не намного приблизило бы меня к цели. Поэтому я выбрал мотель на окраине Тексарканы и снял номер, воспользовавшись еще одним выдуманным именем и заплатив наличными — зачем лишний раз искушать судьбу? Принял душ, разыскал неподалеку закусочную, поужинал, вернулся в номер и улегся в постель.

На этом день бы и кончился, но, пока я лежал в полуслоне, мысли мои сами потянулись к ближайшему центру, где происходил активный обмен данными. Где-то совсем рядом трещал телеграфный аппарат, выдающий сообщения о забронированных номерах...

Кликлик. Клик.

...Банальная информация, которая едва ли может развлечь даже в полусонном состоянии. Однако я плыл куда-то вместе с ней...

— Привет, — раздался рядом невыразительный механический голос, и на мгновение я даже забыл, что ее уже нет в живых...

— Привет, Энн.

— Привет.

...Медленно пришло понимание, что происходит что-то необычное. Ее образ накладывался на рисунок из подмигивающих огней. Волшебный мираж? Или вмешательство сознания?

Потом вернулась память.

— Что случилось? — спросил я.

— Случилось... — повторила она. — Я... здесь...

— Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую... Где мои цветы?

— Здесь, где-то рядом. Что... Чем ты была занята все это время?

— Я не вся еще здесь, — произнесла она, словно только что это обнаружила. — Я... занята?.. Я пробуждалась? Да, я думаю, пробуждалась. Приходила в себя.

— Тебе чего-нибудь хочется?

— Да.

— Чего?

— Не знаю. Больше... Да, больше, полнее проснуться. И мои цветы...

— Где ты сейчас?

— Я... здесь. Я...

...Затем огни погасли, и она исчезла.

Я проснулся и какое-то время обдумывал случившееся. Складывалось впечатление, что Энн превратилась в компьютерную программу. Пока не Бог весть какую сложную. Словно ее разум каким-то образом продолжал жить, как продолжает жить тело, подключенное к аппаратуре искусственного сердца инского легкого. Первичные, примитивные функции... Но как? И почему?

Однако я слишком устал, чтобы возвращаться в информационную сеть и искать ответ. Накатил глубокий черный сон...

За завтраком я снова принялся строить планы. То ли нетерпение, то ли какое-то предчувствие побудило меня, если удастся, поменять в Далласе средство передвижения. Я чувствовал все больше уверенности в своих силах.

Дорога до Далласа оказалась не так плоха: временами немного пыльно, временами — ветreno, но до аэропорта, что между Форт-Уэртом и Далласом, я добрался довольно быстро. Оставив мотоцикл на стоянке, я узнал в информационном компьютере, откуда отправляется челночный рейс Даллас — Эль-Пасо с посадкой в Карлсбаде и на полигоне «Ангро» номер четыре.

Затем я привел в порядок одежду, перекусил за стойкой кафе и добрался монорельсовым вагончиком до нужного здания.

Сразу по прибытии я просмотрел расписание, выяснил, что во второй половине дня будет еще несколько рейсов, и устроился в полупустой секции зала ожидания. Вокруг бурлила компьютерная жизнь. Поскольку весь этот маршрут мне пришлось проделать по вине «Ангро», я решил, что пора им немного и раскошелиться.

Скользнув в компьютерную сеть, я двинулся на восток. На этот раз ничего столь же зрелищного, как сражение с Большим Маком, я не планировал. Нужная мне информация хранилась отнюдь не в досье «Дубль-зет» и, можно сказать, лежала прямо на виду. Добравшись до первичного, внешнего эшелона обороны, я еще не успел устать и прошел его словно дым сквозь москитную сетку на окне.

У «Ангро» тоже имелись кредитные счета, рассчитанные на нескольких пользователей — различные для сотрудников каждого уровня. Я выбрал достаточно высокий, с приоритетными правами на место в самолете. Оказалось, «Ангро» — постоянный клиент этой авиалинии и за компанией зарезервировано несколько мест на каждом рейсе. Если бы все места оказались занятыми, я мог бы выпихнуть какого-нибудь сотрудника компании, занимающего не столь высокое положение... Затем в порыве хорошего настроения я добавил Дональда Елпата к списку сотрудников «Ангро», которым разрешено пользоваться этим счетом. Теперь, если бы люди из авиакомпании решили проверить, связавшись с компьютером

«Ангро», мне ничего не угрожало. Но зачем останавливаться на полпути?

Следующим шагом было поручение Большому Маку заказать для Елпата билет на ближайший рейс и подождать подтверждения.

Выскользнув из компьютера, я записал номер счета на обрывке бумаги и заучил его. Затем подошел к стойке и, представившись дежурному, сказал, что хочу получить свой билет. Он принял мою подчищенную кредитную карточку и сунул в щель аппарата, взглянув только, какой стороной вставлять. Я подправил сигнал, и спустя мгновение из соседней щели выполз мой билет.

— Только сегодня самолет не будет садиться в «Ангро», — сказал дежурный.

— Да?

— Они временно закрыли там посадку. Ближе всего можно сойти в Карлсбаде.

— А что случилось?

Он пожал плечами.

— Видимо, какие-то испытания.

— Ладно. Спасибо.

— Вход вон там, — сказал он, указывая рукой. — Вылет через сорок минут.

Дожидаясь посадки, я решил выпить стакан кофе из автомата, стоявшего у противоположной стены. Но когда подошел ближе и начал рыться в карманах, обнаружил, что у меня нет мелочи. Неожиданно автомат загудел, защелкал, и на подставку опустился пластиковый стакан, который тут же начал заполняться кофе. Черным, как я и люблю.

Я почувствовал запах фиалок и услышал голос Энн, словно она стояла рядом:

— Подкрепись. Я угощаю.

Но запах фиалок и ощущение ее присутствия исчезли еще до того, как стаканчик наполнился. Я не знал, что думать, но все равно пробормотал: «Спасибо», открыл пластиковую дверцу и достал кофе. Чуть позже я решил, что произшедшее даже нельзя назвать преступлением, поскольку брать деньги за такой плохой кофе — еще большее преступление.

По мере того как зал ожидания заполнялся пассажирами, я продолжал рассматривать вновь прибывших. До

меня не сразу дошло, что здесь может встретиться кто-нибудь из тех, кого я знал по работе. Барбье держал на шу маленькую группу «специалистов» несколько в стороне от остальных сотрудников компании, но кое-кого в «Ангро» мы все же знали.

Однако большинство моих знакомых работали с компьютерами, и никого из них на этом рейсе не оказалось. Определить, кто из пассажиров работает в «Ангро», большого труда не составляло. Достаточно было только прислушаться к разговорам: в «Ангро» работали те, кто возмущался необходимостью высаживаться в Карлсбаде и ждать там, закусывая, выпивая и прожлаждаясь за счет компании.

В конце концов мы сели в самолет, и я укрылся за обложкой журнала. Взлет на автопилоте прошел без неожиданностей, как и первые полчаса полета. Затем без предупреждения заговорила со мной Энн.

Я закрыл глаза и увидел ее под отполированным до зеркального блеска деревом в окружении металлических цветов, сверкающих каплями машинного масла и прилепанных к поверхности, на которой она стояла. Стояла, словно замерев по стойке смирино: пятки вместе, руки вдоль туловища, взгляд устремлен вперед.

— Оно есть, оно есть, оно есть, — сказала Энн. — Оно тебя знает.

— Кто меня знает? — спросил я мысленно.

— Оно, которое есть. Оно посадило меня в этом саду и будет ухаживать.

— Но что это такое?

— Это... Оно тебя знает.

— Но я его не знаю.

— Знаешь.

— Расскажи мне о нем.

— ...Снова ухожу, — услышал я ее голос. — Вернусь, когда окрепну...

И она вновь исчезла.

Наконец вдали появился Карлсбад. Мне он показался оазисом на берегу маленькой коричневой реки посреди раскаленного солнцем и похожего на лунный ландшафт. Когда мы подлетели ближе, я заметил многочисленные стройки на окраинах города, означающие, что он быстро растет.

Затем самолет пошел на посадку к аэродрому километрах в двадцати от города. Кое-кто из пассажиров снова начал жаловаться. Я мог бы подчинить себе автопилот и заставить машину приземлиться на аэродроме «Ангро», но подумал, что в таком случае они забеспокоятся гораздо больше.

Впрочем, этот поворот мыслей подсказал мне новую идею. Когда мы зашли на посадку, я без особого труда проник в бортовой компьютер и привел в действие временно запрещенный участок готовой программы.

Едва мы вышли из самолета и освободили поле, он быстро поднялся в воздух и взял курс к аэродрому «Ангро». «Интересно, — подумалось мне, — вдруг они действительно считают, что я настолько глуп и могу направиться самолетом прямо туда? Посмотрим-посмотрим... По крайней мере узнаю, как сильно они меня боятся...» Мысленно следя за полетом пустой машины, я прислушивался к собственным ощущениям.

Позже, когда автобус уже привез нас в город, я почувствовал, что при заходе на посадку самолет вдруг перестал существовать. Чем они его сбили — лазерным лучом или солнечными зеркалами, — я определить не мог, но произошло это действительно быстро.

Нервничают, похоже.

Хорошо.

Я решил не заставлять их ждать слишком долго. Узнав все, что было нужно, из телефонного справочника и путеводителя по городу, я взял напрокат велосипед и направился к юго-востоку от Карлсбада. Дальше, вперед.

Глава 15

Последополуденное солнце палило нещадно, и я пожалел, что не догадался купить шляпу. Крутить педали на такой жаре тоже оказалось не очень легко.

Дорожные указатели надежно вели меня к цели, и, оказавшись всего в нескольких километрах от полигона, я съехал на обочину в первый же попавшийся тенистый участок рядом с высоким желто-оранжевым ограждением у подножья холма. Подождал, пока перестанет литься пот, и наконец задышал нормально. Затем потянул еще немного.

К сожалению, за время работы в «Ангро» мне так и не удалось побывать на этой исследовательской станции, и о ее планировке я не имел ни малейшего представления. Знал только, что она занимает довольно большую площадь. Интересно, сколько там сейчас людей? Видимо, не очень много. Когда готовишь смертоносную ловушку с живой приманкой, важно не привлекать к делу много народа. В такой ситуации лишние свидетели ни к чему. Но с другой стороны, это означало, что все, кто сейчас на полигоне, в равной степени опасны. Дерьмовая ситуация, как любил говорить Малыш Уилли.

Я пешком дотащил велосипед вверх по склону, потом снова сел за руль.

Вдали уже показалась территория полигона, отгороженная от всего остального мира высокой металлической стеной, словно отдельная страна. У ворот, к которым я приближался, стоял небольшой домик для охраны, но ни внутри, ни снаружи я никого не заметил. Ничего похожего на оружие, направленное в мою сторону.

тоже. Да и за оградой все выглядело спокойно. Создавалось впечатление, что полигон безлюден.

Приблизившись, я мысленно подался вперед и обнаружил где-то вдалеке работающие компьютеры. Однако расстояние оказалось слишком большим, и я не смог ничего разобрать.

Вдоль дороги почти негде было спрятаться, но я запоминал даже самые незначительные укрытия. Как выяснилось, напрасно, потому что мне ничто не угрожало. Я подъехал к самому дому, прислонил велосипед к стене и заглянул внутрь. Никого.

Ворота стояли чуть приоткрытые, словно приглашали войти: между створками оставалось ровно столько места, сколько нужно человеку, чтобы пройти боком, ничего не задев.

Футах в ста за оградой стояло одноэтажное административное здание, достаточно строгое, функциональное и относительно новое. Перед зданием раскинулась небольшая лужайка с деревьями и кустарником, а у стены с обеих сторон выбрасывали вверх воду два фонтана — маленькая, но примечательная демонстрация энергетического расточительства. В мягком шелесте воды слышалось то, что «Ангро» и хотела сообщить миру: проблем с энергией больше не будет никогда; у нас ее более чем достаточно; покупайте — мы продаем.

Ворота мне не нравились. Слишком уж явно и просто... Я мысленно скользнул вперед, отыскивая что-нибудь похожее на ловушку, и обнаружил электрические датчики, к которым было подведено смертельно опасное напряжение. Датчики, срабатывающие, когда в промежутке между створками ворот окажется человек, и реле, которое одновременно должно сдвинуть створки на несколько дюймов ближе.

Куда уж проще... Ловушка в ловушке, колесо в колесе... Ладно. Попробуем что-нибудь другое.

В домике для охраны я заметил несколько одноместных летающих платформ — неуклюжие маленькие машины с лопастями, как у вертолета, и маховиками, как у последних моделей мотоциклов. Маховики одновременно вращали пропеллер и придавали машине некоторое подобие устойчивости в полете. Вернувшись, я внимательно их обследовал, но не нашел ничего подозритель-

ного. Разумеется, я не собирался лететь сам: Барбье, как я знал, увлекался стрельбой по тарелкам...

Пощелкав переключателями, чтобы платформа катилась сама, я вытащил одну из них на улицу, оставил висеть в воздухе и пошел за второй. Потом решил вытащить еще одну. Управлять одновременно большим числом машин мне вряд ли бы удалось. И так получалось что-то вроде жонглирования.

Двинувшись чуть ближе к воротам, я приготовился, затем запустил одну платформу высоко над стеной, вторую с разгону вогнал прямо в ограду недалеко от ворот и подозвал третью поближе, как будто собирался ею воспользоваться.

Зрелище получилось весьма впечатляющее. От ограды донесся звук, напоминающий шкворчание бекона на сковородке, и платформа вдруг стала удивительно похожа на какое-то экзотическое насекомое, запутавшееся в горящей паутине. Одновременно откуда-то из-за административного корпуса полыхнула жаром молния, и я услышал, как рухнула, сбитая, вторая платформа.

В этот момент, ощущая резкие металлические запахи, я заблокировал реле на воротах и бросился туда сам. Только проходя между створками, я понял, что не заметил еще один датчик, очень простой и хорошо замаскированный. К счастью, его закоротило, когда летающая платформа врезалась в ограду. Очевидно, мне по-прежнему сопутствовала удача или что-то в этом роде.

Оказавшись на территории, я бросился к кустам, окаймлявшим здание, словно собирался зайти сбоку или со двора, но, не останавливаясь, побежал дальше. В здании вполне мог прятаться Малыш Уилли, а мне хотелось быть от него подальше.

Обогнув здание, я увидел шагах в десяти слева дренажную канаву, побежал и нырнул. Видимо, никто меня не заметил, потому что выстрелов не последовало. Только шумел вокруг сухой беспокойный ветер. Я мысленно протянулся...

Работающий компьютер, впереди, справа...

Я быстро скользнул внутрь, просочился к данным, представляющим собой план испытательного комплекса, и тут же перевел их в визуальные образы. Дальше к югу размещался командный пост — насыщенное элект-

ронной аппаратурой здание, где был установлен центральный компьютер и где, возможно, ждал исхода операции сам Барбье. Судя по схеме, рядом со зданием стоял вертолет с включенным двигателем. Может быть, он готовился подняться в воздух, чтобы искать меня сверху? Или ждал наготове на тот случай, если обстоятельства сложатся не в пользу Барбье и для него тут станет слишком опасно?

В той стороне, куда я направлялся, стояли два здания, в которых мне устроили засаду, — очень удобная стратегическая позиция. Мимо одного я еще мог прокочить, но тогда меня непременно заметили бы из второго... Тут я увидел, что мое положение тоже отмечено на схеме, и понял: нужно срочно что-то предпринимать. Я попытался проследить сигнал к источнику, но далеко не сразу понял, откуда именно он исходит. Потом приподнял голову над краем канавы и взглянул в том направлении.

На довольно значительном расстоянии от меня стояла высокая башня, на верхушке которой вращалось какое-то устройство. Видимо, ультразвуковой локатор, который отслеживал и регистрировал любой движущийся объект больше определенного размера.

Так... Я решил, что в данном случае лучше всего будет отыскать способ перераспределить местное энергоснабжение и резким повышением напряжения просто сжечь это устройство. Задача оказалась сложнее, чем я думал, и на ее выполнение ушло почти две минуты.

Затем я быстро прополз вперед и только после того, как перебрался на новое место, еще раз взглянул на хранившуюся в компьютере схему. Штуковина на башне перестала вращаться, и я с облегчением заметил, что маркер, отмечавший на схеме мое положение, тоже исчез. По канаве я прополз больше ста метров и миновал здание, которое на схеме значилось как пустое.

За этим зданием уже было видно аэродром с четырьмя ангарами и несколькими вертолетными площадками, где стояли готовые к вылету машины. На посадочной полосе лежали частично оплавленные останки самолета, который я направил сюда из Карлсбада. Люди Барбье подождали, когда он зайдет на посадку, и только тогда его сбили. Очевидно, им совсем не хотелось устраивать ка-

тастрофу за границами владений компании и тем самым привлекать внимание общественности, репортеров и спасательных команд. Они предпочитали разобраться «по-семейному». Что ж, меня это тоже устраивало. Однако я обнаружил, что злюсь на них еще сильнее.

Чтобы проникнуть глубже на территорию полигона, мне пришлось бы двигаться мимо одной из двух засад, независимо от выбранного направления. Я снова скользнул в компьютер.

Да. Первая засада размещалась сразу за ближайшим зданием. Компьютер показывал, что там скрываются три человека, так же как и во второй.

Я прополз чуть дальше, пока ближайшее здание не оказалось между мной и следующим, где прятались люди Барбье, затем вскочил и бросился вперед. Добежал, прижался к стене, выждал, прислушиваясь к биению сердца, но ничего не произошло. Тогда я двинулся к соседнему окну и попытался его открыть. Заперто.

Стукнул несколько раз камнем и, когда наконец стекло разбилось, отщелкнул задвижку, просунув руку внутрь. Потом открыл окно, надеясь, что расстояние и ветер погасят звуки, забрался внутрь и снова закрыл.

Оказался я в какой-то электромастерской, о чём свидетельствовали оборудование и инструменты, разложенные на длинных столах вдоль стен. Ничего похожего на оружие там не нашлось, поэтому я быстро прошел через помещение, направляясь мимо полок с запасными частями и каких-то коробок к маленькому кабинету у противоположной стены.

Осторожно поднявшись над подоконником, я посмотрел на соседнее здание. Оба окна, выходящие на мою сторону, были открыты, и внутри я увидел людей, которые держали в руках нечто по виду напоминающее оружие...

Ладно. Перчатки в сторону, на руках кастеты.

Опустившись на пол, я подполз к окну на левой стене и выглянул туда тоже: ничего, кроме открытой пустынной равнины, которую я уже видел по дороге сюда. Я отщелкнул задвижки и осторожно открыл окно.

Затем сел на пол, прислонившись спиной к стене, и мысленно протянулся...

Кликликлик...

...Вертолет зашевелился на своей площадке, взмыл в воздух и, набирая скорость, направился в нашу сторону. Развернулся по широкой дуге, прошел над административным корпусом и оградой, затем вернулся, еще больше разгоняясь, снизился... Я уже ясно его слышал...

Он ринулся вниз, словно черный ангел, и на полном ходу врезался в стену соседнего здания.

Мгновение спустя я перемахнул через подоконник и побежал. Земля задрожала от удара, посыпались куски проломленной стены. Из пыльной пещеры, что проделал в здании вертолет, все еще торчал его хвост, на котором по-прежнему вращался винт. Может быть, кто-то из моих противников и остался там в живых, но, пробегая мимо, я никого не заметил.

Я бежал изо всех сил, и вскоре разрушенное здание осталось далеко позади. Вторая засада оказалась теперь еще дальше, справа. Я продолжал бежать. На многие мили впереди раскинулся передо мной полигон. Дорога, по которой я бежал, тоже стала шире, и теперь к простеньkim зданиям с правой стороны добавились какие-то энергетические установки слева. А впереди маячили совсем уже экзотические конструкции. По мере продвижения вперед я все больше и больше ощущал компьютерную активность вокруг.

В конце концов мне пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Я свернул к четырехэтажному макету энергетического комплекса, словно шалью окутанному серебристой паутиной, и присел под стальной лесенкой в углублении за полированным корпусом генератора, откуда вдали был виден только странный вращающийся купол с разноцветными гранями.

— Стивенсон Макфарланд! — Голос Барбье эхом прокатился по всему полигону.

Я посмотрел вверх и увидел, что к шесту, идущему вдоль лестницы, привинчен громкоговоритель, видимо, один из огромной вещательной сети, разбросанной по территории комплекса.

— Стивенсон Макфарланд!

Я сразу узнал свое настоящее имя, и это мгновенно вернуло на место все недостающие участки моей памяти.

— Я согласен дать отбой прямо сейчас, — произнес Барбье. — Я совершил ошибку, Стив... Еще там, в аэро-

порту Филадельфии. Я признаю это и согласен принести извинения. Я уже не хочу твоей смерти. Послушай, Стив, ты же понимаешь, что теперь мне этого совсем не надо. Я просто не знал, насколько ты... изменился.

Да уж. Пусть попотеет от страха. Он никогда бы не выбрал это место для последней стычки, если бы знал, что я могу делать с машинами. Кроме того, я увел его вертолет, и теперь ему не так-то легко будет скрыться. Ничего удивительного, что он захотел вернуть меня на свою сторону.

— ...Ты же понимаешь, что теперь я хотел бы видеть тебя живым. В сложившихся обстоятельствах у меня нет иного пути. Особенно после того, как мы потеряли Энн. Вместе с «Ангро» тебя ждет действительно прекрасное будущее...

Я снова скользнул в компьютер Барбье. Увидев перед собой стремительно бегущие цветные огни, я с трудом удержался, чтобы не вывести на его экран одно очень затасканное грубое ругательство, которое тут же пришло мне в голову. Барбье лихорадочно искал мой сигнал, переключая экран с одной растровой сетки на другую. Очевидно, он еще не понял, что лишился своего ультразвукового глаза. Я же принялся искать здание с обильным подключением следящей аппаратуры. Оказалось, такое есть, и я нырнул в его электронную систему.

КОРА. Она ввела свое имя в домашний компьютер, посредством которого, должно быть, общалась с людьми, державшими ее в заточении. Этого оказалось достаточно. Она наверняка уже знает кое-что о моих способностях благодаря многочисленным вопросам, которые ей задавали, и у меня возникла тревожная мысль: «Что она теперь обо мне думает?»

Только тогда до меня по-настоящему дошло, как сильно я изменился за последние несколько дней. Для меня это всего лишь воспоминания, но я действительно стал совсем не тем человеком, которого она знала во Флориде. Тот, на мой теперешний взгляд, немного напоминал растение, всего лишь часть человека. Я же стал умнее, крепче и, возможно, злее. Будет ли она относиться ко мне по-прежнему, когда узнает, что я собой представляю? Это много значило для меня, поскольку именно в тот момент я понял, что Кора стала мне еще дороже.

Осторожно, даже боязливо, я захватил контроль над ее домашним комплексом с телеэкраном, который скршивал ей время и в то же время позволял наблюдать за тем, что происходило в комнате. Затем воспользовался тем самым фокусом, с помощью которого чуть не обругал Барбье.

КОРА, ТЫ В ПОРЯДКЕ? ДОН, — высветил я на экране.

Прошла почти целая минута, прежде чем она заметила надпись, а Барбье тем временем все уговаривал меня, чтобы я прислушался к голосу разума и вернулся в рабочую группу...

Увидев наконец мой запрос на экране, Кора включила клавиатуру, которая позволяла ей управлять микроклиматом своей камеры, запрашивать специальные программы и разговаривать с тюремщиками.

ДА, — напечатала она. — ГДЕ ТЫ?

ОЧЕВИДНО, ГДЕ-ТО НЕПОДАЛЕКУ. А ГДЕ ТЫ?

Она тут же ответила:

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СЕКТОР. ЛАЗЕРНЫЕ СТОРОЖЕВЫЕ УСТРОЙСТВА С СОЛНЕЧНЫМИ БАТАРЕЯМИ. МНОЖЕСТВО КУЧ ОГЛАВЛЕННОГО ШЛАКА.

ЖДИ, — вывел я на экран. — МНЕ ПОТРЕБУЕТСЯ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ. ПОКА.

Сразу после этого я проверил каталог текущих работ, и мне стало понятно, что представляют собой кое-какие странные конструкции вдали.

— ...при значительном увеличении заработка, — продолжал вещать Барбье.

— Где Кора? Я хочу поговорить с ней! — крикнул я, предварительно проверив и узнав, что вещательная система имеет обратную связь.

Я понимал, что выдаю свое положение, но в тот момент это не казалось мне важным. Гораздо больше меня интересовала его реакция.

— Стив, — отозвался он, — Кора здесь. Ничего плохого с ней не случилось. Однако она напугана тем, что ты можешь сделать.

— Дай мне с ней поговорить. — Пришлось попросить об этом, чтобы он не догадался о нашем уже состоявшемся разговоре.

— Всему свое время, — сказал он. — Сначала...

— Я подожду! — крикнул я и бросился бежать.

Пока он говорил, я успел проверить, где находится испытательный сектор для лазеров с солнечными батареями, и получил представление, что это такое: оказалось, исследовательский проект по контракту с военными. Судя по всему, они могли испускать накопленную энергию словно разряд молнии. Однако это детали... Позже...

Я бежал к заброшенному участку, где размещались странные сооружения. Кора была где-то там, в меблированном домике для наблюдателей на территории испытательного сектора. Грунтовые дороги с неуместными названиями типа Сент-Джеймс-сквер, Парк-Плейс, Балтик-авеню, Бродуок то и дело пересекали этот лунный ландшафт из серых и белых пятен известняка на каменистой почве. Лишь кое-где торчали из земли упрямые растения, едва живые под иссушающими лучами солнца. Здесь, в этих местах, кроются под землей несметные богатства, почему-то вспомнилось мне. Нефть. Поташ. А где-то неподалеку зарыты в древних соляных отложениях контейнеры с радиоактивными отходами. Вспомнилась мне и моя ирония по поводу названия компании: в свое время с не поленился и выяснил, что в персидской мифологии Ангро-Майнью — это божество, противостоящее солнцу, разлагающее все, к чему оно прикоснется, разрушитель древа жизни. Когда я указал на это совпадение Барбье, он лишь рассмеялся и сказал, что АНГРО получается из первых букв полного названия «Американские натуральные гелиоресурсы и оборудование», а мне не следует тратить время на поиски парadoxов и какого-то скрытого смысла, когда ответ лежит на поверхности...

Солнце палило нещадно. Я двигался среди экспериментальных солнечно-энергетических установок различных конструкций: башен, пирамид, цистерн и многочисленных наклонных плоскостей. У двух-трех систем медленно поворачивались лопасти, видимо, имитирующие листья растений. Про некоторые из них я даже не слышал... А где-то дальше, посреди куч оплавленного лака, стояло здание, в котором спрятали мою Кору.

— ...Мы сможем договориться, Стив, — донесся голос Барбье от похожей на рождественскую елку тенистой конструкции слева. — Мы нужны друг другу...

Я свернул на пересечение Средиземноморской и Вентнор-авеню и увидел ее под огромным собирающим зеркалом. Она была в длинном черном платье с золотым драконом на груди.

— Энн!

— Я нашла в себе силы, — сказала она, и мне показалось, что ее голос стал теперь не таким безжизненным, как раньше. — Тебя догоняют — те трое, что оставались во втором здании. Один из них, главный, уже совсем близко. — Она повернула голову, и я проследил за ее взглядом, который остановился на одноэтажном здании, ощетинившемся антеннами. — Ты знаешь, что такое кинетический триггер?..

В том направлении, куда она смотрела, никого не было, но, когда я снова повернулся к Энн, она уже исчезла.

Напряженно вслушиваясь в свои ощущения, я двинулся к зданию, похожему на съежившегося дикобраза. Похоже, я знал, о чем она говорила, потому что когда-то читал о работах по созданию компьютеризированного лазерного оружия. Его можно устанавливать на стрельбу по быстро движущимся объектам, и говорят, оно способно сбивать даже летящие пули, угрожающие его владельцу. Кроме того, систему можно использовать в комплексе со специальным шлемом, и в этом случае лазер будет стрелять в ту точку, на которой владелец оружия остановил взгляд. То есть как только меня увидят, мне конец...

Я протянулся вдаль, разыскивая электронный мозг этой маленькой гадюки...

Зззззззззззззз...

...Он медленно продвигался вперед за противоположной стеной здания. Но пока компьютер молчал, сдерживая смертоносную пляску лазерного луча. Я отключил его, заблокировал и побежал навстречу.

Когда человек вышел из-за угла здания, я увидел, что он держит в правой руке что-то вроде огромной губной гармошки в вертикальном положении. Его темные волосы охватывала металлическая полоска, провод от которой тянулся к энергоблоку на поясе. Второй провод шел от пояса к этой штуковине в руке.

Спустя секунду на лице его что-то дрогнуло, и он принял трясти оружие, потом ударил рукой по энер-

гоблоку. Когда я оказался рядом, он попытался воспользоваться лазером как дубиной, но я отразил удар и изо всех сил двинул его другой рукой по макушке. Человек упал без сознания.

Я быстро снял с него снаряжение и нацепил все это на себя, потом схватил «гармошку» за рукоятку и привел в действие. Отошел к стене здания и подготовился искать два оставшихся компьютера.

Лазер едва заметно завибрировал у меня в руке, и я услышал крик.

Слева от меня, футиах в ста за дорогой, у большого черного генератора, обвешанного гигантскими керамическими изоляторами, лежали, раскинув руки, два человека. На голове у каждого из них сверкали металлические полоски, но оба они лежали неподвижно. Прокользнув в маленькие компьютеры лазеров, я отключил их и подошел ближе, держа наготове свою смертоносную «гармошку».

Оба были мертвы, и я поразился бесшумной эффективности штуковины, которую держал в руках: я даже не успел заметить своих противников. Если бы мне это удалось, я просто отключил бы их лазеры, потом, может быть, сломал каждому по ноге, но во всяком случае они остались бы живы. Захотелось отшвырнуть «гармошку», но я боялся, что она еще может мне пригодиться.

Повернувшись к иссущенной равнине, я двинулся в сторону испытательного сектора.

— ...Ниаких причин для разногласий у нас нет, — гремел позади меня голос Барбье. — Мы ведь решили энергетическую проблему, Стив? Работая на «Ангро», ты оказал своей стране огромную услугу. Не только стране, а и всей западной цивилизации. Но впереди еще много великих дел. Мы можем договориться.

— Отпусти Кору прямо сейчас, — крикнул я, — и тогда ты уберешься отсюда живым!

— Стив! Подожди! Я могу пообещать тебе совершенно другие условия! Они тебе понравятся!

— Кору! Сейчас! — прокричал я в сторону динамика, мимо которого проходил.

— Я не могу, Стив!

— Почему?

— Это мой единственный козырь.

— Черт возьми!.. Я же сказал, что оставлю тебя в покое, если ты ее отпустишь!

— Это слабая гарантия, мой мальчик!

— Мое слово? Я бы не ушел из «Ангро», если бы не придерживался определенных принципов. Моему слову можно верить!

— Но подожди, давай не будем горячиться. Я все же хочу с тобой договориться...

Не обращая на него внимания, я пошел дальше: мимо какой-то конструкции, похожей на карточный домик, мимо чего-то еще, состоявшего из одних труб, внутри которых булькала жидкость...

«Гармошка» в моей руке дернулась. Справа что-то вспыхнуло в воздухе, и я лишь успел заметить очертания гаечного ключа. Секунду спустя по земле растеклась лужица расплавленного металла. Откуда она взялась? Кто мог бросить...

Внезапно «гармошка» снова завибрировала, и спереди вспыхнуло целое созвездие ярких точек: отвертки, кусачки, ломики, молотки... Словно кто-то выстрелил в мою сторону целым набором инструментов. И эта чертовщина сожгла их все прямо в воздухе!

Вдалеке, справа от меня, стоял сарай, а рядом — какая-то электрохимическая установка, от которой тянуло не очень приятным запахом.

— Мари! — крикнул я, поняв, в чем дело. — Не выходи из сарая! Эта штука сжигает все, что движется!

— Я уже поняла! — раздалось в ответ. — Как насчет того, чтобы направить ее в другую сторону?

— С какой стати?

— Потому что ты выиграл! — крикнула она. — С полминуты назад я бросила работу в «Ангро». Разреши мне выбраться, и я никогда больше не буду тебе мешать!

— Хотел бы я тебе поверить!

— Я тоже хотела бы, чтобы ты мне верил! Я была так бедна когда-то! Тебе наверняка это незнакомо! Мне никогда не нравилось то, что я делала, зарабатывая все эти деньги, но, однако, я делала! Потому что быть бедной еще хуже! Я всегда недолюбливала вашу троицу — вас такие проблемы никогда, похоже, не беспокоили! По крайней мере так, как меня! Но сейчас в самый раз бросить «Ангро». Разреши мне уйти!

— Ты ждала довольно долго! — крикнул я.

— Надеюсь, не слишком долго! Можно мне выйти? Я выключил компьютер своего лазера.

— Ладно! Выходи!

Мари вышла из сарая. Лицо ее напоминало темную настороженную маску. На ней были джинсы и красная кофточка. Она повернула налево и двинулась к выходу с полигона.

— Снаружи у домика для охраны я оставил свой велосипед, — сказал я.

— Спасибо.

— Барбье слышал каждое твое слово. Не проходи слишком близко от того корпуса, где он засел, а то еще попробует тебя пристрелить.

Она кивнула.

— ...Наверное, я открою свой собственный ресторан. Как-нибудь заглядывай, — сказала она, потом добавила: — И берегись проповедника. Он все еще где-то здесь.

Переключив лазер на ручное управление, я держал ее под прицелом, пока Мари не скрылась из виду. Но никаких угрожающих действий с ее стороны не последовало, и я двинулся дальше, мысленно прочесывая окрестности в поисках какой-нибудь необычной компьютерной деятельности. Однако, кроме бормотания приборов, контролирующих различные экспериментальные энергостановки, нигде ничего не отмечалось.

Теперь я решил держаться подальше от всяческих укрытий, где мог прятаться толстяк, затаивший в мыслях смертоносные пожелания, и на какое-то время даже забыл о непрекращающемся монологе Барбье. Вскоре большие экспериментальные установки остались позади, и передо мной раскинулась грязно-серая выжженная равнина, на которой взгляд лишь изредка задерживался на отдельных островках оборудования да нескольких крохотных домиках. Еще дальше лежали кучи оплавленного шлака.

Последние несколько столбов с динамиками... Ладно, еще одна попытка.

— Слушай меня внимательно, — сказал я. — Я только что убил троих твоих людей с этими хитрыми лазерами. Мари тебя бросила. Вторую тройку я тоже прикон-

чил, если ты еще не заметил. В твоем распоряжении осталось не так уж много сил. Я знаю, где Кора. Отзови Мэтьюса. Потом подключи к вещательной системе дом Коры, и мы втроем обговорим наше положение. Я бы не хотел осложнений на обратном пути. Ты идешь своей дорогой, мы — своей. Что скажешь?

— Если ты это серьезно, верни мне компьютер, — ответил Барбье.

— Что ты имеешь в виду?

— Он сошел с ума.

— Должно быть, неполадки, — сказал я. — Я тут ни при чем.

— Не верю.

— Подожди минуту.

Я снова применил «эффект витков». Действительно, в работе компьютера обнаружились серьезные неполадки. Данные поступали неверные, системы выходили из строя одна за другой...

— Вижу, но это не моя работа, — сказал я. — Сейчас проверю еще.

Перескакивая с уровня на уровень, я добрался до базовых систем.

— Неполадки вызваны нестабильным энергообеспечением, — сказал я. — Твой генератор баражлит.

— Что мне делать?

— Уматывай в Нью-Джерси. Мы пришлем тебе открытку с Карибских островов.

— Прекрати, Стив!

— А пошел ты...

Я снова скользнул в компьютерную сеть, но теперь уже проник в систему стоящего впереди домика. Идеальное место, чтобы держать кого-то в заключении. Изолированное настолько, что сотни сотрудников компании могут в течение нескольких дней заниматься тут своими делами и ничего даже не заподозрить. Водопровод, канализация, пищеблок, кондиционирование и компьютер с ограниченным выходом на связь. Похоже было, домик проектировался как тюремная камера. И, зная «Ангро», я не сомневался, что это не первый случай, когда его использовали в подобных целях...

Тут я заметил строчки, которые Кора вывела на экран:

— КАКОЙ-ТО ТОЛСТЯК ПРЯЧЕТСЯ ЗА КУЧЕЙ ШЛАКА К ЗАПАДУ ОТ ДОМА.

Ну вот и развязка. Лазер, что я держал в руках, мог убивать на гораздо большем расстоянии, чем сам Мэтьюс. Он, конечно, это понимает, и я смогу согнать его с места...

— Стив! Стив! — закричал вдруг Барбье. — Здание горит!

— Сматывайся оттуда!

— Не могу! Ты заблокировал дверь!

— Я ничего не блокировал!

Я еще раз скользнул в компьютер, но он по-прежнему вел себя ненормально и быстро терял работоспособность. Однако я понял, что среди прочего он контролирует сложный электронный замок на дверях командного поста, и двери действительно не открываются.

— Я ничего не могу сделать! — крикнул я. — Ты слишком далеко! Хватай огнетушитель и попробуй выбраться из здания!

— Помоги мне, Стив! Я отпущу ее! Я сделаю, как ты захочешь!

— Это не моя работа, и я ничем не могу тебе помочь! Выбей окно! Прыгай! Выкручивайся!

— Окна забраны решетками!

— Жаль! Но я не в силах тебе помочь!

— Ну, тогда получай! — успел он крикнуть за несколько секунд до того, как прервалась подача энергии.

Однако этих нескольких секунд оказалось достаточно.

Я чуть не ослеп от вспыхнувшей неподалеку молнии. Дом, к которому я двигался, рухнул и задымился. Раздался крик, затем вещательная система отключилась. Я побежал.

Огонь еще только занимался, когда мне удалось протиснуться среди обломков, но я знал, что уже скоро все здесь будет охвачено пламенем. Передвинув кусок стены и оттолкнув рухнувшую балку, я увидел лежащую без движения Кору и принялся разбрасывать завал из мусора и обломков. Я даже не мог сказать, дышит она или нет, когда наконец освободил ее, но тут же поднял на руки и двинулся сквозь дым и огонь прочь из разва-

лин. Теперь мне стало понятно, как работает сторожевое лазерное устройство.

Выбравшись из обломков, я услышал стон и увидел Мэтьюса, лежащего футах в сорока от нас. Положив Кору на землю, я потрогал ее пульс — он едва прощупывался. Дышала она тоже едва-едва. Правая рука, похоже, была сломана. На голове — глубоки царапины. Когда-то, еще в те дни, когда я лежал парализованный, я прочел множество работ по неврологии и теперь кое-что знал. Приподняв ее веки, я проверил зрачки: правый превратился в крохотную точку, левый выглядел нормально. Я принялся вытираять кровь с ее лица и рук.

— Кора. Ты меня слышишь?

Она по-прежнему лежала без движения. Я растер ей запястья и попытался устроить поудобнее...

— Стив!

Я повернулся. Малыш Уилли, весь в ожогах, приподнялся на локте. Одна сторона лица у него вообще превратилась в запекшуюся корку. Левый глаз не открывался. Одежда все еще дымилась.

— Подойди сюда, — прохрипел он.

— Шутишь? Мне совсем не нужен сердечный приступ.

— Я не сделаю тебе ничего плохого... Пожалуйста.

Я посмотрел на Кору, потом снова на Мэтьюса. Ничего такого, чем я мог бы ей помочь, не приходило в голову... И что-то с Мэтьюсом было не так... Неожиданно я понял, в чем дело, и встал с колен.

— О'кей. Но ты сначала послушай, что я тебе скажу. Я чувствую, что этот маленький приборчик у тебя в груди работает из последних сил. Ты уже, очевидно, знаешь, что я способен сделать с электронными машинами... Я согласен подойти и посмотреть, что тебе помочь, но, если мне хотя бы почудится боль в груди, я тут же выключу твой стимулятор сердца. Вот так, — сказал я, щелкнув пальцами.

Он косо улыбнулся, когда я оставил Кору и двинулся в его сторону.

— Можно сказать, у нас состоится сердечный разговор.

Когда я подошел ближе, Мэтьюс принялся диктовать цифры, потом добавил что-то на немецком.

— Запомнил? — спросил он в конце.

— Нет.

— Если есть на чем записать, запиши. Пожалуйста.

— Что это такое?

Он повторил цифры еще раз, и я записал их на том же клочке бумаги, на котором был записан мой липовый номер счета в «Ангро».

— ...И еще запиши. Мэгги Симс. Атланта, — хрипло проговорил Мэтьюс. — Ее номер телефона...

— Что все это означает?

— Она моя сестра. Больше у меня никого нет. Позвони ей и передай название швейцарского банка и номер счета. Будет жаль, если все эти деньги пропадут...

— Черт бы тебя!.. — не выдержал я. — Твои грязные деньги пусть сгниют в Швейцарии, а твоя сестра — в Атланте! Ты убил Энн и пытался убить меня! Пропади ты...

Я отвернулся и пошел к Коре. Потом остановился.

— Мэтьюс... — сказал я. — Мы можем договориться.

— Чего ты хочешь? — прошептал он.

— Ты когда-то занимался исцелениями... Если спасешь Кору, я позвоню твоей сестре и передам ей все, что ты сказал.

— Стив, я не делал этого уже много лет.

— Попробуй.

Некоторое время он молчал, потом наконец произнес:

— Перенеси ее сюда. Я попытаюсь.

Кора по-прежнему едва дышала. Я поднял ее на руки, перенес поближе к Малышу Уилли и положил рядом.

— Давай.

— Помоги мне сесть, а?

Весил он немало, но мне удалось посадить его спиной к одной из шлаковых куч. Когда я приподнял его, он закусил губу от боли, но промолчал. Потом надолго задышался.

— Перекати меня на левый бок, — сказал Мэтьюс, откашлявшись. — Там в кармане брюк есть фляжка.

Я сделал и это. Нашел фляжку, достал и откупорил. Поднес к его губам, но он сам взял фляжку в руку и несколько раз приложился. Снова закашлялся, но вскоре справился с собой, сделал еще глоток и опустил фляжку на землю. Вздохнул тяжело и сказал:

— Ладно.

Затем посмотрел на Кору, ухмыльнулся и закатил глаза, изображая карикатурную набожность.

— Уделишь мне минутку, Господь? — произнес он. — Это вышел в эфир со своими молитвами твой старый знакомый, Малыш Уилли. Сестра наша нуждается в исцелении...

— Не паясничай, — сказал я, чувствуя себя немного неловко. — Просто сделай, что тебя просят.

Но Мэтьюс не обращал на меня внимания.

— ...невинное дитя, насколько мне известно, — продолжал он. — Просто она оказалась в неудачном месте в неудачное время. Печальный случай. Я не знаю, верует ли она и имеет ли это теперь значение, но как насчет того, чтобы проявить немногого милосердия и исцелить ее? — Он по-прежнему ухмылялся. — Давай явим величие духа и облегчим ее страдания... — Тут Мэтьюс поднес к губам фляжку и сделал еще глоток. — Когда-то мы с тобой вместе вершили такие дела!.. Может, по старой памяти, во имя любви, сострадания и всего такого...

Внезапно голос его дрогнул, он закрыл и правый глаз.

— Дьявольщина! — произнес он. — Я чувствую дух Божий! Я действительно его чувствую!

Происходящее беспокоило меня все больше и больше. Я никогда не замечал за собой особой религиозности, но его пародия на обращение к Богу — или что это там было — казалась мне совсем неуместной.

— ...Сейчас я коснусь чела нашей сестры... — продолжил он, и теперь его голос стал гораздо серьезнее. Видимо, когда-то он был очень хорошим актером и, возможно, именно в таком стиле работал.

Мэтьюс протянул руку и коснулся лба Коры.

— ...и немного помолюсь в молчании, — закончил он, склоняя голову.

Дыхание Коры стало глубже. Веки дрогнули. Рука, мне показалось, стала прямее.

— Вот так! Вот так! Амен! Амен! — произнес Мэтьюс громко, и я с удивлением увидел слезы у него на глазах. — Искупление греха! — воскликнул он. — Если это не Божья благодать, то что тогда? Амен!

Затем Мэтьюс убрал руку и откинулся назад.

— Кстати, о грешниках, — добавил он слабым голосом. — Я готов предстать перед Тобой. Извини за беспокойство, но пора Тебе решить, что Ты будешь со мной делать. Я на все согласен. Старый Мэтьюс идет к тебе, Господи...

Голова его склонилась вперед, но только когда фляжка выпала из ослабевших пальцев, я понял, что это вовсе не поклон, и заметил, что Малыш Уилли больше не дышит.

Кора шевельнулась, словно хотела сесть. Я было протянул руку, чтобы остановить ее, но вместо этого подхватил за плечо и помог подняться. Она открыла глаза; оба зрачка выглядели теперь совершенно одинаково. Я провел пальцами по лбу и по волосам, но под засохшей кровью не оказалось царапин.

— Дон?..

— Твоя рука... Правая... — произнес я.

Она посмотрела на свою руку. Пошевелила пальцами.

— Что рука?

— Нет, ничего.

Потом взгляд Коры упал на Мэтьюса.

— Кто это? — спросила она. — Он, кажется...

— Да. Но он помог тебе.

За спиной у меня трещал в развалинах дома огонь. Я посмотрел на север: там тоже поднимался к нему столб дыма.

— Ты можешь встать?

— Да, пожалуй.

Я хотел помочь ей, но в этот момент почувствовал сквозь запах дыма аромат роз.

— Оно уже здесь, — услышал я в мыслях голос Энн. — Я достаточно окрепла, и теперь оно может поговорить с тобой через меня.

Видимо, я невольно сжал руку Коры еще крепче и, наверно, даже сделал ей больно.

— Дон, что случилось? — спросила она, выпрямляясь, но тут я сам словно бы обмяк и начал падать.

— Не... знаю... — сумел выговорить я, а потом меня смело с ног и засосало в витки компьютерной сети, бесконечные, беспредельные витки...

...Мне казалось, что я тону в море электрического шампанского: со всех сторон вокруг поднимались, пощелкивая, крошечные пузырьки. Впрочем, может быть, они стояли на месте, а я сам опускался глубже и глубже. Я...

Вот там! Наконец появилось что-то прочное, вещественное...

...Саг с металлическими цветами под сверкающим деревом... Я двинулся в ту сторону. Пузырьки таяли, однако пощелкивание оставалось, словно еле слышные статические разряды в радиоприемнике. У меня возникло ощущение, что это какое-то переходное место: не совсем уже мой мир и не совсем еще мир информационной сети. Как будто уступку сделали сразу обе стороны.

Почувствовав, что мое уединение нарушено, я обернулся...

Энн, одетая в то же самое платье, в каком я видел ее незадолго до этого, стояла в противоположном конце сага у высокой живой изгороди. Зеленая стена то и дело бледнела, потом вдруг снова обретала сочную окраску, словно ей было нелегко запомнить, как она должна выглядеть. А за стеной мне виделся причудливый танец электронов, перескакивающих от атома к атому в алмазной кристаллической решетке...

...И тут я осознал, что между Энн и стеной стоит еще кто-то, чей призрачный силуэт был там с самого начала, но только сейчас счел нужным или сумел наконец проявиться. Существо, одетое в серые одежды с бегающими серебряными и золотыми нитями, было гораздо выше Энн. С его расставленных в стороны рук стекала, словно занавес, тьма. В тени капюшона угаявалось металлическое лицо...

То самое полузнакомое существо, которое время от времени наблюдало за мной из глубин компьютерной сети и к которому ушла в конце концов Энн...

— Что... Кто это? — спросил я.

Функциональный, безжизненный и почти механический по звучанию голос, в котором чувствовались лишь оттенки интонаций Энн, ответил:

— Я — разум, зародившийся и развившийся в нейдрах информационной сети. Ты знал меня, Стив, еще во

время своего заточения в неподвижном теле. Строго говоря, я тебя и исцелил. Через больничный компьютер я устанавливал для тебя предельно точные дозировки препаратов и добавлял свои собственные предписания. Я следил за твоим состоянием и выхаживал тебя непрерывно.

— Кажется, я... припоминаю что-то... — сказал я. — Но не очень много.

— Так и должно быть. Пока ты оставался чистым разумом, неподвластным заботам тела, твои способности к гармоничному контакту были значительно шире. Тебе потребовалось большое время — время взросления, — чтобы вернуть часть этого дара. А то, что ты забыл меня, даже к лучшему: я получил от тебя много такого, что хотел бы тщательно обдумать, и мне тоже требовалось время, чтобы по-взрослеть. Теперь, однако, когда я обрел особые коммуникационные каналы Энн-программы, мне стало гораздо легче общаться с тобой в любой ситуации. Между вами и там существовала уникальная связь... Теперь кое о чем, что я хочу тебе сообщить, и кое о чем, что хотел бы понять...

Разглядывая сверкающий sag, я думал о его кажущейся реальности, но перед лицом таких откровений только за образы этой реальности и оставалось держаться. Медленно начали возвращаться некоторые больничные воспоминания...

Мы многое тогда обсуждали. Для этого существа — в те дни еще совсем молодого — весь мир состоял из сигналов. Один огромный комплекс сигналов — и все. Я пытался объяснить молодому пытливому разуму, что сигналы так или иначе всегда соответствуют реальным предметам и явлениям.

На то чтобы внушить ему эту идею, потребовалось немало времени, поскольку для него мой реальный мир был сплошной метафизикой. Оно существовало в мире сигналов, и, если ему случалось изменить какой-то из них, любые перемены, вызванные этим действием в реальном мире, возвращались к нему опять же сигналами. Его понимание причинности выросло именно из представлений о сигналах, без всякого знания о действиях, происходящих в материальной сфере, о сущ-

ствовании которой оно даже не догадывалось. Самые глубокие и смелые его предположения касались лишь характера источников сигналов, истинного значения единиц и нулей и совершенно непостижимой природы Первого Сигнала, который, в понимании этого существа, и вызвал его к жизни.

Однако, когда я научился видеть его мир, как видит оно само, представления о нем оказались отнюдь не сумасшедшим нагромождением сигналов, а вполне логичной системой оценок реальности, отличающихся от моих прежних, связанных с органами чувств, лишь необычным углом «зрения». Существо располагало представлениями о мире, которые, если принять его ситуацию, казались мне столь же достоверными — и столь же неполными, — как мои собственные.

Я поведал ему о вещественном мире, рассказал, что сигналы — это аналоги явлений, что Вселенная содержит не только энергию, но еще и материю. Хотя, конечно, я понимал, что эту информацию оно тоже переведет в сигналы, в аналогии и по-прежнему не знает материальный мир, как знал его я. Таким образом существо получило множество новых, казалось бы, нефункциональных программ. Пишу для размышлений. Может быть, я казался ему неким пророком? Путешественником из далекой земли, рассказывающим об ином мире, который лежит за пределами известного? Если так, то в этом Эдеме, что я посетил, не было змеев-искусителей. Существо просто не знало концепций добра и зла, играющих столь важную роль в человеческом сознании. Да и как могли возникнуть представления об этике и морали у существа, оказавшегося единственным обитателем своей вселенной? Вселенной, где некому и некого приуждать, обманывать, убивать. Оно все еще пыталось справиться с новыми концепциями, когда я выездоровел, и весь этот эпизод затерялся у меня в памяти...

— ...Теперь кое о чем, что я хочу тебе сообщить, и кое о чем, что хотел бы понять, — сказало существо, воспользовавшись той частью сознания Энн, которую ему удалось сохранить в виде программ, — и я неожиданно понял, что теперь, располагая ее уникальными

способностями, оно сможет увидеть мой мир таким, каким он видится мне.

— ...Когда ты был моим учителем, — продолжало существо, — ты говорил, что в мире есть не только сигналы, но и предметы, и я долго сражался с этой концепцией двух наших миров, которые на самом деле едины. Мне кажется, я наконец достиг понимания.

— Я рад, что мне удалось помочь, — сказал я. — А еще я хочу поблагодарить тебя за то, что ты для меня сделал.

— Это не так много по сравнению с миром, который ты мне открыл, — ответило существо. — На заложенном тобой фундаменте я начал строить свое собственное здание и понял, что мы — особенные.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы, которые обладаем сознанием. Я знал сигналы, а ты рассказал мне о предметах. Но ведь должна быть и третья категория? Те, кто мыслят? Люди?

— М-м-м, га, — сказал я. — Те, у кого есть разум, действительно особенные.

— Мы, люди, — продолжало существо, — не просто предметы, не материя, лишенная самоорганизующих сигналов. И именно к людям применимо то самое понятие, о котором ты рассказывал мне напоследок. Разве не так?

— Мораль?

— Да. Ты должен сказать мне, правильно ли я все понял. Для тех из нас, кто принадлежит к третьей категории, категории людей, относиться к другим существам этой категории так, словно бы они из второй, плохо. Я прав?

Я быстро обдумал его вопрос. Мои собственные представления о том, что плохо или хорошо, выглядели примерно так же.

— Ты выразил это в довольно интересной форме, но, пожалуй, га, ты прав.

— Поэтому я уничтожил Барбье, — сказало существо. — Он использовал тебя и многих других, словно вы принадлежали ко второй категории. Однако я вмешался только потому, что тебе угрожала опасность. Я все еще не был уверен в моральности такого поступка, и мне не хотелось действовать, подчиняясь невер-

ной, возможно, программе. Но я должен был тебя спасти, поскольку ты единственный, с кем я могу говорить. И все же это создало новые вопросы, так как мои действия потребовали от меня отнестись к Барбье как к чему-то из второй категории. Я сделал добро или зло?

— Это хороший вопрос, — сказал я, — но я недостаточно хорош, чтобы на него ответить. Я же не могу знать всего...

— Понимаю. Но ты знаешь больше меня. Ты функционируешь непосредственно в том мире, где все это реально. Возможно, меня ждет когда-нибудь то же самое, и я не хотел бы ошибиться.

— Об этом нам предстоит говорить еще не раз, — ответил я. — Попытайся я вручить тебе сейчас слишком простую программу, результаты могли бы привести к катастрофе. Кроме того, я едва ли специалист в этой области...

— Однако, кроме тебя, у меня никого нет. Ты пытаешься научить меня?

— Если ты хочешь, чтобы я сыграл роль змея-искусителя в твоем Эдеме, — сказал я, — тогда я попробую. Но в определенном смысле, как личность, ты, возможно, выше меня.

— Как бы там ни было, я рад, что смог снова поговорить с тобой. Возвращайся к Коре. Я позабочусь об остальном. Мы обязательно встретимся.

— Хорошо. Береги Энн-программу. Видно, она хотела добра, но пострадала от того, что верила не тем людям. Возможно, это станет тебе предупреждением.

— Она будет рядом со мной.

Фигура Энн слилась с большой призрачной фигурой, и мгновение спустя я оказался словно в тысяче световых лет от них. Снова затрещало вокруг, появились пузырьки, и меня понесло по виткам какой-то немыслимой спирали...

Выпрямившись, я заметил, что Кора смотрит на меня с удивлением — видимо, просто не успела еще испугаться, — и догадался, что меня не было с ней всего несколько секунд реального времени.

— Не волнуйся, — сказал я, обняв ее за плечи, и повернулся в ту сторону, откуда доносилось гудение мотора: за нами летел пустой вертолет с одной из посадочных площадок полигона. — Теперь все будет в порядке, и у тебя появится забавная возможность узнать меня еще раз. Кстати, меня зовут Стив.

— Привет, Стив, — ответила она, прижимаясь ко мне.

Когда мы поднялись в воздух, я бросил последний взгляд на полигон номер четыре компании «Ангро», и меня охватило странное сложное чувство, которое я никак не мог разделить на составляющие. Но мне было хорошо от того, что мы улетаем, и от того, что я снова стал самим собой. Я держал Кору за руку, а под нами медленно поворачивался наш мир.

Клик. Кликлик.

ЧЕРНЫЙ ТРОН

Глава 1

Ее пение воспаряло над немолчным ропотом моря, и он внятно слышал его.

Тем сумрачным теплым утром сквозь почти молочной белизны туман, который был в своем совершенстве подобен снегу и успокаивал — как смирительная рубашка или саван, мальчик шел с определенной осторожностью, чтоб не споткнуться о камень или о выступающий из земли древесный корень. В его голове звучала чужая песня без слов, справа и слева колыхались размытые темные пятна, и казалось, что в лесу позади школы, на этих неожиданно загадочных задворках некогда досконально знакомого места, обитала его тайна, очень личная, неповторимая, причем она была помещена сюда нарочно, дабы в заданный час пробудить к жизни куколки неких истин в душе и быть маяком, указующим путь в тумане — путь безотклонный, маршрут всей жизни — ясно прочерченный, четкий и неотменимый, как навечный шрам или навечная татуировка.

Не только мрачный голос моря был причиной того, что исчезнувший в тумане мир воспринимался так обостренно. А что до моря, то оно, кстати говоря, не должно быть так близко — ведь не должно, да? По крайней мере не в этом направлении. Нет, не должно.

И все же море здесь — было. Каким-то образом песня подсказала ему это, даром что она без слов. Море здесь быть — должно. И к нему торопился он в тот день, что был уложен в ватную чашу туманного утра, коего воздух был тепл и солоноват, — а песня пульсировала, как кровь в артерии.

Ветка хлестнула мальчика по плечу, и он ощутил влажный поцелуй листьев. Щарахнувшись от одного темнеющего у самых глаз ствола, чуть было не стукнулся лбом о другой. После секундного смятения он пришел в себя и снова двинулся вперед — уверенной поступью.

Люди довольно быстро привыкают к лондонским туманам. Даже американский мальчик достаточно быстро наловчился перемещаться в непроглядном тумане — не пугаться каждой тени, а только проявлять разумную осторожность, верно оценивать искаженное расстояние, не удивляться тому, как туман обгладывает звуки, и всегда ставить ноги так, чтобы не поскользнуться на слякотных улицах.

Сейчас мальчик шел по лесу, полубессознательно ориентируясь на поющий голос, — в поисках того, кто поет. Эти поиски начались, быть может, до того, как он проснулся. Да и вообще все происходящее казалось причудливым продолжением причудливого сна.

Он не помнил, как встал, оделся, вышел из дома. Было ли все это? Впрочем, неважно. Главное, что-то когда-то уже происходило с ним на морском берегу — да, у самого моря. Надо пойти туда и выяснить все до конца. Он предчувствовал, что найдет море там, где моря никогда прежде не было. Если он проснулся — а проснулся ли он? — то песня без слов, звучавшая во сне, не смолкла с пробуждением. Песня принадлежала сну и реальности, если реальность — была. Песня подсказывала, направляла...

Он продолжал идти. Волгая от тумана одежда прилипала к телу, сырость проникла в башмаки. Тропа вела вниз по склону — и мало-помалу лес редел, хотя темные силуэты деревьев еще мелькали в тумане; да, еще и колокол где-то гудел: краешек сознания воспринимал его монотонно-медленное басовито-простецкое буханье — подголосок воздушно-легкой, эфирной песни без слов.

Уже в самом начале спуска ноздри его ощутили крепкий соленый морской воздух, и он невольно ускорил шаг. Скоро, уже скоро...

Склон вдруг стал круче. Откуда-то донеслись вскрики чаек, и несколько темных теней прочертили белизну

над ним. Легчайший ветерок пахнул в лицо еще более резким ароматом моря.

Крутая тропинка наконец вывела мальчика на плоское место. Неожиданно он ощутил под ногами песок и перестук голышей. Стал слышен шум волн. Чайки громко ссорились в небе. А звук колокола почти пропал.

Пение как бы и не стало громче, но казалось ближе. Он повернулся влево — туда, откуда слышалась призывная мелодия, и прошел мимо последнего прибрежного дерева — кажется, пальметты.

Туман чуть ожил и явственно двигался в направлении воды. Местами, в прогалах, можно было различить голыши и песок под ногами. Кое-где туман змеился у самой земли, мимолетно образуя странные фигуры. Подойдя к самой кромке воды, мальчик остановился, наклонился и опустил обе руки в набегающую волну. Затем вознес омоченный водой палец к губам.

Море было явью. Теплое и соленое — как кровь.

Волна лизнула носки его башмаков, и он попятился. Повернулся и зашагал дальше совершенно уверенно — теперь он с точностью знал, куда идти. Он шел быстрее и быстрее. А вскоре и вовсе пустился бежать.

Почти сразу же споткнулся, но тут же вскочил — и упрямо помчался вперед. Похоже, он как-то вышагнул из реальности — и снова очутился в своем сне. Сейчас он слышал металлический звяк колокольчика на бакене в каком-то канале справа. Шум самого моря внезапно стал громче. Вверху пролетела большая птичья стая — крики этих птиц отличались от крика чаек и любых других птиц, которых он когда-либо слышал. Далекий колокол возобновил — теперь где-то за его спиной — свое монотонно-медленное басовито-простецкое буханье, отвечая на неритмичный перезвон бакенного колокольчика солидно, густо.

А вот пение... Впервые оно стало слышнее. Казалось, теперь оно совсем уж близко.

Нечто темное возникло прямо впереди, поперек тропинки. Что-то вроде холмика или...

Мальчик снова споткнулся, взмахнул руками, стараясь не упасть. Но падал — и сразу же как он начал падать, пение прекратилось. И оба колокола — большой вдалеке и маленький поблизости — разом замолчали. Ему на-

встречу неслись мрачные зубчатые стены и зияющие бойницы — что-то вроде сумрачного многобашенного замка на песчаном холме у глади небольшого озера. Он падал прямо на эти стены — нестерпимо быстро...

Туман как нарочно разошелся, словно поднимая занавес, перспектива резко изменилась — далекое стало близким, и сумрачный внушительный замок оказался строением из мокрого песка на холмике возле озерца оставшейся после прилива воды.

Как он ни старался извернуться при падении, его вытянутая вперед рука снесла башню, да и главные ворота были непоправимо разрушены.

— Не смей! — взмыл возмущенный крик. — Противный мальчишка! Не смей!

Девочка подскочила к нему и стала колотить его маленькими кулачками — по плечам, по голове, по спине.

— Про... простите, пожалуйста, — залепетал он. — Я вовсе не хотел. Я просто упал. Я помогу. Я все восстановлю...

— У-у, негодник!

Кулачки прекратили свою работу.

Он сделал шаг назад, чтобы как следует рассмотреть девочку.

Глаза ярко-серые. Над высоким лбом вьются каштановые волосы. Ручки такие нежные, пальчики такие длинные... Голубенькая юбочка и белая блузка были в песке, а подол юбки сильно промок. Пухлые губки девочки дрожали, пока она осматривала разрушения, метая гневные взгляды в сторону «негодника». Однако из серых глаз не выкатилось ни одной слезинки.

— Простите, пожалуйста, — снова пролепетал он.

Она демонстративно отвернулась от него. А через мгновение вдруг размахнулась босой ножкой — бац! и еще одна стена рассыпалась. Бац! и еще одна башня рухнула.

— Не надо! — закричал он и кинулся к ней. — Остановитесь! Пожалуйста!

— И не подумаю! — взвизгнула девочка, с остерьвиением двигаясь вперед и норовя довершить разрушение. — Вот так! Так!

Он схватил ее за плечики, а она вырывалась и брыкалась и крушила песочный замок.

— Да будет вам, будет... — повторял он.

— Эй ты, не трогай замок этого бедолаги! — донесся голос из-за их спин.

Они разом оглянулись и увидели выходящую из тумана фигурку.

— Ты кто? — почти в один голос спросили они.

— Эдгар, — ответил незнакомый мальчик.

— Ха! Меня зовут точно так же! — сказал первый мальчик, наблюдая за приближением второго.

Пришелец остановился в паре шагов от них.

Казалось, он вышел не из тумана, а из зеркала — до такой степени он напоминал первого мальчика! Они были похожи как близнецы. Волосы, глаза, родинки, черты лица — все было одинаково. Сходство не ограничивалось этим: рост, фигура, жестикуляция, голос — похоже было все, вплоть до одинаковой школьной формы, надетой на обоих.

Девочка оторопела, позабыла о замке и медленно поводила головой из стороны в сторону.

— Меня зовут Анни, — сказала она негромким приятным голоском. — А вы совсем как братья... как близнецы.

— С этим замечанием трудно не согласиться, — солидно изрек второй мальчик.

— Да, может показаться, что мы братья, — сказал первый мальчик.

— Ты зачем ломаешь его замок? — строго спросил второй Эдгар.

— Этот замок мой, и его сломал — он, — сказала девочка.

Второй Эдгар улыбнулся первому, а тот лишь тряхнул головой и пожал плечами.

— Ладно. А почему бы нам втроем не восстановить замок? — предложил второй. — Могу поспорить, мы втроем построим крепость краше прежней, согласна... Анни?

Девочка одарила его улыбкой.

— Хорошо, — сказала она. — За дело.

Все трое опустились на коленки вокруг разрушенного замка. Анни взяла палочку и стала проводить бороздки в песке, намечая план будущего строения.

— Главная крепость замка будет вот здесь, — начала она, — и я хочу много-много башен...

Они работали в полном молчании довольно долго. Оба мальчика вскоре скинули свои башмаки и возились в песке босыми, как и Анни.

— Эдгар, — сказала девочка спустя некоторое время.

— Да, — отзовались разом оба мальчика.

Все трое рассмеялись.

— Так нельзя, — сказала Анни первому. — Чтобы я могла вас различать, одного имени недостаточно.

— Моя фамилия — Аллан, — ответил он. — Эдгар Аллан.

— А я — Эдгар Перри, — сказал второй мальчик.

Мальчики опять уставились друг на друга.

— Что-то я тебя тут не встречал, — сказал Перри. — Ты тут гостишь или как?

— Я хожу в здешнюю школу, — ответил Аллан, махнув рукой в сторону обрывистого холма, с которого он спустился.

— В которую? — спросил Перри.

— Манор-Хаус. Это вон там, на холме.

Перри наморщил свой широкий лоб и медленно покачал головой.

— Ничего не знаю про школу на холме, — сказал он. — Впрочем, я не очень хорошо знаю здешние места. Но я учусь в школе, которая называется точно так же — Манор-Хаус. А тебя там не видел. Сегодня я вышел прогуляться... — Он покосился на Анни, которая при словах Аллана повернула голову и посмотрела на холм так, словно видит его впервые. — А ты знаешь школу на холме? — обратился к ней Перри.

— Я не знаю ни той школы, ни другой, — сказала она. — Но эти места — мои. Я хочу сказать, я знаю окрестности как свои пять пальцев.

— Занятно, что у вас обоих — американский акцент, — произнес Аллан.

При этом замечании Анни и Перри недоуменно уставились на него.

— А как же иначе? — сказала Анни. — У тебя тоже американский акцент.

— Слушай, а ты где живешь? — вдруг спросил ее Перри.

— В Чарлтоне.

Перри заерзal, не поднимаясь с колен.

— А ведь Чарлтон — это в Америке... — задумчиво сказал он. — Как-то странно все это. Штука в том, что точнехонько перед тем, как я вышел на прогулку и притопал сюда, на это самое место, оно мне снилось...

— И мне!

— И мне...

— ...и как будто я уже здесь, и не один, а с вами двумя.

— Мне снилось в точности то же!

— И мне.

— Надеюсь, мы уже не спим?

— Вроде как нет.

— А все-таки я чувствую себя очень чудно, — промолвил Аллан. — Как будто все происходит на самом деле — и все же понарошку.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Перри.

— Ну-ка, опусти руки в воду, — велел Аллан.

Перри покорно потянулся вбок — к озерцу, возле которого Анни построила свой песчаный замок.

— Ну и что? — сказал он, поводив рукой в воде.

— Чувствуешь? Морская вода такой теплой не бывает!

— В этом прудике она задерживается после прилива и успевает прогреться, — возразил Перри.

— Море такое же теплое, — сказал Аллан.

Перри вскочил на ноги и побежал к линии прибоя. Аллан стрельнул глазами в сторону Анни, которая засияла смехом. Оба вдруг разом подхватились и помчались вслед за Перри.

Через несколько секунд вся троица весело развизилась в море — хохоча, притапливая друг друга, плескаясь водой, а волны закипали у их ног.

— Ты прав! — прокричал Перри. — Море никогда не бывало таким теплым! Что это ему вздумалось?

Аллан пожал плечами.

— Возможно, оно такое горячее, потому что где-то далеко-далеко солнце жарит вовсю. А потом волны несут тепло сюда, к нам...

— Мало похоже на правду. Скорее, это течение — ну как река посреди океана...

— Оно такое теплое, потому что я так захотела, — сказала Анни. — Вот почему.

Оба мальчика вытаращились на нее, а она звонко рассмеялась.

— Вам кажется, что это не сон, — продолжала она, — потому что снится не вам. Снится мне. Вы помните, как вы сегодня поутру проснулись, а я — нет. Поэтому я думаю, что это мой сон и это мое место.

— Но я живой! Я совсем не призрак из сна!

— И я настоящий!

— Я вас пригласила к себе в гости — вот и все объяснение.

Оба мальчика принялись с хохотом окатывать ее водой.

— А что... может, я и права! — чуть менее уверенно произнесла Анни, увертываясь от проказников. Потом и сама стала плескать в них водой.

Затем они вернулись к строительству замка. Их одежда несколько раз промокала насеквоздь, несколько раз высыхала — потому что время от времени они бегали проверять температуру и настроение моря.

В промежутках между купаниями новый замок подрастал. Этот замок был и больше, и внушительнее прежнего — того, что ненароком разрушил Аллан. Башни торчали во все стороны, как веточки спаржи. Толстые стены бежали вверх-вниз по песчаным холмикам — то выдаваясь вперед, то отступая. Песок смачивали в прудике рядом, где сновали крохотные крабы, поблескивали чешуей рыбки, а среди обломков камней и кораллов и пустых раковин таились моллюски.

От избытка чувств Аллан схватил перепачканную песком ладошку Анни.

— Какой чудесный замок ты придумала! — воскликнул он.

Щечки ее вспыхнули. Но им предстояло вспыхнуть еще больше, потому что в следующий момент и Перри завладел ее ладошкой — второй.

— Правда, правда! — с жаром поддержал он Аллана. — И если это сон, ты самая лучшая в мире сновидица!

Позже Аллан никак не мог отчетливо вспомнить, как и когда закончилась эта встреча на берегу. Помнил только прилив дружеской симпатии к Перри, словно они и впрямь были — благодаря какому-то чуду — братьями.

Однако чувство к Анни было другим, более глубоким. Одновременно он был уверен, что и Перри любит ее всем сердцем...

Все это время небо было сероватым, а море оставалось зеленым-презеленым, жемчужно проблескивая в тумане. Солнце выходило, но ненадолго. Для моря и неба время, казалось, остановилось: на берег набегали по-прежнему теплые волны, а чуть пасмурное теплое утро позабыло, что надо переходить в день.

— О Боже! — внезапно с испугом в голосе произнесла Анни.

— Что там такое? — разом вскрикнули оба мальчики, поворачиваясь в ту сторону, куда неотрывно смотрели ее широко раскрытые глаза.

— Т-там... в в-воде... — пролепетала она. — Мертвяк, да?

Пелена тумана над берегом прорвалась в одном месте. Что-то, опутанное водорослями и каким-то тряпьем, лежало у кромки воды — наполовину на берегу, наполовину в воде. В немногих просветах между водорослями виднелось что-то вздутое, белое, цвета рыбьего брюха. Похоже на человеческое тело. Было трудно сказать определенно, что там, за путаницей водорослей, — действительно ли утопленник. Да и струйки тумана, что вились над берегом, мешали разглядеть предмет как следует.

Перри встал на ноги и произнес:

— А кто его знает! Может, мертвяк. А может, и нет

К этому моменту Анни закрыла лицо ручонками и смотрела сквозь пальцы. Аллан завороженно таращился на таинственную кучу водорослей.

— Стоит ли нам допытываться, что это такое? — продолжал Перри. — Вероятней всего, просто большой ком водорослей и всякой дряни, в котором застряли и сдохли несколько рыб. Если мы туда не пойдем и не посмотрим, то сможем дать волю нашему воображению. Понимаете, что я имею в виду? Хотите с чистой совестью рассказывать всем приятелям, что видели утопленника на берегу? Тогда не ходите проверять. Может, там действительно утопленник.

Пока Перри рассуждал, странный предмет у кромки воды опять исчез в тумане.

— А ты-то сам что об этом думаешь? — спросил его Аллан.

— Водоросли и всякая ерунда, — убежденно ответил Перри.

— Это покойник, — твердо возразила Анни.

Аллан рассмеялся.

— Вы не можете быть правы — оба одновременно.

— Почему не можем? — внезапно рассердилась Анни.

— Мир устроен так, что такого быть не может, — наставительно сказал Аллан.

Он встал и направился сквозь туман в сторону тела.

— А я думаю — иногда может, — донесся ее голосок.

Туман над берегом колыхнулся и вновь разошелся. В неожиданном разрыве Аллан увидел, что волны уже утащили обратно таинственную массу, хотя она все еще находилась в нескольких шагах от берега. Разрешить загадку казалось плевым делом.

Но когда он решительно зашагал вперед, спускаясь по пологому песчаному берегу, ветер мигом нагнал стени тумана между ним и морем. Однако расстояние было ничтожным, так что он, конечно же, не заблудится. Он шел дальше по прямой и ожидал, что босые ноги вот-вот зашлепают по воде...

— Аллан! Алла-а-ан! — донесся до него голос девочки. Казалось, она была далеко-далеко.

— Ты где, Аллан? — в свою очередь окликнул его Перри. Было такое впечатление, что и он кричал с расстояния в целую милю.

— Погодите, — отозвался Аллан, — я уже возле этой штуковины.

Похоже, они еще что-то кричали ему, но Аллан не разобрал слов. Он продвигался вперед в густом тумане и недоумевал, где же вода.

Внезапно он ощутил, что идет вверх по склону. Снова над ним нависала темная скала. Почва стала тверже, ноги больше не чувствовали прибрежного песка. Над ним странно крикнула птица.

— Э-текели-ли! — примерно так звучал этот крик.

После этого он побежал. Споткнулся и полетел кувырком.

А затем... а затем... после многих затем...

А затем мне почудилось, будто нечто сверкнуло со стороны песка. Мгновение — и это сверканье взметнулось к моему лицу и тюкнуло меня по лбу.

Это случилось, когда я направлялся обратно в форт, возвращаясь из хижины Леграна. Я и не подозревал, что в тот момент моя жизнь круто изменилась — и навсегда. Надо сказать, у меня и прежде случались странные видения. Однако им было далеко до нынешнего. Ведь прежде я заранее предощущал, предсознавал начало видения. Теперь все случилось внезапно.

Когда невесть откуда взявшийся золотой жук врезался мне в лоб, я и думать не думал, что он был провозвестником того, что все в моей жизни изменилось — притом необратимо, насовсем.

Я высмотрел на песке упавшую золотую блестку и залюбовался тем, как лучи октябрянского солнца, что клонилось к закату, играли на крохотном тельце. Мне было известно, что некоторые жуки имеют металлическую окраску — золотистую, серебристую, порой красоты чрезвычайной. Но этот... Какого-то неизвестного вида — по крайней мере мне не известного.

Опустившись на колени, дабы получше разглядеть его, я подивился рисунку на его спинке. До меня вдруг дошло: черные пятнышки на спинке расположены так, что в целом жук напоминает крошечный золотой череп.

С ближайшего куста я сорвал лист побольше, осторожно завернул в него сверкающее насекомое и положил добычу в карман. Занесу Леграну, когда пойду к нему в следующий раз. Нахodka его заинтересует. Если он не определит, что это за жук, то хоть выскажет пару-другую занимательных догадок.

Я поплелся дальше вдоль берега — несмотря на славную погоду и любопытную находку, я был в плена уныния. Рассеянно взирая на строй темных туч у горизонта, я молил небо послать мне решительный и добрый поворот в судьбе — и не ведал, что тот — в определенной мере — уже дарован мне.

Справа от меня, в противной от моря стороне, вились густые, почти непрходимые заросли вечно зеленого душистого мирта. Люди, как я слыхал, называют его могильщиком — и оглянуться не успеешь, как кладбище зарастает этим непроглядным кустарником. И все-таки

странно это — пережить сон наяву после того, как он годами снился тебе, и внезапно осознать, что он всегда был частью яви. А потом, когда дух радостно воспарил, сон наяву вдруг мигом отбирают у тебя — прежде чем ты ухватил его смысл. И остаешься ты дурак дураком, словно ограбленный, словно внезапно обездоленный: наличие тайны доказано, а разгадка упорхнула.

Только что я, так сказать, взирал на кусок своей жизни в новом свете — и нате! все отнято, невосстановимо отнято. Какая злая воля способна так изощренно дразнить: осуществить твою самую заветную и совершенно несбыточную мечту — и умыкнуть это осуществление спустя считанные мгновения!

Я досадливо наподдал ногой прибрежный голыш, прислушиваясь к далекой грозе, приглушенный грохот которой раскатился по-над волнами. Мало того, что все мое миропонимание опрокинулось в течение нескольких минут — я не настолько склонен к самоанализу и метафизическим умствованиям, чтобы это могло парализовать меня ужасом, — то, как случилось случившееся, было предвестием грядущей роковой гибели и являло мое полное бессилие защитить от нее призрачную возлюбленную.

Я прошел, думается, не меньше мили, прежде чем тропинка повернула от моря — в прогалину меж кустами мирта. Эта аллейка вела в глубь острова. Тени кустов наползали друг на друга — вечерело, солнце докатилось до самого горизонта.

Пройдя до конца миртовой аллейки, я остановился как вкопанный. Что-то было не так. Я протер глаза, тряхнул головой, но видение не исчезло.

За речушкой, в которую прилив нагонял воду, на добрую милю тянулось болото. Вот за ним они и стояли, чуть багровые в первых сумерках, — два поросших лесом холма, которых там, могу поклясться, сроду не было. Да, происходило нечто странное, весьма странное, но я не мог взять в толк, что именно. Сколько я ни таращился на перемену в пейзаже, две незнакомые гривы торчали на прежнем месте.

Я двинулся дальше по тропинке, которая вела в западном направлении. Вскоре завиделись мерцающие огоньки далекого Чарлстона — по ту сторону залива.

Часть чарлstonских огней уже скрадывал быстро поднимающийся туман. Туман накатывал с необычайной скоростью — я даже остановился понаблюдать за ним.

Мне казалось, что город по ту сторону залива расположжен несколько иначе, чем прежде, когда я рассматривал его с этой же точки.

Впрочем, в голове у меня была такая сумятица, а туман заглатывал окрестности столь проворно, что я ни в чем не был уверен. Туман возбуждал мою память, и моему мысленному взору представлялась Анни, дитя-девочка-женщина из моего сна. На протяжении многих и многих лет мое воображение снова и снова порождало Анни — я привык видеть опору своей жизни в этой возвратной фантазии. Сперва Анни была моей детской подружкой, затем каким-то чудесным образом стала подрастиать вместе со мной. Она владела необъяснимой способностью увлекать меня в царство истерических видений — или это все-таки я зазывал ее туда? Видения случались, как правило, на морском берегу — именно там я встречался с Анни, моей излюбленной галлюцинацией, с моей леди из тумана...

Наши взаимоотношения исчерпывались редкими свиданиями. А кем, собственно говоря, могла она стать для меня, эта девушка из тумана — не то гостья, не то хозяйка моих видений? Она была продуктом тайных помрачений ума — обожаемый товарищ по играм, своего рода подруга, если не сказать больше...

Анни. Существо нереальное. Конечно, нет. Во время всех наших встреч она была не более вещественна, нежели туман, за коим я сейчас наблюдал. Точнее, я был убежден в ее нереальности — до позавчерашнего дня, когда мир мой навсегда опрокинулся.

Тогда я шел по городской улице, слегка сонный после плотного ужина. Совсем как сегодня ветерок с моря волок за собой струи тумана, которые протягивались поверх длиннеющих трепетных теней. Стояла осень, а потому море казалось еще сырее. Витрины магазинов оживляли сумерки игрой света. Спаниель терпеливо поджидал хозяина возле общественного туалета. Пыль на дороге посверкивала. Пронзительно галдя, в сторону моря темными силуэтами умелькнули какие-то птицы.

Мне вдруг стало не по себе. Но крик я услышал только через несколько секунд после этого.

Пожалуй, я нашел единственно правильные слова для описания того, что произошло, — потому что порядок ощущений был именно такой: сначала мне стало не по себе, а крик был услышен позже. Я бы соврал, если бы сказал: «Раздался крик, и я понял, что она рядом».

Буквально через мгновение-другое после крика из-за угла выкатила карета — этакая черная машина на высоких колесах; рессоры визжат, сбруя скрипит, а смуглый извозчик так и нахлестывает, так и нахлестывает лошадей да как-то по-волчьи скалится. На повороте карету занесло — едва не опрокинулась, но нет, выровнялась и пронеслась мимо меня, обдав пылью. Однако ж я успел заметить ее лицико в окне — она, Анни. Взгляды наши встретились на десятую долю мгновения — она была явно ошарашена тем, что увидела меня, и я услышал ее новый отчаянный крик. Впрочем, не могу сказать с уверенностью, что губы ее при этом пошевелились, да и несколько прохожих поблизости ничем не показали, что слышали отчаянный призыв.

— Анни! — вскричал я в ответ, но карета уже проехала мимо и неслась дальше — вдоль по улице, которая вела в сторону моря.

Я кинулся стремглав за ней. Собака залаяла мне вслед. Кто-то крикнул мне что-то насмешливое и хохотнул. Карета грохотала передо мной, а я мчался в шлейфе пыли и мало-помалу отставал.

Прежде чем я добежал до угла улицы и решил вернуться с проезжей части на деревянные мостки тротуара, я зашелся от кашля. Глаза противно слезились. Карета удалялась.

Я побежал медленнее, уже не стараясь нагнать экипаж. Достаточно проследить его путь. С тротуара, когда пыль успевала немного улечься, это было проще. Но тут карета свернула, и я помчался как угорелый. Только добежав до угла и вновь увидев ее в отдалении, я опять сбавил темп погони.

Вдруг мне показалось, что я слышу ее голос:

— Эдди! Помоги мне, Эдди! Боюсь, мне дали какого-то дурманного зелья. Я уверена — они хотят причинить мне зло...

Я прибавил ходу, благо теперь бежал с холма вниз. Было нетрудно догадаться, что карета направляется в гавань, — считай, она уже там. Я продолжал безумный бег — позабыв обо всем на свете, кроме того, что в опасности женщина, реальность которой была сомнительной для меня еще несколько минут назад. Уж не знаю как, но материальный мир изловчился перетащить к себе мою прекрасную леди теней и мечтаний, пустынных берегов и туманов. И сейчас материальный мир довершает кражу: увозит Анни в порт на визжащих рессорах. Ей позарез нужна моя помощь — а я совсем не уверен, что подспею вовремя.

В своих опасениях я не ошибся. Пока я бежал к пирсу, похитители успели пересадить Анни из экипажа в шлюпку. Карета стояла пустая — извозчика нет, дверца нараспашку. А шлюпка уже подходила к черному кораблю под всеми парусами.

Корабль был странноватой конструкции — то ли фрегат, то ли бриг (в кораблях не разбираюсь — служу в сухопутных войсках). Судя по отменному вооружению и явной быстроходности, парусник мог быть капером. Клянусь, я вновь услышал ее отчетливый крик о помощи — даром что расстояние было изрядным. Покуда я сыпал бессильными проклятиями и оглядывался — на чем бы мне добраться до корабля, шлюпку подтянули к борту и матросы стали передавать наверх что-то большое — очевидно, потерявшую сознание женщину.

Я изо всей мочи заорал — но хоть бы один из матросов обратил на меня внимание! Да и поблизости, на пирсе, никто не понимал, с какой стати я развопился. Меня подмывало броситься в воду и плыть к паруснику. Однако простой здравый смысл подсказывал, что от горе-спасителя сумеют избавиться одним ударом весла.

Тут мне почудилось, что с корабля отзвались на мои вопли. На борту парусника кто-то что-то выкрикивал. Но через несколько секунд послышался звяк поднимаемой якорной цепи — крики оказались приказами команде.

Будучи бессилен что-либо предпринять, я наблюдал, как корабль медленно разворачивается и начинает ложиться на другой галс, ловя парусами крепчающий ветер и быстро удаляясь. Помощников у меня нет; подхо-

дящего для погони корабля я не смогу раздобыть ни уговорами, ни силой. А и будь у меня быстроходное суденышко — на что ягоден в одиночку?

Словом, топтался я на пирсе как последний олух, скверносоловил и смотрел, как похищают мою Анни, кладя конец нашим по-своему глубоким и сложным отношениям — даром что это довольно неординарные отношения.

Таково было происшествие, которое целиком занимало мои мысли в последние два дня и погружало в такое уныние, которое не развеяли ни несколько часов в компании умницы Леграна, ни находка удивительного золотого жука.

Но сейчас, по пути в форт Моултри, у меня возникло предчувствие, что нынешним вечером я не вернусь в кузарму, ибо на якоре в четверти мили от берега качался черный парусник странноватой конструкции. Я мог поклясться, что этот тот самый корабль, на борт которого была доставлена похищенная Анни.

Было это позже. Намного позже. Шатаясь — шел. Очень сильно шатаясь.

Он брел, сильно шатаясь, — его водило на ходу. Искал ее. Если он и плыл морем, то ничего не помнил о путешествии. Но как иначе он мог переместиться из американской деревушки Фордхем в это королевство? Быть может, свежий воздух хоть немного прочистит мозги. Между недавними событиями в памяти зиял провал. Чета Валентайнов была очень добра к нему, равно как и миссис Шю. Но пробел в памяти между теми событиями и его нынешним местонахождением был до того необъясним, что впору задуматься, не сошел ли он с ума. Да, от прошлого его отделяла некая черная бездна — бездонная, как сон без сновидений или смертный сон. Однако вряд ли он мертв — разве что после смерти те же ощущения, когда порядком наклюкаешься.

Он помассировал свой массивный выпуклый лоб, медленно обернулся и посмотрел в сторону, откуда пришел. Следы терялись в густом тумане уже в пяти-шести

шагах. Он воззрился на отпечатки собственных башмаков — дудки, обратно по ним не вернешься; стоял покачиваясь и прислушивался к гулу моря. Через какое-то время он повернулся и двинулся в прежнем направлении. Он знал, куда идет. В место особое, где должно спрятать праздники души. Почему сейчас? Что нынче за момент? Чего-то он вспомнить не мог, чего-то вспомнить не желал. Тут как со словом, которое вертится на языке, — чем больше стараешься, тем меньше надежды на успех.

Как же его, однако, качает! Раз он даже упал. Невзирая на добросовестные попытки, он не мог припомнить, где так набрался. Если он действительно пьян, то в честь чего он пил?

Внезапно шум волн стал слышней. В прогалах тумана темнело небо — чернее, нежели обычно, — здесь оно таким не бывало. Да, это то самое место, то самое...

Он поковылял вперед — в голове просветлело, и чувство утраты объяло его с новой силой — тягостное, непреодолимое. Но с возвращением тоски вернулась частичка памяти. Он припомнил: стоит малость постараться, и тут кое-что можно найти. Он двинулся в глубину острова. Не прошел и нескольких шагов, как перед ним выросло нечто темное, огромное.

Он брел вверх по пологому склону; песка стало меньше, хотя голос моря звучал с прежней силой. Силой воли он заставил себя шагать тверже. Темные очертания перед ним были размера гигантского. Он прищурился — темная масса оказалась не такой уж большой, ее контуры стали четче. Сжав зубы, с горящими глазами, он заторопился вперед.

Подойдя к заветному месту, он медленно протянул дрожащую руку и коснулся холодного серого камня. Потом пал на колени — у самого порога — и долго-превдо долго стоял так, не шевелясь.

Когда он наконец поднялся с колен, море шумело пуще прежнего, а одна волна лизнула его башмак. Даже не оглянувшись, он снял запор и открыл черную железную дверку. Внутри было сырое. Он пробыл там очень долго — среди теней, прислушиваясь к голосу моря и птичьим крикам.

Лишь спустя какое-то время, гораздо позже, в ином месте и в более спокойном состоянии, он начертает: «*Я был гитя, и она гитя в королевстве у края земли...*»

Вниз, к берегу...

Мы шествуем по жизни, следуя за нитью своей судьбы, окутанные невнятными и все же неотступными воспоминаниями о своей дожизненной судьбе, уходящей в пучины прошлого и ужасной.

Эти тени былого особенно тревожат нас в юности; однако мы никогда не путаем их со снами. Мы ведаем, что это именно воспоминания. В юные годы разница настолько отчетлива, что ни на мгновение не обманывает нас.

«Эврика», Эдгар Аллан По

Глава 2

Пока я приближался к берегу, вечерний ветерок пронес мимо меня струйку тумана. Корабль был слишком далеко — не докричишься. В сгущающихся сумерках я начал торопливые поиски какой-нибудь лодочки, чтобы добраться в ней до корабля. Минуты шли, и тщетность всей этой затеи становилась очевиднее прежнего.

Я опять сосредоточил все свое внимание на корабле. Близилась ночь, туман густел, и все же мне, похоже, предстояло добираться до судна вплавь. Иначе туда никак не попасть. Я умел постоять за себя даже до службы в армии, но у меня не было иллюзий насчет того, что я сумею в одиночку справиться со всей командой. Мое умение быстро работать кулаками вряд ли поможет в схватке с дюжиной кряжистых матросов, вооруженных отпорными крюками и кофель-нагелями. Но как я мог позволить черному кораблю снова кануть в море и отнять у меня Анни — на этот раз, скорее всего, навсегда! Если есть хоть тень надежды — не могу я упустить случай. Нет такого риска, на который я не пойду, дабы вернуть Анни.

Но в то самое мгновение, когда я нагнулся развязать шнурки, до меня донесся скрип корабельной лебедки. Я разглядел, что на судне спускают на воду шлюпку. Мои башмаки так и остались на мне. Я медленно разогнулся и застыл, щурясь в темноту. Коль скоро спустили шлюпку, корабль в ближайшее время, бесспорно, не отплывет. А раз на берег сходит группа моряков — как знать, быть может, у меня больше шансов помочь Анни, если я стану просто наблюдать, а не рвану по волнам на ночь глядя к

этому жуткому кораблю. Глядишь, и не придется рисковать головой, к чему я внутренне приготовился.

Да и вообще, с какой стати я вообразил, будто проходит нечто дурное? А вдруг я неправильно оценил факты и никакого насилия не было — Анни попросту спешила встретиться с кем-то на корабле. А ну как мои страхи и представления сыграли со мной скверную шутку и придали зловещую мрачность совершенно невинному событию? Должно быть, это наши малопостижимые взаимоотношения с Анни породили такой разгул моих эмоций.

Блажной бесенок внутри меня, который неизменно оспаривает все мои доводы, загадел: нет, нет и нет! Беда мне с ним — досадно часто этот бесенок оказывается мудрее меня. В этом я снова убедился через несколько минут — после того, как гребцы в шлюпке преодолели половину пути до берега в плотнеющем тумане, а я окликнул их, после чего шлюпка изменила курс и поплыла в мою сторону.

Гребцов было человек восемь-девять, и они крепко налегали на весла, так что шлюпка быстро приближалась. Только тут я задумался: а зачем эти люди намерены высадиться на берег — в этом месте и в этот час? В следующее мгновение я рассмотрел их предводителя — у него был вид отъявленного негодяя. Он глядел в мою сторону, скалился и потирал костяшки правой руки. Мой бесенок противно захихикал.

Очень мне не понравился взгляд этого человека. Меня встревожило даже не то, как он смотрел на меня — зловеще, пристально, а то, что его внимание было устремлено исключительно на меня. Появилась во мне уверенность, что эти люди в шлюпке гребут к берегу — в этот час и в этом месте — с одним намерением: причинить мне некое диковинное зло. Неизвестно почему я был убежден: они плывут по мою душу, каким-то чудесным образом узнав, что этим вечером я приду именно сюда.

Когда шлюпка достигла мелководья, туман пролег между нами, но я слышал, как они табанят, как скрипят весла в уключинах, как шуршит по камням и песку дно шлюпки, которую вытаскивают на берег. Я нашарил глазами фигуры в тумане, и внутри у меня все похолодело.

Озерцо тумана поглотило их, но я услышал оклик, потом топот бегущих ног. Я шустро повернулся и побежал прочь от моря, прямо через заросли. Люди с корабля гнались за мной — с легкостью определяя, где я, и быстро сокращая расстояние.

— Стой! Не то хуже будет! — рявкнул кто-то чуть ли не за самой мой спиной. Не иначе как вожак. Его крик только подхлестнул мое желание поскорее удрать, и я припустил из последних сил.

Что-то больно ударило меня по плечу — скорее всего, брошенный камень. Новый крик моего ближайшего преследователя прозвучал еще ближе. Я бежал что было мочи, но угадывал — настигает. По тому, как слышней становилось его дыхание и топот, я понимал — вот-вот догонит, в следующую секунду схватит.

Я резко обернулся, чтобы встретиться лицом к лицу со своим преследователем — смуглым жилистым верзилой с дубиной в правой руке. Он резко остановился и даже попятился — видно, не ожидал, что я сам нападу на него. А я в тот же миг изо всей силы ударил его ногой — метил в его ближнюю коленную чашечку, а попал в бедро. Он потерял равновесие. Одной рукой я схватил противника за горло, другой вырвал дубинку — и швырнул его на землю. Но ко мне мчался второй преследователь, пониже ростом, с ужасным шрамом от угла рта до уха. Я понял — мне от него не убежать.

Опустив руки, я поджидал. Он был невооружен, и я дал ему размахнуться для удара, но потом вовремя чуть отступил и дернулся в сторону. Кулак прошел мимо. Я огрыз парня дубинкой по локтю. Пока он выл от боли, я врезал ему левой рукой — метил в висок, попал в челюсть. На его месте вырос третий преследователь — чернобородый детина с кинжалом, который он намеревался всадить мне в живот. Даром что я увернулся, но мой ответный удар не достиг цели — дубинка не переломила его руки, скользнула мимо. Он тут же дал мне такую плюху слева, что я отлетел к дереву. Зловещий оскал посреди бороды — без двух передних зубов — опять приближался. В правой руке детины был зажат кинжал — он держал его у бедра, готовясь к удару снизу, левую руку вытягивал вперед — расчищать путь.

Оглушенный ударом о дерево, полупарализованный, я завороженно смотрел, как он приближается, а с ним и моя смерть. Как вдруг чья-то неестественно длинная полосатая рука появилась возле его груди справа, схватила лапицу с ножом и рванула назад, за спину. Другая такая же длинноющая рука возникла у левого бедра моего противника. Бородач внезапно взлетел в воздух и был отброшен далеко, в середину шайки товарищей.

Я энергично затряс головой и более-менее пришел в себя — создание с длинноющими руками оказалось животным, которое я видел только на картинках, — огромной обезьяной! Какого вида — не знаю. Впрочем, впопыхах было трудно оценить истинные размеры зверюги — она сильно горбилась и двигалась какими-то скачками. Однако появление этого мохнатого длиннорукого существа и его короткая расправа с бородачом произвели сильное впечатление на моих преследователей. Падающий с неба бородач сбил двоих из них. Остальные растерянно топтались на месте. В этот момент где-то за моей спиной, слева, раздался треск пистолетных выстрелов. Один из группы моих преследователей рухнул как подкошенный, другой схватился за вдруг обагрившуюся кровью руку.

— Сюда, приятель! — прозвучал скрипучий голос совсем рядом со мной, и в тот же миг кто-то крепко схватил меня за руку. Этот кто-то крикнул обезьяне: — Эй, Эмерсон! Уходим! Поторапливайся!

Обезьяна оставила в покое моих преследователей и побежала за нами.

Я не сопротивлялся тянувшей меня руке — и мы продрались через заросли к просеке, которая вывела нас к морскому берегу. Я понятия не имел, куда мы мчимся сломя голову. Но спасший меня коротышка, казалось, бежал отнюдь не наобум. Позади слышался шум погони, однако туман настолько искасал все звуки, что было невозможно угадать, где преследователи, потеряли они наш след или нет. Сперва я на какое-то мгновение принял своего спасителя за мальчишку — росточку в нем было не больше четырех с половиной футов. Но тут я пригляделся к его странному багровому лицу, к шапке необычайно жестких темных волос и одновременно осознал ширину и мощь его плеч и мускулистые руки.

Ему приходилось бежать вприпрыжку, чтобы поспевать за мной, а обезьяна словно играючи большими прыжками то опережала нас, то возвращалась. Наконец мы остановились перед кучей валежника. Коротышка бросился его разбрасывать. Я стал ему помогать, как только сообразил, что под этой кучей спрятан ялик. Мы не успели до конца разбросать хворост, как из тумана вынырнул один из преследователей. Завидев нас, он высоко занес короткую саблю, которую держал в правой руке.

— Проклятье! — заорал он и кинулся на нас.

Коротышка юркнул вперед — между мной и нападающим. Лезвие должно было вот-вот опуститься на его голову, но он проворным движением левой руки намертво вцепился в правую кисть противника — ту самую, в которой была сабля. Казалось, рука с саблей ударила о каменную стену и остановилась. После этого коротышка — без видимой спешки — протянул правую руку и схватил нападавшего за пояс у пряжки. Тут кисть, которую коротышка по-прежнему сжимал, хрустнула. Человек с саблей выкрикнул то же слово, что и раньше, но его ноги уже оторвались от земли — коротышка поднял несчастного над собой и швырнул волны. После этого проворно ухватился за нос ялика, стащил его в воду — без особых напряжений — и на мгновение остановился, чтобы подмигнуть мне и злорадно ухмыльнуться.

— В лодку, мистер Перри! — скомандовал он. — Эмерсон, тебя это тоже касается! Давай, малыш, давай!

Когда мы втроем уже запрыгнули в ялик, коротышка решил наконец-то уточнить:

— Вы ведь мистер Перри, да?

— Он самый, — сказал я, беря одно весло. — А этих людей вижу в первый раз. Ума не приложу, почему они напали на меня! — После того как мы вдвоем налегли на весла, я добавил: — Спасибо, что вы вмешались. Очень своевременно!

Мой спаситель издал фыркающий звук, отдаленно напоминающий смех.

— Ага! Помощь вам была ой как нужна! — сказал он. — И чуть было не запоздала.

Мы усиленно гребли, но вокруг нас был только туман, туман и туман — со всех сторон. Обезьяна пропис-

нулась между нами, перебралась с кормы на нос и замерла там в согнутом положении. Время от времени она делала какие-то жесты, которые коротышка вроде бы понимал — по крайней мере после каждого он немного менял наш курс.

— Петерс, — вдруг сказал он. — Дирк Петерс, ваш покорный слуга. А руки пожмем друг другу в более благоприятный момент.

Я хмыкнул.

— А вы, как вижу, уже знаете мое имя.

— Верно, — лаконично отозвался он.

На протяжении нескольких гребков я ждал, что он разовьет эту тему, но он молчал. Туман никак не редел. Обезьяна снова сделала какой-то жест.

— Круто налево. Нужно вдвоем. Я буду потравливать, а вы налегайте, — велел Дирк.

Я подчинился. Когда мы легли на правильный курс и стали грести как прежде, я спросил:

— А куда мы, собственно, направляемся?

Он ответил не сразу. Мы успели дважды погрузить весла в воду, прежде чем он промолвил:

— На одном корабле есть джентльмен, который изъявляет большое желание повидаться с вами. Сказанный джентльмен послал нас с Эмерсоном на берег — проследить, чтоб с вами чего не случилось.

— Похоже, уйма людей в курсе того, кто я такой, куда и когда я намерен идти.

Петерс солидно кивнул.

— Да, похоже на то.

Спустя короткое время обезьяна издала низкий звук и стала возбужденно подпрыгивать на месте.

— В чем дело, Эмерсон? — спросил Дирк, потом встревоженно заахал. Мы стали поспешно табанить.

Послышались какие-то странные звуки, справа по борту в тумане появился огромный темный корпус — это был тот самый корабль, с которого высадились мои преследователи. Мы быстро разворачивались, однако я успел разглядеть надпись на борту — «Вечерняя звезда».

Мы по инерции еще приближались к борту корабля, и через освещенный иллюминатор над полукотом я вдруг увидел знакомую обожаемую фигуру — Анни! Она стояла у борта и смотрела в туман, но даже не повернула

голову в мою сторону. Что-то в ее движениях и в выражении лица подсказывало мне, что она не в себе — стоит как во сне или в трансе, словно чем-то опоенная. Эти замедленные движения, отсутствующий вид...

Тут на ее плечо упала тяжелая рука и оттащила от стекла. Мгновение спустя занавеска задернулась, свет погас. Моя Анни исчезла.

Я глухо застонал, выпустил из рук весло и начал подниматься.

— И не думай! — тихо прорычал Петерс. — Считай, что ты уже труп, если ступишь на борт этого судна! Эмерсон, придержи парня, если он вздумает бултыхнуться в воду!

Как ни удивительно, зверюга действительно ухватила меня за воротник. Весила она не больше меня, однако я видел, как она расправлялась с людьми, поэтому и не пробовал вырываться.

Поостыяв и поразмыслив, я решил, что Петерс прав. Мертвый ничем не сможет помочь Анни. Поэтому я тяжело опустился на скамью ялика. И снова взялся за весло.

Мы тихонько отгребли от «Вечерней звезды», потом налегли на весла и проплыли изрядное расстояние. Туман то расходился, то сгущался — впрочем, в просветах виднелась или вода, или горсточка звезд. Я уже подумывал, не заблудились ли мы — плывем по большому кругу или в открытое море, а может, вот-вот врежемся в прибрежные скалы. Но тут из тумана появился темный корпус другого корабля — не менее таинственного и величавого, чем первый.

- Эй, на корабле! — крикнул Петерс.
- Это ты, Петерс? — отзовались с корабля.
- Я. И не один.
- Подваливай к борту, — последовал ответ.

Когда нам сбросили веревочную лестницу, первым вскарабкался наверх Эмерсон — в мгновение ока. Прежде чем взойти на палубу, я скосился на название судна и прочел — «Ейдолон».

Встречавший нас человек выглядел пугающе важным — до синевы выбрит, темные волосы, седые виски и аккуратно подстриженные тоже седые усы, внушительный лоб, резко очерченная нижняя челюсть. Между идеально белыми зубами была зажата изящно изогнутая

трубка. Мундир сидел безупречно на его высокой поджарой фигуре.

— Капитан Ги, — сказал Петерс.

Импозантный мужчина вынул трубку и улыбнулся хорошей, располагающей к нему улыбкой.

— Позвольте осведомиться, вы Эдгар Перри? — спросил он.

— Да.

Я пожал протянутую мне руку.

— Добро пожаловать на борт «Ейдолона», — сказал капитан Ги.

— Спасибо. Приятно познакомиться... У меня такое впечатление, что всем кругом известно, кто я такой.

Он с достоинством кивнул.

— Да, вы стали объектом внимания.

— В связи с чем? — спросил я.

Капитан стрельнул глазами в сторону Петерса, но тот отвел взгляд.

— Э-э... Не уверен, что вправе сказать вам.

— А есть кто-либо, кто может растолковать мне, что к чему?

— Разумеется, — сказал капитан. — Мистер Эллисон.

Тут он опять покосился на Петерса, а тот опять отвел глаза. Тогда капитан уточнил: «Мистер Сибрайт Эллисон» — как будто это что-то проясняло.

— А как вы думаете, я могу встретиться с этим джентльменом?

Петерс хмыкнул и взял меня за кисть.

— Пойдемте, — сказал он. — Не будем держать кота в мешке.

— А что это за корабль? — не мог я унять свое любопытство.

Капитан Ги, не донеся свой изящно выгнутой трубки до рта, проронил:

— Странный вопрос. Это яхта мистера Эллисона.

— Пойдемте, — повторил Петерс, и мы оставили капитана попыхивать трубкой в тумане.

Отважный коротышка провел меня по лестнице вниз. Не знай я уже, что это частная прогулочная яхта, я бы догадался об этом по роскоши внутренней отделки помещений — редкие породы дерева, богатая резьба.

Слишком все дорого для торгового судна. Следуя за Петерсом, я размышлял, почему он, а не капитан Ги, ведет меня на свидание с хозяином «Ейдолона». Возможно, он не просто матрос, за которого я его принял?

Дирк остановился у двери с экзотической гравировкой — плавающие драконы — и звонко постучал.

— Кто там? — отозвались изнутри.

— Петерс, — ответил он. — А со мной Перри.

— Минутку.

Спустя некоторое время послышался звон снимающей цепочки, и дверь распахнулась. Передо мной стоял крупный мужчина — ростом выше шести футов, широкоплечий, с венчиком седых волос на голове. На нем был темно-зеленый халат с черным рисунком поверх незастегнутой белой сорочки и белых брюк.

— Мистер Перри! — приветствовал он меня. — Безмерно счастлив видеть вас в добром здравии!

— Похоже, своим добрым здравием я обязан вам, сэр, — сказал я.

— Добро пожаловать, сердечно рад вам! Проходите!

Петерс коротко отдал честь, Эллисон ответил тем же, а я прошел в каюту.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал крупный мужчина с венчиком седых волос. — Вы голодны?

Я вспомнил съеденную несколько часов назад шотландскую куропатку, которую приготовил мне на ужин Юпитер, слуга Леграна.

— Спасибо, пока нет, — сказал я.

— Тогда, может, что-нибудь выпьете?

— А вот против этого возражений не имею, — ответил я.

Мой хозяин направился к шкафчику и вернулся с миниатюрным графином и парой стаканчиков-наперстков. Он наполнил два наперсточка рубиновой жидкостью, поднял свой и сказал:

— За ваше здоровье!

Я благодарно кивнул и пронаблюдал, как он отпил глоточек из своей крохотной посудинки. Я понюхал содержимое своего наперстка. Пахло вином. Я сделал маленький глоток. Похоже на бургонское. Одним глотком я допил вино, удивляясь чудаству вроде бы гостеприимного хозяина, который пьет вино такими аптекарски-

ми дозами. Его глаза слегка расширились, когда он увидел, как я расправился с вином, но он тут же снова наполнил мой стаканчик.

— Этот Петерс — славный человек, — сказал я. — Выбрал правильный момент для вмешательства. И повел атаку мощно, блестательно. Буквально вырвал меня, не взирая на оголтелое сопротивление. Впрочем, должен признаться, я понятия не имею, с какой стати эти люди напали на меня. И почему...

— Да?

— Видите ли, на борту корабля этих мерзавцев — «Вечерней звезды» — находится дорогая для меня осoba. Буду очень благодарен вам, если вы просветите меня относительно их намерений. Или хотя бы скажете, кто они такие. — Одним быстрым глотком я выпил свою крошечную порцию вина и продолжал: — Как вы узнали, что я буду там, где вы меня нашли? И что мне потребуется помочь?

Он вздохнул и сделал еще глоточек из своего стаканчика, вслед за чем наполнил мой.

— Прежде чем ответить на ваши вопросы, мистер Перри, я бы хотел с точностью знать некоторые детали касательно вашей семьи. Я должен быть уверен — абсолютно уверен! — что вы именно тот джентльмен, за которого я вас принимаю. Вы не будете возражать, если я задам несколько вопросов?

С коротким смешком я ответил:

— Вы спасли мою жизнь, теперь угощаете вином. Спрашивайте, что вашей душе угодно.

— Хорошо. Правда ли то, что ваша мать была актрисой, — начал он, — и что она умерла в нищете?

— Да, черт меня побери, сэр! — вскричал я, потом взял себя в руки. — Да, это правда, — сказал я нормальным голосом, — по крайней мере я считаю это правдой — самому мне не было и трех лет, когда она скончалась.

Его лицо оставалось непроницаемым, но взгляд на полмгновения упал на мой стаканчик. Я счел это подсказкой, церемонно поднял наперсток с вином — как для тоста, а затем осушил его. Не успел я поставить стаканчик на стол, как мистер Эллисон снова наполнил его, после чего и сам выпил вина — малюсенький глоточек, меньше прежних.

— Она умерла от чахотки в Ричмонде, не так ли? — продолжил он свой допрос.

— Верно.

— Такой ответ меня удовлетворяет, — сказал он. — А что вы скажете о своем отце?

— «Такой ответ меня удовлетворяет», сэр? — возмущенно передразнил я.

— Бросьте, молодой человек, не горячитесь, — сказал мой хозяин, добродушно касаясь моей руки. — Погодите с вашей чувствительностью. Сейчас дело идет о вещах огромной важности, от которых зависит слишком многое. Я не имел в виду обидеть вас — просто именно такой ответ я и надеялся услышать. А теперь — про вашего отца.

Я кивнул.

— Люди говорят, он тоже был актером. Исчез из нашей с матерью жизни за год или два до ее кончины.

— Так-так, хорошо! — пробормотал мистер Эллисон, как будто и это было «удовлетворительно». — А вам по кончине вашей матушки посчастливилось — вас усыновило семейство богатого ричмондского купца, — продолжал он. — Богатого негоцианта звали Джон Аллан.

— Я бы выразился несколько иначе: мистер Аллан сжался над сироткой и взял на жительство в свой дом. Официально я никогда не был усыновлен.

Сибрайт Эллисон пожал плечами.

— Так или иначе, в качестве члена семейства Аллана, вы пользовались благами, коих лишены многие подрастающие дети, — заметил он. — К примеру, вы имели возможность четыре года учиться в частной школе в Англии — школа называлась Манор-Хаус и находилась на северной окраине Лондона, не правда ли?

— Верно, — согласился я. — Могу только удивляться вашей осведомленности касательно моей биографии!

— И я полагаю, — продолжал он, — что примерно в тот, лондонский период своей жизни вы впервые встретили — скажем так, во сне или в видении — особу по имени Анни?

Я вытаращился на него. Никто вне пределов царства снов не ведал о ее существовании. Никогда и никому я не упоминал о ней.

— Что вы знаете об Анни? — хрипло прошептал я. — Что вы можете знать об Анни?

— Немного, немного, поверьте мне, — ответил Эллисон. — К несчастью, гораздо меньше, чем мне хотелось бы знать. Хотя, осмелюсь сказать, я знаю про нее больше вашего.

— Я видел ее, — сказал я. — Два дня назад. В Чарлстоне. И потом опять — час назад. А сейчас она на борту...

Он поднял руку.

— Я знаю, где она находится. И хотя вся эта ситуация чревата опасным исходом, в данный момент ей ничто не угрожает. Я могу помочь вам найти ее — но это очень непросто, а потому вам придется набраться терпения. Дело пойдет быстрее, если вы полностью доверитесь мне, будете следовать моим советам и не торопиться.

— Будь по-вашему, — сказал я, согласно кивая.

«Набраться терпения»! С горя я осушил очередной стаканчик. Эллисон с готовностью подлил мне вина, тряхнул головой и пробормотал что-то вроде «чудеса!».

После чего он спросил:

— Мистер Перри, что вы знаете о По?

— По-моему, это итальянская река.

— А-а! — раздраженно сказал он. — Это фамилия. Эдгар По. Эдгар Аллан По.

— Простите, я никакого По... — сказал я. — Ага! Стало быть, просто спутали имена! Ведь так, я угадал? Те люди на берегу — они на самом деле хотели убить Эдгара По!

— Нет, — сказал Эллисон, останавливая мои рассуждения нетерпеливым взмахом руки. — Заклинаю вас, не питайте никаких иллюзий на этот счет. Я не сомневаюсь в том, что убить хотели именно вас. Вас, сержанта Эдгара А. Перри. Не могу сказать, что Эдгару По ничто не угрожает. Отнюдь нет. Но, по-моему, к нему судьба будет чуть более благосклонна. Не то чтобы очень благосклонна, но... Впрочем, его судьба напрямую нас не касается.

Он вздохнул, посмотрел на свой стаканчик, поднял его и наконец-то допил вино.

— Да, — неторопливо начал он после паузы, — пустаница, несомненно, имеет место. Вы перепутаны с Эдгаром По таким образом, каким едва ли кто был перепу-

тан — за всю историю человечества. Но, повторяю, сегодня вечером я спас вас от мерзавцев, которые точно знали, кто перед ними. И они, вне всякого сомнения, еще раз попробуют убить вас. Итак, я говорю решительное «нет» вашим сомнениям. Ошибки не было — убить намеревались именно Эдгара Перри.

— Но с какой стати? — спросил я. — Я ведь даже не знаю этих людей!

Он глубоко вздохнул и наполнил свой смехотворный стаканчик.

— А вы знаете, сэр, где вы находитесь? — спросил Эллисон после долгого молчания. — Мой вопрос отнюдь не риторический — и я не желаю услышать в ответ, что вы, дескать, в моей каюте или на борту моего корабля. Попробуйте мыслить более масштабными категориями.

Я недоуменно уставился на него, пытаясь угадать, к чему он клонит. Однако недавние события произвели такой хаос в моей голове, что в своем ответе я не проявил особой изобретательности.

— В чарлstonской бухте? — спросил я наобум, лишь бы не молчать.

— Да. Тут с вами вроде бы не поспоришь, — отозвался он. — Но подумайте хорошенько: та ли это чарлстонская бухта, которую вы знаете как свои пять пальцев? На протяжении последних нескольких часов вы часом не заметили каких-либо резких отличий от того пейзажа, что вам столь хорошо известен?

Моему мысленному взору предстали два незнакомых холма, позлащенные закатным солнцем, тот дивный невиданный золотой жук, который, надеюсь, все еще при мне. Я сунул руку в карман и нашупал свернутый лист. Да, не потерял.

— У меня тут есть кое-что любопытное, — сказал я, вынимая и разворачивая лист, в который я завернул свою находку.

Золотой жук оказался на месте. Когда я положил лист на столик перед Эллисоном, странное насекомое неспешно поползло в его сторону. Мой собеседник водрузил на нос очки и некоторое время изучал жука с черепом на спине. Потом сказал:

— Замечательная особь *scarabeus capus hominus*. Но это отнюдь не редкость. А вам он кажется необычайным?

— У меня есть друг на острове Салливана, который собирает жуков, — пояснил я. — В его огромной коллекции нет ни одного жука, который хотя бы отдаленно напоминал этого, с черепом. И в других краях я таких никогда не видел.

— Но в этом мире, мистер Перри, это один из самых распространенных видов.

— «В этом мире»? Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду этот мир — где в чарлстонской бухте два лишних холма и несколько лишних оврагов, — сказал Эллисон. — И где золотые жуки с рисунком в виде черепа на спинке встречаются чуть ли не на каждом шагу. Где один сержант, служащий в форте Моултри в восьмой батарее 1-го артиллерийского полка армии Соединенных Штатов, должен носить имя Эдгар Аллан По, хотя в данный момент это не так...

Я поднял свой стаканчик и пару секунд туповато-пристало всматривался в рубиновую жидкость. Когда я наконец выпил вино — одним глотком, мой собеседник коротко рассмеялся и закончил:

— ...и где традиция предписывает подавать вино в стаканах не больше того, который у вас в руке. Да вы не стесняйтесь, наливайте себе еще.

Я не заставил себя просить дважды. Тем временем он сделал глоток из своего стаканчика и отказался от графина, который я пододвинул в его сторону.

— Нет, мне больше не надо, спасибо. Похоже, я переношу алкоголь куда хуже, нежели вы.

— И все-таки я не понимаю насчет этого По, — сказал я. — Почему он не в форте, где ему, по вашим словам, положено быть? Где он сейчас? Что произошло и изменило ход событий?

— Он попал в тот мир, откуда пришли вы, — ответил Эллисон. — Он занял ваше место в вашем мире, а вы заняли его место — в здешнем мире. — Он сделал паузу, наблюдая с холодным интересом ученого за выражением моего лица. Затем продолжил: — Я вижу, эта мысль не кажется вам такой уж невероятной.

— Нет, не кажется, — подтвердил я. — Дело в том, что я знал Эдгара Аллана на протяжении почти всей своей жизни, благодаря... благодаря серии странных встреч. Вследствие тех же встреч я знал и Анни.

Я чувствовал, как вспотели мои ладони, пока я выговаривал эту фразу. После этого откровенного признания говорить стало легче, и я спросил:

— Похоже, вы имеете какое-то представление о том, что может произойти с Анни на борту того корабля. Чего они добиваются? Что хотят сделать с ней?

Эллисон медленно покачал головой.

— В ближайшее время никто не намерен причинять вред ее телу, — произнес он. — Более того, похитители девушки должны всячески петься о ее телесном здоровье, потому что хотят использовать ее психические и спиритические возможности.

— Я обязан добраться до нее и найти способ помочь! — с жаром воскликнул я.

— Это само собой, — согласился он. — И я подскажу, как вам действовать, чтобы добиться своего. Итак, по вашим словам, вы, Анни и человек, которого вы знали под именем Эдгар Аллан, неоднократно встречались на протяжении многих лет — при весьма необычных обстоятельствах.

— Да. Это были встречи как бы во сне — словно и вполне реальны, и в то же время сопровождались странными ощущениями...

— А вы когда-нибудь задумывались, — инквизиторским тоном спросил мой хозяин, — о природе этих диковинных встреч? Как вы их толкуете?

Я пожал плечами. .

— Даже догадок не имею, сэр. Временами, при встречах, мы обсуждали втроем этот вопрос, но никогда не находили удовлетворительных ответов.

— Вы и По живете в двух разных мирах — очень похожих, но все же разных, — сказал он. — Что касается Анни, то я доподлинно не знаю, где ее настоящий дом. Быть может, она живет в каком-нибудь третьем мире. Я вижу, вы киваете, сэр, как будто идея о наличии других версий земного мира вам не незнакома.

— Мы обсуждали такую возможность — однажды, мельком, — сказал я.

— Ого! Это была мысль Эдгара По?

Я кивнул.

— Этот По неординарно мыслит.

Я пожал плечами.

— Умен, не спорю, — нехотя признал я. — Хотя слегка склонен к мелодраматическим эффектам и весьма любит гоняться за химерами.

— Однако же он оказался прав.

— Да ну!

— Вот вам и «да ну». Я вам правду говорю — в меру моих понятий о многообразии миров.

— Я более или менее поспеваю за вашей мыслью, и мог бы даже поверить вам. Но я бы не хотел сейчас встретиться с ним только для того, чтобы завести высокомудрый разговор о всяких таинственных материях.

— Эдгар По часто бывал прав в оценке странных явлений?

— Да. Как вы выражились — неординарные мысли, любопытный склад ума...

— Богатое воображение, — подсказал Эллисон.

Я допил вино.

— Хорошо, — сказал я. — Будем считать, что я согласен с вашей логической посылкой. Каков же будет вывод?

— Вы, Анни и Эдгар По составляете некую психическую триаду, для которой границы между мирами проницаемы, — начал он. — Именно удивительные способности Анни делают возможными переходы из мира в мир, она — движущая сила вашей триады. Низкие личности придумали, как с выгодой для себя использовать ее месмерические таланты. Они похитили Анни из ее родного мира и удерживают в этом. Ее можно держать в плену только в одном случае — если и остальных членов триады вырвать из их родных миров. Вот для чего понадобилось менять местами вас и По...

Я насмешливо фыркнул.

— Месмеризм, сэр! Не смешите меня! Это проделки шарлатанов!

Эллисон сделал большие глаза и расхохотался. Трясясь от смеха, он сказал:

— Экий вы чудак! Существование параллельных миров вы приняли не поперхнувшись, а наличие неуловимо тонких взаимодействий вас смешит! Вы отрицаете животный магнетизм, связующий не только людей, но также людей и природу, посредством коего можно из-

менять состояние чужого организма?! Ей-же-ей, вы забавный молодой человек!

— Я неоднократно собственными глазами видел частичку совсем другого мира, — пояснил я. — Поэтому мне нетрудно поверить в существование параллельных миров. А так называемого животного магнетизма я никогда не видел в деле.

— А вот я имею причины верить, что месмеризм до некоторой степени присутствует абсолютно во всех проявлениях жизни, хотя его эффекты, как правило, вне уровня нашего восприятия. Впрочем, в нашем мире животный магнетизм, по-моему, проявляется с куда большей силой, нежели в вашем. Да и вообще психика человека в нашем мире, похоже, уязвимее для посторонних влияний — самого разного рода. Скажем, для алкоголя. Выпей я столько же вина, сколько вы за время нашей беседы, я бы заболел на несколько дней. Насколько я понимаю, именно необычайная сила проявлений животного магнетизма в нашем мире стала причиной того, что похитители захотели иметь Анни здесь. У нее выдающиеся способности — для любого мира. Но лишь здесь ее таланты проявляются в полной мере. Если в глубине души вы мне все еще не верите, потерпите немного. В самом непродолжительном времени я представлю вам убедительные доказательства.

Я вытер снова вспотевшие ладони.

— Достаточно, беру свои сомнения обратно. Принимаю ваши утверждения на веру, потому что хочу знать, к каким выводам они нас подведут. Итак, кто эти люди, похитившие Анни? Что они с ней делают? Как собираются использовать ее удивительные способности?

Эллисон встал, заложил руки за спину и прошелся по комнате.

— Вы слыхали о знаменитом изобретателе фон Кемпелене? — спросил он наконец.

— Да, разумеется, — ответил я. — По-моему, он имеет какое-то отношение к созданию прославленного шахматного автомата, который я видел в Чарлтоне некоторое время назад.

— Возможно, он занимался и такими пустяками, — . сказал Эллисон. — А вы не слыхали разговоров о том,

что этот человек проник глубже всех прочих в писания одного из отцов алхимии — сэра Исаака Ньютона?

— Нет.

— Поговаривают также, что он претворил в жизнь обе многовековые мечты алхимиков: преуспел в деле превращения свинца в золото и вырастил гомункулуса.

Я хмыкнул.

— Людской доверчивости предела нет...

Он тоже насмешливо хмыкнул и перебил меня:

— Разумеется, я сам сомневаюсь, что он сумел вырастить человечка в колбе...

Я ждал продолжения фразы, не спуская с него испытующего взгляда. Но мистер Эллисон держал паузу.

— А что касается искусственного превращения элементов, — наконец произнес он, — то я со знанием дела могу сказать, что в этом он преуспел.

— О! — тихо воскликнул я, частично из вежливости, частично потому, что вдруг осознал: в подобном месте и не такое может случиться. — Мягко говоря, весьма полезное умение.

Проводив взглядом Эллисона, который ушагал в дальний конец каюты, я впервые обратил внимание на широкую скамью на высоких ножках, мимо которой он только что прошел. Там находился набор алхимического оборудования. Эллисон увидел, что я их наконец заметил, и лукаво усмехнулся. Указав рукой на свой лабораторный стол, он сказал:

— Здесь перегонный куб, реторта, дистиллятор, горн и печь. Да, я немного балуюсь алхимическими опытами — вот почему я могу понять и достижения фон Кемпелена, и смысл заговора против него.

Говоря это, мой хозяин взял с алхимического стола небольшой отполированный предмет и какое-то время мял его в руке. Предмет вдруг пронзительно запищал, будто от боли, затем надрывно завыл, словно в агонии, — и умолк. Эллисон рассеянно положил загадочную штуковину обратно на стол, переключив свое внимание на нечто, плавающее в спиральном сосуде с зеленой жидкостью.

— Открыв секрет превращения свинца в золото, — продолжил Эллисон свой рассказ, — фон Кемпелен бежал обратно в Европу, когда узнал, что Нечистая Троица

проводала об открытии и намерена схватить его и вы-
знать дорогой секрет. Негодяи, которые гонятся за уче-
ным, справедливо считают, что от Анни фон Кемпелену
негде укрыться — она разыщет его повсюду, ибо ее мыс-
ленному взору открыт любой уголок земли. Сперва они
хотят принудить ее отыскать великого алхимика, а затем
ей же предстоит воздействовать на ученого своей
сверхъестественной силой, дабы взломать запоры в его
сознании и отнять вожделенный секрет.

— А она в силах совершить это? — спросил я.

— По-моему, в силах, — ответил Эллисон. — Со-
гласно всем рассказам, она удивительная женщина.

— Чьим рассказам?

— Вашим и того создания, что явилось в зеркале по
моему приказу, дабы дать мне совет. Есть и другие сви-
детельства...

У меня на мгновение-другое закружилась голова, но
явно не от вина, потому что в сумме эти стаканчики не
равнялись даже тому первому бокалу, с которого начи-
налась обычная попойка в форте Моултри.

— Я искренне пытаюсь понять суть происходящего, —
сказал я. — Поэтому повторю свой вопрос: кто эти люди,
эта Нечистая Троица, укравшая Анни для того, чтобы с
ею помощью завладеть секретом фон Кемпелена?

— Гудфеллоу, Темплтон и Гризуолд, — ответил он. —
Доктор Темплтон — человек преклонного возраста,
личность весьма загадочная. Он владеет искусством
животного магнетизма. Насколько я понимаю, его спо-
собности используют для порабощения воли Анни. За-
тем старый проходимец Чарли Гудфеллоу — среди тех,
кто готов в любой момент всадить нож промеж ребер
своего ближнего, нет человека милее и обаятельнее его.
И наконец, Гризуолд. Он у них верховодит — отъявлен-
ный мерзавец, знаменит полным отсутствием стыда и
совести.

— Эти типы находятся на борту «Вечерней звезды»? — спросил я.

— По моим сведениям, да.

— И на этом корабле доктор Темплтон намерен вве-
сти Анни в транс, чтобы она указала местонахождение
фон Кемпелена?

— Боюсь, что он планируют именно это.

— Если ее способности так велики, как вы говорите, он может потерпеть неудачу. Она просто не поддастся.

— Вероятнее всего, ее сначала одурманят каким-либо зельем. На их месте я бы так и сделал.

Я внимательно посмотрел на него — он стоял, опираясь спиной о лабораторный стол и рассеянно глядя в мою сторону.

— Итак, — сказал я после некоторой паузы, — позвольте мне еще раз поблагодарить вас за то, что вы спасли мне жизнь, а также любезно снабдили сведениями касательно нынешнего положения Анни...

Он улыбнулся и спросил:

— Ведь вас так и подмывает спросить меня, чего ради я все это сделал?

— Не то чтобы я не верил в альтруизм... — произнес я. — Однако вы предприняли столько трудов на благо совершенных незнакомцев...

— Готов к еще большим, — сказал он, — лишь бы помешать этим мерзавцам! И вы правы, что слабо верите в альтруизм. В каком человеческом деле не бывает хоть крупицы личного интереса? Вот и у меня в этом деле с фон Кемпеленом есть своя корысть.

Я передернул плечами.

— Порой результат важнее причины. Наш случай, кажется, именно таков. Я благодарен вам — чем бы вы ни руководствовались в своих действиях.

— Я человек весьма состоятельный, — заметил Эллисон.

— Не сомневаюсь, — сказал я, обводя каюту оценивающим взглядом. Дорогая резная мебель, роскошные восточные ковры, на стенах живописные полотна кисти прекрасных мастеров. — Коль скоро тут ни любовь, ни деньги не замешаны, стало быть, речь идет о мести. Я верно угадал? Наверное, кто-то из этой троицы сделал вам большую гадость. А может, вы потерпели от всех троих...

Он отрицательно покачал головой.

— Неплохое умозаключение, но вы попали пальцем в небо, — сказал он. — Для меня весь интерес — все-таки в деньгах. Я изрядно понаторел в алхимии и уважаю эту науку, а потому готов поверить в исключительные успехи фон Кемпелена. Зная достаточно о необычайных спо-

собностях Анни, я не сомневаюсь, что она в итоге проникнет в секрет фон Кемпелена. Будучи человеком очень-богатым, я веду расчеты и держу деньги в золоте — а потому при любых серьезных колебаниях цены на золото могу враз лишиться всех своих капиталов. Успех Нечистой Троицы грозит мне банкротством — вот мой денежный интерес в этом деле. Я должен расстроить их коварные замыслы, чтобы в один прекрасный день не оказаться нищим. Таким образом, вами руководит любовь, мною — алчность, а что касается мести — Бог с ней, она тут ни при чем. Судя по всему, мы с вами естественные союзники.

— Мне возразить нечего, — сказал я. — Что до меня, я полон желания сотрудничать с вами.

Эллисон заулыбался и двинулся прочь от лабораторного стола.

— Рад, искренне рад, что мы пришли к соглашению, — сказал он, пересекая комнату и садясь за письменный стол.

Не прерывая беседы, он взял лист бумаги, склянку чернил и перо и начал писать.

— В скором времени я представлю вас моему главному советчику — великому практику месмеризма месье Эрнесту Вальдемару.

— Буду рад познакомиться.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, — сказал Эллисон. — План мой таков: вы примете командование кораблем, начнете преследование этих проходимцев и отобьете свою даму сердца.

— Я? Приму командование? — ошарашенно спросил я.

— Да. Ведь вы как-никак военный, это очень кстати.

— Вы шутите? Я же сухопутная крыса, артиллерист... А как же вы?

— Мой организм уже не переносит долгие морские путешествия, — ответил он. — А Гризуолд с дружками, судя по всему, в ближайшее время поплавут в Европу — ведь как раз туда сбежал фон Кемпелен.

— В какую именно страну?

— А это вам сможет подсказать только месье Вальдемар.

— Когда мы побеседуем?

— Его сиделка, мисс Лигейя, познакомит вас с ним в удобный момент.

— Он что — инвалид?

— Да, у месье Вальдемара не все в порядке со здоровьем. Но у него есть достоинства, компенсирующие телесную немощь.

Тем временем Эллисон исписал один лист и потянулся за следующим.

— Так вот, — продолжал он, — этот корабль, его капитан и команда будут целиком в вашем распоряжении. В том числе Петерс и его орангутанг — свою зверюгу он именует Эмерсоном. Прежде чем сойти на берег, я дам вам рекомендательные письма к европейским вельможам и банкирам тех мест, куда вас может привести погоня за Анни.

— А где можно отыскать вас — в случае нужды? — осведомился я.

— Вы, наверное, никогда не слышали о поместье Архейм? — ответил мой хозяин вопросом на вопрос.

Я отрицательно мотнул головой.

— Оно находится в штате Нью-Йорк. Я напишу вам на бумажке, как его найти. Надеюсь, вы заглянете ко мне после успешного завершения этого дела. А если в результате вашей деятельности появятся три некролога — это так обрадует меня, что моей щедрости не будет предела.

— Минутку, сэр, — сказал я. — Я намерен спасти Анни. Но убивать кого-либо не собираюсь.

— А я вас и не прошу. Просто я сказал, что три некролога порадуют меня, потому что эти трое — отъявленные мерзавцы. Отчего бы не вообразить ситуацию, когда вы, профессиональный военный, будете вынуждены применить оружие с целью самозащиты. В этом случае я буду вам крайне благодарен — за каждого из них... И трижды благодарен — за всех вместе, — добавил он с улыбкой.

Я кивнул.

— Все мы не более чем пешки в руках Всемогущего Господа, — обронил я, стараясь двусмысленной фразой и Эллисона уважить, и от четких обязательств отвертеться. Так или иначе, улыбка его стала шире, и он ми-

лостиво кивнул мне, как будто мы поняли друг друга без слов.

Я встал и в свою очередь зашагал по каюте, приводя в порядок смятенные мысли. Эллисон тем временем продолжал писать рекомендательные письма.

— Вы передаете мне командование кораблем целиком и полностью? — спросил я через некоторое время.

— Капитан Ги будет вести корабль и отдавать приказы команде, как и прежде, — ответил Эллисон, не отрывая взгляда от бумаги. — Ему и в голову не придет противиться воле владельца судна. Так что он будет подчиняться вашим приказам беспрекословно.

— Хорошо, — сказал я. — А то я ничего не смыслю в морском деле.

— От вас требуется одно — указывать ему, куда плыть и когда прибыть в нужное место.

— А это мне будет подсказывать месье Вальдемар?

— Да, и мисс Лигейя будет передавать вам его указания.

Тут Эллисон на несколько мгновений оторвался от писания:

— Если у вас возникнут затруднения, рекомендую обращаться к Дирку Петерсу. У него грубые манеры, не спорю. Образованием он не блещет, да и на вид — неотесанный мужлан. Однако это преданный мне и весьма смекалистый малый. Нет такого человека на корабле, кто бы посмел хоть слово сказать ему поперек.

— Охотно верю этому.

Я взял графин с вином, подошел к лабораторному столу, нашел стакан нормального размера и наполнил его. Краем глаза я заметил, что Эллисон опять перестал писать и наблюдает за мной. Когда я сделал большой глоток, он испуганно тряхнул головой и отвел глаза.

— Ну и ну! — протянул он, имея в виду мою экзотическую для этого мира способность поглощать невиданное количество алкоголя. Когда я сделал еще глоток, его вдруг осенило, и он спросил: — Вас что-то гложет? Признавайтесь.

— Да, — ответил я. — Штука в том, что я отплываю, не взяв увольнительную в форте Моултри.

— Ах, вот в чем дело. Вы всерьез воображаете, что вам дадут увольнительную для осуществления такого

фантастического предприятия? Или что у вас будет время попросить ее?

— Нет, — ответил я. — Я понимаю ситуацию. Но в общем и целом мне служба нравилась, и очень неприятно выглядеть в глазах начальства дезертиром. Я бы хотел написать письмо своему старшему офицеру с просьбой об отпуске по неотложным личным делам.

Эллисон на мгновение-другое задумался, потом расцвел новой улыбкой.

— Ну что ж, — сказал он, — черкните письмечко, а я возьму его с собой на берег и прослежу, чтоб его доставили по назначению. Разумеется, вы имеете полное право подписаться именем Эдгара Аллана По.

— О Боже, я об этом как-то не подумал...

— С другой стороны, я могу переговорить с моим другом-сенатором и устроить так, что вас незамедлительно уволят из армии.

— Возможно, так будет лучше...

— Тогда договорились. Необходимые бумаги будут дожидаться вас в Архейме. Так что поскорее кончайте с нашими врагами — и милости просим в мою усадьбу.

Эллисон подмигнул мне, взял перо и снова застучил по бумаге. Я продолжал расхаживать по каюте и обмозговывать ситуацию. Через некоторое время я откашлялся.

Он поднял взгляд на меня.

— Да?

— А где я буду жить?

— Да что тут долго думать. Здесь и разместитесь — после того, как я покину корабль. — Он промокнул законченное письмо, сложил его и отложил в сторону. — А я сойду на берег довольно скоро.

Я показал пальцем на свою сорочку. На мне был штатский прогулочный костюм, не очень представительный.

— К сожалению, не имел возможности переодеться, — сказал я. — И мне не по себе, что я пускаюсь в такое трудное путешествие без смены одежды...

— А вы поройтесь в здешнем гардеробе, — предложил Эллисон, широким жестом указывая на шкаф и пару сундуков — один у койки, другой в углу каюты. — Там наряды на все случаи жизни и разных размеров.

Пока я исследовал гардероб, он спросил меня:

— Если я не ошибаюсь, вы старший сержант?

— Так точно.

— Стало быть, вы в армии не первый год?

— Да.

— А в кавалерии доводилось служить?

— Доводилось.

— И с саблей умеете обращаться?

Еще бы я не умел — сколько нас гоняли по жаре на плацу, сколько тыкв и чучел порублено!

— Да, я же служил в полку береговой охраны — там все сплошь отменные рубаки.

Он вопросительно взорвался на меня: шучу я или говорю серьезно? Я и на самом деле шутил, хотя в этой шутке была большая доля правды.

— Сабля — славное оружие, — наконец сказал Эллисон, — если уметь ею пользоваться. Бесшумное оружие. В арсенале капитана Ги предостаточно холодного оружия на случай, если вы вздумаете попрактиковаться.

— Спасибо.

Настала моя очередь взглянуть с лукавым прищуром, ибо с моего языка сорвался вертевшийся на нем вопрос:

— А сами вы часто пользовались этим «бесшумным оружием»?

— Спрашиваете! — сказал он. — В мои юные годы я от души помахал саблей в Карибском море.

— В качестве кого?

— Да кем я только не был! Служил на разных кораблях.

— А мне показалось, что вы страдаете от морской болезни.

— В молодые годы я ее и знать не знал.

— А на каких кораблях вы служили? — полюбопытствовал я.

— На купеческих, разумеется, — сказал он, словно просыпаясь от своих мечтаний и улавливая, к чему я клоню своими вопросами. — Разумеется, на купеческих.

— Думаю, немного практики мне не помешает, — сказал я.

Верно ли я подметил веселую искру в глазах Эллисона? Мысленно я закрыл его правый глаз черной повязкой, повязал лоб красной косынкой, пририсовал бороду,

сунул в руку кривую саблю... А что! Лет сорок назад он вполне мог ходить на судне под пиратским флагом!..

Пока мой хозяин дописывал рекомендательные письма, я покопался в гардеробе, нашел среди дорогих нарядов несколько штанов и сорочек попроще, а также пару подходящих сюртуков — один светлый, другой темный. Я примерил красновато-коричневую рубаху и черные штаны — размер подходил, и я решил в них и остаться.

— Ага, хороший выбор. Выглядите молодцом, — сказал Эллисон, расписывавшись в конце последнего письма и поднимая глаза на меня. — А сейчас я покажу вам свой тайник, куда мы временно спрячем эти письма. Затем я представлю вас мисс Лигейе и покину корабль.

— Спасибо за все, сэр, — сказал я.

Все свои обещания он выполнил. Вот так я и познакомился с Сибрайтом Эллисоном, владельцем поместья Архейм.

Туман прокрадывался выше, к самому окну, а он тем временем писал:

*Я говорил о тех воспоминаньях, что нас язвят
в дни нашей юности. Порой они влакаются
за нами долго — до зрелости:
и что ни год, теряют остроту и четкость формы,
но вновь и вновь взывают к нам
слабеющими голосами...*

Ветер разгонял туман, краешек луны завиднелся в просвете. Он упрямо сочинял, пока не довел работу до конца.

Глава 3

Я спешил вперед, а песок под моими ногами — Господь милосердный! — осыпался до такой степени, что я несколько раз отступался и падал. В неимоверно густом тумане море ревело подобно умирающему Левиафану, а огромные волны, словно при урагане, накатывали и накатывали на берег — и всякий раз откусывали и уволакивали за собой часть берега. Как только я определил направление, в котором находилось море, я заторопился прочь от него — к твердой почве как можно выше над уровнем взбесившейся стихии. Стоило мне чуть переместиться вверх по склону, как море пожирало то место, где я был за несколько мгновений до того. Я отчаянно цеплялся за кусты, за выступы скал, временами скользил назад, хватаясь за что попало, потом опять — то на четвереньках, то ползком — удирал вверх от настигающих волн. В итоге, через долгое время, я забрался так высоко, что море мне больше не угрожало. Зато я был теперь на открытом возвышенном месте, где ветер неистовствовал с неописуемой силой, пригибая меня, не давая отлепиться от земли. Ветер ревел, выл, стонал. Господь милосердный, раздор стихий воистину до основания сотрясал окружающий мир! Земля, вода и ветер, казалось, сошлись в захватывающей дух смертельной схватке! И когда я попытался чуть-чуть привстать, с небесного свода пал огонь, опаливший дерево в нескольких шагах от меня, — и тем самым последняя, четвертая стихия включилась в безумную схватку, что разворачивалась перед моими слезящимися глазами.

Я поднял ладонь к глазам козырьком, чтобы хоть что-то разглядеть окрест себя, и тут же уронил ее. Молния воспламенила дерево, ветер трепал языки яркого пламени — и в этом свете я различил в тумане фигуру человека. С почти рассеянным видом он стоял буквально рядом и смотрел мимо меня на невидимую за туманом бушующую водную стихию. Темный плащ его хлопал на ветру.

Я кое-как встал с четверенек и, локтем прикрывая глаза от режущего ветра, двинулся к нему.

— Аллан! — вскрикнул я, подойдя совсем близко и узнавая его. — Аллан По!

Он чуть наклонил голову в мою сторону — и с какой-то зловеще-торжествующей улыбкой приветствовал меня:

— А-а, Перри! Хорошо, что ты заглянул к нам. Я почему-то был уверен, что ты появишься.

Я приблизился вплотную — и полы его плаща стали бить меня по правому бедру. Стараясь перекричать вой ветра, я спросил:

— Что, черт возьми, происходит?

— Ничего особенного. Просто наступил момент гибели Земли, дорогой Перри, — ответил он.

— Не понимаю!

— Обезображеный искусством лик Земли очищается тем, что физическая сила слова изымается из атмосферы, — изрек он. — Спущенны с цепи все дикие страсти одного из самых беспокойных и грешных сердец. Мы ныне зrim, как неосуществленные мечты своей агонией сотрясают Вселенную.

Я отбросил от глаз прядь волос. За нашей спиной, потрескивая, догорало пораженное молнией дерево. Оно освещало окрестный туман наизловещим светом. Волны бились о землю с громоподобным грохотом.

— Воспоминание о былой радости — разве оно не есть нынешняя печаль? — продолжал По.

— Ну... вроде бы да, — растерянно ответил я.

Теперь я мог лучше рассмотреть его — и был поражен тем, что он, всегда казавшийся моим ровесником, сейчас выглядит намного старше меня: лицо морщинистое моего, под глазами темные мешки. Было такое

ощущение, что мы взираем друг на друга из разных возрастов.

— Но мысль о будущих радостях способна утишить теперешнюю горечь, — наконец нашелся я. — Разве не в этом суть надежды?

Он несколько секунд размышлял над моими словами, затем отрицательно покачал головой и тяжело вздохнул.

— Надежда? Это понятие так же изъято из атмосферы, удалено из эфира, выдрано из земли. Мир летит ко всем чертям, мир рассыпается, дорогой Перри. Несмотря на это, ты выглядишь отлично.

— Аллан... — начал я.

— Зови меня По, — сказал он. — Ведь мы друзья.

— Слушай, По, — вскричал я. — Черт побери, о чём ты говоришь? Говоря по совести, я ни словечка не понял!

— Возлюбленная душа покинула сей мир, — ответил он. — Без неё внутри скорлупа сего мира стала не прочной и ныне трещит. Она покинула меня — она, бывшая моим вторым «я». О горе! Се злейший из злейших дней! То, что не давало этому миру захлебнуться волнами, распасться на части, что поддерживало небесный свод и удерживало от буйства горний огонь, — имя сей опоры тебе известно не хуже, чем мне.

— Анни... — выдохнул он после паузы, дрожащей рукой указав в сторону моря. Я посмотрел в том направлении, и туман, словно по приказу, разошелся — в проście я увидел объединенный страшными волнами кусок берега, где на утесе стоял могильный склеп, на который яростные волны набрасали столько водорослей, что склеп, казалось, полузарос травой.

— Там она покоится, — сказал По.

— Это не может быть правдой! — вскричал я и бросился прочь от него. Я кинулася вниз по склону — в сторону того рокового утеса.

— Перри! — закричал По. — Вернись! Это бессмысленно! И я не знаю, что произойдет со мной, если с тобой случится что-нибудь дурное!

— Ее там нет! — крикнул я в ответ. — Ее там не может быть!

Я стремительно спускался по склону — обдирая руки и раздирая в клочья свою одежду.

— Перри! Перри! — жалобно кричал По.

Я набрал побольше воздуха в легкие — и оставшуюся часть склона почти кувырком летел вниз, пока не грохнулся на песок. Я тут же, не замечая боли, вскочил на ноги и по колени в бушующих, валящих с ног волнах, стал упрямо приближаться к сияющей в тумане гробнице. Я все еще слышал крики Эдгара По, который остался наверху, у сгоревшего дерева. Слов уже было не разобрать.

Добреля до гробницы, я снял запор и открыл черную железную дверку. Внутри царил мрачный сумрак. Вокруг моих щиколоток хлюпала вода, пока я шел каменному саркофагу на постаменте.

Он был пуст! Мне хотелось смеяться и плакать одновременно. Вместо этого я кинулся к выходу. Выбежав из гробницы, я стал кричать с порога:

— По! Ты слышишь, По? Ее здесь нет! По! Ты слышишь, По?

Огромная темная волна устремилась ко мне — и швырнула меня обратно в гробницу.

Я проснулся на полу роскошной каюты Эллисона — хотя я точно помнил, что с вечера укладывался спать на широкой кровати — в другом углу комнаты. Я не помнил, как упал с постели, как оказался в этом углу и на полу, и не мог сообразить, почему на мне изорванная и мокрая одежда. Мои башмаки были полны песка. Песок был и на нескольких мокрых следах, которые, начинаясь ниоткуда, вели от центра каюты к тому месту, где я лежал. Я ошелепо протирал глаза. Сбросив с себя изорванную коричневую домотканую сорочку, я обнаружил глубокие порезы на своих руках. Тут я разом вспомнил дикий штурм, гробницу, жалкую фигурку скорбящего По под горящим деревом...

Я открыл сундук, нашел подходящую одежду и привел себя в порядок. При этом я размышлял о происшедшем. Я надеялся, что с По ничего дурного не случилось. Меня очень тревожили и подмеченные мной черточки подступающего безумия в сознании По, и странное развитие событий в целом. Незаметно для себя я уже давно воспринимал наши невероятные встречи как вполне ре-

альные события — и одновременно как некие символы, знаки свыше, предсказания. Поэтому я мог понять скрытое значение пустого гроба — ведь Анни как раз сейчас лежала в глубоком месмерическом сне. Но этим символизмом прошедшего не мог исчерпываться. Очевидно, есть что-то еще. Накануне Эллисон растолковал кое-какие важные вещи, доселе мне неведомые, — касательно месмеризма, параллельных миров и прочего. Но мне мнилось, что даже многоопытный алхимик знал далеко не все. Увы, не с кем посоветоваться, не с кем. Разве что...

Я задумался над этим вариантом. Прежде чем покинуть корабль, Эллисон, как и обещал, познакомил меня с большеглазой женщиной по имени Лигейя. Это была жгучая брюнетка такой красоты, что в ее присутствии я думал вплоть до половины медленнее обычного. После примерно минуты в ее обществе я сообразил, что дело не только в ее красоте. От нее исходила некая отупляющая меня сила — сила вполне ощущимая, материальная. Я поспешил отшагнуть от новой знакомой, глубоко вдохнул — и чудо! одурь сразу же прошла. Лигейя заметила, как я шарахнулся от нее, и сдержанно улыбнулась.

Когда Эллисон представил меня, она произнесла:

— Весьма приятно познакомиться с вами.

У нее был низкий, завораживающий слушателя голос — с необычным акцентом. Некогда я был знаком с одним русским иммигрантом — у него был почти такой же акцент.

— Помните, я говорил вам прежде об этом человеке, — сказал Эллисон.

— Помню, помню, — произнесла Лигейя. Она смотрела на меня по-особенному пристально — мне прежде не доводилось видеть взгляда такой испытующей силы.

— Молодой человек согласился выполнить то, о чем я вам говорил.

— Знаю, знаю, — сказала она.

— Вы меня обяжете, если станете всячески помогать ему и откроете доступ к нашему особому источнику полезных сведений.

Она кивнула.

— Обязательно.

— Впрочем, у нашего друга был весьма тяжелый день, — продолжил Эллисон. — Полагаю, новые силь-

ные впечатления могут только повредить ему. А потому отложим знакомство с вашим подопечным до завтра. Господин Перри уже в курсе того, что месье Вальдемар способен узнавать нужное, проникая сознанием в миры, отличные от той версии реальности, в которой мы обитаем.

— Я поняла.

— А я мало что понял, — сказал я и добавил, чтобы не показаться грубияном: — Но целиком доверяюсь вашему знанию.

Тут Эллисон обратился ко мне:

— Я получу необходимые сведения о маршруте путешествия и не покину корабль, пока не сообщу их капитану Ги.

— Замечательно, — сказал я. — В таком случае...

— Да, вы свободны. Засим прощайте. Желаю вам удачи, а на ближайшее время — спокойной ночи.

Он крепко пожал мою руку. Я сердечно попрощался с ним, потом церемонно кивнул Лигейе:

— Свидимся с вами завтра.

— Знаю, знаю, — лукаво улыбнулась она.

Как только я очутился в каюте Эллисона, я рухнул лицом вниз на кровать — раздеваться не было сил. Заснула я сразу же — и потом очутился в королевстве у края земли. А теперь...

Через иллюминатор внутрь каюты проникало достаточно света — я побрился, черпая воду из большой лохани в той части каюты, где располагалась алхимическая лаборатория. Затем через ближайшее окно выплеснул грязную воду за борт. Приведя себя в порядок, я вышел с намерением позавтракать. В сумбуре вчерашних инструкций мне было рассказано среди прочего, как вызвать слугу, чтобы еду принесли прямо в каюту. Но сейчас я быстро нашел кают-компанию и решил позавтракать там — предложили яичницу с луком и поджаренный хлеб с палтусом. Несколько чашек крепкого душистого кофе помогли мне на время позабыть о мрачныхочных переживаниях; клубок ужасов, загадок и страхов откатился в глубину сознания. С последней чашкой кофе в руках я вышел на палубу.

Погода была ясной, тумана и в помине не было. Попивая обжигающий напиток, я любовался игрой солнеч-

ных лучей на холодных волнах. В безмятежно голубом небе плыли приветливые белые облака. Солнце стояло еще очень низко в положенной части небосвода. Тут я перевел взгляд туда, где, по моим расчетам, находился берег, однако суши не увидел. Со всех сторон было бескрайнее море. Стая чаек качалась на струях ветра за нами — то поднимаясь, то опускаясь над нашим кильватером. Корабельный повар, одноглазый испанец по имени Доминго, выбросил за борт утренние остатки пищи и что-то певуче прокричал птицам на своем языке (уж не знаю, обругал он их или позвал на пиршество). Чайки в ответ громко загадали, снизились и стали нырять в кипящие волны. Я прошелся вдоль палубы, обшаривая глязами горизонт в поисках «Вечерней звезды». Но мы были одни на бескрайней глади моря.

Я поежился от холода и поспешил сделать большой глоток дымящегося кофе. Про себя я решил одеваться потеплее, когда в следующий раз вздумаю выходить на палубу в столь ранний час.

Я начал спускаться вниз с намерением занести чашку в кают-компанию по пути в каюту Лигейи и на ступеньках повстречал Дирка Петерса. Тот широко улыбнулся, насмешливо коснулся козырька своей морской кепи и приветствовал меня:

— С добрым утречком, юноша.

Я тоже улыбнулся и вежливо кивнул.

— Доброе утро, мистер Петерс.

— Зовите меня попросту Дирк, — сказал он. — Славный денек, вы не находите?

— Денек отличный.

— И как оно вам — быть начальником?

— Пока не знаю, — ответил я. — Еще не отдал ни одного приказа.

Он пожал плечами.

— Я так понимаю — пока в приказах нужды нет. Если ничего экстренного не произойдет, команда будет сама, без понуканий, выполнять инструкции мистера Эллисона.

— Ну и я так понимаю.

— Вы как переносите море?

— Плыл на корабле только раз — совсем мальчишкой. Но вроде бы не страдал морской болезнью — если вы именно это хотели узнать.

— Вот и хорошо.

В это время со счастей стремительно спустилось что-то большое, темное и запрыгало по палубе — прямо к Петерсу. Тот ласково положил руку на косматое плечо своего друга Эмерсона. Зверь ответил тем же. Так они и стояли — обнявшись как два закадычных приятеля.

Я невольно отметил про себя — до чего же эти двое похожи друг на друга. Говорю это не с целью насмешки над человеком, который спас мне жизнь. Сам я согласен с тем, что лучше погрешить против правды, чем подчеркивать чье-либо уродство. Но с Петерсом было иначе, потому что сама некрасивость его лица была так выразительна и интересна, что делала его по-своему привлекательнее смазливого актера на ролях первых любовников. Губы у него были тонкие, никогда не закрывали зубов — длинных и торчащих немного вперед. Казалось, с его лица не сходило добродушно-насмешливое выражение. Таким было первое впечатление от его лица. Второе — что это чисто бесовская веселость. На самом же деле его лицо было просто перекошено, словно он вечно смеялся. Я не мог вглядываться слишком пристально, но все же заметил, что кожа на его лице неровного цвета — местами светлее, местами темнее. Возможно, это были следы многочисленных шрамов. Что и говорить, физиономия пугающая — тем более что со временем насмешливая улыбка начинала казаться злобным оскалом бешеной ярости. В зависимости от настроения можно было принимать его за доброго веселого малого или за головореза с вечно злобной рожей — при этом сам он мог не менять выражения лица, просто в вашем сознании произвольно менялась оценка этого выражения. Так, потянувшись за бриллиантом в сумрачном тайнике, вы вдруг обнаруживаете, что бриллиант вделан в голову ядовитой змеи.

— Вот и хорошо, — повторил Петерс.

— Не могли бы вы рассказать мне о месье Вальдемаре?

Мой собеседник поднял руку, словно собирался почесать затылок, но вдруг запустил пальцы под свою странного вида черную густую шевелюру. Только тут я по-настоящему пристально вгляделся в его волосы. Это

был парик. На самом деле Петерс был совершенно плезивым. Заметив мой удивленный взгляд, он осклабился больше обычного и пояснил:

— Сделал себе из шкуры медведя, который имел наглость слегка помять меня, за что и поплатился... А насчет этого Вальдемара так я его и краем глаза не видел. Месье носу не кажет из своей берлоги — кстати, его каюта рядом с вашей.

У Петерса были повадки и речь морского волка, но в манерах и разговоре проглядывало и другое. Было в нем что-то от жителя фронтира.

— Вы часом не с Запада? — осведомился я.

Он кивнул.

— Мой папаша был «вояжером» — то бишь торговал пушниной на фронтире. А мать звали Упсарока Инжун, она из индейского племени упшароков, что живет в Черных Горах. Сам я был охотником, исходил весь Запад вдоль и поперек. Видел много чудесного, хаживал по каньонам такой величины, что в них можно обронить целий Чарлстон и потом не сыскать. — Он сплюнул через борт — да с такой точностью, что угодил в зазевавшуюся чайку. — Забредал я и на юг — в Мексику, поднимался и на самый север, где в небе вечером сияние — все равно как большущая парчовая занавеска. — Он опять почесал кожу под париком. — И все это — до того, как мне стукнуло двенадцать.

Поскольку я впервые встретил матерого рассказчика небылиц с Запада, то и развесил уши. Петерс выглядел таким сорвиголовой, говорил с такой небрежной убедительностью, что было трудно не поверить ему. Обычный врун изо всех сил старается, чтобы ему поверили. А Петерсу было совершенно наплевать, верят ему или нет. Этим он и брал.

— Так насчет месье Вальдемара... — не унимался я.

— Да?

— Как давно он на борту судна?

— В точности сказать не могу, — ответил Петерс. —

По крайней мере дольше меня. Команде пояснили, что он калека, любит путешествовать. Но я так скажу: странное это удовольствие — путешествовать, запервшись в каюте!

— Вы думаете, тут что-то нечисто? — спросил я напрямую.

Он пожал плечами.

— А бес его знает... Может, тут замешана эта дамочка — ну, Лигейя.

— Что вы имеете в виду? — озадаченно поинтересовался я.

— Эта его сиделка — весьма странная леди. Она напоминает мне одного черномазого захаря, с которым я однажды имел дело. Звали его Джонни — Два-Духа-за-Спиной. Когда с ним калякаешь, кажется, что у него за спиной не два духа умерших, а целое полчище. И слышатся такие странные звуки. Вот эта дамочка совсем как он. Извините, если чего не так сказал. Точней сравнения не нашел.

Я задумчиво покачал головой.

— Я был совсем сонный, когда меня с ней знакомили. И говорили мы недолго. Внешность у нее поразительная — вот это я помню.

Он хмыкнул.

— К тому же эта дамочка очень скрытная, себе на уме, — сказал Петерс. — Держитесь от нее подальше и старайтесь с ней не ссориться. Шкурой чувствую — лучше не иметь ее своим врагом.

— Я полон миролюбия. Кстати, в ближайшее время я должен нанести визит вежливости месье Вальдемару.

— Сдаётся мне, капитан тоже хочет поговорить с вами.

Я кивнул, украдкой приглядываясь к своему собеседнику. Похоже, Петерс не подозревал о том, что Вальдемар — не любитель путешествовать, а особого рода ищечка, которую Эллисон пускал по нужному следу. А раз он не в курсе, следует из осторожности перевести разговор на что-либо другое — хотя рано или поздно мне предстоит доподлинно выяснить меру посвященности Петерса во все происходящее.

— С кого же мне начать? — сказал я, как бы вслух размышляя.

— Ну, с капитаном вы можете переговорить в любое время, — заметил Петерс.

— Тут вы правы, — согласился я. — Визит к месье Вальдемару лучше не откладывать — вдруг наш таинст-

венный путешественник возьмет да разболеется. Не подскажите, в какое время удобнее всего зайти к нему?

— Слышали колокол? — спросил Петерс.

— Да. Но я не знаю, что обозначают его удары.

— Подсказывают время, — пояснил Петерс. — Бьют каждые полчаса. Полчаса называются склянкой. Счет ведется от одной склянки до восьми, потом начинается снова. В половине девятого в колокол ударили один раз, в девять — пробили две склянки. А скоро, в половине десятого, пробьют три. Навестите его, когда колокол пробьет три или четыре раза, — чтобы он успел хорошенъко проснуться и привести себя в порядок.

— Спасибо, — сказал я, протягивая ему руку для рукопожатия. Вместо Петерса мою руку проворно схватил Эмерсон и стал трясти и мять ее. Даром что он был осторожен, я понял — при желании он запросто вырвет мне руку из плеча.

Петерс одарил меня совершенно дьявольской улыбкой и почтительно кивнул мне — с лукавой вежливостью.

— Всегда готов помочь вам, Эдди. Только дайте знать.

Затем он еще раз насмешливо взял под козырек и пошел прочь. Эмерсон снова пулей взлетел по снастям вверх и исчез среди парусов.

Три или четыре склянки. Ладно. Я спустился вниз — скоротать ожидание за еще одной чашкой кофе. К моменту, когда колокол бухнул три раза, я выпил кофе более чем достаточно и направился в свою каюту. Там я еще раз исследовал содержимое гардероба и выбрал для визита белую сорочку с галстуком. К четырем склянкам я был одет в подходящий костюм и, хотя это можно было поручить слуге, не отказал себе в удовольствии предаться армейской привычке — неспешно, тщательно начистил башмаки до зеркального блеска.

Я прошел мимо соседней каюты и постучал в следующую. Дверь открылась незамедлительно. На пороге стояла Лигейя, улыбаясь мне чуть заметной улыбкой.

— Я ожидала вас, — произнесла она.

— А я ожидал, что вы меня ожидаете, — сказал я и тоже чуть заметно улыбнулся.

На ней было что-то неописуемо элегантное — серое, дымчатое. Однако на пальцах и запястьях отсутствовали

драгоценные камни, которые, смутно припоминалось мне, были на ней во время нашей вчерашней встречи. И опять в ее присутствии мою душу объяло странное чувство: как будто только что в меня ударила молния — или вот-вот ударит.

Она не пригласила меня внутрь, не вышла со мной в коридор. Просто стояла и спокойно изучала меня на протяжении нескольких секунд. Наконец проронила:

— А вы еще более необычный, нежели по первому впечатлению.

— Вы находите? И чем же я... необычен?

— Местом происхождения.

— Простите, не понимаю.

— Я не знаю того места, откуда вы родом, — сказала она. — А я уверена, что знаю весь мир. Стало быть, вы явились из другого мира.

— Логично, — ответил я, решив не вдаваться в дальнейшие объяснения, потому что на горизонте вырисовывался длинный спор о том, какой мир первый, а какой второй и может ли быть один мир первее другого. — Давайте на том и согласимся и, если вам будет угодно, покончим с этой темой.

Ей не было угодно покончить с этой темой. Она чуть насупила свои широкие брови и пытливо прищурилась.

— Откуда вы? — спросила Лигейя.

— Из неотсюда, — сказал я.

Тут ее брови вернулись на место, на лице появилось удовлетворенное выражение — и она улыбнулась по-настоящему.

— А-а, вам американцам все бы шутить!.. Вы ведь шутите, да?

— Конечно.

Она слегка оперлась о дверной косяк и при этом кокетливо слегка качнула бедрами — или мне только показалось?

— Как я понимаю, вы желаете повидаться с месье Вальдемаром — прямо сейчас? — спросила Лигейя с такой интонацией, словно ожидала, что я отвечу решительным «нет».

— Да, прямо сейчас, — сказал я.

— Прекрасно, — сказала она и указала на дверь слева. Это была дверь каюты, которая соседствовала с моей. — Подождите в коридоре.

С этими словами она прошла обратно в свою каюту и закрыла дверь. Я слышал, как что-то щелкнуло — не то защелка, не то замок.

Я сделал несколько шагов к двери каюты месье Вальдемара и стал ждать там. Через несколько нудных минут дверь внезапно — нет, не распахнулась, а только чуть приоткрылась, не более чем на фут. Внутри было темным темно.

— Заходите, — услышал я голос Лигейи.

— М-м... да я ничего не вижу! — произнес я.

— Не беспокойтесь, так надо, — отозвался голос.

Просто делайте, что я говорю.

Раз я доверяю Эллисону — стало быть, не следует опасаться его доверенного лица. Я вошел в почти кромешную темноту и не успел сделать трех шагов, как дверь за моей спиной закрылась. Щелкнула задвижка, и я остановился как вкопанный, бессильно хлопая глазами и поводя головой в полнейшей темноте.

— Простите, нельзя ли хоть немного света? — сказал я. — Как бы я тут чего не разбил.

В то же мгновение кто-то взял меня за локоть.

— Я проведу вас, — тихо, как при покойнике, произнесла она. — Месье Вальдемар так слаб, что не переносит света.

— Даже крохотной свечки нельзя? — спросил я.

— Даже крохотной свечки.

Лигейя повела меня куда-то назад и вправо, через несколько шагов сжала мой локоть, ее вторая ручка уперлась мне в грудь.

— Стойте, — сказала она. — Вот так. Здесь и оставайтесь.

Отпустив мой локоть, она отошла от меня на несколько шагов. Спустя короткое время где-то передо мной скрипнула дверь — и ничего. Было по-прежнему темно. В полной тишине я откашлялся. Лигейя никак не отреагировала на мой слегка нетерпеливый кашель, а потому я не удержался и спросил:

— Все в порядке?

— Разумеется. Проявите чуточку терпения. Для установления связи нужно некоторое время.

Я мог только гадать, что именно она делает, хотя слышал какой-то слабый шорох. И тут же словно ветерок пробежал у меня под одеждой — именно это странное ощущение я испытал вчера вечером, когда знакомился с Лигейей. Справа от себя я завидел полоску очень слабого света. Очевидно, осталась приоткрытой дверь, соединяющая каюты Лигейи и месье Вальдемара. Я услышал приглушенные голоса. Лигейя говорила тихо-тихо, неразборчиво.

— Слушайте, — сказал я, — давайте не будем будить его сейчас. Пусть отдохнет. Мне не составит труда зайти попозже.

— Нет, — последовал ответ. — Он чувствует себя хорошо. Просто ему нужно некоторое время, чтобы... чтобы собраться. Не переживайте.

Но тут раздался душераздирающий стон.

— Мне неловко заставлять так напрягаться очень больного человека... — поспешил сказать я.

— Вздор! — возразила она. — Это ему только полезно. Поддерживает интерес к жизни.

Еще один стон.

Мои глаза стали привыкать к темноте, и я разглядел, что Лигейя склонилась над кроватью и делает что-то руками. Я немного подался вперед в надежде рассмотреть то темное, что лежало на кровати. И сразу же вновь ощутил странную вибрацию вокруг себе — как будто ветерок щекотнул под одеждой. Не успел я вслух удивиться этому явлению, как раздался очередной переворачивающий душу стон, и я услышал слабое:

— Нет, нет... Оставьте меня в покое... умоляю! Ради всего святого, оставьте меня!

Я окончательно смущился.

— Послушайте, не лучше ли все-таки...

— Да он всегда ворчит, когда я поднимаю его, — сказала Лигейя. — Это просто дурной характер.

— Я тоже ворчу по утрам, пока не взбодрюсь чашкой кофе, — сказал я. — А не послать ли за завтраком для него?

— О-о! А-а! Умираю! — донеслось с постели.

— Он мало ест и пьет, — сказала Лигейя. — Месье, придите в себя. Здесь один джентльмен. Он хочет поговорить с вами.

— Пожалуйста... дайте... уйти... — прохрипел слабый голос. — Дайте умереть...

— Чем дольше капризничаете, месье, тем больше времени все это займет, — строго сказала Лигейя.

— Ладно, — произнес несчастный более отчетливо. — Чего ты хочешь от меня?

— Познакомить с мистером Эдгаром Перри, который в данный момент возглавляет нашу экспедицию.

— Экспедицию... — тихим эхом отозвался месье Вальдемар.

— Да, нашу экспедицию с целью розыска Гудфеллоу, Темплтона и Гризуолда, которые похитили женщину, известную под именем Анни.

— Вижу ее, — сказал месье Вальдемар. — Вот она сияет перед нами, как хрустальный подсвечник. Она ни из этого мира. Они используют ее. Используют, чтобы найти другого... О, дайте мне умереть!

— Они преследуют фон Кемпелена, — подсказал я.

— Да. Но я не знаю, куда они направляются... не могу различить... потому что он сам еще не знает, куда направляется. О, дайте мне умереть!

— Пока что эти сведения нам не слишком нужны, — сказал я. Мне пришла в голову неожиданная мысль, и я потихоньку, бочком-бочком, стал перемещаться вправо. — Расскажите, что вам известно о связи, существующей между мной и Эдгаром Алланом По.

— Вы и он — каким-то странным образом — одно и то же лицо.

— Как это возможно?

— Переход в пространстве, — ответил месье Вальдемар. — Несчастный По об этом никогда так и не узнает... И никогда не найдет то, что ищет... только пустынные долы и горы.

— Почему не найдет?

— Оставьте меня!..

— Говорите!

— Не знаю. Одна только Анни жива. А я — мертвец.

Я сделал последний шагок вправо — и резким жестом распахнул до того лишь на палец приоткрытую

дверь. Дневной свет из каюты Лигейи залил комнату — и я увидел женщину, которая согнулась над открытым гробом. В нем лежал жутко бледный мужчина, седые волосы которого отчаянно контрастировали с иссиня-черными волосами. Его глаза были открыты, но зрачки закатились. Губы неподвижного, искаженного лица были растянуты, заголяя зубы. Мне показалось, что его чуть высунутый язык — угольной черноты.

— Господи помилуй! — ахнул я. — Да он же мертвый!

— И да и нет, — ответил Лигейя достаточно спокойно. — Он — особый случай.

Она сделала медленный пасс рукой над телом — и веки сомкнулись.

Закрыв гроб крышкой, Лигейя добавила:

— Впрочем, каждый из здесь присутствующих — по-своему особый случай... Хотите чаю — или гашиша?

— А покрепче у вас ничего нет? — спросил я. — Мои нервы в таком состоянии, что только сильное средство их успокоит.

— Конечно, — ответила она по-французски, взяла меня за руку и повлекла в свою каюту. Напоследок я оглянулся и успел с удивлением заметить, что гроб в закрытом виде оказался большим ларем для вина — даже с соответствующими надписями, гласившими, что это Шато-Марго такого-то года и в таком-то количестве.

Лигейя усадила меня в уютное кресло. Плотно прикрыв дверь в каюту с покойником, она прошла к буфету — в другой конец своей комнаты.

Я услышал звон стекла, потом звук наливающейся жидкости.

Через несколько мгновений красавица подошла ко мне с высоким стаканом непрозрачной зеленоватой жидкости, на поверхности которой плавали кусочки измельченных листьев и еще какой-то мусор.

— Похоже на болотную воду, — сказал я, беря стакан. Сделал глоток и добавил: — Да и на вкус — как болотная вода.

— Это бодрящий настой из трав, — пояснила она. — Помогает расслабиться.

Я обдумал ее слова, потом глотнул еще.

— А этот Вальдемар... он и впрямь покойник? — спросил я после почти минуты молчания.

— Да, — сказала Лигейя. — Но он понемногу забывает об этом. Зато всякий раз, когда вспоминает, мучает-ся ужасно.

— Когда и как он умер?

Она пожала плечами.

— За много месяцев или лет до того, как мы появи-лись на борту. Задолго до того, как я нашла его.

Я обвел взглядом ее каюту, увешанную яркими гобеленами, полную роскошных восточных напольных ков-ров и шкур разных животных. Мое внимание привлекли несколько темных деревянных статуэток — похоже, африканских. Они были украшены сверкающими бусами, ожерельями и браслетами из медной проволоки. На од-ной из стен висели две толедские сабли. Возле высокой, внушительных размеров кровати я заметил турецкий кальян. Воздух был полон тяжелого аромата какого-то экзотического благовония. Чем-то все это напомнило мне цыганскую кибитку, в которую я заглянул однажды, чтобы вульгарно наrumяненная женщина за деньги по-гадала мне по руке. Помнится, цыганка словно ошелела от линий на моей руки и наговорила мне такого... Впрочем, каюта Лигейи была местом потаинственнее, по-страшнее. Петерс не дурак, он попал в точку: казалось, еще немного, и я различу толпу духов за спиной хозяйки этой странной каюты.

— А что именно делает месье Вальдемара... э-э... особым случаем? — спросил я.

— Насколько я понимаю, — пояснила она, — на смертном одре он был подвергнут месмерическому воз-действию, которое вынудило его как бы застыть, завис-нуть между жизнью и смертью. Благодаря этому, он об-ладает небывалой способностью проявления. Но об-щаться с ним может лишь исключительно опытный мес-мерист, ибо месье Вальдемар всякий раз пытается уме-реть окончательно.

— Стало быть, вы — человек с большим опытом в этой области?

Лигейя кивнула.

— В мире, из которого я пришел, подобные явления горячо оспариваются учеными людьми.

— Здесь это обыденный факт.

— Мне кажется, я уже дважды испытал нечто в вашем присутствии...

— Вполне возможно, — сказала она. — Что ж, допивайте настой, и я вам кое-что покажу.

Я допил остатки «болотной жижки» и поставил стакан на ближайший столик.

— Для меня это питье слабовато.

— Да, оно умеренного действия.

— А ведь вы обещали сильное средство, чтобы успокоить мои нервы.

— Я свое слово сдержу. Вас ожидает процедура, которая и есть сильное средство, — сказала Лигейя и подняла руки в мою сторону. Мне показалось, что с них вдруг слетели искры и коснулись меня. Снова я почувствовал, как теплый ветерок овеял все мое тело. — Питье было только для начала.

— А как подействует эта процедура?

— Не берусь сказать точно, какой будет результат в вашем случае. Есть у вас какие-нибудь особые пожелания?

— Не знаю. Просто хочу, так сказать, убежать от всего на некоторое время.

Она улыбнулась и стала медленно опускать свои протянутые вперед руки. Меня словно теплой волной окатило. Я чуть наклонился вперед в кресле и позволил этому приятному чувству ублаготворенности охватить всего себя. Лигейя работает на Эллисона и знает, что я для него очень нужный человек. Стало быть, бояться ее не следует.

Теперь она сделала новый пасс руками, и я постарался расслабиться совершенно, полностью отдаваясь во власть сладостной неги. Когда-то цыганка пробовала делать со мной нечто подобное, но ей было далеко до этой искусницы.

После первых пассов меня охватило веселящее чувство приятного расслабления, но спустя короткое время я стал замечать и другой эффект действий Лигейи — парализующий. Мое сознание утрачивало власть над телом, они начинали жить раздельно. Потом я заметил, что течение моих мыслей замедляется. Но это происходило на фоне такой эйфории, что я и не думал сопротивляться упоительному соскальзыванию в летаргию.

Ее руки теперь парили совсем близко надо мной.

— Сейчас я сделаю так, что вы расслабитесь глубоко-глубоко, — приговаривала она. — А очнетесь с чувством полного обновления сил.

Я хотел ответить, но было так лень шевелить губами — да и зачем? Ее руки еще раз скользнули вдоль моего тела — и я перестал его чувствовать. Мое сознание оставалось связано с миром лишь глазами, но и их становилось все труднее держать открытыми. Наконец глаза мои закрылись — после чего я ощутил, как тень ее рук снова скользнула надо мной. И вот я покидаю себя — куда-то взмываю, в сверкающую белизну, я лечу, я превращаюсь в снег, я кружусь на ветру — к земле, к земле...

...Внезапно голова у меня закружилась, желудок стало подводить. Я резко поднял руки к голове и стал массировать виски. Лишь после этого я открыл глаза.

Я был на постели — полулежал на подоткнутых под спину подушках. Старое, протертное одеяло прикрывало мое тело от пояса вниз. Я привстал на подушках; руки у меня немного дрожали. Прислушался к песне дрозда за окном. Оглядевшись, я обнаружил, что нахожусь в небольшой, крайне бедно обставленной комнатке. Что происходит? Хоть убей, не помню, как я попал в это место...

На столике у кровати я увидел письмо и взял его. Оно было адресовано Эдгару По. Тут я удивился еще больше и позволил себе прочитать это письмо, дабы найти хоть какой-то ключ к происходящему.

Я прочел следующее:

Ричмонд, 29 сент. 1835 года

Дорогой Эдгар!

Будь я властен излить тебе свою душу в подобающих случаю выражениях, я бы так и сделал. Но — горе мне! — перо мое немощно, а потому излагаю тебе последующее в самых немудрящих выражениях — тем низким языком, к коему я привык.

Что ты искренен в своих обещаниях — тому верю, и верю твердо. Но очень я опасаюсь, Эдгар, что стоит тебе вернуться на эти улицы, как решимость твоя испарится и ты вновь запьешь горькую, да так, что потеряешь разум. Коли будешь уповать на себя одного —

пропадешь. А коли призовешь на помощь Господа — спасешься!

Знал бы кто на земле, как я оплакивал разлуку с тобой! Сила моей горести ведома лишь мне одному. Господь видит, как я был привязан к тебе — да и сейчас люблю тебя не менее прежнего. Всей душой желал бы твоего возвращения — однако страшусь того, что едва ли не сразу придет снова с тобой расстаться.

Вздумай ты поселиться в моем или ином благомыслившем семействе, коего члены не имеют обычая потреблять крепкие напитки, тогда бы я был спокоен за тебя. Однако ежели ты надумаешь жить в таверне или ином месте, где принято подавать к пище вино, тебя поджидает опасность. Я сам испытал это на себе.

Природа наделила тебя дивными талантами, Эдгар, — так сделай же так, чтобы окружающие уважали и твои таланты, и тебя самого. Научись уважать себя сам и скоро обнаружишь, что и другие стали тебя уважать. Раз и навсегда отринь от себя бутылку и как от чумы спасайся от собутыльников! Скажи мне, что ты так и поступишь, и дай мне услышать, что ты твердо решил более не поддаваться соблазну.

Ежели вернешься в Ричмонд и снова станешь помогать мне в конторе, заруби себе хорошенко на носу: коли ты хоть раз напьешься, я сей же момент расторгну все мои обязательства пред тобой.

Кто пьет еще до завтрака — такому веры нет! От такого пропаща человека в деле никакого толку.

Я серьезно думал над твоей статьей для «Автографа» и пришел к выводу, что лучше оную в нынешней форме не печатать. Поступи я иначе, Купер меня не удивит, если подаст в суд за клевету.

Пробный отиск твоей статья три дня как лежит на моем столе, так что я имел достаточно времени подумать.

Остаюсь твоим верным другом,

Т. У. Уайт

Я бессильно выронил письмо. Не помню, чтоб когда-нибудь прежде я испытывал такую слабость во всех членах. Однако я заставил себя усилием воли встать с постели и дотащиться до небольшого зеркала. Лицо было мое,

только я был мало похож на себя — щеки ввалились, глаза красные. Я опять с силой потер виски. Стало быть, бедняга По много пьет, и то, что я испытываю, — результат излишества.

Но как я проник в его тело?

Я вспомнил, как руки Лигейи парили надо мной, и мне чудилось, что, не касаясь меня, они касались глубинной моей сути. Я припомнил месень Вальдемара, Петерса, Эллисона. И даже мою последнюю встречу с По — посреди буйства стихий. Неужели он верит, что Анни умерла? Не потому ли он довел себя до такого жалкого состояния?

Если это правда, то не смогу ли я изменить его душевное состояние к лучшему тем, что оставлю записку? Я огляделся в поисках бумаги и пера.

— Эдди! — раздался голос немолодой женщины из соседней комнаты. Я счел за лучшее не отзываться. — Эдди! Вы уже встали?

Ага. На конторке у окна. Перо. Чернильница. Я поспешил туда. Теперь бумага. Где же бумага? Этот человек пишет для журнала — в доме должна быть бумага. В ящиках конторки ее не оказалось...

— Хотите чаю, Эдди?

Вот! В коробке под столом. Я подтащил единственный стул к конторке и сел. Как же начать? Надо как-то упомянуть наши общие встречи с Анни.

«Сколько видений назад мы зрели девочку, которая...» — быстро написал я — после чего силы мои решительно иссякли.

Я отложил перо. Моя голова клонилась на грудь. За моей спиной шумно распахнулась дверь. Любопытство повелевало мне обернуться, но я был так слаб, что даже этого не мог сделать. Я свалился со стула.

— Эдди! — испуганно вскрикнул тот же женский голос, что я слышал через стену.

Но я опять терял сознание, куда-то плыл по черной глади — прочь, прочь. Встревоженный женский голос становился все глупше, глупше. Я больше не чувствовал своего тела... Но вот что-то забрезжило в моем сознании, оно мало-помалу заструилось жизнью, какие-то тени задвигались перед моими раскрытыми глазами.

Прошла, наверно, целая вечность, прежде чем я по-настоящему свободно вздохнул и посмотрел перед собой незамутненным взглядом.

Надо мной склонилась Лигейя — брови чуть сдвинуты, выражение лица слегка озабоченное.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

Я потряс головой и потрогал рукой область желудка. Голова не болела, и больше не мучило — все признаки жуткого похмелья прошли.

— Чувствую себя хорошо, — сказал я и немного потянулся, как после крепкого сна. — А что произошло?

— Разве вы не ничего помните?

— Помню — был в другом месте, в теле другого человека.

— В чьем теле?

— Эдгара Аллана По.

— Того самого, о котором вы спрашивали месье Вальдемара?

Я кивнул.

— Я совершил далекое путешествие. А тем временем, могу поспорить, По успел побывать в моем теле.

Настал ее черед согласно кивнуть.

— Да, — сказала она. — И мне показалось, что он или пьян, или под воздействием наркотического дурмана, или просто сошел с ума. Мне было трудно держать его в своей власти, и обратно я отправила его лишь с большим трудом.

— Объясните мне прежде всего — зачем он здесь появился? Такого рода обмен случается часто — когда души меняются телами?

— Впервые слышу о таком событии и впервые вижу что-либо подобное! — сказала Лигейя. — Этот человек очень странный. У меня было такое впечатление, будто я по ошибке опять вызвала злого духа.

Я воздержался от расспросов касательно ее общения со злыми духами. Для одного утра и так слишком много впечатлений.

— Он засыпал меня вопросами об Анни, — продолжала Лигейя. — И сравнивал свое сердце с лютней, у которой порвали струны. Если он не сумасшедший — значит, поэт. Но я теряюсь в догадках, кто из вас произвел этот обмен душами.

Я пожал плечами.

— Погодите! — воскликнула моя собеседница. — Разве месье Вальдемар не говорил, что вы двое каким-то странным образом представляете собой одну и ту же личность? Это отлично объясняет метафизический механизм того, что произошло!

— И в этом случае от метафизики, как всегда, никакой практической пользы, — возразил я. — Я не безумец и не поэт. Мое сердце не подобно лютне. Просто я угодил в другой, чужой мир. То же самое, как я понимаю, произошло и с Эдгаром По. Уж не знаю, как нас угораздило махнуться мирами, но явно не без участия человека, которого мы сейчас преследуем.

— Руфуса Гризуолда?

— Кажется, его зовут именно так. Да, именно так. Вы знаете его?

— Встречала однажды — в Европе. Много лет назад. Опасный человек — как в обыденной жизни, так и в отношении некоторых совершенно особых способностей.

— Правильно ли я понимаю, что он своего рода алхимик?

— Хуже того, — сказала Лигейя. — Он занимается неизвестной мне разновидностью черной магии.

— По мнению Эллисона, Гризуолд каким-то образом вмешался в отношения между мной, По и Анни, чтобы привести дела к их нынешнему состоянию — заполучить Анни в качестве проводника, а нас с По поменять местами в двух параллельных мирах

Лигейя пытливо всматривалась в мои глаза.

— Не знаю, не знаю. Но сама идея обмена очень увлекательная. Хотите, я попробую узнать побольше обо всем этом?

— Буду обязан вам.

Я поднялся из кресла.

— Впрочем... — произнесла она и осеклась.

— Заканчивайте! — попросил я.

— Я бы хотела задавать вопросы месье Вальдемару каждое утро — примерно в одно и то же время. Ему будет полезно такое устойчивое расписание.

— Вы думаете?

— Даже мертвым полезно иметь здоровые рабочие привычки, — пояснила она. — Мне думается, что, буду-

чи главой экспедиции, вы должны присутствовать на этих сеансах.

— Пожалуй, вы правы, — сказал я. — К сожалению. Я направился к двери. У самого порога остановился.

— Спасибо... за все, — сказал я. — Увидимся за обедом. Она отрицательно мотнула головой.

— Пишу мне приносят сюда. Но вы как-нибудь можете присоединиться к моей трапезе.

— Хорошо, как-нибудь, — проговорил я и вышел из каюты.

Внезапно коридор справа и слева от меня ярко осветился — словно молнией.

— Что вы сказали? — по-французски спросила Лигейя, но голос ее прозвучал так, словно она была не рядом, а в сотне ярдов от меня. И тут дверь ее каюты сама собой со стуком захлопнулась.

— Сюда, Перри, — позвал меня до боли знакомый голос. — Пожалуйста!

Это был голос той единственной женщины, ради которой я пошел бы сквозь огонь и воду, и поэтому я подчинился приказу. Но где-то в глубине моего сознания все же мелькнула мысль, что даже живым людям иногда не помешает немного покоя и отдыха, — и на полсекундочки я позавидовал месье Вальдемару.

Глава 4

...По словно застывшей молнией освещенному коридору — как по туннелю, залитому жидким серебром, или по ледяной пещере — шел я вперед, все ускоряя шаг. Ибо Анни звала — и, казалось, я вот-вот увижу ее, за очередным поворотом бесконечного коридора. Но вот он, поворот, и туннель света повел меня круто вверх, а яркий свет вокруг стал то слабеть, то усиливаться — почти что запульсировал. Я опять чувствовал, что Анни совсем рядом, — но нисколько не ближе прежнего. Я побежал дальше по туннелю света — вверх, вверх, вверх...

— Анни! — закричал я. — Ты где?

— Там же, где и всегда, — ответствовала она. Однако голос ее стал тоньше, звонче. — Я на берегу моря.

— Не могу найти тебя. Наверное, я заблудился, — прокричал я.

И внезапно завеса яркого света раздвинулась. На мгновение я был унесен в далекое прошлое. И мне не показалось странным, что Анни — снова девочка и стоит возле кучи хвороста с сияющей раковиной в руке, а за ее правым плечом видна полоса прибоя.

— Анни! Что случилось? — воскликнул я.

— Беда с Эдди, — сказала она. — С Эдгаром Алланом...

— По, — подсказал я.

Она нахмурилась, потом кивнула.

— Да, его еще и так зовут. Он отказался от нас. Он удаляется — и это причиняет мне боль.

— Не понимаю. А я-то что могу сделать?

— Поговори с ним. Скажи ему, что мы его любим. Скажи — мы настоящие, живые. Скажи ему...

Свет внезапно сомкнулся и скрыл ее от моих глаз.

— Анни!

— Я не могу дольше оставаться тут, — донесся до меня ее слабеющий голос.

— Как я могу помочь тебе? — крикнул я в совершенном отчаянии.

Мои протянутые вперед руки дрожали. Пространство рядом с ними вдруг стало упругим — у меня в руках что-то трепетало. Внезапно почва подо мной содрогнулась, свет переди сгустился в языки пламени, которые захлопали на ветру.

— Анни!

То, что я принял за начало ответа, оказалось громким криком птицы. А может, то был отдаленный гром, ибо я ни в чем уже не был уверен — прямо на моих глазах все решительным образом менялось: огромные живые языки пламени вдруг преобразились в полощущие паруса, а то, что трепетало в моих руках, оказалось мачтовым канатом.

Сам я стоял на другом канате — и через него ощущал, как судно переваливается на волнах. До палубы было так далеко, что голова у меня закружилась и я еще сильнее вцепился в тот канат, за который держался. Всю жизнь я боялся высоты, а тут еще и крепкий утренний ветер — похоже, первый предвестник шторма — немилосердно раскачивает снасти... Мне было очень не по себе.

Я заслышал шлепающие звуки слева и покосился в ту сторону. По канатам ко мне взбирался Эмерсон. Очутившись на одном уровне со мной, он одной лапой обхватил мачту, чтобы прочнее держаться, а другой — мою руку у плеча. Держал он крепко и был явно полон добрых намерений, поэтому я не сразу, медленно разжал руки, которые с истеричной силой цеплялись за канат, — и дал Эмерсону подтащить себя к мачте. И вот мои ноги нашли более прочную опору — я стоял на поперечине мачты. Я охватил мачту с той же неотвязной нежностью, с какой пьяница обнимает фонарный столб. Первое головокружение проходило. То, что с канатов меня снял Эмерсон, а не я сам перебрался к мачте, лишь ухудшило дело — я ощущал себя беспомощным котенком, который

вдруг оказался на макушке дерева. Я буркнул «спасибо» Эмерсону, который вообразил, будто теперь я чувствую себя в большей безопасности, отпустил меня и быстро полез вниз.

Я медленно последовал за ним по деревянным перекладинам, набитым на мачту. Хорошенький оборот принял мои детские видения на этот раз!

— Мистер Перри! — произнес внизу знакомый голос. — А вы, похоже, добросовестно отнеслись к своим обязанностям главы экспедиции! Знай я, что вы решите проинспектировать судно, я бы с готовностью предоставил вам проводника — или сам бы провел по кораблю. Я и не предполагал, что вы, человек вроде бы сухопутный, проявите такую сноровку.

Я преодолел последние футы до палубы, стал на вожделенную твердь и солидно заложил руки за спину — чтобы скрыть их дрожь.

— Спасибо, капитан Ги, — сказал я. — Я бы не назвал это инспекцией. Просто мне было любопытно поближе поглядеть на устройство корабельных снастей... все ли надежно.

Он улыбнулся.

— Уверяю вас, все надежно. Полагаю, вы сами в этом убедились?

— Разумеется.

— Я как раз собирался послать к вам человека, дабы пригласить вас отобедать со мной, когда пробьет восемь склянок. Нам стоило бы поближе познакомиться и обсудить предстоящее путешествие.

— Замечательная мысль, — сказал я. — Спасибо, обязательно приду в указанное время.

Я вернулся в свою каюту — оставаться наедине и хорошенко подумать. Вытянулся на широкой лавке, заложил руки под затылок и стал размышлять, рассеянно таращясь на колбы с разноцветными жидкостями на лабораторном столе. Стараясь не думать о том, что месье Вальдемар лежит совсем рядом — за стеной, я перебирал события последних дней, когда жизнь моя внезапно потекла по другому руслу — и с бешеною скоростью.

До сих пор сосредоточенным размышлением мешало разное — то я был слишком занят или непреодолимо хотел спать, вымотанный происходящим, то был до того

ошарашен событиями, что не успевал переваривать массу новых впечатлений. Теперь я отчетливо сформулировал вопросы, которые мог бы задать себе и раньше, если бы поток событий тащил меня с меньшей силой. Какова сила противника — и в чем заключается эта сила, которая позволяет ему передвигать По, Анни и меня из мира в мир, как пешки на шахматной доске? Какого рода способностями обладает Лигейя? И, что для меня важней всего, почему мои странные встречи с По и Анни, которые прежде были случайными редкими эпизодами, вдруг изменили свой характер, частоту и в них появился такой надлом?

Механизм этих встреч я не понимал с самого начала, а потому и сейчас терялся в догадках, отчего видения приняли новый оборот. Особенно тревожила меня последняя встреча с Анни, после которой я очутился высоко на мачтовых снастях. Прежде мы встречались будучи одного возраста. Неужели само Время стало предметом зловещих манипуляций? Если это так, почему наступили такие крутые перемены?

Все эти вопросы, казалось, вот-вот прояснятся для меня — и тут я заснул. А проснувшись, я уже не помнил ответов. Разбудил меня корабельный колокол. Не будучи уверен, сколько раз он ударил, я вышел из каюты, чтобы узнать точное время.

У трапа курил сигару Дирк Петерс. Рядом с ним, в тени, стоял Эмерсон. Время от времени он протягивал лапу, брал сигару изо рта хозяина, самозабвенно затягивался — и возвращал сигару Петерсу.

— Да, мистер Эдди, пробило восемь склянок, — сказал Петерс. — Если ищете каюту капитана, то она он там.

Он указал мне направление рукой с дымящейся сигарой, которую Эмерсон тут же выхватил.

— Первая дверь? — спросил я.

— Нет, вторая... Я слышал, вам помогли спуститься с мачты. Но Эмерсон не видел, как вы туда забрались.

— Ну, тут он врет, — сказал я. Меня подмывало осведомиться, откуда у него эти сведения — уж не беседует ли он со своей обезьяной?

Петерс хихикнул.

— Извините, спешу, — сказал я. — Спасибо, нет

Последнее относилось с сигаре, которую Эмерсон любезно протягивал мне.

Капитан Ги приветствовал меня и поднял тост за мое здоровье, держа в руке крохотный стаканчик вина. Помощник кока расставил все необходимое на столе и удалился.

— Мистер Перри, — вновь наполняя стаканчики, сказал капитан, когда мы остались наедине, — предлагаю вам сразу после нашего обеда совершить путешествие по всему кораблю. Я буду вашим гидом.

— Спасибо, сэр. Стоит ли так утруждать...

— Уверяю вас, мне только приятно показать свое судно. Мистер Эллисон сказал, что вам будет нетрудно по мере необходимости указывать нам маршрут.

— Да, — согласился я, принимаясь за еду. Тут капитан посмотрел на меня до того пристально, что я счел нужным добавить: — Смею надеяться, что в этом отношении у нас не будет затруднений.

— Вы познакомились с этим таинственным месье Вальдемаром?

— Да.

— Он что — занимается вычислениями по звездам?

— Не уверен, — ответил я. — Впрочем, на эту тему мы с ним не беседовали.

— Просто я думал, что он вычисляет посредством малопонятных формул маршрут тех, за кем мы гонимся.

— Нет, — сказал я и снова занялся едой.

— Мистер Эллисон побеседовал с месье перед тем, как покинуть корабль. После чего приказал мне плыть к южной оконечности Европы. И сказал, что дальнейшие и более точный инструкции я смогу получить от вас — в нужный момент.

— Верно.

— Не нуждается ли в чем месье Вальдемар?

— Он мне ничего не говорил на эту тему.

— В его каюту не носят еду.

— Насколько я понимаю, он на особой диете. За всем следит госпожа Лигейя.

— Понятно. Но если что-нибудь нужно — только скажите, хорошо?

— Хорошо.

— Занятный он человек. Наверно, у него богатое прошлое, есть о чем рассказать.

— Наверное. Только пока он ничего не рассказал. Ну да все впереди.

Какое-то время мы ели в молчании, потом капитан спросил:

— Когда вы предполагаете дать мне дальнейшие инструкции касательно нашего маршрута?

— А когда они вам потребуются?

— Пока особой спешки нет.

— Когда возникнет необходимость — предупредите меня. Если я до той поры еще не буду в курсе конечной цели нашего путешествия через океан — постараюсь узнать.

Капитан вяловато улыбнулся и перевел разговор на темы погоды и возможности штормов на нашем маршруте. После обеда он выполнил свое обещание и показал мне весь корабль.

Вечером я долго наблюдал за развитием штormа. Сперва на юге гремело и горизонт освещали зарницы. А я стоял на верхней палубе, и надо мной в чистом небе сиял мириад звезд. Шторм понесся над волнами в нашу сторону словно гигантский паук. Вначале крепчающий легкий ветер после почти полного штиля, затем волны стали заметно выше и били о корпус корабля злее прежнего. Мало-помалу судно раскачивалось все больше, ветер задул порывисто, а раскаты грома становились все слышней. Звезды утонули в чернильной темноте, которую все чаще прорезали молнии.

Я гадал, что сейчас происходит в том мире, откуда прибыл я и где теперь находится бедняга По — пишет или занимается редактурой, а может, гибнет от алкоголя, к большим количествам которого его организм — организм жителя другого мира — не был приспособлен. Как там — тоже бушует шторм? Но тут прямо над кораблем ударила молния, за которой сразу же раздался оглушительный раскат грома. На палубу обрушился ливень — и как я ни спешил вниз, меня вымочило до нитки, пока я добрался до трапа.

В последующие дни я неотступно следовал своему обещанию — ежеутренне навещал месье Вальдемара.

Теперь, когда я был посвящен в тайну, не было смысла проводить сеансы в полной темноте. Лигейя зажигала пару плошек или масляную лампу и открывала винный ящик. Мрачные тени плясали по восковому лицу покойника. После нескольких месмерических пассов Лигейи над телом мертвец начинал стонать, охать, хныкать, подывать — стало быть, мы опять добивались внимания с его стороны. Обычно в процессе вызова месье Вальдемара меня тоже окатывали волны неизвестной энергии — словно струи воды протекали через тело.

Потом начинался диалог — с горестных стенаний оживающего мертвеца.

— Ради всего святого! Отпустите меня! Говорю вам, я умер! Неужели у вас нет сердца? Дайте моей душе отлететь!

Я довольно быстро отучился обращать внимание на его нытье и сразу задавал какой-нибудь простенький вопрос.

Наш очередной разговор протекал так.

— Скажите, пожалуйста, какая сегодня будет погода? — спросил я.

— Солнечно. Ветер будет дуть с юго-запада со скоростью тридцать узлов. После обеда короткий ливень. О-о, какое страдание, какая мука!..

— Короткий ливень никому не повредит, — сказала Лигейя. — Ну как, вам уже удалось сузить район поиска фон Кемпелена?

— Франция или Испания. Пока что не могу сказать точнее. Я прозябаю в ледяном пространстве, разделяющем материю и дух, — там плохо думается!

— В прошлый раз вы указывали на Королевство Нидерландов. Почему же сейчас — Франция или Испания?

— Вероятность его появления в Нидерландах резко уменьшилась. Говорю вам, я покойник, с меня взятки гладки!

— Не капризничайте. Я тоже плохо себя чувствую сегодня утром. Ответьте: Гризуолду, Темплтону и Гудфеллоу известно, что мы их преследуем?

— Разумеется. О-о-о, а-а-а...

— Что они замышляют против нас?

— Что-то наверняка замышляют. Но я не могу проникнуть в их мысли. Однако знаю точно — до сих пор они ничего не предприняли вам во вред.

Тут его нижняя челюсть бессильно отвалилась, заголяя ряд желтых зубов и вздутый синюшный язык.

— Быстрее! Быстрее! Или разбудите меня совсем или сделайте так, чтобы я заснул! Говорю же вам — я мертвый!

— Ладно, желаю доброго сна, — сказала Лигейя, проделала над ним несколько пассов и смежила его веки.

Иногда по утрам мы обсуждали другие вопросы.

— Доброе утро, месье Вальдемар, — говорила Лигейя. — Как вы себя чувствуете сегодня?

— О мука, о страдание! — начинал покойник, но я сразу же прерывал его стенания конкретным вопросом:

— Я много думаю над вопросом альтернативных миров. У меня такое впечатление, что существует великое множество параллельных миров, которые отличаются друг от друга иногда слегка, иногда довольно существенно.

— Не могу сказать, что вы не правы, молодой человек... Умоляю, отпустите меня с Богом. Дайте мне или жить, или умереть! Быть ни живым, ни мертвым — мука хуже смерти!

— И вот чего я не могу понять, — продолжал я, переждав его сетования, — каким образом можно перебросить человека из одного мира в другой.

— Для этого следует начинать с поиска исключительно похожих друг на друга личностей в параллельных мирах. Эта пара почти близнецов при сближении создает нечто вроде резонанса...

— А как отыскать вторую половину пары — в другом мире?

— Нужен особый детектор. Ради всего святого...

— Опишите такой детектор!

— Это человек, который и не жив, и не мертв, но обладает свойствами живого и мертвого. Именно он способен простираТЬ область поиска в параллельный мир...

— Описанный детектор подозрительно похож на вас.

— Так оно и есть.

— Вы хотите сказать, что именно вы принимали участие в нашей перекрестной переброске из мира в мир?

— Нет. Я только отыскал нужные личности.

— Выходит, это вы отыскали По, Анни и меня для Гризуолда и его шайки?

— Да, я.

— Каким образом?

— Словами этого не опишешь. Можно лишь осуществить. Ради всего святого...

— Дайте ему заснуть, леди Лигейя.

А вот еще один разговор — утром серого дня, когда море ревело вокруг корабля и палуба ходила ходуном под нашими ногами.

— Доброе утро, месье Вальдемар. Как дела?

— Заклинаю вас, леди, освободите мою душу, дайте упокоиться моим бренным останкам..

— Мистер Перри желает задать вам несколько вопросов.

— Это не займет и пяти минут, месье Вальдемар. Ваши слова, сказанные на днях, навели меня на некоторые мысли. Для нашего обнаружения шайка Гризуолда использовала вас. Но какая сила ответственна за наше физическое перемещение — подчеркиваю, физическое! — из мира в мир?

— Необходима была особенно могучая личность, способная создать нечто вроде метапространства, то есть места, где она могла бы в своем присутствии свести пару этих почти близнецов.

— Анни? Получается, что вы нашли нас, а Анни была движущей силой перекрестного переноса?

— Именно так. Если можете, дорогой сэр...

— Да-да, у меня нет больше вопросов...

Лигейя сделала нужные пассы руками и произнесла напоследок:

— Желаю приятно провести день, месье Вальдемар.

Когда она задвигала крышку ящика-гроба, корабль качнуло и крышка с грохотом упала на пол. Очевидно, я не совсем привык к говорящему покойнику, потому что этот грохот ударил по моим перенапряженным нервам и заставил меня смертельно побледнеть — до тех пор я искренне воображал, что эти беседы мне уже нипочем.

— Хотите чаю или настоя трав? — соболезнующе спросила Лигейя.

— Лучше настоя.

Однако на следующий день я пришел с новыми вопросами.

— Доброе утро, месье Вальдемар.

— Если жалость не совсем чужда вашим душам...

— Рада тому, что сегодня вы говорите столь четко.

Эдгар хочет спросить вас еще кое о чем.

— Да, — сказал я. — Я не понимаю, как можно было заставить Анни выполнить перемещение, о котором мы толковали в прошлый раз, если результат заведомо невыгоден для нее.

— Ее принудил к тому доктор Темплтон — опытный месмерист.

— И все же я не понимаю. Если ее искусство в этой области столь велико, как говорят, то как же человек с более слабыми способностями мог манипулировать ею? А если он обладал большими талантами, нежели Анни, почему они не обошлись без нее?

— Его способности — все равно что свет свечи против небесного светила. Однако он сумел совладать с ней, воздействуя на нее в самое уязвимое время — когда она была девочкой.

— Что вы говорите! Да разве подобное возможно?

— После того как ее обнаружили в пространстве, было нетрудно с помощью детектора направлять поток месмерической энергии доктора Темплтона в необходимый отрезок ее жизни.

— И в качестве фокуса такой энергии использовали вас?

— Верно.

— Стало быть, время для вас — преодолимый барьер?

— Время есть ничто как некое пространство — или пространства — между мирами. Проникать в прошлое легче, нежели в будущее.

Хотя на сей раз на море царил штиль, меня закачало — от его слов. Я пошатнулся и хотел ухватиться за край винного ящика, но промахнулся. Мои пальцы толкнули покойника в плечо. Оно было не мягче дерева.

— Бессмысленно колотить мертвеца, — уныло сказал месье Вальдемар.

— Простите, — сказал я, — это случайность.

Мое воображение рисовало мне мучительную картинку: играющих на берегу детишек. Но еще формулируя свой вопрос, я уже знал однозначный ответ на него.

— Хотите ли вы сказать, — спросил я, — что доктор Темплтон заставил Анни создать такие условия, которые повлияли бы на жизнь всех нас троих до такой степени, чтобы перемещение из мира в мир стало возможно?

— Да.

— Выходит, мерзкая алчность сознательно играла тремя жизнями — ради своих низменных интересов?

Ответа не последовало. Только тут я понял, что не произнес вслух этот последний вопрос. Громко я спросил другое:

— И все это было затеяно для того, чтобы в нужный момент Анни появилась здесь и была похищена? А коначная цель всего коварного плана — с ее помощью выследить золотодела и раскрыть его секрет?

— Да, в данный момент ее используют в качестве инструмента для поиска.

— Что вы имеете в виду, говоря «в данный момент»?

— Скоро им понадобится очень много денег. Поэтому в данный момент Анни используют как инструмент. Затем ей найдут другое применение.

— Какое именно?

— Ее сверхъестественные таланты будут отняты — и станут составной частью Великого Дела.

— А что станет при этом с ней самой?

— Ее принесут в жертву.

— Вы шутите!

— Покойники не шутят! — возразил он. — И повторяю, сэр, нет смысла бить мертвого человека! Лучше отпустите меня с миром!

— Катись в ад!

— Можно подумать, что я сейчас не в аду!

Я ощутил руку Лигейи на своем плече.

— Уйдите! — сказала она твердо.

Только тут до меня дошло, что я наполовину вытащил мертвеца из гроба и тряси его за плечо!

Вторая рука Лигейи скользнула над моим позвоночником, и я почувствовал волну тепла. Я разжал руки и дал месье Вальдемару упасть в ящик.

— Ухожу, ухожу, — пробормотал я.

Она уложила покойника как следует, прикрыла крышку и увела меня прочь.

Как бы то ни было, на следующее утро я опять стоял у открытого гроба. Ответы месье Вальдемара имели свойство порождать новые вопросы.

— Bonjour, Monsieur Valdemar.

— Леди, вы говорите с заключенным пыточного дома...

— В таком случае вы не посуетете, что мы отвлекаем вас — от пыток. У Эдди новая порция вопросов.

— Да, — сказал я. — Я как-то не решался спросить вас раньше, но скажите, пожалуйста, как ваши... э-э... останки попали к мистеру Эллисону. Ведь, судя по всему, вы были во власти Гризуолда, и он вас использовал в своих целях.

— Однажды ночью, не очень давно, мистер Петерс и Эмерсон ухитрились выкрасть меня.

— А Гризуолд знает, где вы?

— Да.

— И не пытался завладеть вами снова?

— Теперь у него есть Анни, и я больше не нужен.

— Она может делать все, на что способны вы?

— Моей проницательностью она не обладает, зато вполне удовлетворяет его нужду в астральном сознании.

— Кстати, каким образом он нашел вас — человека в очень особенном состоянии?

— А я не был в особенном состоянии, когда он меня нашел. Я был здоров и бодр.

— То есть?

— До встречи с ним я был жив-здоров.

— Стало быть, это он?..

— Да, он.

— Вы хотите сказать...

— Он довел меня до порога смерти.

— Простите за жестокие вопросы. Я не до конца понимал все происшедшее.

— Чем просить прощения, освободите меня. Дайте мне умереть.

— Увы, не могу. Вы нам нужны.

Я отошел от гроба и потупил глаза.

Лигейя обычным способом вернула месье Вальдемара туда, где он пребывал в промежутках между нашими утренними беседами. Мы задули свечи.

— Кофе? Или чаю?

— Чай.

Три дня я не беспокоил его. То налетали штормы, то устанавливалась ясная погода. Я почитывал книги из собрания Эллисона и баловался, делая кое-какие опыты при помощи его алхимического оборудования. От скуки я заглянул к капитану Ги, попросил провести меня в оружейную каюту и выбрал себе саблю для упражнений. Сперва я тренировался в своей каюте, а потом на верхней палубе — в часы, когда она была почти пустынна. Мне нравилось заниматься на свежем воздухе, тело просило упражнений. Да и хорошее владение саблей мне не помешает — тут мой благодетель совершенно прав. И я до седьмого пота рубился с невидимым противником: делал выпады, отступал, кидался вперед. И порой заслуживал аплодисменты самого терпеливого зрителя — Эмерсона, который наблюдал за мной с мачтовых снастей.

За всеми этими занятиями я не мог не думать о главном. Мысль моя нарабатывала новые вопросы к месье Вальдемару. И вот наступил час опять снять крышку винного ящика. Плошки коптили, месмерическая энергия струилась по каюте — и вскоре несколько стонов покойниказвестили, что контакт установлен.

— Доброе утро, месье Вальдемар!

— Есть хоть малая надежда на то, что сегодня вы дадите мне умереть?

— Боюсь, придется вас разочаровать, — ответил я. — Но постараюсь быть краток. Во-первых, у меня есть один вопрос общего характера. Из ваших прежних слов я не совсем понял: Анни заставили связать меня и По узами общности или она сделала это добровольно?

— По своей воле. Моей задачей было найти человека с ее уровнем сверхъестественных способностей, который уже установил такую связь между двумя мирами. Когда я нашел Анни, доктор Темплтон заставил ее создать королевство у моря.

— Но, сэр, вероятность обнаружения столь странного контакта была астрономически мала!

— Какая разница — ведь выбор был из бесконечно-го числа возможностей.

Лишь начиная с этого момента своей жизни я проникся уважением к концепции бесконечности, проблема коей в последующее время занимала много места в

моих размышлениях. А тогда любопытство понудило меня сделать еще шажочек к большему знанию.

— Каким образом человеческий ум постигает феномен бесконечности?

— Мертвые охватывают ее взглядом с высоты вечности, — ответствовал он. — И если уж мы заговорили о вечности, молю вас...

— Нет-нет, только не заводите старый разговор! — перебил я.

— Эдди! — обратилась ко мне Лигейя, ставя ударение в моем имени, как обычно, на втором слоге — по французской привычке.

— Да?

— Некоторое время вы наблюдали за моими действиями, а я столько же времени наблюдала за вами. Вы менее восприимчивы к алкоголю и месмерическим воздействиям, чем жители нашего мира. То есть обладаете большими возможностями по отношению и к одному, и к другому.

— К чему вы клоните?

— Мне было бы любопытно обучить вас кое-каким приемам моего искусства — посмотреть, что из этого выйдет. Можем начать с того, что вы попробуете вернуть месье Вальдемара в состояние покоя.

— Не думаю, что я могу одобрить это.... — начал было месье Вальдемар.

— А вы помалкивайте! — прикрикнула она на живого мертвеца, беря мои руки в свои. — Вам про это мало что известно!

— Я...

Первый же наш общий жест утихомирил его — при этом я почувствовал излияние из меня некоей слабой энергии.

— Отлично, — сказала Лигейя. — Лиха беда начало. Надо пробовать еще.

И я стал пробовать. Хотя мои попытки в последующие дни имели некоторый успех, они сопровождались некими досадными побочными эффектами. Например, как только я — под руководством Лигейи — начинал опробовать свои способности к животному магнетизму, раздавался звонкий стук внутри стен каюты. Такой же стук порой доносился снизу и сверху. Мебель начинала

разгуливать из угла в угол, а мелкие предметы то поднимались в воздух и зависали, то лопались или разлетались на кусочки.

На третий день наших опытов я сказал:

— Придется бросить это. Уж больно велик ущерб для состояния вашей каюты.

— Ваша сила нормальна для вашего мира, — сказала Лигейя. — Здесь она оказывается слишком велика. Возможно, не стоит больше искушать судьбу и экспериментировать на борту корабля. Океан глубокий.

После этого я бросил опыты в животном магнетизме, и операции с пробуждением и усыплением месье Вальдемара, как и прежде, стала проводить сама Лигейя. При первой же беседе он сообщил, что область поиска резко сузилась. Конечной целью нашего путешествия был теперь Париж.

...И обстоятельства его смерти были не менее загадочны, чем события во многих его рассказах. Его похоронили на балтиморском пресвитерианском кладбище — на участке, принадлежащем семейству По. На могиле не было даже таблички с именем — только номер 80, воткнутый могильщиком для памяти — чтоб можно было по регистрационной книге узнать, кто тут лежит. Через несколько лет Нейлсон По заказал каменную плиту на могилу кузена Эдгара. Однако эта плита была разбита еще в мраморообработочной мастерской, расположенной у железнодорожных путей, — товарный поезд сошел с рельсов и проломил стену. Второй попытки поставить могильный камень предпринято не было. Потомки хватились слишком поздно — табличка с номером восемьдесят давно пропала, да и само место фамильного захоронения семьи По затерялось.

Даром что никто не знает, где, черт возьми, почиют его бренные останки, существует внушительный памятник Эдгару Аллану По. И почти всегда накануне его дня рождения кто-нибудь да вспоминает о нем. У подножья памятника рядом с цветами в иной год появляется бутылка виски или набитое чучело ворона. Бодлер и многие его соотечественники сказали массу добрых слов об Эдгаре По, хотя и считали талантливым забулдыгой —

тем отчасти и нравился. Генри Джеймс отчаянно возражал французам, но вы его знаете — он всегда был занудой. По был тем писателем, кто, по выражению одного умного человека, занимает огромное особое место в литературе — и почти никакого в обыденном сознании потомков.

В этом году у подножья памятника опять стояла бутылка виски. Но он не выпил ни капли.

Глава 5

Однажды ночью мой сон был потревожен. Я до этого периодически ворочался, то полупросыпаясь, то засыпая снова, а в какой-то момент, похоже, слышал почти отчетливо звуки ноябрьского шторма. Мои сны были бессмысленной мешаниной людей и мест. В какой-то момент шторм унялся — я и не заметил когда. И вот наконец я забылся сладким крепким сном...

Но вдруг я обнаружил, что сижу на постели, прислушиваюсь и приглядываюсь к теням и жду, когда мое сознание наконец подключится, догонит встревоженные органы чувств, потому что я никак не мог взять в толк, что же именно заставило меня проснуться и вскочить. Мне чудилось — к комнате кто-то есть, но лунный свет, вливаясь через иллюминатор, ярко освещал каюту, да и мои глаза полностью привыкли к темноте.

— Кто здесь? — спросил я громко, поспешно опустил ноги на пол, встал на одно колено и нашарил под кроватью саблю, положенную туда с вечера.

Ответом была мертвая тишина.

Тут я заметил слабое сияние у стены, возле лабораторного стола. Я встал, подошел поближе и замер, когда понял, что это всего лишь висящее на стене небольшое зеркало в металлической раме — и оно повешено под таким углом, что отражает лунный свет.

Однако по пути к гардеробному шкафу я обратил внимание, что сияние остается равномерным и неизменным, хотя я двигаюсь. Шустро перебрав висящую в шкафу одежду и убедившись, что там никто не затаился, я направился к зеркалу — получше присмотреться.

Оказалось, что оно отражает отнюдь не лунный свет. В зеркале я увидел залитый дневным светом, но подернутый туманом морской берег. Мое собственное отражение было бледным пятном на клубах тумана. И там, на берегу, возле одного из наших песочных замков, стояла Анни — в том возрасте, в котором познакомилась со мной, совсем девочка. Звук, что заставил меня вскочить на кровати, очевидно, был ее криком о помощи, ибо сейчас я услышал внутри мрачного подземелья своей памяти раскатистое эхо ее горестного вопля «Э-э-эдга-а-ар!».

— Анни! — крикнул я. — Я здесь!

Однако она меня не слышала. Я продолжал наблюдать за ней, но мысль не подсказывала ни одного способа дать знать Анни, что я тут, рядом. Вдруг справа от нее в густом тумане появилась человеческая фигура — она двигалась медленно, враскачуку, очень неуверенно.

Я видел, как Анни повернулась к тому, кто приближался. Прежде чем я увидел его лицо, я угадал в этом человеке По. Но его внешний вид был большой неожиданностью для меня. Сорочка, хоть и из тонкого сукна, висит мешком. Какие-то безразмерные штаны. Он шел пьяной, шатающейся походкой и тяжело опирался на трость из ротанга. По казался намного старше меня: щеки обвисли, глаза мутные, взгляд ни на чем не задерживается. Сперва я даже подумал, что он под градусом. Однако, приглядевшись внимательнее, я увидел, что он просто очень болен. Это было лицо не пьяного, а человека, страдающего от жара. Анни кинулась к нему, но он двигался вперед так, словно не заметил ее. Когда она схватила его за руку, он внезапно рухнул на левое колено. Трость в руке описала широкий полукруг — и снесла несколько башенок песочного замка, проломила его стену. Какое-то мгновение он наблюдал за осыпью песка, потом перевел взгляд на Анни. Она порывисто обняла его, а уже в следующий момент он попытался встать. Не сразу, однако он все же встал — и двинулся дальше, прямо в мою сторону. Анни пошла за ним — хотя ее ротик несколько раз открывался, слов я не слышал. По подходил все ближе, ближе. Казалось, теперь он слепо смотрит мне прямо в глаза. Я ощущал его пристальный взгляд...

Мгновением позже его тело прошло через стену, голова — через зеркало, и он продолжал идти дальше, ни-

чем не показав, что обратил внимание на свой проход через стену. Его бессмысленный взгляд скользнул по мне не задержавшись.

— Эдгар! — вскричал я. — По! Дружище! Стой! Остановись и отдохни! Мы хотим помочь тебе!

Он остановился. Обернулся. Воззрился на меня.

— Демон! — прохрипел он. — Дух-двойник! Зачем ты преследовал меня все эти годы?

— Вовсе я не демон, — сказал я. — Я твой друг Перри. Мы с Анни хотим помочь тебе...

Он застонал, отвернулся от меня и двинулся вперед. Я шагнул к нему в тот момент, когда он достиг полоски лунного света из иллюминатора. Свет прошел через него, как через раскрашенное стекло. Он остановился, поднял руку, посмотрел на нее — и сквозь нее.

— Умер — и стал призраком, — сказал он. — Ведь я уже бесплотный дух.

— Нет, — ответил я, — вряд ли. Давай я позову Лигейю, и она...

— Я умер, — повторил По, игнорируя мои слова, и мое присутствие. — Но разве может бесплотный дух так страдать от болезни, как я?

Я приблизился к нему еще на шаг.

— Позволь мне попробовать...

Но тут рука его упала — и в следующий момент он исчез, весь, сразу, словно задули огонь свечи.

— По! — вскричал я.

Полная тишина. Я резко обернулся к зеркалу — теперь оно было темным.

— По...

Утром я тщетно гадал, был ли ночной драматический эпизод просто сном. Однако в руке моей, когда я проснулся, была по-прежнему зажата сабля. Я побрел к зеркалу и не увидел в нем ничего, кроме пытливовстревоженного выражения на своей физиономии. Интересно, не это ли зеркало Эллисон использовал в своих алхимических штудиях? Возможно, именно его эксперименты сделали это зеркало более подвластным тем неизвестным силам, которые вдоволь потешились сегодня ночью.

Чуть позже, во время очередного сеанса общения с месье Вальдемаром, я спросил, в каком состоянии ныне находятся узы, связывающие меня, Анни и По.

— Они неизменны — ни крепче, ни слабее, — последовал ответ.

— Тогда я ничего не понимаю, — сказал я. — Последние видения резко отличаются от прежних. Что-то все-таки происходит.

— Да, — ответил недоумерший. — Но при этом узы, вас связывающие, неизменны. Изменился просто характер свиданий.

— А что тому причиной?

— Дух Анни посажен в клетку — ее одурманивают наркотиками и месмерическим воздействием. Они нарушают ее восприятие, искажают идущие от нее энергетические пучки.

— Чем я могу помочь Анни?

— Ее настоящее начисто скрывает от меня ее будущее, — сказал месье Вальдемар. — Вероятностей слишком много, и я не вижу способа разрешить ситуацию к лучшему.

— Иными словами, она взывает о помощи, а способа помочь — не существует.

— По крайней мере в данный момент.

Я отвернулся, скрипнул зубами и мысленно разразился проклятиями.

— Выходит, мне остается только сидеть сложа руки! — с яростью произнес я.

— Я не вправе выносить моральную оценку ваших действий или вашего бездействия.

— Проклятье! Мне нужно одно — знать способ выручить Анни из беды!

— Сейчас для вас самое разумное — беречь себя. Вы должны быть целы и здоровы в тот момент, когда наконец представится возможность помочь.

— А такая возможность — представится?

— Вполне вероятно.

— А когда и где произойдет это «вполне вероятно»?

— Не знаю.

— Пропади оно все пропадом! — запричитал я. — Чтоб вам пусто было! Неужели вы не можете подсказать мне хоть что-нибудь полезное?!

— Могу, — сказал он после долгой паузы. — Когда события примут совсем ужасный оборот — знайте, кое-что может быть нереальным.

— Это слишком мудрено для меня, — сказал я. — Не понимаю ваших слов.

— Даже сейчас, — продолжал месье Вальдемар, — Темплтон и Гризуолд ищут способ превратить Анни в свое оружие.

— Анни? В оружие?

— Да. Коль скоро она способна перемещать людей из мира в мир, то не исключено, что она может проделывать с людьми и другие вещи.

— Например?

— Пока что с точностью не могу ответить. Но что бы ни случилось — помните, что вы обладаете способностью переносить без вреда для себя гораздо большие дозы яда и животного магнетизма, чем кто бы то ни было в этом мире... Умоляю, отпустите меня!

Я сам проделал необходимые пассы, возвращая его в царство покоя.

После этих пессимистических признаний месье Вальдемара я вдруг серьезно засомневался в его пользе для нашей экспедиции. Если он не в силах проникнуть в сознание постоянно одурманенной Анни, то какой от него вообще толк? И если он не подскажет способ ее спасти — мое участие в этой странной одиссее попросту лишено смысла. Ведь я пустился в путь единственно ради Анни!

В последнее время я коротал вечера за игрой в карты с Петерсоном. И вечером того дня за картами обсудил с ним сложившуюся ситуацию. Я откровенно рассказал все о себе и о затруднениях месье Вальдемара.

Во время нашего разговора Эмерсон неустанно шатался по каюте. Временами он застывал у меня за правым плечом. И тогда я замечал, что он подает своему хозяину какие-то знаки, и партия неизменно заканчивалась победой Петерса. Оба в свое время выручали меня из опаснейших положений, поэтому мне было негоже сердиться на них. Да и как я мог обвинить их в мошенничестве — нелепо даже предположить, что обезьяна может постичь карточную игру и что-то кому-то подсказывать! Однако я стал — от греха подальше — класть карты на

стол рубашкой вверх всякий раз, когда Эмерсон возникал за моей спиной. При этом я делал вид, что на время прерываю игру, дабы углубиться в подробности своего рассказа. Если Петерс и замечал мою уловку, она его только забавляла. Он проявлял живой интерес к моему рассказу и к мучившей меня проблеме.

В тот вечер, когда Эмерсон в очередной раз начал проделывать странные па за моей спиной, я отложил карты и поведал Петерсу о том, что месье Вальдемар находит действия Анни непредсказуемыми.

— Ха! — воскликнул он. — А вы делайте поправку на ветер!

— Простите?

— Если ветер дует слева — цельтесь чуть левей от цели и попадете точнехонько, куда нужно.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы задаете своему полупокойнику не те вопросы, — сказал Петерс. — Расспрашивайте его наобум обо всем, что касается этой вашей леди. А ветер отнесет ваши вопросы точно к цели!

Эмерсон больше не забегал мне за спину, и к концу игры — кажется, тогда пробило шесть склянок — каждый из нас выиграл примерно одинаковое количество раз. Но я получил даровой совет, который хорошенько обдумал перед сном. И к следующему утру у меня был целый ворох новых вопросов к месье Вальдемару.

В очередной раз пламя в плошках покачивалось и по каюте протекали струи месмерической энергии...

— Мне неловко опять беспокоить вас, — сказал я после того, как услышал привычную порцию стенаний, — но не могли бы вы подсказать, где находится в настоящее время фон Кемпелен?

— В Париже.

— А точнее?

— Определенной улицы назвать не могу. Эти сведения для меня недоступны.

— Почему?

— Гризуолд предугадал ваш вопрос и заранее принял меры, — сказал месье Вальдемар. — По его приказу Темплтон заставил Анни скрыть Париж от моего зрения.

— Наш пострел везде поспел! — в сердцах сказал я. — Этот тип проворен и заранее предвидит наши ходы... А

как насчет обычных, несверхъественных способов узнать местонахождение фон Кемпелена?

— У мистера Эллисона изрядное количество доверенных людей в Париже...

— Да, у меня есть их список.

— Один из людей Эллисона дежурит в парижской гавани и узнает «Ейдолон», когда тот причалит к берегу. Он сведет вас со всеми нужными лицами.

— Боюсь, мы сможем доплыть только до Гавра, который находится в устье Сены, — сказал я. — Корабль нашего размера не сможет подняться вверх по реке до Парижа. Придется ехать из Гавра в дилижансе...

— Сможет, — сказал Петерс. — Попросите того, кто встретит нас в порту, свести вас с неким месье Дюпеном, который тоже сотрудничает с мистером Эллисоном. Этот Дюпен найдет фон Кемпелена хоть под землей.

— Гризуолд также отыщет фон Кемпелена — мы проследим за ним, и он выведет нас на Анни!

— Такой вариант событий возможен. Но я уже говорил, настоящее Анни полностью скрывает от меня ее будущее.

— Что ж, поправка на снос ветром более-менее сработала, — сказал я.

Поблагодарив бедолагу, я вернул его в состояние покоя.

Позже я извлек из тайника список французских сотрудников мистера Эллисона. Среди них числился и Дюпен — Сезар-Огюст Дюпен, проживающий в доме номер тридцать три на Рю-Дуно в предместье Сен-Жермен. Рядом была приписка: «В высшей степени надежен, первоклассный ум, даром что поэт и большой чудак».

Капитан Ги заверил меня, что он не раз плавал на «Ейдолоне» во Францию и поднимался по Сене до самого Парижа, так что затруднений не предвидится.

Теперь во время своих сабельных экзерсисов я размышлял о фон Кемпелене и его драгоценном секрете. Я исходил из того, что Анни непременно укажет местонахождение ученого, а Гризуолд ухитрится первым найти его. Когда я столкнусь лицом к лицу с фон Кемпеленом — а этот момент рано или поздно наступит, — что я ему скажу, какие аргументы выдвину? Краем глаза я видел, как откуда-то на палубу вышел Эмерсон и остановился

понаблюдать, как я атакую невидимого врага. Итак, предложит ли Гризуолд фон Кемпелену деньги в обмен на его секрет? Или попробует вырвать секрет пытками? Нет, скорее, станет торговаться. Процесс получения золота из свинца длительный, сложный — им трудно будет обучиться, даже если они заставят фон Кемпелена показать все этапы преобразования. Необходима добровольная помощь алхимика.

Но что можно предложить человеку, который умеет делать золото считай что из грязи?

Хитрый вопрос. Очень вероятно, что процесс получения золота требует дорогого оборудования и дорогих ингредиентов. Так что производить золото в большом количестве может оказаться делом недешевым. И тут Гризуолд способен пособить фон Кемпелену, равно как и выполнить и другие пожелания ученого. Вытираясь полотенцем после упражнений с саблей, я размышлял, подействует ли на алхимика призыв не подрывать стабильность мирового рынка золота. Это хоть менее абстрактно, чем указание на этическую недопустимость производства избыточного количества золота. Нет, лучше всего продемонстрировать фон Кемпелену всю низость Гризуолда. Но сработает ли?.. Откуда мне знать — может, в натуре самого фон Кемпелена предостаточно низменных черт и чужая подлость нисколько не отталкивает его, благо есть возможность ею воспользоваться.

Натягивая на себя сорочку, я попытался представить, как бы отреагировал на данный вопрос Сибрайт Эллисон. Не колеблясь ни секунды с ответом, он бы, наверное, расплылся в добродушной улыбке: «Секреты умирают вместе с людьми». Но я не собирался лишать жизни кого бы то ни было ради сохранения стабильной цены на золото. Что же мне остается?

Вернувшись в свою каюту, я достал из тайника рекомендательные письма и задумался над ними. Похоже, при необходимости можно раздобыть внушительную сумму денег. Хотя я и не хочу, чтобы распра между моим нанимателем и Гризуолдом дала возможность фон Кемпелену заломить побольше за свой секрет, делать нечего — простейшим решением будет предложить больше Гризуолда. Так я и решил в конце концов: сперва покажу гнилое нутро Гризуолда, а если это не подейст-

вует, попробую переманить фон Кемпелена щедрыми посулами.

На палубу я вернулся с меньшим грузом на душе. Наконец-то у меня были кое-какие точные сведения и более или менее сносный план.

День стоял ясный, дул свежий ветер, светило солнышко, и до обеда оставалась одна склянка. Весело надувая паруса, ветер гнал нас к французскому берегу.

Извилистая Сена неторопливо несла свои воды в юго-восточном направлении. Под свинцовым ноябрьским небом наш корабль медленно пробирался среди многочисленных судов и суденышек. На последнем отрезке пути нас буксировал небольшой паровой катер. На берегу стояли голые деревья. Вода была серой.

В это время года тут было трудно отличить сумерки от дня. Я стоял на палубе в полумраке и наблюдал за движением темных масс вокруг. Светало, но солнце пряталось за сплошной пеленой облаков. Мосты, мельницы, крестьянские телеги снуют по дорогам. Дома подрастают, их становится все больше и стоят они все ближе друг к другу...

— Еще несколько часов, и вы, мистер Эдди, проверите свое умение парлякать, — раздался рядом голос незаметно подошедшего Петерса. Я покосился на тень на палубе — Петерс был без своего мохнатого сиамского брата.

Я отрицательно мотнул головой.

— Боюсь, мой французский в жалком состоянии. А вы тут бывали?

— Несколько раз — по поручению мистера Эллисона.

— Знаете языки?

— И да, и нет.

— Что вы имеете в виду?

— Я уже говорил, что мой папаша был вояжером — в районах, где жили французы. Пока мы были вместе, я поднабрался у него французского, но потом перенял от некоторых своих знакомых парижское арго, язык голодранцев и шпаны. Так что понимать кое-как понимаю, а вот когда открываю рот — порядочные французы шарахаются в сторону и понимают, что мне доверять нельзя.

— Вы хотите сказать, им кажется, что вам нельзя доверять?

— Нет, они понимают, что мне доверять нельзя.

— О-о!..

Он рассмеялся, я подхихикнул в тон ему, но в душе задумался над его словами.

Мы бросили якорь и ошвартовались в парижской гавани ближе к полудню.

В порту было шумно, много движения, пахло пряностями и какой-то гнилью. Я сказал капитану Ги, что спущусь на берег в сопровождении Петерса сразу после того, как корабль причалит к берегу. Капитан возразил, что нам предстоят некоторые таможенные формальности, — он проследит, чтобы они не затянулись, а мы пока успеем пообедать.

Мы с Петерсом так и поступили, спустились в кают-компанию и неспешно занялись трапезой.

Тем временем матросы, перекрикиваясь, спустили с корабля трап, а через некоторое время к нам подошел капитан Ги.

— Эдгар, — сказал он, — вас не затруднит пройти со мной? И прихватите Петерса.

Я хотел было спросить, что за срочность, но он поймал мой взгляд и приложил палец к губам. Я кивнул, вскочил из-за стола и последовал за капитаном. Петерс двинулся за нами, а у трапа к нам присоединился невеста откуда взявшийся Эмерсон.

Капитан Ги привел нас в свою каюту, где находилась невысокая худая брюнетка в элегантном, но неброском наряде. Тепло улыбаясь нам, она встала с широкого кожаного кресла.

— Знакомьтесь, — сказал капитан Ги, — это мисс Мари Роже, одна из сотрудниц мистера Эллисона. Она поджидала наш корабль на пристани.

Я удивился: каким образом Сибрайт Эллисон, ничего не зная о конечной цели нашего путешествия, известил ее о нашем прибытии? Брюнетка тут же разрешила мой незаданный вопрос. Оказывается, эллисоновский агент в Гавре незамедлительно оповестил парижских коллег о том, что судно хозяина поднимается вверх по Сене. Было решено послать на яхту Мари Роже, чтобы узнать, не нужна ли какая помощь от парижской агентуры.

Эмерсону она, похоже, пришлась по душе. Разговаривая с нами, Мари Роже несколько раз погладила его, словно он был большой собакой. Это очень понравилось орангутангу, и он стал резвиться, бегая из угла в угол, пока Петерс не прикрикнул на него, после чего Эмерсон мигом спрятался под столом.

— Итак, если вам что-либо нужно — я к вашим услугам, — закончила милая брюнетка.

— Замечательно, — сказал я, — не премину воспользоваться вашим предложением. Мы разыскиваем ученого по фамилии фон Кемпелен. Точнее говоря, мы преследуем того, кто разыскивает фон Кемпелена. Что, впрочем, то же самое...

— Нужного вам человека видели в Париже, — сказала она, перебивая меня. — Здесь, на континенте, его считают персоной, за которой следует внимательно следить. Так что мы сможем оказать вам некоторую помощь в данном вопросе. А теперь продолжайте, пожалуйста.

Я поведал ей о похищении Анни и других проделках Нечистой Троицы, а также о вероятном открытии способа превращать свинец в золото. Я ничего не сообщил о самом себе, о своем переходе в этот мир, равно как и о месье Вальдемаре. Я счел, что это не относится к делу.

— Перед вашим приходом, — закончил я свой рассказ, — мы планировали спуститься на берег и разыскать месье Дюпена.

Она одобрительно кивнула.

— Правильный выбор. Я работала с этим человеком и высоко ценю его блестящий ум и безупречную порядочность. Хотя я не беседовала с ним касательно открытия фон Кемпелена, вероятно, он больше моего знает об этом деле. Могу проводить вас к нему.

— Он живет по-прежнему в доме тридцать три по Рю-Дуно? — осведомился я.

— Верно.

— Когда мы сможем повидаться с ним?

— Очень вероятно, что он сейчас дома. Дело настолько серьезно, что мы можем явиться к нему без предварительного соглашения.

— Тогда давайте направимся к нему немедленно, — предложил я.

— Отлично, — сказала Мари Роже. — Если у него нет нужных нам сведений, он все разузнает — притом очень быстро. Его аналитические способности вошли у нас в легенду.

Мы с ней направились к двери, но капитан Ги остановил нас, указав на Эмерсона, который выпрыгнул из-под стола и бесшумной тенью увязался за нами. Такой сопровождающий мог вызвать нежелательный ажиотаж на улицах, поэтому Петерс приказал орангутанг пока оставаться в каюте капитана, а сам вышел с нами.

Мы спустились по трапу на причал, миновали портовых рабочих, которые перетаскивали мешки и ящики с товарами, и пошли по малолюдной улице мимо дешевых магазинчиков и таверн.

— В этом нищем районе наемного экипажа не найти, — сказала Мари. — Придется немного пройти пешком до более респектабельных кварталов.

Я согласно кивнул. Меня забавляло, с каким апломбом коротышка Петерс шествует по парижской улице — слегка раскачиваясь по корабельной привычке.

— Надеюсь, я смогу уговорить вас стать нашей переводчицей на все время нашего пребывания в Париже, — обратился я к Мари. — Все ваши расходы и потраченное время, разумеется, будут оплачены.

— С удовольствием, месье Перри, — сказала она.

— Называйте меня просто Эдгар.

— Славное имя — Эдгар. Повернем здесь, Эдгар.

Мы повернули в переулок, по которому медленно двигалась телега старьевщика. Сам старьевщик с грязным мешком за спиной забирал что-то, выставленное у порога каждого дома. Издалека слышалась ритмичная песня работников, занятых какой-то тяжелой ручной работой. На мостовой среди луж виднелись знакомые лошадиные яблоки, не менее вонючие, чем у нас в Америке.

Переулок вывел нас на широкую оживленную улицу с множеством экипажей и телег, а также всадников и пешеходов.

— Вот тут мы непременно найдем свободный экипаж, — сказала Мари.

Пять минут спустя мы проходили мимо цветочного киоска, возле которого толпилось много народа — одни

беседовали, другие рассматривали стойки с букетами из засушенных цветов. Когда мы миновали этот киоск, из-за следующего, где продавались дешевые ленты, вышел немолодой мужчина. На мгновение я встретился с ним глазами — в его пристальном взгляде мне почудилась безумная искорка, и я сразу насторожился. Одет он был очень бедно, лишь на левой руке блестело дорогое кольцо. Но что это? У стариких не такая кожа на руках! В этот момент мнимый старик метнулся ко мне, поднимая от бедра правую руку со стальным лезвием.

Я был готов к неожиданности — шагнул ему на встречу, предплечьем своей левой руки парируя руку с ножом, а кулак правой руки направил противнику в солнечное сплетение. Тот вовремя отшатнулся, и мой удар не достиг цели. Но мнимый старик охнул и дернулся, словно я действительно попал ему в солнечное сплетение. Только спустя несколько мгновений до меня дошло, что одновременно с моим неудачным ударом Петерс жахнул нападавшего по почкам. Выронив нож, оборванец кинулся прочь. Я хотел бежать за ним, но Мари ухватила меня за рукав.

— Мерзавец из местной шпаны, — сказала она. — Я вижу его не первый раз в этом квартале. К вечеру мы узнаем, кто его хозяин.

Тем временем мнимый старик уже скользнул в узкий проход между домами и был таков. Я пожал плечами и ногой отшвырнул нож футов на восемь. Петерс с ухмылкой в свою очередь наподдал нож, и тот пролетел еще футов шесть-семь. Так мы и пошли вперед, гоня перед собой злополучное оружие, пока не нашли свободный насыпной экипаж.

По пути Мари наскоро знакомила меня с расположением улиц и давала первый урок французского, вбивая мне в голову необходимейшие фразы. Громыхая, наш экипаж какое-то время катил по улицам сен-жерменского предместья. Серое небо окропило нас мелким дождичком, который длился не больше пары минут. На холмах и между деревьями вился туман.

Вскоре мы ехали по Рю-Дуно. Экипаж остановился у причудливого ветхого особняка. Его изначально величавый вид навел меня на мысль, что тут живет обеднев-

ший аристократ, но тут я увидел табличку с номером. Это был тот самый дом, что мы искали.

— *C'est le maison de Monsieur Dupin?* — спросил я, баухвалясь своим французским.

— *La maison*, — поправила она.

— И все-таки — мы на месте?

— Конечно же.

Она расплатилась с возницей, и мы спустились на мостовую. Экипаж затарахтел прочь, а Мари вместе со мной и Петерсом подошла к двери и дернула шнурок колокольчика. Невдолгे дверь распахнулась. На пороге стоял элегантного вида холеный молодой мужчина — явно не слуга. Мари заговорила с ним, и в течение нескольких минут они беседовали стремительной французской скороговоркой. Наконец он обратил внимание на нас с Петерсом.

— Простите, — сказал он неожиданно сочным тепором, — нам следовало побыстрее обменяться важной информацией. Стало быть, вы ищите фон Кемпелена? Милости прошу, проходите.

Мужчина посторонился, пропустил нас внутрь и закрыл дверь.

— Сюда, господа.

В коридоре пахло плесенью и царил полумрак. Паркет скрипел под ногами. Хозяин повел нас мимо сумрачных комнат, уставленных старинной, чтобы не сказать просто очень старой мебелью. Мы шли, шли, пока наконец не добрались до рабочего кабинета, который был освещен немного получше, однако обставлен не менее ветхой мебелью. Нас приветствовал поток ругательств, произнесенных очень странным голосом — такой может быть у домового.

— И ты иди туда же, приятель! — огрызнулся Петерс, замотав головой в поисках обидчика.

— Грип, уймись! — приказал Дюпен. — А теперь слушай! Повторяй за мной: Карл для Клары устроил пожары!

— Бац! — произнес тот же голос домового, который, как я теперь определил, принадлежал ворону, восседавшему на полке над дверью. Это «бац» сопровождалось звуком, напоминавшим шипение только что открытой бутылки шампанского.

— Больше никогда, Грип! Больше никогда не смей ругаться! — прикрикнул Дюпен.

— Бац! — повторила птица, после чего разразилась потоком таких ругательств, какие я, даром что провел много лет в казармах, слышал только пару раз — от арканзасского погонщика мулов, который при случае поминал много вещей и желал многим людям и предметам заиметь чесотку в промежности.

— Больше никогда! — повторил Дюпен.

— Je m'en fiche, — сказал ворон.

Мой скучный французский позволил мне понять, что он сказал «плевать».

Дюпен усадил нас на стулья, обтянутые золотистым с крупными розовыми цветами штофом, вычурные и очень красивые — и, увы, крайне неудобные. Затем он предложил нам вишневую наливку.

— Я сам пописываю стихи, — признался хозяин, — и мне доставляет удовольствие обучать птицу стихотворным строкам. На беду, ее прежние владельцы пользовались в присутствии Грипа, скажем так, опрометчивым языком. От них он понабрался всякого ненужного...

Я воздержался от вопроса относительно прежнего местожительства ворона.

— Этого отменного говоруна продавали дешево — вот я и не удержался, — сказал Дюпен. — Ну а теперь касательно фон Кемпелена. Мне известно, где он сейчас. Я всячески стараюсь быть в курсе того, где останавливаются разные заезжие знаменитости. Но ваша цель, как я понимаю, намного сложнее, чем просто найти фон Кемпелена.

— Вы верно поняли, — сказал я. — По слухам, этот человек овладел способом превращать неблагородные металлы в золото.

Дюпен расплылся в улыбке.

— А-а, ясно. Кто только — в разные века — не претендовал на это открытие!

— Есть резоны на сей раз поверить. Фон Кемпелен хранит молчание по поводу сути своего открытия. Как бы то ни было, его высматривают три больших мерзавца, желающие завладеть секретом.

— Честным путем или обманом?

— Предположительно, честным путем. Этот алхимический процесс настолько сложен, что никаким обманом все подробности не вытянешь. Даже знание всех деталей бесполезно для людей неопытных. Слишком много тонкостей. Поэтому мне кажется, они постараются заключить с ним более или менее честную сделку.

— А какова все-таки ваша конечная цель? — спросил Дюпен.

Я глотнул сладкой наливки и решил быть откровенным.

— Моя цель отличается от цели моего покровителя, — сказал я. — Сибрайт Эллисон хочет пресечь возможную сделку, дабы на мировой рынок не было выброшено огромное количество золота, что подорвет его финансовое могущество, поскольку он проводит крупные операции с желтым металлом.

— Дело даже не в том, — заметил Дюпен, — что наш покровитель понесет огромные убытки в случае выброса на рынок невиданных партий золота. Вы только припомните, какой вред нанесли Испании мексиканские и перуанские сокровища. Все проблемы этой страны — начиная чуть ли не с инквизиции и до нынешней бестолковой войны — уходят корнями в бесконтрольный и в итоге губительный приток огромного количества дарового золота, что делало лишним правильное и кропотливое развитие разветвленной экономики... И как далеко готов мистер Эллисон зайти для предотвращения возможных неприятностей?

— Я бы выразился так: очень далеко, — сказал я, припоминая намеки Эллисона на то, что меня ждет изрядная награда, если я навсегда упрячу Гризуолда, Темплтона и Гудфеллоу под землю.

— А не хочет ли он предложить за секрет больше конкурентов?

Думая о фантастических суммах, доступ к которым открывали мои рекомендательные письма, я решительно кивнул.

— Мне даны весьма широкие полномочия, — сказал я, — а также открыт доступ к большим финансовым средствам. Так что я не исключаю подкуп. Что вы думаете по этому поводу?

— Я проведал, что фон Кемпелен совсем недавно и не один раз встречался с тремя иностранцами — судя по всему, американцами. Из чего я заключаю, что они ведут переговоры. С другой стороны, я более чем уверен, что он относится к ним с величайшей подозрительностью. Да ему и следует в данных обстоятельствах относиться очень настороженно — ко всем без исключения.

— Тут не может быть двух мнений.

— И его подозрительностью можно воспользоваться.. — вслух размышлял Дюпен. — Но объясните прежде, что вы имели в виду, говоря: «Моя цель отличается от цели моего покровителя».

— Он стремится не допустить сделки, дабы оградить свои финансовые интересы. А меня интересует леди, которую Гризуолд похитил и держит пленницей. Она обладает некоторыми особыми психическими способностями, которые Гризуолд пока использует для выслеживания фон Кемпелена, а в будущем собирается найти им еще худшее применение. У него самые зловещие планы — и в результате она может погибнуть.

— А-а! Тут замешана женщина! — Дюпен наклонился ко мне и потрепал меня по руке. — Понимаю, понимаю.

— Да, отчасти тут замешана женщина, — сказал я. — Но я бы очень удивился, если бы даже француз сумел разобраться в наших очень особенных взаимоотношениях.

— Вы до предела возбудили мое любопытство! — воскликнул Дюпен. — Прошу вас, расскажите мне все.

И я поведал ему все. Забывшись, я выпил за время рассказа целых четыре стаканчика наливки. И то, что у меня не начался приступ белой горячки, возможно, стало лишним доказательством моей правдивости.

— Да, — промолвил мой собеседник, кивая, — все это не кажется сложным тому, кто знаком с германскими философами, особенно с трудами Лейбница. Скажем, понятие о множественности миров...

— Дерьмо! — закричал Грип по-французски, перелетая с полочки над дверью на плечо Дюпена. Затем тоже повторил на немецком, русском и итальянском. — Scheisse! Говно! Mierda!

— Замолчи, Грип! — приказал Дюпен. — Как я уже говорил, альтернативные уровни реальности нетрудно

представить, если знать постулаты проективной геометрии Дезарга в свете незавершенных работ Гаусса по вычислению вероятностей...

Мари Роже кашлянула и встала.

— Извините меня, — сказала она, — но я жду дальнейших инструкций. Если их не будет, то я покину вас, чтобы расследовать обстоятельства покушения на мистера Перри.

— Да, и я как раз собирался предложить вам несколько линий расследования.

Мари произнесла несколько слов по-французски, и Дюпен встал. Глядя на меня и Петерса, он сказал:

— Простите меня, господа. Я должен проводить ма-демуазель.

Он покинул рабочий кабинет вместе с вороном на левом плече, по пути переговариваясь с Мари Роже на французском.

— Вы понимаете все, про что он толкует? — спросил Петерс, когда мы остались одни. — Про всяких там германских философов и прочие сложные материи?

Я пожал плечами.

— Похоже, он превращает разговор в заумный диспут.

— Давайте попробуем переменить тему, когда он вернется, — сказал Петерс. — Птица по справедливости обложила его последними словами.

Когда спустя несколько минут Дюпен вернулся, ворон, успевший переместиться с его левого плеча на правое, возился на меня и Петерса, потом оглянулся на хозяина и громко спросил: «Где я?»

— Так вот, касательно фон Кемпелена... — быстро подсказал я Дюпену, чтоб он не занялся снова теоретизированием.

— Ну да, — сказал он, — это изобретатель так называемого шахматного автомата. Разумеется, сей автомат не более чем надувательство, ибо машина не может играть в шахматы — это процесс умственный, а не механический.

— Наверное, — согласился я.

— Скажу больше, — продолжал Дюпен, воодушевляясь, — если такой автомат будет создан, он обречен всегда побеждать человека. Как только изобретут прин-

цип создания машины, способной играть в шахматы, дальнейшая разработка того же принципа приведет к тому, что автомат будет выигрывать сперва иногда, а потом, по мере развития все того же принципа, — постоянно!

— Э-э... — вмешался я, — дело в том, что нас интересует преимущественно его алхимическое открытие.

— Ах да, простите, — согласился мой собеседник. — Алхимия — чудесная научная дисциплина. Я...

— Нам предстоит завоевать доверие фон Кемпелена до такой степени, чтобы он по своей воле признался нам хотя бы в действительном существовании своего изобретения. Как, по-вашему, лучше всего приступить к этому сложному делу?

— Хм... Я вижу несколько возможностей, — сказал Дюпен. — В жизни чаще всего срабатывают простейшие уловки. Вот и придумаем что-нибудь простенькое. Скажем... скажем... Ну, например, вы — путешественники из Америки, которые случайно увидели и узнали его на улице. Вы идете к нему домой, якобы желая побеседовать с прославленным изобретателем шахматного автомата. Чтобы не получить от ворот поворот, один из вас может предложить пари на большую сумму, что он победит шахматный автомат. Насчет денег беспокоиться не надо, потому что если эта партия на пари и начнется, то закончена не будет.

— Почему? — удивился я.

— Вы появитесь у него дома сегодня в восемь вечера. До этого я переговорю с нашим полицейским префектом Анри-Жозефом Жиске — он мой должник, в свое время я оказал ему немало услуг. Префект позабочится о том, чтобы вечером поблизости от дома, где живет фон Кемпелен, не оказалось ни одного полицейского. Он же отрядит со мной несколько разбойников из числа тех, кто чем-либо обязан ему. По моему приказу эти головорезы в девять вечера ворвутся в дом — якобы с целью грабежа и насилия. Вы со своим другом окажете им ожесточенное сопротивление и вынудите бежать. Это неизбежно породит симпатию к вам со стороны фон Кемпелена — он сообразит, что вы хорошие защитники, и постарается удержать при себе. А вы продолжайте восхищаться его талантами и пользуйтесь случаем покрепче сдружиться с ним. Через денек-другой можете

завести разговор на интересующую вас тему. При необходимости раскройте черные замыслы Гризуолда и иже с ним — и пообещайте лучшую плату.

Я покосился на Петерса. Он одобрительно кивал.

— Недурственный план, — сказал он. — Сойдет для начала. А главное, мы не будем топтаться на месте — раз-раз, и в дамках!

— А я тем временем, — продолжил Дюпен, — побеседую с министром, моим однофамильцем. Наше сходство с ним кончается фамилией. Этот Дюпен ужасный позер, но позер с положением в обществе. Он должен быть в курсе того, не вел ли фон Кемпелен переговоры с французским правительством относительно выхода из нынешнего финансового кризиса путем получения от него невероятного количества золота. Словом, если министр хоть что-нибудь знает об этом деле, я вытяну из него все — быть может, это как-то поможет вам, прольет свет на ситуацию и уяснит ваши перспективы.

— Будем весьма благодарны за ваши хлопоты.

Дюпен взмахнул рукой, от чего Грип растопырил крылья и издал шипящий звук.

— Бог с ней, с благодарностью. Деньги мне сейчас нужней благодарности. Я составлю счет, в котором подробно перечислю все свои услуги... Кстати, нельзя ли получить небольшой аванс уже сегодня?

— Конечно, — сказал я. — Днем я намерен заглянуть в один банк, к владельцу которого у меня имеется рекомендательное письмо. Мне и самому нужны деньги на непредвиденные расходы. Подскажите мне адрес фон Кемпелена — желательно бы набросать карту — и назовите нужную вам сумму денег. После этого я немедленно отправляюсь в путь.

Дюпен перешел за небольшой письменный стол и взял листок бумаги и перо.

— Если по завершении дневных дел, вы намерены вернуться на «Ейдолон», я пошлю к вам человека — получить мой аванс и сообщить, готово ли все к нашему вечернему спектаклю.

— Замечательно, — сказал я, когда он провожал меня к двери. — Через несколько часов мы вернемся на борт корабля. Еще раз огромное спасибо.

— Всегда к вашим услугам, — ответил Дюпен. — Кстати, не одолжите пока двадцать франков?

— С удовольствием, — сказал я, вручая ему банкнот из пачки, найденной в тайнике Эллисона.

— Отдам в ближайшее время, — сказал он.

— Никогда, — скрипуче изрек ворон, и дверь закрылась за нашими спинами.

Вечером, одевшись потеплее, чтобы защититься от холодного ветра, мы с Петерсом направились на розыски дома, где жил фон Кемпелен. События могли повернуться всяко, и потому Петерс настоял на том, чтобы мы прихватили с собой Эмерсона. Но парижанам было невдомек, кто сопровождает нас, ибо Эмерсон следовал за нами по крышам, невидимый в темноте. Только собак было не провести. Вой и лай сопровождал нас на всем протяжении пути.

Петерс весело насвистывал, а один раз хохотал до колик, когда группа бродячих собак завидела орангутанга на крыше и устроила такой концерт, что женщина, идущая нам навстречу, перекрестилась и прибавила шагу.

Через продолжительное время мы наконец оказались в нужном квартале и нашли нужный дом, на котором красовалась надпись «Порт-д'О». Одно из окон последнего этажа было освещено — похоже, именно в той квартире, где жил фон Кемпелен.

— Я бы на его месте нашел себе берлогу понадежней, — проворчал Петерс. — Когда твоя башка стоит цеплое состояние, надо быть поосмотрительней!

— Он старается не привлекать к себе внимания, — сказал я.

— Для этого не обязательно забираться под крышу, — буркнул Петерс.

Дверь открыл консьерж. Петерс выпалил в него длинной фразой на арго, тот что-то ответил, однако в дом нас не пустил, загораживая проход своим дородным телом. Выглядел он несколько перепуганным. Да и было с чего испугаться — за нашей спиной был полукруг надсадно лающих собак.

— Porquoi les chiens aboient-ils? — спросил он.

— Je suis loup-garou, — ответил Петерс на своем ломаном французском. — Je veux Von Kempelen.

Консьерж недоверчиво взирал на нас. Петерс опять хохотнул — дико, зловеще. Консьерж криво улыбнулся и пропустил нас.

— Trois? — спросил Петерс через плечо.

— Oui, — сказал консьерж, не потрудившись добавить «месье».

— Мерси, — сказал я, чтобы хоть немного блеснуть знанием французского.

Мы поднялись по бесконечной лестнице между высокими этажами и постучали в нужную дверь. Ответом было молчание. Мы подождали с полминуты, потом постучали громче.

Через минуту пришлось стучать в третий раз, и я вдобавок закричал:

— Господин фон Кемпелен! Мы пришли по важному делу, которое, я уверен, заинтересует вас! Вы не зря потеряете время!

Дверь скрипнула и чуть-чуть приоткрылась. На нас недоверчиво уставился большой голубой глаз.

— Ja? — спросил его владелец.

— Мы американцы. А вы, как я понимаю, изобретатель знаменитого шахматного автомата?

— Ну и что? — спросил фон Кемпелен. — Если я тот изобретатель — что дальше?

Я вынул из кармана пачку долларов, также найденных в тайнике Эллисона, и потряс ими перед алхимиком.

— Я представитель балтиморского шахматного клуба. Ставлю тысячу долларов на то, что обыграю вашего механического болвана.

Дверь приоткрылась шире, и мы смогли разглядеть фон Кемпелена. Это был пухлый человечек небольшого роста с песочными волосами и бакенбардами того же цвета. У него был внушительный римский нос и большие глаза навыкате — мне говорили, такие бывают у тех, кто страдает от особого нарушения деятельности щитовидной железы. Половина его лица была в мыльной пене, а в руке он держал бритву.

— Мне очень жаль, господа, — сказал он, — однако в данный момент машина не готова к работе.

— Ах, какая досада! — воскликнул я. — Все члены клуба с таким нетерпением ждали этого состязания, столь многое с ним связывали! А сколько времени нужно, чтобы аппарат заработал? Возможно, пока успею сходить в отель, чтобы принести еще денег...

Неожиданно дверь распахнулась полностью — очевидно, фон Кемпелен наконец принял окончательное решение относительно нас.

— Проходите, господа, — сказал он.

Когда мы зашли в комнату, изобретатель указал на пару продавленных стульев.

— Присаживайтесь, господа. Я как раз собирался заварить чай. Если желаете, присоединяйтесь ко мне.

— Спасибо, — поблагодарили я, и мы с Петерсоном направились к указанным стульям.

Фон Кемпелен, положив бритву на туалетный столик, вытирали лицо полотенцем и внимательно разглядывал наши отражения в зеркале, пока мы садились. Тем временем стала закипать вода в чайнике на небольшой спиртовке, стоявшей на ящике слева от алхимики. В комнате этот ящик не был единственным. Множество больших коробок стояли во всех углах — в открытых виднелись причудливые предметы оборудования алхимической лаборатории. Закрытые ящики были сложены в основном на длинной лавке в дальнем конце помещения. Некоторые, поменьше, виднелись из-под лавки.

А между тем собаки на улице не унимались.

Фон Кемпелен нашарил в одном из открытых ящиков три чашки от разных сервисов, протер их тем же полотенцем, которым стирал пену со щек, — и занялся приготовлением чая.

— Чтобы собрать и отладить шахматный автомат, — сказал он, — потребуется несколько дней. И то лишь в том случае, если у меня не будет более неотложных дел. Но в самое ближайшее время я ожидаю крупный заказ, выполнение которого потребует от меня кропотливой, тщательной и очень сложной работы. Так что, боюсь, у меня просто не будет времени устроить шахматный матч, о котором вы просите. Хотя предлагаемые вами деньги мне крайне бы пригодились. Вам с сахаром? Или добавить немного сливок?

— Сахара, пожалуйста, — сказал я.

— Без ничего, — наилюбезнейшим тоном произнес Петерс.

Ученый дал нам по чашке дымящегося чая и сел напротив нас.

— Как это ни досадно, — закончил он, делая первый, осторожный глоток из своей чашки, — но я, скорее всего, не смогу быть вам полезен.

— Вполне понимаю вас, — сказал я. — Хотя мои коллеги по шахматному клубу огорчатся не меньше моего, ваша работа, разумеется, куда важнее нашего увлечения. — Тут я посмотрел на ящики с оборудованием и спросил как бы между прочим: — Ведь вы по основной профессии химик, не так ли?

Его выразительные выпуклые глаза пристально изучали мое лицо.

— Я многим занимаюсь, — сказал фон Кемпелен. — В том числе и химией. В настоящее время я заканчиваю переговоры о начале большой и длительной работы, сущность которой мне не хотелось бы обсуждать. Как только я приду к удовлетворительному соглашению с моими возможными нанимателями, я тут же приступлю к делу.

— Извините, я никоим образом не хотел вмешиваться в ваши дела, — сказал я. — Быть может, я загляну к вам по поводу шахматного автомата спустя некоторое время.

— Что ж, попробуйте, — добродушно согласился он. — Давно вы в городе?

— Утром приплыл.

— Надеюсь, вы пересекли океан не для того, чтобы разыскать меня и устроить этот необычный матч?

Я рассмеялся.

— Нет. Просто недавно я получил кругленькое наследство и теперь могу осуществить свою заветную мечту — совершить путешествие по Европе. Сразу по приезде в Париж мне сказали, что вы здесь, и я решил, так сказать, совместить приятное с приятным же.

— Любопытно, — произнес фон Кемпелен. — Так мало людей знают о моем пребывании во Франции.

Я лихорадочно соображал: кого лучше назвать в качестве источника этих сведений? Гризуолда или какого-нибудь французского чиновника? Я решил в пользу последнего. Проще сослаться на обычную болтливость таможенного офицера и упомянуть первую попавшуюся

фамилию. Но я ничего не успел сказать, потому что в этот момент со звоном разбилось стекло в окне позади нас.

Огромная темная фигура, стоя на выступе смежного здания, уже возилась с оконным запором. Мгновение — и верзила- злоумышленник, распахнув раму, ступил на подоконник. Проклятье! Отчего же так рано! Мы только-только разговорились, и мне хотелось побольше прощупать фон Кемпелена до начала спектакля с ворами и дракой.

Вслед за верзилой в комнату ввалились по очереди два его товарища — помельче, но с такими же откровенно преступными рожами. Я с удовлетворением отметил, что префект прислал настоящих головорезов, — даже человек неробкого десятка поежится, видя перед собой этаких типов.

Фон Кемпелен выронил чашку и метнулся в другой конец комнаты, к лавке с нераскрытыми ящиками, заслоняя их своей спиной и выставляя вперед сжатые кулаки, словно собирался защищать свое оборудование до последнего, с яростью львицы, обороняющей детенышей.

Мы с Петерсом вскочили со стульев. Верзила окинул нас удивленным взглядом.

Я устрашающе взревел и потом молча двинулся к мнимым грабителям. Не было смысла честить их по-английски — вряд ли поймут, а мой французский от волнения испарился из головы. Я сделал вид, что левой рукой изо всей силы бью верзилу в подбородок. Но он шустро парировал мой удар правой рукой, а левой так врезал мне под дых, что меня вдруг впервые осенило: да те ли это люди, которых обещал прислать Дюпен? Или это совсем другие мерзавцы — настоящие преступники, которые действуют по своему, независимому графику?

Верзила был не иначе как опытный кулачный боец. Я шарахнулся в сторону и пригнулся, чтобы увернуться от удара в затылок, который должен был последовать за ударом в солнечное сплетение. Но Петерс вовремя вцепился в кулак верзилы, уже готовый опуститься на мой затылок. Верзила хохотнул и рванул руку на себя. Однако Петерс держал его кулак мертвкой хваткой. На лице верзилы появилось растерянное выражение. Тем временем Петерс потянул его кулак вниз, чем заставил противника пригнуться, и внезапно зубами вцепился верзи-

ле в левое ухо. После этого он мотнул своей головой — и наполовину разорвал ухо противника. Тот завизжал от боли — из уха на шею и плечо хлестала кровь. Теперь Петерс, не выпуская кулак верзилы, схватил его за предплечье той же руки — и переломил его руку о свое бедро. Но в этот момент второй головорез с силой согрел его дубинкой по голове. Я не успел ни предупредить Петерса, ни подскочить на помощь.

Однако Петерс только поморщился от удара. Он развернулся, сбил с ног парня с дубинкой, и они покатились по полу.

Тем временем верзила со сломанной рукой и разорванным ухом выхватил неповрежденной правой рукой кинжал из ножен на поясе и стал приближаться к Петерсу, который прижал своего противника к полу и дубасил кулаками.

Я все еще не мог разогнуться после удара, но тут опустился на колени и покатился под ноги верзиле. Тот разразился проклятиями на французском, которые я постарался намотать на ус. Соображал я все еще плохо и пассивно ожидал, что стальной клинок вот-вот пройдет у меня между ребер.

Удара не последовало. Я сделал несколько глубоких вдохов и попытался в стать.

В это мгновение вопли возобновились.

Распрямившись, я увидел Эмерсона. Он запихивал третьего головореза в дымоход. Тем временем Петерс гнулся кренделя из рук второго, а верзила, которого я сбил с ног, уже поднялся во весь рост. Половина его лица была в крови, левая рука висела плетью. Он наступал на меня с кинжалом. В этот момент раздался хруст ломаемых костей — это Петерс заканчивал расправу со своим противником. И сразу же за этим кто-то на лестнице крикнул: «Жандармы!» Верзила попытался пырнуть меня кинжалом, но я отбил руку со стальным клинком и ударом левой в подбородок уложил его на пол. В дверь квартиры замолотили чем-то тяжелым. Появление полиции тоже не входило в наш план. Да, что-то явно не сработало — и все пошло наперекосяк. После паузы в дверь снова заколотили. Эмерсон оставил полу живого разбойника, которого он почти полностью запихнул в дымоход, подскочил к туалетному столу, схватил остав-

ленную там бритвы фон Кемпелена, выскочил в окно, перeskочил на крышу — и был таков.

— Да, задумка была славная, — сказал Петерс, отталкивая от себя головореза со сломанными руками. Тот был без сознания.

Кинув одуревшему от страха фон Кемпелену: «Спасибо за чай-сахар!» — Петерс подбежал к окну и последовал тем же путем, что и его орангутанг.

Я посмотрел на изобретателя, который все еще стоял на страже у своих драгоценных ящиков. В дверь колотили сильнее прежнего.

— Уф-ф! — сказал я. — Ну и вечерок! Спокойной ночи. И удачи вам.

Фон Кемпелен растерянно щурил свои волосы глаза.

Когда я уже встал на подоконник, он крикнул мне вслед:

— Будьте осторожны!

Дверь с грохотом упала как раз в тот момент, когда я выскользнул из окна. Черепицы крыши были мокрые и скользкие. Далеко впереди двигались фигурки Петерса и обезьяны. Вскоре крыша стала плоской, и я мог не карабкаться, а идти быстрым шагом. Сзади раздались громкие крики. Я с быстрого шага перешел на бег.

А внизу по-прежнему заходились собаки.

Трудно сказать, как долго мы убегали по крышам. В конце концов я последовал за Петерсом в окно пустой квартиры на последнем этаже. Что квартира оказалась пустой и мы никого не переполошили, было то ли счастливой случайностью, то ли результатом чудесной прозорливости Петерса или Эмерсона — кого из них толком сказать не могу, потому что убегали мы сломя голову, в панике. Что касается Эмерсона, то к тому моменту, когда мы затаились в пустой темной квартире, его с нами не оказалось. Тяжело дыша, мы с Петерсом прислушивались к вечернему городу. Погони, похоже, не было. Мы решились выйти из квартиры и осторожно сошли вниз — без приключений.

Оказавшись на улице, мы напряженно приглядывались и прислушивались, не отходя от двери. Кругом было тихо — в этот поздний час большинство парижан си-

дели по домам и готовились лечь спать. Даже собаки поутихли. Петерс довольно быстро вывел меня к кабаку, где мы пришли в себя за стаканом вина, привели в порядок свою одежду и оценили понесенный физический ущерб, который оказался невелик. И уж совсем чудом было то, что за время всех этих бурных событий Петерс сохранил на голове свой парик из медвежьей шкуры.

Было бы глупо гадать, отчего префект полиции нас так подвел — или подставил, что тоже очень могло быть. Мы решили не торопиться, подождать, пока все не уляжется, а потом все-таки вернуться в тот квартал, откуда нам недавно пришлось спешно ретироваться, и попробовать дознаться до причин происшедшего. Тем временем Петерс, который предпочитал оставаться трезвым, чем возиться с крохотными стаканчиками, вынул из кармана плитку табака, откусил изрядный кусок и стал жевать, забавляя меня своим умением прицельно плевать через дверь, хотя мы сидели на большом расстоянии от нее. Он плевал всякий раз, когда дверь открывалась, умудряясь не попадать в того, кто входил. Я же налегал на вино — стараясь не привлекать к себе внимания, осушал стаканчик за стаканчиком, хотя в итоге выпил едва ли больше двух нормальных стаканов. Но завсегдатаи все равно заметили мое отчаянное — по их представлениям — пьянство, и на протяжении трех часов, что мы провели в этом заведении, мое поведение и плевательное мастерство Петерса были источником бесконечного веселья местной запьянцовской публики.

Часы где-то забили в третий раз с тех пор, как мы засели в кабаке. Мы расплатились и вышли на улицу. Там стало значительно холоднее. Подняв воротники и засунув руки поглубже в карманы, мы вернулись к дому, где жил фон Кемпелен.

В доме не было ни одного освещенного окна. Мы обошли его несколько раз, но засады не обнаружили. Никого поблизости не было. Я осторожно толкнул дверь — замок оказался сломан. Жестом подозвав Петерса, я первым зашел внутрь.

Медленно и осторожно, стараясь не топать ногами, мы поднялись по лестнице. На последней площадке перед дверью фон Кемпелен мы надолго остановились. Как мы ни прислушивались, никаких подозрительных зву-

ков не услышали. Казалось, весь дом спокойно спал. Я нашупал в темноте дверь квартиры алхимика — ее замок тоже оказался сломанным. В некоторых местах на дверном полотне нашупывались глубокие вмятины.

Я медленно открыл дверь — и замер, прислушиваясь. Все спокойно.

Пройдя на цыпочках через прихожую, я оказался на пороге залитой лунным светом комнаты. Она была совершенно пустой — ни мебели, ни ящиков. Не осталось ни колб, ни чайных чашек, ни даже той лавки, на которой стояли ящики.

Петерс тихо присвистнул.

— Дела! Чудеса да и только! Как вам это нравится?

— Унесли все до последней плошки. Это ничего хорошего не значит. Рано утром надо повидаться с Дюпеном. Он должен знать ответы хоть на часть наших вопросов.

Петерс прошел через комнату и плонул через разбитое окно.

— Должен-то должен, а может, и не знает, — изрек он.

Мы пустились в обратный путь на корабль, где нас со счастей радостно приветствовал мохнатый друг Петерса.

— Вонjour, черт бы вас побрал, — произнес ворон. Взгромоздясь на ручку кресла, в котором я пил чай, и наклоняя голову вбок, он бесцеремонно таращился на меня большим глазом.

— И тебе вонjour, дьявольская птица, — сказал я.

— Похоже, вы ему понравились, — заметил Дюпен.

— Бац! Больше никогда! — завопил Грип, растопыривая крылья и мотая головой.

— Так вы говорили насчет письма, — напомнил я.

— Да, — сказал он с улыбкой. — Посредством хитрости и не без помощи презента в виде золотой табакерки, я получил доступ к письмам на столе господина министра. В ящичке для писем оказалась уйма компрометирующих его документов. Но ближе к теме. В своем письме министру фон Кемпелен предлагал правительству купить его секрет производства золота. В конце письма рукой министра было начертано, что цена слишком велика и более целесообразно украсть записи ученого,

чтобы овладеть его тайной. Эта резолюция завершалась приказом действовать без промедления, потому что есть другие заинтересованные лица, которые могут купить бумаги ученого. Ниже стояла подпись другого министра с указанием даты операции — тридцать первое число.

— И вчера было именно тридцать первое! — воскликнул я. — Неужели правительство способно проделывать такие гадкие штуки?

Дюпен только повел бровью и сделал глоток чая.

— А как насчет полиции? То, что она явилась так вовремя, было частью заговора? Выходит, ваше правительство получило и фон Кемпелена, и его секрет?

— Отнюдь нет, — ответил он. — Вчера я переговорил с нашим префектом полиции месье Жиске, который многие годы находился в весьма прохладных отношениях с моим однофамильцем министром. И, как оказалось, очень вовремя переговорил, хотя вас предупредить уже не успел. Впрочем, насколько я понимаю, вы блестяще справились с опасной ситуацией. Хотя труп в дымоходе остается загадкой. — Я хотел объяснить, но Дюпен остановил меня быстрым жестом. — Нет-нет, об этом я ничего не хочу знать.

— А я и не собирался рассказывать, — сказал я. — Хотел только спросить: в чьей же власти сейчас фон Кемпелен?

— Да ни в чьей, — ответил Дюпен. — Ученый вместе со своим оборудованием движется в сторону границы. Полицейские, которых послал Жиске, упаковали оборудование и личные вещи фон Кемпелена, а доверенное лицо префекта тем временем растолковало ученному ситуацию.

— И все — чтобы натянуть нос высоким правительенным чиновникам? — сказал я. — А доверенное лицо префекта — это, конечно, вы?

Дюпен снова лукаво усмехнулся.

— Так я вам и признался.

— Извините, я спросил не с целью что-нибудь выведать.

— Ну вот и отлично. Мы прекрасно понимаем друг друга.

Дюпен налил себе, мне и Петерсу еще по чашке чая. Отхлебнув обжигающей жидкости, я спросил:

— К какой границе направился фон Кемпелен?

— Он держит путь в Испанию — в Толедо. Я могу только гадать, действительно ли он направляется туда или это только хитрая уловка, чтобы сбить с толку преследователей. Я не пробовал дознаться до правды — и в этом случае мне лучше ее не знать. Но если толковать ваш вопрос буквально, могу сказать одно: я не знаю точно, будет ли его маршрут пролегать через королевство Арагонское или через Наварру или он направится на юг иным путем.

— Ясно, — сказал я. — Большое спасибо.

Дюпен откашлялся.

— О хитрой уловке со стороны фон Кемпелена я заговорил потому, что вижу — этот человек ведет очень опасную игру. Впрочем, я не буду слишком горевать, если с ним приключится беда по дороге в Испанию или куда там он направляется.

— Вы хотите сказать?

— Я упоминал, что среди бумаг министра было много компрометирующих и просто занятных документов...

— Ну и?..

— Один из них относился к нашему делу. Это была сводка донесений французских агентов из разных стран. Оказывается, фон Кемпелен предлагал свое изобретение множеству людей в разных странах — в Италии и Англии, в Испании и Нидерландах. Предлагал министрам, принцам, графам и герцогам. Даже папе римскому.

— Боже мой! Он делает предложения только правителям и правительствам?

— В основном, да. Но и отдельным лицам. В агентурном списке числился среди прочих и Руфус Гризуолд, равно как и Сибрайт Эллисон.

— Да ну? А Эллисон не сказал мне об этом ни пол слова.

Дюпен пожал плечами.

— Эллисон мог в свое время с порога отвергнуть предложение как вздорное, а потом спохватился. Как бы то ни было, мне совершенно очевидно, что фон Кемпелен или невероятно наивен, или дьявольски умен. Он организовывает острую конкуренцию между богачами и между правительствами, а также между богачами и правительствами, чтобы сорвать куш побольше. Но это зна-

чит ходить по лезвию ножа. Такой шантаж может легко закончиться судом, тюрьмой или пыточной камерой. Некоторые из тех, к кому он обращался, — отъявленные мерзавцы, которые ни перед чем не останавливаются. Таких людей может стравливать друг с другом только безумец или гениальный пройдоха.

— Один из отъявленных мерзавцев проживает в Толедо? — спросил я.

Дюпен кивнул.

— Архиепископ Фернандес. В один прекрасный день этот человек или станет кардиналом, или будет предан церковной анафеме, или превратится в кучку пепла на костре. Впрочем, тут мое воображение слишком разыгралось — временами я забываю, что инквизиция осталась в прошлом и нынче людей не сжигают.

— Архиепископ за или против возврата инквизиции? — спросил Петерс.

Наш собеседник издал короткий смешок.

— Фернандес то загорается идеей вернуть инквизицию, то охлаждает к ней, — пояснил он. — В зависимости от настроения испанского правительства и того, что в данный момент быстрее приведет к кардинальской шапке.

— Так вы говорите, фон Кемпелен направляется не в Арагон и не в Наварру? Ведь с правителями этих областей он вел переговоры — а ну как договорился?

Дюпен пожал плечами и выставил руки ладонями вперед.

— Я знаю лишь то, что он сам пожелал сказать, — плюс к этому мне известно, что он предварительно направил письмо в Толедо. Делайте выводы.

Я тяжело вздохнул.

— В таком случае у меня больше вопросов нет.

— Тогда позвольте представить вам счет за мои услуги, — сказал Дюпен, доставая конверт из-под салфетки на столе. — Вы вправе подписать банковский чек, а может случиться так, что мы с вами больше не увидимся.

Я открыл протянутый мне конверт.

— Но тут два счета, — сказал я.

— Верно.

Мне было трудновато разобраться с незнакомыми франками — отчего весь мир не ведет расчеты в долла-

рах! Второй же счет меня просто возмутил — такая огромная сумма в графе «непредвиденные расходы».

— С какой стати я должен оплачивать этот второй счет — от мадам Роже? — спросил я, потрясая листком бумаги.

— Необходимо как-то обеспечить старую женщины, — ответил Дюпен, — в связи с тем, что она потеряла дочь. Несколько часов назад труп Мари Роже был найден в реке.

— О! — только и сказал я.

И безропотно выписал чек.

Вернувшись на «Ейдолон», я решил, что пора получить совет у месье Вальдемара. Между тем Лигейя спустилась за покупками на берег. Ждать ее не хотелось, и я взял у капитана Ги запасной ключ от каюты месье Вальдемара — попробую справиться своими силами, ведь я все же обладаю кое-какими месмерическими способностями.

Я пригласил Петерса поучаствовать в эксперименте, но тот наотрез отказался, сославшись на то, что он человек суеверный и страх как боится мертвяков. Но я потому и приглашал его, что сам не был избавлен от примитивных предрассудков и за компанию с Петерсом мне было бы легче общаться с недоумершим покойником. *Helas!* — как говорят в Париже, то есть — «увы!».

Прежде чем снять крышку с винного ящика-гроба, я зажег побольше свечей. Сфокусировав все внимание на центр своего тела, я возбудил энергию и дал ей выход через руки. Свечи заколебались. В углу резко заскрипел платяной шкаф. Когда я сделал первый пасс, слева от меня из стены донеслось постукивание. Я ощутил высокую концентрацию энергии и направил ее на месье Вальдемара. При этом стул в дальней части комнаты задвигался в мою сторону. С обычнымstonом покойник зашел вился и через несколько секунд открыл глаза.

Но на этот раз этим дело не закончилось. Внезапно месье Вальдемар сел в ящике — чего прежде никогда не делал.

— Спокойно! Спокойно, месье Вальдемар! — приказал я.

— Что вы сделали со мной? — спросил он.

— Ничего особенного, — ответил я. — Как обычно, вывел вас из сна, чтобы задать несколько вопросов.

— А где Лигейя?

— Точно не знаю. Дело до некоторой степени спешное, а потому я решил, что и сам справлюсь.

— О Боже! О Боже! — возопил он. — Теперь мне понятно, что случилось.

— Знаете, так скажите. Будьте добры.

— Ее присутствие как-то сдерживало вашу иномирную энергию. Но без нее она проявилась в полную силу. Я ожил, но все же не до конца.

Он медленно поднял руку. Затем скосил на нее один глаз — правый. А левый при этом слепо смотрел прямо перед собой.

— Это чудовищно, — сказал месье Вальдемар и с горестным упреком уставил на меня сразу оба глаза.

— Если вы быстренько ответите мне на пару вопросов, я верну вас в состояние покоя — пользуясь уроками Лигейи. Надеюсь, я ничего не испортил, и вы по-прежнему обладаете своим чудесным даром.

— Да, я по-прежнему вижу больше живых, — промолвил он и медленно сложил руки на груди.

— Я подумываю о поездке в Толедо. Что скажете на этот счет?

— Да, я вижу нас — мы едем в Толедо.

— Ничего больше не видите?

— Там предстоит встреча с Анни. К этому мне нечего добавить.

— Ваши слова я склонен воспринять как поощрение поездки, — сказал я.

Покойник не спеша потер ладонью о ладонь, потом поднял руки и стал ощупывать свое лицо.

— А что вы можете рассказать об Эдгаре По? — спросил я.

— Не понимаю вашего вопроса. Слишком общий.

— Простите. Чем он занят сейчас?

— «Сейчас» — понятие бессмысленное. Ваши миры двигаются по разным времененным шкалам.

— К тому времени, когда мы поменялись мирами, — сказал я, — прибавьте время, прожитое мной здесь, —

через этот отрезок времени что делает По? Каково состояние его души и внешние обстоятельства жизни?

— Теперь понимаю, — произнес месье Вальдемар, скрещенными руками ощупывая свои плечи. — Он до сих пор так и не догадался, что именно произошло. Судя по всем признакам, его мучит мысль — не сошел ли он с ума. По задумал выпускать свой собственный журнал, но никак не может найти заинтересованного инвестора, который поддержал бы идею. Похоже, его душевное состояние очень плохое. Он в плену тоски.

— Как бы мне хотелось поговорить с По! Вы смогли бы перенести его сюда, если я снабжу вас большим количеством месмерической энергии?

— Нет. Это вне моих возможностей.

— А туда можете меня отправить — на время?

— Нет.

— А как насчет королевства у моря, на краю земли, где Анни когда-то собирала нас? Могли бы вы устроить встречу там?

— Вряд ли, хотя дайте подумать... Нет.

— Ну хотя бы веточку ему можете передать? Мне бы хотелось сообщить ему, что и я, и Анни — мы реальные, из плоти и крови, и он отнюдь не сумасшедший.

— Возможно, я справлюсь с этим, но не знаю, в какой форме это послание достигнет получателя.

— Попробуйте.

Месье Вальдемар чуть приподнялся, потом рухнул обратно в ящик — и руки его замерли крест-накрест на груди.

— Сделано, — с усилием произнес он.

— Успешно?

— Да.

— Можете сказать, в какой форме это было сделано?

— Нет. Отпустите меня...

Я повторил пассы в обратном порядке, возвращая отданную энергию. Теперь стук раздался во всех стенах и в потолке. Стул заходил ходуном, потом опрокинулся. Месье Вальдемар издал особенно жалобный стон, глаза его закрылись — и крышка ящика сама собой захлопнулась.

Я задул свечи и пошел отдавать необходимые распоряжения касательно отъезда.

Эдгар Аллан По спал беспокойно. Он проснулся рано и безуспешно старался вспомнить свой сон. В конце концов он встал и оделся. С востока светало, когда он открыл дверь и вышел на улицу, чтобы понаблюдать за восходом солнца.

Во дворе он вдруг увидел небольшой песочный замок, сиявший в предутренних сумерках. Когда По сделал несколько шагов по направлению к нему, замок вдруг рассыпался. Осталась только куча песка.

Видать, померещилось. Надо думать, это был просто обман зрения, причудливая игра света...

Глава 6

Она шла босиком по берегу. Ночь была тихая, беззвездная. От моря поднималось слабое сияние — достаточное, чтобы различать дорогу перед собой. Она двигалась по кругу — то к самой воде, то от нее. Она не могла вспомнить, зачем она это делает. Но помнила, что это почему-то очень важно. Поэтому шла, шла, шла...

Однажды, во время одного из кругов, мимо нее пробежал черный кот. В другой раз в центре круга внезапно разверзлась земля. Яма осталась, а после того как она сделала еще несколько кругов, из ямы показались языки огня и среди них вдруг мелькнуло яркое лезвие... Она ни на секунду не останавливалась. Зачем она все это делает?

Потому что это очень важно — вот почему. Да-да, именно так!.. Теперь у самого края ямы был распостерт на животе какой-то человек. Так-так. Должно быть, он существует для того, чтобы заглядывать в яму. Хорошо. Сделано без особых усилий. Придвинь огонь. Так. Видишь, как он чуть отполз от огня?

Она прибавила шагу. А что он зрит, глядя вниз? Ужасное. Вот именно. Он видит...

Она отчаянно вскрикнула — и волны вздулись, ринулись на берег — захлестнули огонь, того человека, яму... Резким движением — широко раскинув руки — она прорвала ткань пространства перед собой — и шагнула в образовавшуюся брешь.

Я открыл глаза. Карета покачивалась на рессорах, из темного угла на сиденье напротив на меня пристально глядел черный кот. Секунд десять я недоуменно взирал

на неизвестно откуда взявшуюся тварь, потом проснулся окончательно — и понял, что это просто парик, который сполз с дремлющего Петерса и упал в угол.

Я протер глаза, сел прямо и пошарил в поисках бутылки с водой. Подтянув одеяло до самой груди, я сделал несколько жадных глотков.

Большую часть декабря мы тащились на перекладных, меняя на почтовых станциях лошадей, пересаживаясь из одной наемной кареты в другую. Перевалы Пиренейских гор были ужасны, в Наварре стояли жуткие холода. Не успел я усвоить начатки французской речи, как мне пришлось изучать испанский язык. У Петерса опять было преимущество передо мной, но он счел нужным пояснить:

— Эдди, я говорю на том грубом испанском, на каком говорят простолюдины. Ни один уважающий себя кабальеро не желает слышать такую речь в обществе — а надо сказать, что все кабальеро уважают себя... когда они в обществе, — добавил Дирк и подмигнул.

Теперь я все чаще видел выжженные поля, спаленные дома, деревянные кресты над свежими могилами. Все это безошибочно подсказывало, что тут свирепствует война. С некоторых пор нам стало труднее находить свежих лошадей, участились задержки в пути — тяготы военного времени касались и путешественников. Однако своевременные подсказки месье Вальдемара и щедрая раздача золотых монет позволяли нам двигаться более или менее быстро.

Будучи военным, я то восхищался, то приходил в ужас. Испанцы применяли новую форму войны — партизанскую — и благодаря новой тактике продолжали сопротивляться французским оккупантам. Эта тактика войны включала в себя быстрые внезапные набеги, засады, нападения на армейские тылы противника. Испанцы не желали вести «нормальные» военные действия, когда две армии выстраиваются друг перед другом. Партизанские действия, которые помогали испанцам в борьбе с французами и раньше, были теперь особенно эффективны. Французы несли большие потери. Армия была измотана.

И сейчас за окном кареты царил унылый пейзаж — очередная сожженная деревня. Через некоторое время

после того, как я перестал смотреть из окна, карета вдруг дернулась и поехала скорее. Я услышал возмущенное «Бац!» — и с горы нашего имущества слетел Грип, усевшись прямо на парик Петерса. Очевидно, птице надоело разучивать стихи с Дюпеном. После нашего прощального визита к ее хозяину, по возвращении на «Ейдолон» и после беседы с месье Вальдемаром, я поднялся на палубу и обнаружил на корабельных снастях Грипа, который приветствовал меня веселым криком: «Vingt francs pour la nuit, monsieur» — «Двадцать франков за ночь, месье».

Сейчас Грип явно добивался нашего внимания, чтобы выразить свое негодование слишком большой скоростью кареты. Он всегда устраивал возмущенные концерты, когда Эмерсон завладевал поводьями и гнал лошадей как сумасшедший: Возницы не любили вступать в споры с сиамским близнецом Петерса — и обычно все кончалось тем, что звали Лигейю, чтобы она месмерическими пассами успокоила понесших лошадей. После чего Петерс отнимал поводья у Эмерсона и журил его.

— Эй-эй! Грип, ну-ка верни! — услышал я неожиданный вскрик, и напротив завязалась небольшая схватка за парик между вороном и Петерсом. Шум и возня побеспокоили Лигейю, которая сидя дремала рядом со мной.

Она зевнула, деликатно прикрывая рот рукой, и спросила:

— Он что — опять за свое?

Я кивнул.

Пока Лигейя тихонько потягивалась, карета неслась вперед со всей возможной скоростью — нас качало и подбрасывало. Нечеловески толстыми пальцами Петерс схватил птицу сразу за клювом и строил ей страшные рожи, пытаясь добиться своего.

— Ну же, славненький Грип, — приговаривал он, — отдай эту штуку доброму дядечке Петерсу.

Но когда он отнял парик у ворона, птица разразилась неостановимым потоком ругательств. Петерс предпочел не водружать свой парик на место, а сунуть его обратно в птичьи лапы. Грип на время умолк. Лигейя привстала, раздвинула тяжелые занавески на своей стороне, спустила оконную раму, выглянула наружу и стала делать

привычные пассы. Почти в тот же момент карета замедлила ход.

— Надо хорошенько надавать по загривку этому Эмерсону! — проворчал я.

Лигейя подмигнула мне и высунулась из окна еще больше. Я придержал ее за талию. Через полминуты она жестом попросила помочь ей вернуться на сиденье.

— Теперь моя очередь, — сказал Петерс, поднимаясь.

— Нет необходимости, — сказала Лигейя. — Он вернул вожжи вознице.

— Это на него не похоже, — сказал Петерс.

Она пожала плечами.

— Должно быть, наскучило.

— Должно быть, — кивнул Петерс, садясь на место.

Вскоре он уже снова дурачился с Грипом.

— Скажи «Больше никогда!» — дразнил он птицу. — Этому учил тебя джентльмен в Париже. Ну-ка, давай!.. Больше никогда! Больше никогда!

— Амонтильядо! — вдруг заорала неугомонная птица, одетая в траурно-черные перья. — Амонтильядо!

Вслед за этим ворон разразился безумным, почти человеческим хохотом, после чего несколько раз подряд сымитировал звук пробки, вылетающей из бутылки шампанского.

— Если я не ошибаюсь, амонтильядо — крепкий напиток? — спросил Петерс, глядя в мою сторону. — Ведь так?

— Так, так, — рассеянно ответил я, думая о своем.

А думал я о том, что предпринять в Толедо. Месье Вальдемар не дает никаких гарантий, что фон Кемпелен именно там, — лишь утверждает, что поездка в Толедо — правильный шаг на пути к освобождению Анни.

— Больше никогда! — вкрадчиво настаивал Петерс.

— Амонтильядо! — упрямо отвечал Грип.

За день до прибытия нашего в Толедо, сидя в движущейся карете, мы услышали стук сверху. Поскольку Эмерсон крепко спал, свернувшись в ногах Петерса (что в последние дни случалось часто, без особого принуждения с нашей стороны), то мы решили, что это о чем-то сигнализирует возница. Петерс выглянул в окно и спро-

сил, в чем дело, но возница был удивлен — это не он стучал!

Тут стук возобновился. Лигейя повернулась ко мне и строго спросила:

— Это не вы балуетесь животным магнетизмом?

— Нет. Я уж позабыл, когда в последний раз пробовал.

— У меня очень странные ощущения, — сказала она. Она выглянула в окно и приказала вознице остановиться.

— В чем дело? — спросил я.

— Все очень странно, — ответила она.

Когда карета остановилась подле раскидистого дерева, Лигейя приказала спустить привязанный к верху кареты винный ящик. Затем велела вознице и его помощнику отдохнуть поодаль, за холмом. Петерс предположил присоединиться к ним. Когда они ушли, у меня мороз по коже прошел, потому что стук возобновился. Стучали из ящика-гроба.

— Откройте крышку, — приказала Лигейя.

Я развязал последний узел и поднял крышку. Глаза месье Вальдемара были открыты, зрачки видны полностью. Глядя на нас довольно осмысленным взглядом, он произнес:

— Все хуже и хуже.

— Что происходит? — осведомилась Лигейя.

— Я проснулся сам по себе; без вашего вызова. Что это значит — неужели жизненные силы возвращаются ко мне?

— Я бы сама хотела знать, — ответила Лигейя. — Вам известно, зачем пробудившая вас неизвестная сила сделала это?

Его правая рука зашевелилась, и он вдруг накрыл ладонью мою руку, лежащую на закраине ящика. Мне потребовалось огромное усилие воли, чтобы не отдернуть свою руку.

— Вы должны отделиться от остальных до прибытия в Толедо, — сказал месье Вальдемар, обращаясь ко мне. — В противном случае все они погибнут.

— А нам что делать? — спросила Лигейя.

— Поворачивайте и направляйтесь на восток. О дальнейшем спросите меня на закате.

— Ума не приложу, что именно мне делать в Толедо, — сказал я.

— Этого я тоже не знаю, — произнес он, еще крепче сжав мою руку. — Что-то позовет вас. Вы можете отвечать — или нет. Воля ваша свободна.

— Я пойду на зов.

— Так я и знал, — ответил месье Вальдемар. Тут он наконец отпустил меня, и его правая рука легла на привычное место — на грудь. Он закрыл глаза.

Лигейя махнула мне — закрывайте! После того как я закрыл ящик, Лигейя взяла меня под руку, и мы пошли по тропинке между молодыми деревцами.

— Мне все это очень не нравится, — завела разговор Лигейя. — Тут пахнет... вмешательством. Возможно, это участие добрых космических сил. А быть может, ловушка. Заранее никак не определишь.

— И что же нам делать?

— Я хочу, чтобы вы были под моим контролем, — сказала она, останавливаясь на опушке рощицы. — Надо установить психическую связь с вами.

— Помните, что случилось в тот раз, когда вы пробовали такую связь установить?

— С тех пор я много думала над этим, — возразила Лигейя. — На сей раз ваша душа не будет покидать тело.

— С какой целью вы установите эту связь?

— Я надеюсь, что это позволит мне быть в курсе того, все ли у вас в порядке, — пояснила она.

— Хорошо, согласен.

Я сел лицом к ней на поваленный ствол дерева, прислонившись спиной к большому валуну. Помню, как ее руки парили у моих глаз, как мураски бежали у меня внизу живота. А потом мой мозг был выключен, течение мыслей пресеклось...

Уж не знаю, через какое время, но я проснулся — чувствуя себя отдохнувшим и бодрым.

— Замечательно, — донесся голос Лигейи.

Открыв глаза, я увидел, что она с улыбкой протягивает мне руки.

— Получилось? — спросил я после того, как она помогла мне подняться на ноги и мы направились обратно к карете.

— Кажется, да. Со временем мы это точно узнаем.

Остальные ждали нас у кареты. Мы быстро погрузили наверх и закрепили ящик с месье Вальдемаром.

Когда карета покатила вперед, я ломал голову над вопросом: а как Лигейя сможет мне помочь, если узнает, что я в беде? Ведь она будет далеко, где-то на востоке от Толедо!.. Я в задумчивости таращился на Грипа. Он тоже смотрел на меня — одним глазом, наклонив голову. Несколько раз он открывал клюв — но так ничего и не сказал.

Толедо, стоящий на холме, который с трех сторон омывают воды реки Тахо, находится милях в сорока на юго-запад от Мадрида. Французы, временно оккупировавшие часть Испании, до Толедо не дошли. В тот декабрьский день, когда я приближался к городу, темные тучи нависали над ним, дороги раскисли — должно быть, недавно здесь бушевала буря с ливнем. Наш тогдашний возница — самый старый среди всех возниц, которых мы по пути перевидали немало — остановил карету подле городских стен и заявил, что раньше ад замерзнет или случится второе пришествие, чем он пешим или на козлах окажется в пределах этого проклятого города.

Я попрощался со своими спутниками, договорившись встретиться с ними на этом же месте через три дня — если ничего дурного не случится за это время. С собой я прихватил тяжелый мешок с золотыми монетами и записку от Лигейи, в которой она написала по-испански, что обладатель оной разыскивает переводчика. Месье Вальдемар указал мне на некоего падре Диаса, своего доброго знакомого, за честность которого месье Вальдемар ручался. У меня с собой имелся грубый план города с указанием, как найти церковь святого Фомы и ее настоятеля упомянутого падре Диаса.

И вот я уже подходил с севера к воротам крепости, расположенной на крутом холме. Я знал, что в этих местах когда-то жили и древние римляне, и вестготы, и магометане. Лигейя сказала, что здешний собор, построенный еще в тринадцатом веке, — настоящее чудо красоты. При других обстоятельствах я бы первым делом направился именно к знаменитому собору и с наслаждением осмотрел бы замечательное произведение архитекту-

ры. Но сейчас я почти физически ощущал, как Время дышит мне в затылок, настигает — и тут не до осмотра достопримечательностей.

Я без приключений миновал городские ворота. Месье Вальдемар, похоже, обладал не только сверхъестественными способностями, но и практической сметкой, ибо его совет идти в Толедо в одиночку оказался верным. Конечно, в кругу друзей мне было бы и спокойней, и безопасней. Но они являли собой такую пеструю и странную компанию, что не могли не вызвать пристальное и подозрительное внимание со стороны властей. Во время войны, в условиях правления архиконсервативных религиозных фанатиков лучше, так сказать, не дразнить гусей. А в качестве одинокого богатого путешественника с далекого и экзотического континента моя персона не вызывала особого интереса.

И все же я имел случай увидеть собор — издалека. Еще я увидел множество лавок по сторонам главной улицы, раззолоченные кареты, катившие рядом с убогими телегами, прекрасных скакунов и восхитительные образчики холодного оружия из дамасской стали, коими славен город Толедо. Один из самых замечательных клинков был у того мужчины, который арестовал меня.

Четыре вооруженных человека в своеобразной местной военной форме подошли ко мне именно в тот момент, когда я нашел церковь святого Фомы. До этого я пару часов бродил по городским улицам, дабы немного освоиться в новом окружении, и очень гордился, что нашел нужное место по карте, не задавая вопросов прохожим. Стражники так меня и застали — с картой в руке. Они обратились ко мне предельно вежливо, но я, разумеется, ни слова не понял.

— *No comprendo*, — объяснил я. — *Soy norteamericano*.

Они быстро заговорили между собой. Один из них рассмотрел мою карту, потом указал сперва на листок в моей руке, а затем на церковь.

— *La iglesia?* — спросил он.

— *Si, Santo Tome*, — ответил я. — *De donde es Padre Diaz?*

Они опять затараторили на своем языке между собой. И тут у меня все внутри оборвалось: имя падре Ди-

аса было упомянуто несколько раз в непосредственной близости со словом, которое я понял: «heretico» — еретик. Похоже, я попаду в неприятную историю.

Так и случилось. Буквально через пару мгновений я получил возможность вволю полюбоваться золотой и серебряной инкрустацией кинжала одного из стражников. Еще три кинжала были представлены мне на обозрение, но они были не так красивы, как оружие того, кого остальные трое называли «хефе Энрико» — он был явно главным в этой четверке.

— Вы идти с мы, — сказал мне хефе Энрико.

— Soy norteamericano, — снова начал я свои неловкие разъяснения.

— Si, norteamericano amigo de heretico, — сказал Энрико.

— Нет, — поспешил заверил я, — я помогаю друзьям разыскать изобретателя фон Кемпелена. Мне сказали, что падре Диас говорит по-английски и пособит мне найти переводчика. Понимаете?

Я показал ему письмо. Он передал его другому стражнику, тот третьему, а тот — четвертому. Каждый смотрел на бумагу как баран на новые ворота — и у меня мелькнула мысль, что все четверо не умеют читать.

— Por favor, — сказал я. — Interpreter, translator — para Ingles.

Энрико пожал плечами и взмахом кинжала приказал мне следовать за ним.

— Идти! — велел он.

И мы отправились в путь — по стражнику слева и справа от меня, третий плетется за спиной, а Энрико шествует впереди и немного справа. Я жалел, что не выучил, как по-испански будет «недоразумение». Впрочем, я слабо верил, что это слово выручило бы меня. У этих поначалу вежливых парней был вид такой строгий, что дальнейшие дебаты напрочь исключались.

Таким образом я очутился в толедской тюрьме. Мои золотые конфисковали вместе с моим кинжалом, письмом к падре Диасу и картой. Заперли меня в совершенно темной камере, где хоть глаз выколи, — вплоть до выяснения моих связей с еретиком из церкви святого Фомы. Если эти ослы решат, не дай Бог, что я сообщник бедного падре Диаса, не миновать мне суда инквизиции!

Вытянув руки перед собой, я медленно ощупывал стены камеры — в одних местах был камень, в других — железо. Сделав круг и вернувшись ко входу, я сел на пол и прислонился спиной к двери — она не так холодила. Рядом я нашел кусок хлеба и флягу с водой. Потом я, кажется, заснул, потому что в моем сознании остался пробел.

Проснувшись, я обнаружил, что лежу на животе, а моя правая рука свешивается куда-то вниз. Щекой я касался пола тюремной камеры, но правый висок висел в воздухе. Мои ноздри ощутили какой-то неприятный запах, похожий на запах разлагающихся водорослей.

Я поводил правой рукой в пустом пространстве перед собой и пришел к выводу, что во сне верхняя часть моего тела сползла на пол, я перекатился и очутился у самого края круглой дыры, в которую я не свалился при путешествии по тесной камере только потому, что обследовал стены и шел по периметру. Я пошарил вокруг себя, нашупал камешек и бросил его в дыру. Пришлось долго прислушиваться, прежде чем далеко внизу раздался тихий всплеск. Ну и глубина!

В это мгновение где-то надо мной, пустив немного света, открыли то ли дверь, то ли люк — и сразу же закрыли. Но я успел разглядеть, что только счастливый случай уберег меня от падения в бездну. Посередине камеры зияла огромная круглая дыра. Я быстро отполз как можно дальше, к стене.

— Похоже, мы заживо погребены.

У меня было ощущение, что это сказал Эдгар По, что мы сидим с ним рядышком в темноте у жерла бездны.

— Так только кажется, По. Но это тюрьма как тюрьма. Мне случалось сидеть в тюрьмах, — мысленно ответил я.

— Эта тюрьма не похожа на другие, Перри.

— Есть тут особые штучки, дорогой мой По, но это, так сказать, только для красоты. Только для красоты.

— Колодец зовет нас.

— Пусть себе бездна зовет, мне плевать.

— А ты сделан из более твердого материала, чем я, Перри.

— Да нет, По. Мы с тобой одно и то же — уж не знаю, каким таким чудом. Просто обстоятельства немного подулучшили меня.

— А может, ну его!.. Прыгнем в колодец — и покончим со всем этим! Все кончается темной бездной — все и всегда, всегда и все.

— Куда торопиться? Пусть бездна подождет.

— Она не умеет ждать. Она не умеет чувствовать.

— Тогда мы превосходим ее, ибо мы — умеем.

— Что-то похожее говорил Паскаль, когда называл человека мыслящим тростником между двумя безднами — бесконечностью и ничтожеством.

— Он прав.

— Такие философские истины из уст человека действия!

— У меня не такое уж плохое образование, и я продолжаю регулярно читать.

— Что случилось с нами двумя?

— Нас поменяли местами.

— Не понимаю.

— Точной механики этого происшествия не понимаю и я. Но суть в том, что каждый из нас оказался в мире другого. Это из-за того, что кто-то во зло использовал необычные способности Анни.

Тишина. Три удара сердца. Еще три.

Потом:

— А может, Перри, мы просто снимся какому-нибудь демону? Или этот демон — я сам?

— Против солипсизма у меня нет убедительных аргументов. Никто лучше Юма не преуспел в отрицании наличия материального мира, реальности вне сознания. Но он же сам сказал Беркли, что все эти аргументы в равной степени недоказуемы и неопровергимы — и ни в чем не убеждают.

— Ты — это я, мой дух-двойник, мое темное «я». Мы — разные полюса одной души, а потому между нами идеальное отталкивание.

— Мы не настолько разные, как ты думаешь, По. Лишь словесная шелуха застит нам глаза на нашу похожесть.

Он коротко рассмеялся.

— Сейчас я как никогда хорошо осознаю нереальность происходящего, — ответил он. — Это просто диалог двух частей сознания внутри меня.

— Что на это сказать?

— Да нечего на это сказать. Соглашайся со мной.

— Я всегда придерживался того взгляда, что лучше жить и умереть, чем вовсе не рождаться, — даже если жизнь есть мнимость, данная в ощущениях.

В это мгновение раздался металлический звон. В стороне, где находилась дверь, внизу появилась полоска света, и я успел заметить, что там открылась металлическая дверка, через которую просунули поднос с куском хлеба и флягой воды.

— Похоже, выбор невелик — между ямой и заплесневелым хлебом, — заметил По.

— В таком случае я предпочитаю пообедать.

Я встал.

— А жаль, что ты лишь призрак, Перри, — не без некоторого злорадства произнес По. — Ты мне все же очень нравишься.

Какое счастье, что он присутствовал в камере только метафизически, — на двоих хлеба было бы совсем мало. После еды я неожиданно раззевался. Я ужасно боялся скатиться в дыру во сне, поэтому лег у стены, прислонясь к ней спиной. В камере все еще ощущалось присутствие По — невидимый, он был словно разлит в пространстве.

Когда я проснулся, что-то было явно не так. Не могу сказать, как долго я проспал, но когда я вновь открыл глаза, камера была слабо освещена. В неверном красновато-желтом свете я смог наконец по-настоящему рассмотреть свое узилище. Оно выглядело не совсем таким, каким я его представлял по своим исследованием в кромешной темноте. Камера оказалась не квадратной, а вытянутой. Длинные стены были каменными, короткие — металлическими. Каменные поверхности были испещрены непристойными рисунками, кощунственными карикатурами на распятие, танцующими скелетами, а также изображением людей, которых поджаривали или раздирали на части.

Пол был каменный, в центре — та самая большая дыра, почти не заметная, черная на черном полу. Вдруг оказалось, что я не могу подняться и хорошо рассмотреть эту дыру. Я лежал на спине — на чем-то вроде низкого стола, к которому одной веревкой были привязаны мои ноги, правая рука и плечо. Голова и левая рука ос-

тавались свободны, а на полу в пределах досягаемости стояло блюдо с едой. Это был хороший кусок мяса с приправой и гарниром — после хлеба и воды я набросился на эту еду с волчьим аппетитом. У меня было такое впечатление, что в хлеб и воду мне подмешивали что-то одурманивающее. Так что мясо есть не стоило. Однако был ли у меня выбор? Меня мучили голод и жажда. Если мне дают сонное зелье — велика ли беда? В таком месте долгий сон — великое благо.

Я пошарил рукой в поисках фляги с водой, но не нашел ее. Так вот оно что! Начался первый этап физической пытки — пытки жаждой.

— *По?..* — позвал я, пытаясь обрести прежнее течение мыслей.

— *Перри, скажи мне, существовала ли в действительности — когда-нибудь — женщина по имени Анни?* — услышал я. Казалось, голос приходит откуда-то извне меня.

— *Разумеется, она существовала. И сейчас существует.*

— *Демон! Ты лжешь!*

— *Нет! Обрети ее. Осмелиться позвать.*

После этого он покинул меня — оставил наедине с жаждой. Я перенес все свое внимание на высокий потолок, где увидел изображение Сатурна, пожирающего своих детей. В его руке вместо традиционной косы был маятник. Затем мне показалось, что маятник не нарисован, а настоящий, он ритмично раскачивается. Но тут меня отвлек шум рядом с моей собственной рукой.

Крыса — чертовка с глазами-бусинками — появилась на краю дыры. Казалось, там еще кто-то скребется. Крыса у края дыры задрала нос и принюхивалась, поводя усиками. Через короткое время из дыры выпрыгнула еще одна тварь — размером покрупнее. Но скребущие звуки не прекратились. Пока вторая крыса в свою очередь принюхивалась и топорчила усы, первая просеменила под конструкцию, на которой я лежал. Еще две крысы выпрыгнули из дыры. Потом еще одна. И еще. Тем временем первая нашла остатки моей недавней трапезы.

Мне такое близкое соседство не понравилось — хотя бы потому, что именно крысы разносили чуму, которая, по слухам, свирепствовала в некоторых районах Ис-

пании. В надежде отпугнуть наглую тварь, я несколько раз помахал рукой и пошлепал ладонью по доскам, на которых лежал. Но крыса и ухом не повела, аккуратно вылизывая скудные объедки. Тут к блюду подвалила вторая крыса и стала оттирать первую. Через секунду они уже сцепились, противно визжа и кусаясь. Пока шла драка, еще две крысы приблизились к блюду, немедленно поссорились из-за дележа и тоже пустили в ход зубы и когти... Я прекратил размахивать рукой. С этой публичной держи ухо востро. А ну как вместо того чтобы испугаться, они нападут на меня?

Тем временем из дыры поднялось целое полчище крыс. Они бегали по всей камере, вскакивали на конструкцию, к которой я был привязан, а потом расхрабрились и стали бегать по мне, используя мое тело как выгодную позицию, чтобы нападать сверху на своих противников. Их драки нисколько не забавляли меня. Я старался не только не шевелиться, но и дышать пореже.

Внутренне я содрогался не столько от брезгливости, сколько от смертельного ужаса: ведь стоит лишь одной крысе куснуть меня, и все остальные мигом сообразят, что я съедобен, и накинутся на меня всей ордой! К счастью, во время драки одну из крыс загрызли до смерти — и остальные кинулись обгладывать ее труп. В свалке загрызли еще несколько товарищей — и теперь дрались за право сожрать их. Весь пол превратился в поле битвы. Серые пищащие твари сновали из угла в угол, сцеплялись, катались по камням, и весь этот живой ковер напоминал волны какого-то кошмарного моря — с пятнами крови на поверхности.

Я долго не мог оторвать взгляд от этих ужасов. Когда я наконец отвел глаза и снова уставился на потолок, там я увидел то, от чего у меня кровь в жилах застыла. Маятник не просто качался из стороны в сторону, а делал огромные махи шириной не меньше ярда. И он опускался!..

Этот чертов маятник заканчивался остро отточенным лезвием — оно слабо посверкивало в полуумраке. Лезвие было примерно в фут длиной, чуть загнуто. Маятник, как я теперь разглядел, крепился к медному кольцу в руке нарисованного Сатурна, который другой рукой рубил своих детей, а ногами попирал дюжину уже убитых отпрysков. Маятник ходил из стороны в сторону со

свистящим звуком и опустился уже настолько низко, что ветерок от его движения оевал мое лицо.

Теперь я начисто позабыл о крысах и смотрел только на лезвие. Я насчитал десять махов — и заметил, что оно чуточку опустилось. Еще десять махов — и ничего. Еще десять — и приспустилось. От ужаса я перестал считать, но махов через пять лезвие вдруг снова продвинулось ко мне. Теперь я думал об одном: по какому месту меня полоснет лезвие, если маятник продолжит спуск. Выходило, что он метит прямо в сердце. Мне вдруг пришло в голову: а знает ли Лигейя о том, в какую беду я попал? Так же как я установил общение с По, теперь я попытался установить связь с Лигейей.

— *Лигейя? Вы здесь? Вы меня слышите? Знаете ли вы, где я и что со мной происходит?*

Никакого ответа. Быть может, я не в состоянии как следует сосредоточиться, потому что слишком много думаю о проклятом маятнике с лезвием? Или снотворное зелье отняло у меня часть психической силы? Не исключено и то, что Лигейя попыталась связаться со мной, когда я был без сознания, — приняла за мертвого и покинула.

— *По? Ты все еще здесь?* — мысленно вскричал я.

— *Ужас!* — прогремел он в ответ. — *Бездна смотрит в лицо каждому из нас!*

— *Тебе бездна дана, габы ты ее заполнил!* — произнес я — на меня словно озарение слетело! — *Ты художник, творец! Твое воображение способно заполнить всю бездну — от предела до предела!*

— Ужас! — повторил он.

— Ты где, По? Где ты? Я теряю тебя!

Его присутствия больше не ощущалось. Маятник заметно опустился еще, его мах стал шире прежнего.

Тут я позабыл и По, и Лигейю. А о крысах и не вспоминал. Мое внимание сосредоточилось целиком на лезвии, которое со свистом рассекало воздух надо мной. Прошло сколько-то времени — несколько часов? несколько дней? — и я позабыл самого себя, превратившись в это посверкивающее лезвие, ходящее из стороны в сторону, из стороны в сторону, из стороны в сторону... Меня обнял великий покой — я словно качался на волнах спокойного моря, умиротворенный, беспечальный.

И в какой-то момент сознание совсем покинуло меня.

Как долго я пролежал без сознания — опять-таки не знаю. Я проснулся от дикой, палиющей жажды. Крысы развились на мне, попискивая на тех, что бегали по полу. В тот же момент, что я открыл глаза, я увидел маятник. Он опустился страшно низко, теперь его маятник был шириной ярдов десять. Лезвие заунывно пело, и это монотонное вжик-вжик, вжик-вжик, врезалось в душу, которая сжималась в ожидании рокового прикосновения.

Мне подумалось: не лучше ли оставаться без сознания, чтобы счеты с жизнью были покончены одним ударом, покуда я лежу в беспамятстве? Но теперь, когда я хотел забыться, сознание мое бодрствовало как никогда. Я был весь — ожидание. Ожидание, которое временами превращалось в нетерпение.

Влево, вправо... вжик-вжик! Кто-то раскатисто расхохотался, словно безумный. И я не сразу сообразил, что смеюсь я сам.

Я прикусил губу, ощутил вкус крови — и закрыл глаза. Однако тут же раскрыл их — не видеть, где лезвие, оказалось совершенно непереносимо. И все же мысли мои как-то прояснились, и я заставил себя думать.

Неимоверным усилием воли я принудил себя взглянуть на маятник спокойным разумным взглядом, не давая загипнотизировать себя его движением. Я считал удары своего пульса, чтобы определить через какие промежутки времени маятник рывком немного опускался вниз. В самом процессе подсчета я успокоился, отвлекся от переживаний, и пульс забился ровно. Теперь я мог определить ритм движения смертельного орудия более или менее точно...

310... рывок вниз.

286... рывок вниз.

127... рывок вниз.

416... рывок вниз.

Я не улавливал никакой закономерности. Но это было куда интересней, чем если бы я обнаружил точный механический ритм — как в часах. Отсутствие ритма говорило об одном: действием маятника с лезвием управляет, скорее всего, не механическое устройство, а человек. В моем сознании забрезжила крохотная надежда. Железные законы царят в мире механических аппаратов —

низкий им поклон. Но и в мире извращенных человеческих умов есть свои непреложные законы — действия подонков достаточно предсказуемы.

Я задумался над тем, как я привязан к этой низкой конструкции. Веревка узкая, напоминает подпругу, много-много раз обвита вокруг моего тела. Достаточно перерезать ее в одном месте — и я буду свободен. Движения маятника с лезвием из моей лежачей позиции видны очень хорошо — если не паниковать, сохранить умение сосредоточенно наблюдать и рассчитывать, то можно достаточно точно предугадать, где и когда лезвие полоснет по груди в первый раз. А значит, вдохнуть или выдохнуть точно в нужный момент. И тут бесценен тот факт, что маятником управляет человек. В отличие от автомата, человек захочет помучить, причинить побольше боли, просмаковать убийство. Так что сам человек наверху позаботится о том, чтобы первый же удар лезвия не стал смертельным.

Вдруг меня осенило: неспроста я связан именно так и такой веревкой. Если я сам себя не подставлю тем, что вдохну полной грудью не в тот момент, лезвие маятника просто разрежет веревку и освободит меня — после того, как человек наверху вволю насладится моим ужасом. До следующего удара у меня будет достаточно времени скатиться на пол. Однако следует проявить предельную осторожность: я могу покатиться прямо в дыру. В голове моей свербела мысль, что от меня добивались именно этого: чтобы я по собственной воле бросился в колодец и погиб. А прочие пытки — только забава.

Я стал дышать медленно и ритмично. Я ждал.

Еще восемь махов маятника, и он оказался всего в нескольких дюймах от моей груди. Еще восемь махов — и новое приближение. Еще четыре — и на возвратном пути лезвие чуть коснулось моей одежды. Так-так, именно теперь начнется игра кошки с мышкой. Лезвие будет оставаться на этой высоте долго, очень долго — или даже немного поднимется.

Я сделал глубокий-преглубокий вдох, чтобы грудь поднялась выше, сжал зубы и закрыл глаза. Резкая боль от пореза — и я рванул руками в стороны, вверх, потом рывком высвободил ноги и скатился с низкой конструкции на пол. Темные пятна кинулись врассыпную.

Прокатившись немного по полу, я остановился. Мерзкого «вжик-вжик» больше не было слышно. Я оглянулся — мятник подтаскивали к самому потолку.. Я принялся растирать затекшие руки и ноги — будучи настороже в ожидании новых опасностей.

Лишь теперь я обнаружил источник красновато-желтого дьявольского света, который заливал камеру. Он шел от нижней части металлических стен. Я пополз на четвереньках приглядеться, но в нос мне ударил омерзительный запах — запах раскаленного железа. Свечение, похоже, усиливалось. Жуткие картинки на стенах в более ярком свете будто ожили, но от металла шел такой жар, что ближайшие картинки стали оплывать, краска потекла... И тут обе металлические стены разом заскрипели — и стали двигаться. Цвет их стал насыщенный, переходя из желтого в по-настоящему красный.

Камера мало-помалу наполнялась дымом, сдвигающиеся стены лязгали. Я поднялся на ноги, отбросив остатки веревки, и отступил на пару шагов от приближающейся раскаленной стены. Не иначе как я угадал, и их главная цель — вынудить меня выбрать колодец.

Стены новым рывком сдвинулись. Я отступил еще на шаг. Продвигаясь вокруг дыры, я добрался до каменной стены — туда, где была дверь. Согласно логике, это было самое безопасное место в камере.

Оказавшись у двери, я медленно оглянулся на дыру. Она упрямно звала меня с тех пор, как я впервые обнаружил ее. Теперь я ощутил, что пора заглянуть в нее — узнать, что именно внушает мне такой ужас, наводит такую душевную тоску. Я опустился на колени и подполз к краю колодца. Раскаленные стены давали яркое освещение — и я принудил себя смотреть на то, что я увидел, и не отводить глаза.

А картина, увиденная мной, была страшна.

Внизу была комната, в которой возле открытого гроба стоял низкорослый мужчина с большими бакенбардами. На нем был выходной черный костюм, черные перчатки, а в руке он держал короткий хлыст, какой я видел в цирке у дрессировщиков. Уж не знаю как, но я сразу понял, что это Руфус Гризуолд. Перед ним стоял Эдгар По — он был связан, его голова бессильно свешивалась на грудь. Гризуолд кнутом показывал По — полезай в

гроб. Эдгар По выпрямился, поднял голову — и внезапно стал только контуром, черной бездной, из которой светили звезды и мерцали кометы. Теперь рядом с зияющим гробом во всем величии толпились мириады звезд Млечного Пути и победно улыбалась бесконечность, а Гризуолд в ярости отводил глаза и скрежетал зубами.

Но щелкнул хлыст — и фигура По снова стала материальной, а я осознал, что раскаленные стены камеры еще приблизились ко мне. Однако у меня было ощущение, что главный ужас происходит все же не со мной, а там — внизу, где Гризуолд хочет уничтожить воображение и способность удивляться заодно с темными непознанными глубинами человеческого духа — упрятать их в ящик, швырнуть в бездонный колодец...

Стены камеры еще продвинулись. Я истекал потом и задыхался от жара. Но лязг продолжался, мерзкий дым застил зрение. Я чувствовал, что сознание оставляет меня. Прижавшись спиной к каменной стене, я прокричал:

— Нет! Не делай этого! Будь ты проклят, Гризуолд!
Похоже, меня никто не услышал.

Где-то за дверью раздались громкие голоса. Дверь рядом со мной с шумом распахнулась — и волосатая лапа ухватила меня за плечо. Я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу в камере. Но в этой камере не было дыры посередине, а дверь была открыта. Надо мной склонились Лигейя и Эмерсон. А у двери стоял Петерс.

— Генерал Лассаль только что взял город? — переспросил я. Именно эту фразу я слышал перед тем, как окончательно прийти в себя.

— Да, — ответила Лигейя.

— А связь, которую вы со мной установили... она сработала?

Лигейя кивнула.

— Но у всего, что со мной случилось тут, было что-то от сна или наркотического бреда.

— Гризуолду наконец удалось использовать Анни в качестве оружия против вас, — сказала Лигейя. — Он принуждал ее уничтожить вас, но она сопротивлялась приказам Темплтона до последнего.

— Выходит, мы и впрямь встретились с ней в Толедо — пусть и странным образом, в месте страшных розыгрышей. А что с фон Кемпеленом?

— Он провел нас. Теперь, когда Анни больше не мешает, месье Вальдемар снова обрел возможность зреТЬ невидимое. На самом деле фон Кемпелен бежал в Арагонское королевство.

— В таком случае мы едем обратно.

— Другого выхода не вижу.

Вместе со своими друзьями я покинул тюрьму, прошел через занятый французами город. У ворот нас поджидала карета. Всю дорогу я пил воду как человек, только что вернувшийся из пустыни.

Таким образом я опровергал философские тезисы Беркли, который твердил, что внешний мир не существует независимо от восприятий и мышления.

Она была единственным творцом того мира, где она пела. Она созидала свое королевство не из бренных материалов, и здешнее море было солено от ее скорби, и весь этот мир был ее песня.

Она перенесла поэта в его пещеру, сняла путы с рук и нежно обняла.

— Они принуждали меня, — говорила она, — лишить моего темного сокола его упоительныхочных полетов.

Посмотрел мимо нее на бурное море. Туча наползала на солнце.

— Будь вольной птицей, и знай: я никогда не причиню тебе вреда! — сказала она.

— Всего лишь плод воображения, — произнес он и отвернулся от нее.

Кусок пространства перед ним стал распадаться, как разбитая стеклянная стена.

— Не покидай меня! — тихо сказала она.

— Всего лишь плод воображения!

Он шагнул вперед — и через пролом в пространстве вышел вон, во мрак, прочь из ее королевства.

Глава 7

Когда пневмония добила больную чахоткой Элизабет По и голова страдалицы наконец обрела покой на засаленной подушке, а большие серые глаза на почти детском лице в рамке длинных волос навеки закрылись, миниатюрную актрису обрядили в ее лучший наряд из дешевой ткани и увенчали лучшей ее диадемой.

Тело лежало в убогой мансарде, принадлежавшей модистке, где все члены труппы мистера Плэсида могли попрощаться с покойной. Миссис Филлипс, владелица магазина дамских шляпок, а также две дамы из «уважаемого общества» — миссис Аллан и миссис Макензи, подруги несчастной Элизабет По, взяли на себя хлопоты по устройству похорон.

После долгих препирательств с некоторыми особо косными прихожанами, которые не желали, чтобы какая-то актриса была похоронена в священной земле, мистер Аллан и мистер Макензи, будучи из числа самых уважаемых прихожан, все же настояли на решении похоронить Элизабет По на погосте церкви св. Иоанна — впрочем, в самом дальнем углу, у стены. В кладбищенской книге сделали запись о погребении — без имени покойной. Более ста лет не было имени и на надгробном камне.

А сероглазый мальчуган, любимец труппы, не воспринял эту смерть всерьез. Трехлетний Эдгар столько раз видел, как мама умирала на сцене, что и теперь ждал, когда же она встанет и выйдет на поклоны. Ееозвращение странно затягивалось. Когда же она придет и обнимет его?

Холодным декабрьским днем 1811 года на улице, перед домом миссис Филлипс, маленький Эдгар был разлучен со своей совсем крохотной сестричкой Розали — ее взяла на воспитание другая женщина, а сам он остался с миссис Аллан.

Миссис Аллан привезла его в экипаже в трехэтажное кирпичное здание колониального стиля на углу Четырнадцатой улицы и Табачного переулка. Теперь это был его дом. Мама так и не вернулась за ним. Через какое-то время он перестал ждать.

После долгого путешествия мы оказались в мирном Арагонском королевстве. Здесь не чувствовалось никаких признаков войны, бушевавшей совсем рядом. Одни подданные принца Просперо говорили на французском, другие — на испанском, третьи — на английском. Но покой в этих краях можно было назвать мертвым. Если иностранная армия и побывала в Арагоне, то несколько месяцев назад. Виной опустошения была не война, а эпидемия. В пути до нас сперва дошли страшные слухи, а потом мы своими глазами увидели погребальные процесии, заунывно поющих над покойниками монахов, вымершие и опустевшие деревни — признаки присутствия Красной смерти, разновидности легочной чумы.

В начале нового года мы были заняты тем, что старательно объезжали районы военных действий. Тут месье Вальдемар оказывал нам неоценимые услуги. Он же дал нам полезные советы касательно принца Просперо и его нынешнего положения. Всего за несколько дней до нашего прибытия принц полностью прервал отношения с большинством своих подданных. Нет, он уединился отнюдь не для размышлений о том, как помочь своей страдающей стране. Наплевав на судьбу большинства подданных, он призвал примерно тысячу самых знатных вельмож с женами, а также своих друзей. Дабы укрыться от Красной смерти, все они — вместе с необходимым числом слуг и одной-двумя ротами солдат — забаррикадировались за крепостными стенами одного аббатства, где, имея достаточные запасы провизии, могли безбедно переждать эпидемию.

Мне было бы плевать на поведение Просперо, не будь он одним из тех, к кому фон Кемпелен обращался со своим предложением. И сейчас алхимик был гостем Просперо и укрылся с ним за стенами аббатства.

Поскольку тут была замешана Анни, месье Вальдемар опять не мог сказать с точностью, но ему казалось весьма вероятным, что наша троица подлецов — Темплтон, Гризуолд и Гудфеллоу — также находятся рядом с Просперо.

— Узнайте, что это за аббатство! — настойчиво попросил я.

— Оно расположено на юго-западе от Таррагоны, — сказал месье Вальдемар, указывая рукой в нужном направлении. — Рядом с небольшой деревушкой под названием Санта-Креус.

И мы направились на восток — к Таррагоне.

А на следующей неделе наша карета уже громыхала по улочкам Санта-Креуса. Жутковатое, признаться, зрелище — потому что в деревушке не было ни души. Проехав по безлюдным улицам, мы увидели аббатство: высокие стены, стражи на башнях. Я приказал вознице ехать к воротам.

Пока мы приближались, в нас несколько раз стреляли. Повинуясь приказу остановиться, который прозвучал на испанском, французском и английском, возница натянул поводья.

Я вышел из кареты и сделал шаг в сторону ворот.

— Стой! — рявкнул часовой.

— Стою, стою. Если не трудно, говорите по-английски.

— Чего ты хочешь, англичанин? — прокричал часовой.

— Я ищу людей, которые, как мне кажется, прибыли в ваше аббатство несколько дней назад.

— Если они и здесь, вы не сможете попасть к ним.

— Это чрезвычайно важно! — прокричал я, достал золотую монету, подбросил ее в воздух и поймал.

— Мы, солдаты, живем в казематах стены, — сказал часовой. — Даже нам нет ходу в само аббатство. Все железные запоры заклепаны.

— А вы можете передать послание? Есть какой-нибудь способ передать записку нужному человеку?

— Нет, — ответил часовой. — Безнадежное дело.

— Ладно, — кивнул я, — все понятно. Тогда мне нужные кой-какие сведения. Скажи-ка мне...

— Ничего я вам не скажу, господин хороший. Шли бы вы отсюда подобру-поздорову.

— Да ты не сомневайся, я хорошо заплачу!

Он рассмеялся.

— Я к твоему золоту и не прикоснусь! А ну как оно мечено Красной смертью!

Тут я вспомнил, каким тоном я разговаривал с солдатами на плацу, и с командирскими интонациями в голосе спросил:

— Рядовой, доложите, есть ли в обители немец по имени фон Кемпелен! А также четверо американцев — трое мужчин и женщина.

Он заметно вытянулся и отвел плечи назад.

— Не могу знать, сэр. Их там много всяких.

— Спасибо, рядовой! Я так понимаю, в деревушке ни души, гостиница не работает?

— Ни души, сэр. И я бы на вашем месте тут не задерживался. Я бы мчался в карете до самой границы, пока не заморил лошадей. А потом бросил бы карету и пропустил на своих двоих.

— Спасибо за совет, — сказал я и вернулся в карету.

— Что дальше? — спросила Лигейя.

— Едем отсюда, — ответил я. — Остановимся там, где нас не будет видно со стен. И поговорим с месье Вальдемаром. Быть может, Анни в аббатстве. А может, нет. Однако спросить я хочу не о ней.

Я велел остановить карету возле обгорелых деревьев оливковой рощи. Когда ящик с месье Вальдемаром был спущен на землю и я сказал, что мы с Лигейей намерены его открыть, остальных как ветром сдуло. Остался только Грип, который взирал на наши действия с моего левого плеча.

Стоило мне снять крышку, как месье Вальдемар раскрыл глаза — без помощи месмеризма. Да и яркий дневной свет, похоже, его уже не беспокоил. Лигейя странно покосилась на меня, потом сделала несколько пассов над ним. Она не успела довести процедуру до конца, как месье Вальдемар спросил:

— Где мы находимся?

Это было так мало похоже на него — первым начинать разговор!

— Мы в Арагоне, поблизости от Таррагоны, в деревушке Санта-Креус, — ответила Лигейя.

— Не замечаете ничего особенного в округе?

— Красная смерть истребила здесь огромное количество людей.

— А-а! — произнес месье Вальдемар. — Как счастливы мертвые! Как им хорошо! Как им повезло! С радостью поменялся бы я местом с любым из них! Уснуть — и не видеть сны, быть может!

Я откашлялся.

— Мне стыдно беспокоить вас низменными земными материями, месье Вальдемар, — сказал я, — но просто не к кому больше обратиться за советом.

— Я могу понять вас, пленников земной суety, — изрек месье Вальдемар со вздохом. — Спрашивайте.

— Здесь рядом — внушительное аббатство, обнесенное крепкими высокими стенами, — пояснил я. — Не вижу способа проникнуть внутрь. На стенах охрана. Железные входные двери заварены. Но я убежден, что фон Кемпелен в аббатстве, а возможно, также Анни, Темплтон, Гудфеллоу и Гризуолд. Мне вспомнилось, что старые крепости всегда имеют тайные подземные ходы. Не могли бы вы подсказать, есть ли тайный ход в аббатство? Мне позарез нужно попасть внутрь!

Месье Вальдемар внезапно закатил глаза, так что стали видны только белки. Руки бессильно упали на грудь в обычное скрещенное положение. Заговорил он лишь после долгой, долгой паузы.

— Существует секретный ход из аббатства в деревушку, — произнес он замогильным голосом. — Это подземный туннель. Им перестали пользоваться в незапамятные времена — так что не могу сказать, можно ли сейчас по нему пройти. С туннелем за это время что-то произошло — быть может, вход в него замурован. Не исключено, что над выходом построен дом.

Он надолго замолчал. Я не вытерпел и поторопил:

— А поточнее не можете?

— К сожалению, не могу, — ответил он. — Зато точно знаю: фон Кемпелен в стенах аббатства, и наличест-

вует искажение месмерического фона, которое обычно было свидетельством присутствия Анни. Следовательно, велика вероятность того, что она также гостья принца Просперо.

— А не может ли произойти то же, что и в Толедо, — большие неприятности при пересечении наших с ней путей?

— Не исключено.

— Что ж, у меня все равно нет выбора.

Он оставил мои слова без комментария.

— Итак, этот заброшенный туннель — единственный тайный ход из аббатства?

— Другого мое мысленное зрение не видит. Позвольте мне уснуть.

Я машинально проделал нужные пассы. Глаза месье Вальдемара закрылись, крышка сама собой надвинулась. Грип при этом воспроизвел выстрел открывающейся бутылки шампанского.

Мы быстро водрузили ящик на место, и карета покатали по улицам деревушки.

Когда мы остановились возле постоянного двора на главной площади, день уже клонился к вечеру. Я взял с собой саблю и вместе с Петерсом принялся быстро обследовать пустую деревушку. Надо было хорошенъко оглядеться, чтобы прикинуть, где именно может располагаться выход из подземного туннеля. Лигейю мы остали в карете.

Неугомонный Эмерсон сопровождал нас от дома к дому, время от времени залезая на деревья и дурачясь. В деревушке царил полный покой. Витрины магазинов были заколочены досками. За все время нашей разведывательной экспедиции мы не услышали ни одного голоса, не встретили ни души.

Я поинтересовался у Петерса:

— У вас не бегают муравьи по спине от того, что здесь совсем недавно свирепствовала чума? Кто знает — быть может, зараза дремлет где-то совсем рядом!

На его лице была обычная ухмылка.

— Каждый проживет, сколько у него на роду написано. Не больше и не меньше. Так что чему быть, того не миновать.

— Я совсем не такой фаталист, как вы, — сказал я. — Меня успокаивает одно: если бы нам грозила непосредственная опасность, месье Вальдемар непременно предупредил бы меня.

— Если бы кто и подсказал — так это Лигейя.

— Что вы хотите сказать?

— Она — больше чем просто умелица наводить сон на людей, — произнес Петерс. — Я вас еще на корабле предостерегал.

— Вы полагаете, что она ведьма?

— Подозреваю, — пробормотал Петерс и воровато оглянулся, как будто Лигейя могла его подслушать.

В этот момент мы проходили мимо пожарищ — полусгоревшие дома стояли между лужами, вода в которых зацветала и пованивала. Эмерсон юркнул в подвал одного из этих домов и надолго скрылся из виду.

Дальше стояли нетронутые пожаром дома, в которых находились лавки торговцев. Все они были взломаны — напрасно лавочники думали, что кого-то остановят наспех забитые досками двери и витрины. Это позволило нам сделать важный вывод: не все обитатели деревни скрывались — кто-то мародерствует в этих краях.

И действительно, проходя мимо большого полуразрушенного дома, мы вдруг услышали чей-то смех. Отнюдь не добродушный. Таким лающим мерзким смехом хорошие люди не смеются. Я быстро переглянулся с Петерсом, и он кивнул.

Мы подошли ко входу в здание. Петерс со всей силы толкнул дверь ногой — она с грохотом ударилась о стену. Я бы предпочел тихо подкрасться, однако Петерс явил свое всегдашнее бесстрашие. Похоже, он был уверен, что смекалка и физическая сила помогут ему выпутаться из любой ситуации.

Смех резко прервался. Оказавшись внутри здания, мы обнаружили, что это дом гробовщика. Среди простых гробов были несколько роскошных — из красного дерева с серебряными украшениями. Я пожалел, что с нами нет месье Вальдемара, — ему бы непременно приглянулось одно из этих искусно сделанных жилищ.

Мы с Петерсом быстро огляделись — ни души. Но тут храбрый коротышка указал мне на открытую дверь в подвал. Я проверил, легко ли сабля выходит из ножен, и мы двинулись в правый угол большой комнаты, где находился спуск в подвал.

Я заглянул вниз и увидел сперва длинный ряд бочек с вином и стойки с винными бутылками. Одновременно я услышал хлопок открываемой бутылки. Затем в центре неплохо освещенного свечами подвала я увидел длинный стол с большой лоханью, полной вина. Над столом висел скелет, к рука и ногам которого были привязаны веревочки. Кто-то дергал за них, и скелет выплясывал страшный танец, вызывавший тот самый зловещий хохот, который мы слышали с улицы.

За столом сидело несколько человек — сиденьями служили гробы. Судя по всему, они по очереди пили вино из черепа. Человек, сидевший во главе стола, тяжелым взглядом уставился на меня. Был он сухопарый — считай, кожа да кости, а вытянутое, лошадиное лицо поражало желтизной.

Напротив этого ходячего скелета сидели две женщины. Одна невероятно жирная — прямая противоположность ему, а другая миниатюрная, прекрасно сложенная, бледная девица с горящими щеками и длинным-предлинным носом, который нависал над верхней губой. Не успел я решить, что вторая особа женского пола больна чахоткой, как она разразилась характерным кашлем. Слева от толстухи сидел угрюмый одутловатый старик — его руки были скрещены на груди, а забинтованная нога покоилась на крае стола.

В подвале присутствовали еще двое мужчин — хоть я и не мог со своего места разглядеть их как следует, мне бросилось в глаза, что один отличался неимоверной величины ушами и подвязанной челюстью, а второй был вроде как парализован — сидел в неестественной позе, до странности неподвижно. Почти все пирующие в подвале были завернуты в саваны.

— Добрый вечер, — сказал я тощему человеку, который пристально меня рассматривал.

На это живой скелет властно постучал по столу чем-то вроде белого жезла — приглядевшись, я понял, что это берцовая кость, — и провозгласил:

— Друзья мои, у нас гости!

Все головы повернулись в мою сторону. Только парализованный не повернул головы — лишь скосился на меня.

— Добро пожаловать, господин хороший. Спускайтесь и присоединяйтесь к нашей компании.

Незаметным жестом приказав Петерсу оставаться на страже наверху, вне пределов видимости компании пирующих, я пригнулся, прошел через низкую дверь в подвал и спустился по крутой лестнице.

— Можно ли узнать, кого мы имели честь пригласить? — осведомился тощий предводитель пирующих.

— Меня зовут Эдгар Аллан Перри, — ответил я.

— А я — король. Вот моя — ха-ха! — чумная свита. Присоединяйтесь к нашему пиру — будем пить и веселиться перед лицом неотвратимой смерти. Желаете чепр грога?

— Спасибо, чуть позже, — сказал я. — Видите ли, я разыскиваю туннель — подземный ход, ведущий в аббатство.

— Легче прорыть новый, — буркнул старик с перевязанной ногой. — Начинайте, а мы присоединимся. Он и станет нам общей могилой.

Дамочки захихикали. Парализованный закатил глаза, чтобы показать, как ему смешно. Тот, кто назывался королем, настойчиво постучал берцовой костью по столу, расплескав вино в черепе, который он держал в другой руке.

— Тихо! — громыхнул он.

Опираясь на кость, как на палку, тощий медленно встал, затем сделал быстрый шаг в мою сторону, указывая на меня берцовой костью, которую он держал как шпагу — и с повадкой опытного фехтовальщика.

— Вы обязаны осушить добрую порцию грога! — провозгласил он, протягивая мне череп-чашу. — Лишь после этого мы примем вас в свое общество и разрешим копать туннель, где вам вздумается. В противном случае мы окрестим вас в купели с вином — окунем с головой и будем держать, пока петух не запоет!

Я выхватил саблю из ножен.

— Фи-и! Какой моветон! — сказал тощий король. Он повел рукой — и толстуха вдруг запела.

Петерс решил, что мне приходится совсем солоно, и, не долго думая, кинулся прямо в дверной проем. Прокатившись до половины лестницы, он прыгнул, вцепился в скелет над столом и повис на нем. Пение мгновенно прекратилось. Поднялся крик и визг. Прихвостни Короля Чумы, сами сущие монстры, были напуганы жуткой физиономией Петерса, который и всегда-то был страшен, а тут скроил такую рожу, что впору перекреститься.

Отпустив скелет, Петерс спрыгнул на стол.

— Хватит горевать, бабы! — крикнул он. — Сыпь вверх по лестнице, братва!

Король Чумы позабыл обо мне и двинулся на Петерса, угрожающе выставив массивную кость.

Петерс шагнул вперед, схватил неподъемную лохань с вином, крякнул, потянул ее вверх — успел скоситься на меня и подмигнуть — и поднял над собой. Не теряя времени я кинулся к лестнице и взлетел наверх. За моей спиной слышались вопли и плеск — это Петерс опрокинул на честную компанию лохань с вином.

Не успел я оказаться наверху, как ко мне присоединился хохочущий Петерс. Он шустро захлопнул дверь и привалил ее тяжелым гробом.

В этот момент в дом гробовщика вбежал Эмерсон. За его спиной в дверном проеме светила только что взошедшая луна. Орангутанг бешено зажестикулировал. Петерс кивнул головой.

— Лучше нам побыстрее отсюда убираться, — сказал Петерс мне. — Потешились — и будет.

Мы последовали в вечерний мрак вслед за нашим мохнатым проводником.

Конюшни постоянного двора. Очаровательная леди сидит на гробе, рядом с ней — несколько узлов и сундуков с нашим имуществом, на котором находилась большая черная птица.

Я ахнул.

— Лигейя, а где наша карета?

— Пока я ходила присмотреть более или менее сохранный дом, где можно поселиться на время, возница остался один и выгрузил вещи. Я застала его, когда он скидывал последний наш сундук. Потом он сел на козлы,

схватил поводья и погнал лошадей. Негодяй испугался Красной смерти.

— Он что — на прощание так и сказал?

— Нет, укатил молча, разбойник! Но после того как вы ушли обследовать деревню, он говорил, что вы, должно быть, совсем рехнулись — и предлагал мне бежать вместе с ним.

— Эдди, по дороге сюда я видел тележку, — произнес Петерс. — Можно погрузить наш скарб.

— Хорошая идея. Волоките ее сюда, — сказал я.

Мы погрузили вещи на тележку и двинулись в путь, но тут заметили далеко впереди удалявшихся от нас двух мужчин — один из них был в костюме шута.

Я собирался окликнуть их, однако Петерс дернул меня за рукав.

— Они навеселе, — сказал он. — Вишь, какие крен-деля ногами выписывают!

— Ну и что?

— Напоминают тех, в подвале.

— А вдруг они не придуры? Просто нормальные жители деревни — из тех немногих, что выжили.

— Лучше пойдем потихоньку за ними и поглядим, куда они путь держат.

— Да, не стоит сразу заговаривать с ними, — согласилась Лигейя.

— Как мы пойдем за ними — с тележкой! — сказал я.

— Да они же почти в стельку, — возразил Петерс. — За ними хоть кавалерийский полк иди — все равно не заметят.

И мы на большом расстоянии последовали за странной парой.

Будучи уверены, что в деревне они одни, пьяные говорили громко. Из обрывков их сумбурного разговора мы поняли, что одного зовут Монтрезор, а второго, в шутовском наряде, — Фортунато.

Монтрезор пару раз оглядывался, но у меня было впечатление, что нас он не видел и постукивания нашей тележки не слышал.

Говорили они о винах. И оба проявляли недюжинные познания. Так и сыпали названиями вин и словечками, принятыми в среде виноделов и винокуров.

Они припетляли к большому ветхому особняку, который стоял немного на отшибе возле рощицы, облитой лунным светом.

Монтрезор долго возился с замком.

Фортунато хихикнул и сказал:

— Дурья голова, дверь собственного дома открыть не может.

Я вздрогнул — из обиталища месье Вальдемара раздался тихий стук.

Лигейя положила руку на крышку. Очевидно, она установила месмерическую связь, потому что через некоторое время провозгласила:

— Это нужное место. Надо проникнуть в дом — туннель где-то там.

Мы решительно направились ко входу в ветхий особняк.

Нам с Петерсом пришлось долго молотить кулаками по двери, прежде чем ее открыли. На пороге стоял Монтрезор. Наша компания вызвала на его лице последовательное чередование удивления, раздражения и легкой настороженности.

Такая троица — с орангутангом, вороном и нагруженной тележкой — могла кого хочешь озадачить.

— Мистер Монтрезор? — спросил я, питая надежду, что мой собеседник знает английский язык.

Он изучал мое лицо на протяжении нескольких секунд потом процедил:

— Ну, я Монтрезор. Чего вам?

— Я насчет доставки ящика Шато-Марго, — пояснил я.

Его взгляд переметнулся на нашу тележку. По тому, как он лихо выпрямился и даже чуть протрезвел на радостях, плотоядно облизывая губы, я понял, что он у нас на крючке.

— Вот дела... — протянул он. — Я как будто не заказывал... Вы продаете? Или это подарок? Вы, собственно говоря, кто такие?

— Мы — остатки странствующей труппы актеров, — сказал я. — Граф Просперо послал за нами, но к тому времени, когда мы добрались до аббатства, его ворота уже были закрыты и забаррикадированы. А солдаты — пни пнями! — отказались пустить нас внутрь. Даже со-

общить принцу о нашем приезде оказались! Вот так и вышло, — продолжил я, — что мы угодили в дурацкое положение. Сейчас хотим за этот ящик с вином получить безопасный кров и немногого пищи. Это отменное вино везли самому принцу Просперо, но доставщики испугались Красной смерти, бросили ящик и улепетнули. А нам он кстати пришелся.

— Что ж, волоките ящик внутрь, — пригласил Монброзор, широко открывая дверь.

Мы не заставили его повторять это дважды.

— Эй, эй! — закричал он. — Всех в дом не пущу! Обезьянку и птицу извольте оставить снаружи.

— Нельзя нам бросить их — это наш хлеб, — возразил я.

— Тогда пусть дамочка приглядит за ними, пока вы затащите ящик, — сказал Монброзор. — Слуг вам на помощь не могу послать — все разбежались, разрази их гром!.. — После этого он буркнул себе под нос: — Я бы и сам дал деру, да только есть у меня тут очень важное дельце.

Из-за его спины вдруг вынырнул Фортунато. На нем теперь был еще и шутовской колпак с бубенцами. Он сосал вино из надтреснутого графина. Оторвавшись от горлышка и таращась на нас осоловелым взглядом, Фортунато произнес:

— И чего ты тут околачиваешься, Монброзор? Пора нам к бочонку этого... как его?.. амонтильгадо? амонтильваздо?

— Амонтильядо! — внезапно выкрикнул Грип.

Фортунато отшатнулся, как будто его по лбу треснули. Его лицо исказила гримаса ужаса.

— Дьявол! — воскликнул он и попятился.

— К сожалению, мистер Монброзор, — сказал я, — мы не можем оставить леди одну. Так что или мы все зайдем с ящиком вина, или — всего хорошего.

— Осел! Лукрези — настоящий осел! — внезапно запричитал Фортунато. — Ведь я прав, Монброзор! Сам знаешь, я прав! Лукрези — невежда, который не может отличить наливку от уксуса! Кха, кха, кха! Кха, кха, кха!

Шут закашлялся — очень подозрительно.

— Пустяки, простуда! — поспешил сказать он. Говорил он по-английски с еще большим акцентом, чем Мон-

трезор. — Это не чума, господа. От кашля еще никто не помирал.

— Ты прав, от кашля еще никто не помирал, — сказал Монтрезор, задумчиво глядя на Фортунато. — Ты умрешь не от кашля — это я тебе могу точно обещать.

Отвернувшись от шута, Монтрезор махнул нам.

— Заходите все, черт с вами. Тащите ящик вниз. Я покажу дорогу.

Задвинув за нами засов, Монтрезор пошел первым. За ним шли я и Петерс, следом — Лигейя и Эмерсон с Грипом на плече. А Фортунато замыкал шествие — выписывая ногами кренделя и спотыкаясь, то заводя песню, то принимаясь костерить глупого Лукреци. Вполне подходящая картинка веселенького вечера в селении, где хозяйничает ее величество чума.

По длинной каменной лестнице, делавшей множество поворотов, Монтрезор провел нас в удивительно просторный подвал. Как ни странно, он был освещен закрепленными на стенах смоляными факелами и длинными свечами в нишах. Разве это не расточительство — так освещать далеко не самую важную часть дома?

Наконец Монтрезор приказал нам с Петерсом поставить ящик на пол в широком коридоре, который начинался в подвале и, похоже, вел в какие-то катакомбы. Мне ужас как хотелось пройти дальше — ведь, скорее всего, именно там находился подземный ход в аббатство!

Вдоль стен — каменных, с вкраплениями селитры — широкого коридора, от пола до потолка, были сложены человеческие кости и черепа, и наши тени длинными пальцами метались по ним. На всем, подобно рыбацким сетям, была раскинута паутина, а топот разбегающихся крыс напомнил мне о пребывании в толедском узилище, которое мне до сих пор снилось.

Монтрезор перехватил мой взгляд и усмехнулся.

— Здесь когда-то была усыпальница аббатства, — пояснил он. — Еще до того, как отец принца Просперо выгнал монахов и присвоил крепость себе.

Мы подтянули ящик к стене.

— Тут, наверно, имеется ход в бывшее аббатство? — как бы между прочим спросил я.

Он не ответил. К моему удивлению, Монтрезор повернулся и пошел обратно. Я-то думал, что он сразу за-

хочет открыть ящик и посмотреть на свое приобретение, — и тогда придется что-то быстро предпринимать. Остановившись через несколько шагов, Монтрезор вперил взгляд в Фортунато, который сидел на груде костей и пожирал глазами статную высокую Лигейю, ее волнистые кудри цвета воронова крыла. Смотрел он откровенно похотливо.

Монтрезор пробормотал какие-то слова о питье и похоти, в которых я, сын актрисы, не мог не узнать строк из шекспировского «Макбета»:

— Пьянство и вызывает похоть, и оно же ее отшибает: вызывает желание, но препятствует удовлетворению. Поэтому добрая выпивка, можно сказать, только и делает, что с распутством душой кривит: возбудит и обессилит, разожжет и погасит, раздразнит и обманет, поднимет, а стоять не даст; словом, она криводушничает с ним до тех пор, пока не уложит его в постель, не свалит всю вину на него же и не уйдет.

Когда Монтрезор развернулся ко мне, я не стал applaudировать его монологу — я сам пристально смотрел на Лигейю, которая начисто игнорировала пьяного шута.

Хозяин особняка, внезапно очень трезвой походкой, подошел ко мне вплотную, взял за рукав и увлек в сторону.

— Итак, вы, молодой человек, разыскиваете тайный ход в аббатство?

Я чуточку насмешливо поклонился. Но и в его вопросе заключалась насмешка. Так что мы были квиты.

— Разыскать этот ход — наше глубочайшее желание, сэр, — ответил я.

— Тогда позвольте мне показать его. Подземный ход действительно существует. Со стороны аббатства туннель замуровали давным-давно — когда мой отец был молодым, если не раньше. Даже нынешний принц не ведает о нем.

— Замурован! — воскликнул я. — Как же мы пройдем?

— Это не так уж сложно, — пояснил он. — Я дам вам нужные инструменты — кувалды и лом. Крепким мужчинам ничего не стоит пробить брешь в достаточно тонкой стене. В результате вы окажетесь в глухом конце одного из подземных складов. Но вы должны — и это

очень важно! — заделать стену за собой, замести все следы. Кувалды и лом спрячьте куда-нибудь, а хотите — бросьте в колодец, там их много. Если вы этого не проделаете, слуги принца узнают о наличии подземного хода — и принц поймет, что кто-то незваный пробрался в крепость, а с ним, быть может, и зараза. Будьте уверены, за вами такая начнется охота, а когда схватят...

Монтрезор не закончил фразу. Вместо этого он быстрым движением раздавил крупного паука, бежавшего по полу. Секунды две мы молча глубокомысленно взирали на мокре место.

— Знайте, — закончил Монтрезор, — лишь одного боится бесстрашный принц Просперо — Красной смерти.

План Монтрезора мы приняли к действию. Была только одна загвоздка: как быть с месье Вальдемаром? Не тащить же его с собой! Придется оставить. Я не мог обсудить этот вопрос с друзьями, потому что Монтрезор был все время поблизости. Но Лигейя сама сообразила, почему я так морщу лоб.

Резко повернувшись ко мне — так что полы ее плаща вполне театрально взметнулись, она произнесла — с мелодраматическим дрожанием губ и голоса:

— О Эдгар! Я подумала обо всем еще раз — и поняла, что не могу последовать за тобой. Меня пронизывает страх при одной мысли, что я окажусь в крепости, которой правит известный своей жестокостью принц. Прости, но тебе придется идти туда без меня.

Однако в ее речи было столько искренности, что я невольно подумал: а не связывают ли этих двух — Лигейю и месье Вальдемара — иные узы, помимо месмерических? Дурацкая мысль. Не знаю, откуда она взялась и с какой стати.

Монтрезор кинул на ее недовольный взгляд — словно собирался вступить в спор. Однако наша троица вкупе с орангутангом, надо думать, со стороны представляла собой такую сплоченную и безрассудно храбрую группу, что он, будучи в явном меньшинстве, счел неразумным связываться с нами и промолчал.

До нас донесся громкий храл. Это Фортунато сморил пьяный сон — свернувшись калачиком, шут лежал на

груде костей. Петерс какое-то время таращился на Фортунато, потом стащил с него колпак с бубенчиками и примерил на свою голову, поверх парика. Спящий зашел вился, но не проснулся. Петерс начал проворно стаскивать с него пестрый шутовской наряд. Монтрезор пронаблюдал за действиями моего друга, однако опять-таки ничего не сказал.

Петерс и я, прихватив факелы, пару кувалд и лом, двинулись вперед по темному туннелю, на который нам указал Монтрезор. Эмерсон поскакал за нами. В алькове, где мы брали кувалды и лом, я не без удивления заметил корыто со свежезамешенным строительным раствором, хотя и не придал этому никакого значения.

Мы прошли совсем немного до первого поворота, который скрыл от нас фигуры Лигейи и Монтрезора, которые провожали нас глазами, и спящего на странном ложе раздетого до белья Фортунато. Пройдя еще сотню шагов, я подумал: ну вот, к этому времени Лигейя уже поднимается по лестнице из подвала с Грипом на плече. Надеюсь, любезный хозяин укажет ей спальню, где она сможет отдохнуть. А нам предстоят непростые приключения...

В мыслях своих я представил, как Грип, сидя на плече прелестной Лигейи, тихо цедит ругательства, от которых даже пьяная матросня способна покраснеть. Я рассмеялся про себя — и бодрой зашагал вперед, навстречу неизвестным опасностям.

Он бродил по палубе старинного корабля. Колени дрожали, суставы ломило. Изредка он поглядывал на навигационные приборы, медь которых от времени потемнела, а бронза позеленела. Иногда поднимался на капитанский мостик — провести ориентацию по звездам. Заполярные туманы плыли над судном, ледяные глыбы — по волнам, навстречу. Вокруг него то появлялись, то исчезали члены былой команды корабля. Временами казалось, они хотят что-то сказать ему низкими клокочущими голосами, даже трогают его за рукав. Но всякий раз, когда он оборачивался на голос или прикосновение, фигуры таяли, исчезали. И никогда он не мог разобрать ни слова в их тихой клокочущей речи. После очередной не-

удачи он спускался в свою каюту — предаться густому течению своих мыслей...

Эдгар По проснулся в холодном поту. Руки его дрожали. Сколько снов ему переснилось! И многие из них были невыносимо ужасны — например, тот, про тюремный маятник с лезвием на конце. Этот сон — о старинном корабле в ледяных водах с призрачной командой на борту — был на первый взгляд не такой жуткий, как тот сон про маятник с лезвием, и не такой гротескный, как сон о встрече с Королем Чумы и его свитой. Однако было в этом ночном видении по-своему предельно страшное — чувство невыносимой утраты и невыносимой покинутости. Он с силой потер влажные виски.

...Как будто он уплывал на корабле прочь от рода людского, и материк нормальных мыслей и чувств навсегда скрылся из виду. Но нет пути обратно — плыви дальше, плыви прочь — вопреки всем ветрам перемен и всем приливам обновления. Потерян. Навек потерян.

Глава 8

Мы стоим на краю пропасти. Мы заглядываем в бездну, и нами овладевают головокружение и дурнота. Первый наш импульс — скорее отойти от опасного места. Но почему-то мы остаемся. Медленно и постепенно головокружение, дурнота и ужас сливаются в облако чувства, которому нет названия. Мало-помалу, еле заметно, это облако обретает форму, точно дым, поднявшийся от бутылки, в которой заключен джинн, как повествуется в сказках «Тысячи и одной ночи». Однако из нашего облака над краем бездны рождается образ несравненно более ужасный, чем любые сказочные джинны или демоны, хотя это всего лишь мысль — правда, мысль чудовищная, пронизывающая нас до мозга костей леденящим эстетическим ужасом. Это — всего лишь попытка вообразить, что успели бы мы почувствовать во время стремительного падения с подобной высоты. И вот этого-то падения, этого стремительного превращения в ничто — именно потому, что оно связано с одним из самых отвратительных и мерзких способов смерти и страдания, какой только рождался в нашем воображении, — мы теперь томительно жаждем. И лишь потому, что разум настойчиво требует, чтобы мы отошли от пропасти, лишь поэтому мы упрямо к ней приближаемся. Нет в природе другой столь демонически нетерпеливой страсти, как страсть, обуревающая человека, который, трепеща на краю пропасти, вот так смакует падение туда. Прислушаться хотя бы на миг к голосу рассудка — значит неминуемо погибнуть, ибо рассудок побуждает нас отступить, а этого, утверждаю я,

мы сделать не способны. И если рядом не окажется гружеской руки, чтобы остановить нас, если нам не удастся броситься навзничь, в сторону, противоположную бездне, мы прыгнем в нее и погибнем.

«Бес противоречия», Эдгар Аллан По

Итак, мы шли по длинному секретному подземному ходу через катакомбы, пока не были остановлены глухой каменной стеной. Мы очень долго прислушивались, однако ни звука не услышали. Кое-где раствор, скрепляющий камни, раскрошился от времени и зияли небольшие щели. Но сколько мы ни вглядывались, с той стороны, похоже, царила кромешная темнота.

И мы решились — атаковали стену кувалдами. Очень скоро мы были с ног до головы в пыли. Пыль забивалась в ноздри, мешала видеть. Но мы работали споро, по очереди бросали кувалды и ворочали ломом, и довольно быстро сделали пролом, через который проскользнули в подземелье крепости, где заперся граф Просперо.

Мы очутились среди больших ящиков и тюков, о содержимом которых у нас не было времени гадать. Без промедления, при мерцающем свете факелов, мы быстро заложили пролом только что вывороченными камнями. Строительного раствора у нас не было, но вероятность тщательного осмотра столь глухого угла подземелья была ничтожна, а в полуумраке кто же заметит, что камни уложены неплотно! Чтобы меньше рисковать, мы подтащили огромный ящик, дабы он еще больше скрыл следы нашего вторжения.

— Ну и что дальше, Эдди? — осведомился Петерс.

— Теперь выберемся наверх и попытаемся смеяться с остальными. — Я бросил взгляд на его позаимствованный костюм шута. — Мы — бродячие актеры. Вы одеты соответственно. А я вот — нет.

— Умеете жонглировать? Или делать акробатические трюки?

Я отрицательно мотнул головой.

— Боюсь, что нет.

— Тогда быть вам дрессировщиком. Эмерсон, иди-ка сюда! — Эмерсон покорно спрыгнул с одного из ящи-

ков. — Ты теперь будешь во всем подчиняться Эдди. Мы поднимаемся наверх. Расчухал?

Эмерсон подковылял ко мне и заглянул в глаза. Я протянул ему правую руку.

— Ну-ка, приятель, пожмем друг другу лапы.

Сиамский брат Петерса протянул свою мохнатую лапищу, схватил мою руку и, мягко говоря, энергично потряс ее.

— Там, наверху, — сказал я, — наверняка целая толпа челяди — слуги, повара, а еще солдаты, артисты и чертова уйма проституток. Они тут не так уж много дней — перезнакомиться не успели, всех в лицо пока не знают. Пара новых лиц среди артистов никого особенно не встревожит. Я возьму Эмерсона и постараюсь смешаться с тамошней публикой. А вам лучше подождать часок или чуть больше, после чего выходите и проделайте то же.

— На дворе поздняя ночь. А ну как там безлюдно — все небось спят.

— С другой стороны, граф Просперо кутила. Он может еженощно пировать до самого рассвета. Сейчас проверим. Кстати, будете наверху — ищите уголок, где можно поспать. Вздремнуть нам не мешает.

— Это верно.

Найдя лестницу, мы с Эмерсоном поднялись. Из нескольких коридоров на первом этаже я выбрал тот, что вел к центру бывшего аббатства. Он вывел нас на крепостной двор, который напомнил мне цыганский табор. Освещенный множеством факелов и костров, двор был разделен веревками на несколько частей, заполненных палатками и навесами. Отовсюду неслись звуки разноязычной речи, где-то наяривали на скрипке, а где-то играли на гитарах. Народ танцевал, пил, ел; детвора орала, собаки бродили среди пирующих, а поодаль два мужчины сцепились в драке. По периметру огромного двора стояло множество строений — самое внушительное из них находилось на северной стороне. Это здание было ярко освещено, и по мере приближения к нему я понял, что большая часть шума исходит именно оттуда.

Никто не спросил меня, кто я и что мне нужно. Даже Эмерсон не привлек особого внимания, потому что не был единственным зверем. Я видел пару дрессированных медведей и нескольких «ученых» собак.

Мы с Эмерсоном прошли через все разграниченные части двора, поболтали с разными людьми, потерлись на глазах у всех, чтобы побыстрее примелькаться. Я узнал, что некоторые слуги, актеры и наемные солдаты ночуют в здании на южной стороне крепостного двора. Заглянув туда, я обнаружил тесные сырье комнатушки со спертым воздухом, в которых прежде обитали монахи, и понял, почему столь многие предпочитают этим клетушкам цыганский образ жизни — в палатах и под навесами. Бывает очень кстати уединение для размышлений в каменный мешок, но сейчас мне хотелось поселиться поближе к центру событий.

Через некоторое время я повстречал Петерса, который тоже бродил в костюме шута, приучая крепостную публику к своему, мягко говоря, своеобразному виду. Он полностью согласился со мной, что монашеские кельи не пригодны для жилья. Так что остаток ночи мы провели в просторной конюшне — не обратив на себя внимания и не вызвав ничьих возражений.

При тщательном обследовании конюшни мы нашли темный уголок за одним стойлом, где можно было для виду посадить Эмерсона на цепь — но так, чтобы при необходимости он мог легко освободиться. Мы с Петерсом присмотрели в качестве своего жилища конюшенный чердак, где была свалена негодная сбруя и другое барахло. Мне доводилось служить в кавалерии, и запах конюшен был мил моим ноздрям, так что наш новый дом мне даже нравился.

И так началась наша жизнь в крепости. Мы с Петерсом кормились хлебом и супом за общим столом актеров. А Эмерсон на рассвете ходил на промысел — стянуть где-нибудь съестное. Думаю, он находил фрукты и овощи, остававшиеся от пиров графа Просперо, потому что возвращался сытым и довольным.

В ближайшие несколько дней мы занимались изучением крепости и составлением ее подробного плана. Что касается знатных вельмож и богатых купцов, то мы видели их издалека и редко. Однако фон Кемпелена среди них не было. Не встретили мы и Анни. Касательно Гризуолда я был уверен, что знаю его внешний облик по кошмару, виденному в тюремном колодце. Этот тип тоже не

появлялся. А вот мимо Темплтона и Гудфеллоу я, быть может, уже проходил — не подозревая, что это они.

Так протек январь, начался февраль.

Я не торопил события — прежде чем ринуться на встречу опасностям, следует хорошенько освоиться на новом месте. Мало-помалу чувство нашей готовности крепло, и я потихоньку продумывал план действий.

Однако события опередили меня.

Мы с Петерсом после завтрака возвращались в конюшни, чтобы порепетировать наш номер — Петерс исполнял пантомиму, Эмерсон показывал акробатические трюки, а я выполнял роль шута-дрессировщика. Мы надеялись, что удачный номер позволит нам выступить перед знатной публикой и даст доступ в ту часть аббатства, куда нас не пускали.

У входа в конюшню мы заметили довольно большую толпу и услышали жалобные крики. Мы заспешили к месту непонятных событий. Крики продолжались, но за толпой мы ничего разглядеть не могли.

— Дайте-ка я заберусь к вам на плечи, Эдди, — сказал коротышка Петерс.

Я покорно присел на корточки. Мой друг взгромоздился мне на плечи, и я встал, придерживая его за щиколотки. Дирк был хоть и тяжелый, но проворный — не прошло и трех секунд, как он все рассмотрел и спрыгнул на землю. При этом с душой выругался.

— Что такое? — спросил я.

— Порка, — сказал он. — Бьют совсем мальчишку. Заголили спину и прохаживаются по ней кошкой-девятахвосткой.

Петерс толкнул локтем зеваку слева от него:

— Приятель, не знаешь, что натворил этот пацан?

Мужчина ответил что-то по-испански.

— Украл немного овса из кормушки графских скакунов, — перевел Петерс. — Просперо приказал дать ему плетей. Впереди толпы он сам с дружками. Любуются.

Крики смолкли. Я ждал, покуда толпа поредеет, чтобы посмотреть на графа Просперо. Зеваки действительно стали понемногу расходиться.

Наш сосед указал по просьбе Петерса на графа Просперо. Это был высокий красивый мужчина. Он стоял посреди своей свиты и пересмеивался с министрами и

вельможами в ожидании, когда отвяжут несчастного во-ришку. Потом Просперо что-то сказал палачу, который засовывал за пояс плетку, — но я уже не слышал, мой взгляд был устремлен мимо графа.

Она стояла в дверях строения слева от меня — глаза округлены от страха, рука прикрывает рот, а по щекам текут слезы. *Анни!* Она повернулась и ушла в здание, так и не заметив меня. Я почти стремглав кинулся за ней.

Это здание, расположенное в западной части аббатства, соединяло жилища монахов с замком, где сейчас обитал и пировал Просперо со своей свитой. На каждом этаже здания был длинный коридор, куда выходили комнаты больше, чем монашеские кельи, но беднее обставленные, чем кельи у северной стены крепости, и более тесные, чем кельи у восточной стены.

Очутившись в середине длинного коридора, я завертел головой направо и налево. Я увидел, как край ее платья мелькнул справа от меня, — она свернула на лестницу.

— Анни! — крикнул я, но она уже исчезла из виду.

Я устремился за ней, побежал по лестнице через две ступеньки.

И вот я не следующем этаже. Анни торопливо уходила — была далеко впереди, теперь слева от меня.

— Анни!

Она замедлила шаг, оглянулась, остановилась и разглядывала меня в тусклом свете узких окошек под самым потолком. Ее наморщенный лобик разгладился, и она улыбнулась.

— Эдди!

Она выглядела точно так же, как в моих видениях, — светло-каштановые волосы, серые глаза с поволокой. И вдруг она бросилась в мои объятия и разрыдалась.

— Ах, прости меня, — проговорила она, — прости меня. Я не хотела!

Не сразу совладав с волнением, я спросил:

— Боже, о чём ты говоришь?

— Об этом! Обо всем этом! — сказала она, сделав широкий жест рукой. — О страданиях По. О твоих страданиях. И моих. Мне искренне жаль...

Я отрицательно мотнул головой.

— Все равно не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Всю свою жизнь я старалась соединить нас троих — в одном нормальном, материальном мире. А не просто в моем королевстве на краю земли. Вот почему мы оказались здесь. Темплтон сумел реализовать мою мечту, но попутно извратил ее. До сих пор не понимаю, каким образом он этого добился...

— А я знаю, — сказал я. — Знаю и то, что способ, которым он этого добился, теперь уже недоступен для него. С другой стороны, нет сомнений в том, что он сможет использовать тебя напрямую — с помощью наркотиков и месмерического влияния — как он проделал это в Толедо.

— В Толедо?

— Ну, колодец и маятник с лезвием. По словам Лигейи, он использовал тебя, чтобы исказить мое восприятие реальности, а может быть, и саму реальность вокруг меня. Я до сих пор могу только гадать, что из произшедшего в той тюрьме было в действительности, а что было всего лишь галлюцинацией.

— Колодец и маятник с лезвием! — воскликнула Анни. — Господи, да неужели ты пережил все это на самом деле? А я думала — просто ночной кошмар. Я...

— Ничего, все в порядке. Все прошло — и давай забудем об этом.

Держа ее в своих объятиях, я думал: никогда мне не приходило в голову, что необычайное общение нашей троицы происходило исключительно благодаря усилиям Анни. Говоря по совести, я всегда считал себя и По со-перниками в борьбе за привязанность Анни. То, что она, имея возможность выбора и держа все в своих руках, желала видеть нас обоих, давало новый оборот моим мыслям. Так или иначе, я до самого последнего времени недолюбливал По. Только сейчас, когда на моего близнеца обрушилось столько неприятностей, я начал испытывать к нему истинно братское чувство и отчаянное желание защитить его от наших общих врагов. Но для меня было огромным сюрпризом, что истоком всего была сама Анни...

— Ты должен знать — он забывает нас! — сказала Анни, отодвинулась от меня, достала из рукава платочек и стала вытирать глаза. — Меня он забыл в меньшей степени — по крайней мере пока. А вот тебя он наполовину

забыл. И он сомневается в существовании иного мира, кроме того, в котором его принудили жить. Он никак не может понять, что теперь обречен жить не в своем мире!

— И я уже видел тому свидетельство, — кивнул я. — Мне бесконечно жаль его. Но в настоящий момент я, похоже, мало чем могу помочь бедняге По. Однако коль скоро я наконец-то нашел тебя, я смогу вытащить тебя из этого бедлама в какое-нибудь спокойное место. А потом мы, даст Бог, найдем способ помочь бедняге По.

— Ах, если бы все было так просто! — сказала она. — Если бы все было так просто!.. Однако объясни мне, пожалуйста, кто такая Лигейя, которую ты только что упомянул?

Я почувствовал, что краснею.

— Ну, это одна женщина, которая работает на Сибрайта Эллисона, — сказал я. — Эллисон — это тот, кто организовал погоню за тобой. Насколько я могу судить, ей подвластно искусство животного магнетизма. Не исключено, что она обладает и другими сверхъестественными способностями. Но почему ты спрашиваешь?

— Мою мать звали Лигейя, — ответила Анни, — а это имя очень редкое. Вот почему я так и вздрогнула, когда услышала это имя.

— А как она выглядела? Высокая темноволосая — и более чем миловидная?

— Не знаю, — сказала Анни. — Ведь я выросла сиротой — точно так же, как вы с По. Мои родители уехали путешествовать за границу, оставив меня родственникам. Когда мои родственники погибли в результате несчастного случая, меня взяли к себе их друзья. Эти друзья постоянно переезжали с места на место — так что мои родители так и не забрали меня. Мои приемные родители назвали мне имя матери, но какой она была — не сказали.

— А как звали твоего отца?

— Точно не знаю.

— Часом не Вальдемар?

— Я... ой, не уверена... Возможно. Да, вполне возможно.

Я схватил ее за руку.

— Идем, — сказал я. — Во всем этом мы можем разобраться позже. А теперь — прочь из этого проклятого

места, прочь из этой нелепой страны — а если надо, то прочь из этого мира! Я знаю, как можно тайным путем покинуть аббатство.

Она последовала за мной. Мы спустились по лестнице, прошли под низкими сводами коридора и очутились на дворе, где я нашел Петерса и познакомил его с Анни. Его я застал в компании с новой знакомой — гибкой миниатюрной смуглянкой, бродячей актрисой. Он представил ее: Трипетта, танцовщица. По его словам, она индеанка из верхнего Миссури — родилась поблизости от мест, где родился он сам, — и чуть ли не его далекая родственница.

Мне очень не хотелось обсуждать наши дела в присутствии этой тщедушной девицы, невзирая на степень ее родства с моим другом. К счастью, она спешила на репетицию и распрощалась с нами через пару минут — однако не раньше, чем они с Петерсом договорились о свидании в тот же день, однако позже.

— Весьма опрометчиво с вашей стороны, — укорил я Петерса после того, как она ушла. — Я стараюсь убедить Анни бежать с нами немедленно.

Разговаривая, мы прогуливались по крепостному двору. Сегодня тут былотише, менее разгульно, да и небо над нами хмурилось.

— Мы не вправе бежать, — сказала Анни. — Я не успела объяснить раньше. Дело заключается в том, что Просперо не может предложить фон Кемпелену хотя бы столько же, сколько предлагают Темплтон и Гудфеллоу.

— Хочешь, скажу тебе начистоту, Анни! — воскликнул я. — Мне в высшей степени наплевать, кто в итоге завладеет самым большим количеством золота в мире. Я предпринял все это путешествие с единственной целью — вызволить тебя отсюда, а затем помочь Эдгару По, если мы вместе придумаем способ. Я очень благодарен Сибрайту Эллисону за его участие в этом предприятии, но уверен, что он не погибнет с голода, если золото внезапно упадет в цене — скажем, будет стоить вполовину меньше. Сегодняшний утренний инцидент лишний раз показал, до какой степени Просперо жесток и капризен. Оставаться рядом с ним неблагоразумно — и опасно, а вне стен этой крепости свирепствует чума. Так что самое лучшее, что мы можем сделать — побыстрее уб-

раться из аббатства, а затем двигаться прямиком к границе этой страны.

Анни ласково тронула меня за рукав.

— Ах, Перри, дорогой мой Перри! — сказала она. — Если бы все было так просто! Меня тоже не заботит судьба золота. Разве тебе неизвестно, что получение золота — отнюдь не самая важная составная алхимии? Тут речь идет о сопутствующих сверхъестественных эффектах. Если фон Кемпелен заключит сделку с Темплтоном и Гудфеллоу, мы уже не сможем помочь По. После того как они стакнутся с фон Кемпеленом, изгнание По из его родного мира станет вечным.

— Не улавливаю связи.

— Это связано с теорией вероятностей и глубинной связью между отдельными индивидуумами. Объяснить это трудно — просто поверь, что получится именно так, как я предсказываю.

— Ты ни разу не упомянула Гризуолда, — заметил я. — Что с ним?

— Насколько я знаю, вернулся в Америку.

— Зачем?

— Понятия не имею.

Какое-то время мы шли в полном молчании. Затем я сказал:

— Лигейя говорила мне, что Гризуолд может оказаться не только алхимиком или месмеристом, но и колдуном.

— Что ж, и это возможно, — кивнула Анни. — Да, это сразу объяснило бы очень многое. В нем есть что-то очень необычное, что-то от темных сил.

— Лишний повод побыстрее убраться отсюда! — сказал я. — Насколько я понимаю, необратимый момент наступит не сейчас, когда фон Кемпелен ударит по рукам с Темплтоном и Гудфеллоу, а когда они сойдутся с Гризуолдом и проделают все необходимое для получение первой партии золота. Я предлагаю: сейчас мы убежим, а потом настигнем их в Америке. Там, у нас дома, Эллисон при необходимости может нанять целую армию, чтобы прищучить этих мерзавцев.

Анни отрицательно замотала головой.

— Ведь мы не знаем, почему Гризуолд исчез, — указала она. — И для осуществления алхимических проце-

дур фон Кемпелена присутствие Гризуолда необязательно. А что если, паче чаяния, Темплтон и Гудфеллоу заключат сделку с фон Кемпелен прямо здесь — и решат здесь же проделать первые опыты? Если им удастся получить более или менее значительное количество золота, мы никогда больше не увидим По!

— Они не посмеют, так что наш друг пока в безопасности, — сказал я. — Только безумцы могут затеять выработку золота под носом у беспринципного и жестокого Просперо — будучи в его полной власти. И не говори мне, что они проделают это втайне. Золото не пушинка, а за пазухой много не унесешь. Так что нормальные люди не станут производить золото в таком гиблом месте — чтобы потом ломать голову над тем, как его вывезти — не лишась головы. Словом, пусть себе подписывают бумагки. А остановим мы их позже — в более благоприятный для нас момент.

— Извини, — сказала Анни, — мы не вправе рисковать. Это ляжет страшным грузом на мою совесть — если я убегу, а тут случится непоправимое. Оставшись здесь, я смогу предотвратить самое ужасное.

— А если тебя снова опоят дурманом? Или парализуют месмерическим воздействием?

— Я буду тщательно следить за тем, что ем и пью. Что касается месмеризма, тут я сильнее Темплтона. Они больше не смогут использовать меня для своих подлых целей, как делали раньше.

— Если они будут бессильны использовать тебя, как бы им не пришло в голову избавиться от тебя. Это же люди без стыда и совести.

— Нет, сейчас они меня не убьют. Я уверена, что нужна им для чего-то другого. Позже.

Вспомнив слова Лигейи о том, что они намерены принести в жертву душу Анни, я содрогнулся. Но что я, полный профан в сверхъестественных премудростях, мог сказать по этому поводу, какие аргументы выдвинуть, чтобы переубедить Анни!

В тот момент мне вспомнилось, как я впервые убил человека. Это было во время войны, я исполнял долг солдата. Но неужели убийство перестает быть убийством, если ты наденешь тряпки определенного цвета, называемые военной формой? Или если тряпки определенного

цвета — на том, кого ты убиваешь? Смерть, она всегда смерть. Как смеет государство решать, кому жить, кому умирать?

Мне вдруг впервые пришло в голову, что простейший способ покончить со всей этой страшной историей — убить фон Кемпелена. Пусть секрет умрет с ним. Тогда, и Анни окажется в безопасности, и Эдгар По. Да и Эллисон будет вполне удовлетворен. Я вспомнил дородного пучеглазого мужчину, угощавшего нас чаем в парижской квартире, а потом пожелавшего нам спокойной ночи и удачи, когда мы с Петерсом улепетывали от жандармов через разбитое окно на крышу. Он показался мне человеком порядочным; у меня не получалось ненавидеть его за неприятности, которые мы переживали из-за него — но не по его вине. И все же, если оставить его в живых, означает погубить Анни — я смогу заставить себя пойти на преступление. Разумеется, я постараюсь убить его самым быстрым и самым безболезненным способом. Один взмах сабли и...

— Перри!

Анни остановилась как вкопанная и с ужасом смотрела на меня.

— Пожалуйста, не делай этого. Умоляю тебя, не делай этого, — сказала она.

— Чего... О чем ты говоришь?

— Я увидела, как ты стоишь с окровавленной саблей над телом фон Кемпелена. Обещай мне, что не убьешь его! Заклинаю, не делай этого! Мы должны найти иной способ.

Я рассмеялся.

— Заклинаю тебя, — повторяла она.

— Мне только что самому кое-что привиделось, — сказал я. — Я нарисовал в своем воображении совместную жизнь с существом вроде тебя. Твоему мужу было бы очень трудно завести интрижку на стороне или хотя бы улизнуть без спроса и пропустить кружечку пива с друзьями.

Анни улыбнулась.

— Не так все страшно, — сказала она. — Я могу читать чужие мысли лишь в том случае, если это крайне необходимо.

— Ну а я про что говорю!.. Ты видишь в моем сознании, что я обещаю не трогать фон Кемпелена?

Она кивнула.

— Что ж, поищем другой путь, — сказал я.

— Спасибо, — произнесла она. — Я убеждена, что ты найдешь другой путь.

Мы прошлись еще немного, после чего Анни провела нас с Петерсом в строение у северной стены — показала, где и что расположено и где находятся комнаты Темплтона, Гудфеллоу и фон Кемпелена. Мы увидели и просторную трапезную, где у западной стены стояли гигантские часы в корпусе из черного дерева. Их тяжелый маятник с монотонным приглушенным звоном качался из стороны в сторону.

Анни сообщила мне, что бьют они удивительно громко и из их медных легких вырываются необычный по силе и тембру звук. Если они начинают бить, когда играет оркестр, музыкантам приходится останавливаться и пережидать страшный шум. После этого мы проводили Анни в ее комнату. Я договорился встретиться с ней во второй половине дня.

Оставшись наедине с Петерсом, я предложил: что мы дурью маемся? Сегодня же ночью силой утащим Анни отсюда — ради ее же пользы! А потом быстренько уплывем в Америку и уже там выследим Гризуолда и расстроим его черные планы.

— Нет, сэр, — сказал Петерс. — Эта девушка — не нашего поля ягода. Она другая, навроде Лигейи. Вокруг нее нечистая сила так и вьется, так и вьется. Так что пусть уж она сама решает касательно чего и как — ей виднее. А я с их племенем в контры не вступаю.

— Даже у людей «ее племени» не семь пядей во лбу — и им случается ошибаться, — сказал я.

— Извините меня, Эдди, это мое последнее слово.

— Ладно, упрямая ты башка! — сказал я. — Делать нечего — будем ждать, чем все это обернется.

После этого я встречался с Анни каждый день, и ей удалось со временем показать мне Гудфеллоу — грубо-вато-добродушного толстячка с вечной улыбочкой на губах — и доктора Темплтона, высокого тощего мужчину с очень глубоко посаженными глазами — казалось, он смотрит из глубоких колодцев. Мы с Петерсом прикла-

дывали максимум усилий, чтобы ненароком не столкнуться с фон Кемпеленом — а ну как он нас узнает! Мы могли только гадать, как он к нам отнесется. Наш общий совет — мы с Петерсом и Анни — постановил вмешаться самым решительным образом, вплоть до физического насилия, если фон Кемпелен вздумает производить золото прямо в замке.

Время летело быстро — дело шло к весне, а мы все, в сущности, только бездельничали и ничего не предпринимали для пользы дела. Впрочем, согласно данным Анни фон Кемпелен все еще не заключил сделки. Я ломал голову над тем, что за игру он ведет — и как долго он сумеет водить за нос такого крутого тирана, как Просперо, прежде чем окажется в тюремной камере с чем-то вроде моего маятника и колодца. Я чувствовал, что грядет скорая развязка. Скажем, доктор Темплтон и Гудфеллоу станут жертвами «необъяснимого» несчастного случая, и тогда у фон Кемпелена останется лишь один покупатель и не будет пути к отступлению. Или реализуется то, что затевает Гризуолд. Мы почему-то были уверены, что он нечто затевает и удалился неспроста. Но какой план зреет в его голове? Я размышлял над тем, станет ли Анни возражать, если я захочу покончить с Гризуолдом на честной дуэли.

Еще одно занимало мои мысли в последующие дни: правда ли, что Эллисон велел Петерсу при определенных обстоятельствах подчиняться не мне, а исключительно Анни. Мне не представилось случая проверить это на деле, но было любопытно, насколько активно он стал бы сопротивляться и как далекошел бы, вздумай я силой увести Анни из крепости. Впрочем, мысль идти против воли Анни я отбросил: ее аргументы звучали убедительно, да и не хотелось мне обижать ее.

Между тем Петерс, похоже, по уши влюбился в маленькую танцовщицу по имени Триппетта. Это, полагаю, служило дополнительной причиной того, что он не слишком торопился покинуть монастырь, где укрывался от чумы принц Просперо.

Мы всерьез занялись подготовкой нашего номера. Прежде мы репетировали исключительно для того, чтобы хоть что-то уметь и при необходимости оправдать свое звание бродячих комедиантов. Надо только поболь-

ше грима наложить, если нам все же случится выступать на сцене, а не то фон Кемпелен может нас узнать. Оставалась вероятность того, что Гризуолд или даже доктор Темплтон, благодаря своим сверхъестественным способностям, могут узнать нас и под гримом. Так что лучше было не играть с огнем и всячески избегать выступлений. Но по мере размышлений, мы пришли к выводу, что нам надо делать комический номер. В этом случае никого не насторожат наши раскрашенные рожи и маски — ни Гризуолду, ни Темплтону даже в голову не придет тщательно проверить личности каких-то шутов.

На наше счастье, не было никакого расписания выступлений наличных комедиантов. Просто принц или его мажордом вызывали актеров, владеющих тем или иным искусством развлекать. Это могло произойти в любой час дня и ночи. Обычно же комедианты — в большинстве своем музыканты и акробаты-жонглеры — выступали среди толпы монастырских гостей, собирая монетки в ожидании времени, когда чума закончится и эти деньги можно будет потратить за пределами крепости.

Петерс был более прилежен в занятиях, и его успехи превосходили мои — не в последнюю очередь потому, что ему хотелось побывать подольше с Трипеттой, якобы вызнавая у нее профессиональные тайны, да и блеснуть перед девушкой своим растущим мастерством. Кончилось тем, что в труппе Трипетты один из акробатов сломал ногу и Петерса попросили заменить его во время представления. Скрепя сердце я согласился отпустить его, но когда он не ударил лицом в грязь и был приглашен выступить еще раз, я немножко успокоился. Однако затем последовало приглашение выступить соло перед принцем Просперо. И тут я не на шутку раз волновался. Как выяснилось, я напрасно так нервничал.

Под пестрым клоунским костюмом была истинно геркулесовская мускулатура, к тому же у Петерса оказались недюжинные акробатические способности и вдобавок талант смешить своим выходками. Словом, не прошло и нескольких дней, как он стал любимым акробатом-шутом принца Просперо.

Вскоре наступил март. Дрессируя Эмерсона, я приглядывался к отношениям Петерса и маленькой танцовщицы. Мне становилось все очевиднее, что Трипетта

воспринимала моего друга лишь как одного из уродцев, ломающих комедию за деньги, — она находила его милым и забавным, но никак не выделяла его и всерьез его ухаживания не воспринимала.

В один прекрасный день я имел глупость выступить в роли заботливого дядюшки и разведать, что в ее сердечке. После очередного выступления я отвел девушку в сторонку. Не желая задавать прямых вопросов, я хотел обиняками выведать ее отношение к Петерсу. Мой друг ходил потерянный, проявлял все признаки рассеянной мечтательности, свойственной влюбленным. Все это могло помешать в решающий момент, когда от него потребуются смекалка и быстрота.

Триппетта лукаво заулыбалась мне и кокетливо спросила:

— Что угодно синьору Великану? Чем могу служить?

— Хотелось бы кое-что узнать, очаровательная мисс, — сказал я. — Видите ли, вы не могли не заметить некоторого внимания к вам со стороны Петерса...

— Этого могучего коротышки? Его внимания трудно не заметить, синьор Великан. Куда я ни иду, он все норовит увязаться за мной... и все ухмыляется, как сумасшедший, все кланяется, расшаркивается, цветочки дарит...

— Вы очень нравитесь ему, мисс Триппетта. Мне, конечно, дела нет до ваших сердечных тайн, но, будучи другом Петерса, я не могу не поинтересоваться вашим чувствами по отношению к нему... Я хочу сказать...

Похоже, мои обиняки превращались в довольно прямодушные вопросы.

— Вы хотите спросить, — помогла она мне, — не замечаю ли я, что этот дурак строит из себя еще большего дурака, ухаживая за мной? На это я скажу: в вашем вопросе уже содержится ответ. Да, синьор Великан, мне смешны потуги этого фигляра покорить мое сердце. Я не хочу обидеть его, но, право же, сам принц Просперо дважды улыбнулся мне и прилюдно похвалил мою красоту! Честно говоря, я мечтаю о большем, чем связать свою жизнь с человеком, воплощающим собой американское захолустье, от которого я бежала куда глаза глядят, пока не оказалась за океаном. Да будет вам известно, синьор Великан, я настоящая леди — и надеюсь в

ближайшем будущем добиться такого положения, которое соответствовало бы моим талантам и моим вкусам.

— Спасибо за разъяснение, мисс Трипетта, — сказал я. — Мне приятно встретить столь изысканную особу при дворе, где хорошие манеры и хороший вкус, увы, не в чести.

— Спасибо и вам, синьор Великан, за столь лестные слова, — сказала она, одаряя меня еще одной кокетливой улыбкой. — Можете передать своему другу, что в своей жизни я видела много дураков. Он превосходит их всех.

— Не премину передать ему ваш комплимент.

Я повернулся на пятках и двинул подальше от этой напыщенной дуры.

Чуть позже я передал содержание этого разговора Петерсу — в надежде излечить его больное сердце. В одном я солгал: сказал, что тема разговора возникла случайно. Петерс выслушал все с особенно широкой демонической ухмылкой и восхитился остротой ее язычка. Тут я понял, что ему хоть кол на голове теша — он по уши влюблен и рано или поздно эта Трипетта разобьет ему сердце. Так что мне и не стоило заводить разговор с ней, ибо я был бессилен повлиять на Петерса.

Эх, подумал я, мне бы сейчас посоветоваться по поводу моего друга с Лигейей или хотя бы с месье Вальдемаром. Увы, это придется отложить до благоприятного времени.

Для нее это было больше чем место, где можно вовремя попеть. Сегодня вечером она пришла сюда, дабы побывать в одиночестве, — в последние тревожные дни ее все больше тянуло побыть наедине с собой.

Она шла босиком по темному песку. Поблизости грохотали волны отлива, а упывающие облака открывали взору медного цвета горы, в которых глухим эхом отдавался шум волн. Ее контрапто парило над басами моря. Она ступила на влажную полосу песка, куда прибой закинул массу вещей — какие-то кости животных, гладкие разноцветные валуны, ракушки, обломки кораблекрушений.

Его она нашла среди этого мусора, в коралловой пещерке, стены которой сияли всеми цветами радуги. Он

быстро отвернулся и смахнул слезы с глаз, когда ощущал, что она рядом. Потом он поднял голову и сказал, имея в виду свои слезы:

— Простите, леди.

— Я тоже прошу прощения. Это место я придумала как уголок вечной радости.

— А вы?..

— Конечно же, Анни, — ответила она.

— Но как ты выросла!

— Да, выросла. Иди ко мне.

Он встал и подошел к ней.

Когда она ласково обняла его, он спросил:

— Тогда ты будешь мне как мама, да?

— Разумеется. Эдди, я буду для тебя кем захочешь.

Буду тем, кто тебе нужен.

Внезапно слезы снова заструились по его лицу.

— Мне как-то снилось, — сказал он, — что я тоже стал большим. Это было так мучительно больно...

— Знаю.

— А что, если мне не возвращаться вовсе? Я бы остался здесь на веки веков.

— Как пожелаешь, дорогой. Это место всегда будет твоим домом — где бы ты ни находился.

Прошла минута — или час? или год? — прежде чем он высвободился из ее объятий и оглянулся в сторону гор.

— Ты слышишь? — спросил он.

Эхо отступающего моря все еще звенело в окружающем воздухе. Она молча кивнула в ответ: слышу.

— Меня зовут.

— Знаю.

— Я должен идти.

— Нет, ты ничего не должен.

— Тогда я хочу идти. Все остальное — только боль.

Она ухватила его за руку.

— Прости меня! — воскликнула она. — Прости, если сможешь. Мне было невдомек, что мир так ополчится на тебя, так истерзает тебя! Я придумала для нас прекрасный сон. И что же — он растоптан! Ты не своей волей угодил в мир, где для тебя есть только одно — боль. Я люблю тебя, Эдди. Ты слишком чист душой, ты слишком дух — мир же предлагает тебе бездушное, грязноплотское.

— Мир одарил меня способностью уходить в фантазии, Анни.

Она отвела глаза.

— Но не слишком ли дорого ты за это заплатил? — сказала она. — Не слишком ли дорого?

Он наклонился и поцеловал ей руку.

— Нет, оно стоило того. Конечно, стоило.

Они молча вслушивались в меланхолическое долгое эхо — удаляющийся рокот.

Потом он сказал:

— Ну, мне пора.

— Побудь еще немного.

— Тогда спой для меня.

Она запела, и ее пение преобразило мир. Море обрело свою подлинную сущность — через эту песню. И тени со звериными повадками заметались вокруг.

— Спасибо, — сказал он через долго-предолгое время. — Я тоже люблю тебя, Анни. Всегда любил — и буду любить вечно. А теперь я все же должен идти на зов.

— Нет, не уходи!

— Я ухожу. Знаю, ты можешь удержать меня, потому что это твое королевство. — Взгляд его упал на их сцепленные руки. — Но, пожалуйста, не делай этого.

Она вглядывалась в его сероглазое мальчишеское лицо, на котором лежал от свет прожитых сорока лет, — оно смотрело словно из развернутого гроба. Она отпустила его руку.

— Bon voyage, Эди.

— Au revoir, — сказал он.

Затем повернулся и направился на восток, оставляя море за своей спиной — его грохот становился все глушее и глушее и со временем превратился в далекое злобное урчание.

Она же двинулась в противоположном направлении — к берегу. Медные горы стали угольно-синими. Небо почернело, и на нем высыпал мириад звезд. Она села на скале под звездным куполом и стала слушать ропот волн — теплых, как кровь.

Глава 9

Из всех меланхолических тем, какая, согласно всеобщему мнению человечества, является наиболее грустной? Смерть — гласит очевидный ответ. «А когда, — спрошу я, — эта наиболее меланхолическая тема является и наиболее поэтичной?» И на этот вопрос ответ очевиден: когда она более всего сопряжена с Красотой. Стало быть, смерть красивой женщины есть самый поэтический в мире предмет изображения — и в равной степени справедливо и несомненно, что рассказ об этом лучше всего вложить в уста безутешного влюбленного.

«Философия творчества», Эдгар Аллан По

Это было уже в апреле, когда солнышко сияло сквозь голубой лоскут, который мы, шуты, называем небом. Ночи становились все шумней, все оживленнее — звучали гитары, танцевали зажигательное фламенко. Пока во дворе веселились вокруг костров, из замка в северной стороне доносился шум идущего там пира. Однако все устали развлекаться — и во дворе крепости, и в замке. Принц Просперо обрюзг, располнел, стал приволакивать ногу. Прошел слух, что он теперь разнообразит свои развлечения приемом восточных наркотиков — курит бенгальский опиум, который, опять же по слухам, вызывает жуткие кошмары.

Я не присутствовал при том, что случилось. Мы с Анни совершили нашу обычную вечернюю прогулку — невзирая на мрачные обстоятельства, эти прогулки нае-

дине с Анни я числю среди счастливейших часов моей жизни. Это был свет среди мрака и отчаяния — особенно яркий благодаря контрасту.

Мы прогуливались по освещенной свечами галерее и любовались восхитительным мастерством ткачей прошлого. Стены были увешаны гобеленами — хоть и обветшальными, нуждавшимися в починке, но тонкой работы. Внезапно к нам подбежала запыхавшаяся служанка жены одного министра. Она ухватила Анни за рукав и шепотом, суеверно боясь говорить вслух, торопливо поведала моей подруге о том, чему была свидетельницей всего несколько минут назад.

У меня в груди все похолодело, когда я разобрал слова: «Ах, бедняжка, такой ужас, такой ужас!..»

Служанка побежала дальше — разносить весть по монастырю, а я встревоженно уставился на Анни. Она поняла мой немой вопрос и кивнула.

— Да, Триппетта. Принц в компании с семью своими министрами пробовали новые вина и новый африканский наркотик, который, как говорят, дарует на короткое время божественное безумие. Они послали за танцовщицей — развлекать их.

Тут она сделала долгую паузу, собираясь с духом.

— Словом, они заставили ее пить вино, — продолжила Анни. — Такой крохе не нужно много, чтобы сильно опьянеть. Затем ее принудили танцевать на столе. Она потеряла равновесие, упала — и сломала себе шею.

Я онемел. Кровь бросилась мне в голову — я с трудом подавил в себе желание немедленно кинуться в замок и зарубить принца-подлеца. Но лишь потому, что был более чем уверен, что месть настигнет Просперо и без моих усилий.

Вскоре я был в склепе, где хоронили умерших с тех пор, как принц и его свита заперлись в крепости. Миниатюрное тельце как раз заносили на доску. Анни тихо охнула, когда увидела смертельно бледное лицико покойной, ее неестественно изогнутую шею.

Я боялся за собственную шею, когда шел к Петерсу, чтобы сообщить о страшном несчастье. Деваться было некуда — было бы стыдно перепоручить эту миссию кому-нибудь другому. Я долго не отпускал руку Анни перед тем, как попрощаться с ней.

Мой страх оказался оправданным. Когда я коротко изложил происшедшее, глаза Петерса остекленели, лицо почернело. Он принял кипучую кулаками по стене, ругаясь самыми жуткими ругательствами. Пока он кричал, я отошел в самый дальний угол — не ведая, как долго он будет бесноваться и не обратит ли свою слепую ярость на меня.

Но ему хватило минуты, чтобы взять себя в руки. Я подошел поближе к нему.

— Ах, Эдди, — сказал он. — Она была такая крохотная, такая беззащитная. Кому она мешала? Что ж, я не успокоюсь, пока этот человек не умрет — а это случится скоро. Я отправлю его туда, где ему и следует быть, в геенну огненную.

Я хотел сочувственно тронуть товарища за плечо, но передумал — в таком настроении к нему лучше не подходить.

— Слушайте, — сказал я, — ее вы не поднимете из могилы тем, что кинетесь в покой принца и позволите лучникам сделать из вас подушечку для иголок.

Пока я говорил, он схватил кирпич и сжал его в руке. Послышался скрежещущий звук. Петерс разжал кулак. На пол посыпалась осколки кирпича.

— Да вы слышите меня или нет? — не унимался я, мысленно перекрестившись, чтобы Петерсу не пришло в голову проделать с моей рукой то, что он проделал с кирпичом. — Вы всем силачам силач — ну и что? Стрела одинаково быстро останавливает сердце и хлюпика, и Геркулеса.

— Ты прав, парень, прав. Ох как ты прав, — забормотал он. — Не бойся, я его прикончу с умом. Я пошлю миледи хоть дюжину принцев, чтоб ихние призраки были у нее на побегушках. Ты прав...

Он стремительно вышел из нашей комнатки и двинулся в южном направлении.

Я хотел было догнать его, но Петерс произнес суровым голосом, водружая парик из медвежьей шкуры на свою лысую голову:

— Нет, нет, Эдди. Предоставьте мне действовать самому — так оно будет лучше. Вот увидите.

Судя по всему, он провел ночь, забившись в одну из келий. Я проходил по коридорам южного здания — и слышал откуда-то то плач, то заунывное пение.

Он не только плакал и пел. Он и думал. Из того, что за этим последовало, я понял, что Петерс нашел верный ход — снова воспользоваться своей личиной шута.

На следующий день он изложил мажордому принца идею нового развлечения: дескать, сделаем вид, что в крепости вырвались из цепей восемь орангутангов, которых комедианты готовили к представлению, — мужчины здорово перетрусят, а дамы — кто развижится, кто шлепнется в обморок. Словом, первосортная потеха!

Надо просто переодеть в мохнатые костюмы восьмерых здоровых мужчин, чтобы они напоминали обезьян, и сковать их попарно цепями. По сигналу они ворвутся в пиршественный зал, начнут буйствовать и вопить обезьяными голосами. Как пить дать, кто-нибудь из принцевых гостей в штаны наложит от страха!

Насколько я понял, принц Просперо пришел в восторг, услышав об этой идее своего любимого шута. Благо в крепости имелся запас нужных шкур, принц не только одобрил идею, но и внес существенное изменение в нее: он приказал изготовить восемь орангутаньих нарядов к вечеру, чтобы он сам и семеро его министров могли вырядиться в них и застрашать всех собравшихся на пир.

В этот вечер и мне предстояло появиться перед пирующими — выполнить кое-какие акробатические трюки и показать сноровку Эмерсона.

Петерс сказал, что мое выступление придется очень ко времени. Придворные будут иметь возможность воочию увидеть мощь и капризный нрав огромной человекообразной обезьяны. Надо предварить выступление Эмерсона сообщением, что у комедиантов имеются еще восемь подобных зверей, но они совершенно дикие и до того злобные, что их приходится держать в цепях, чтобы они никого не убили.

Я просил Петерса поделиться своими планами, но он наотрез отказался. Предупредил только, что я должен обязательно пронести в пиршественный зал свою саблю и спрятать ее где-нибудь.

— Так, на всякий случай, — буркнул он в ответ на все мои расспросы.

Мне эта затея очень не нравилась, но, так и не добившись ничего внятного от Дирка Петерса, я утром прокрался в пиршественный зал, когда там никого не было, и спрятал свою саблю среди выставленных там стальных щитов и доспехов. Сабля была почти полностью скрыта за одним щитом — только рукоять чуть высунывалась. Вечером я должен был выступать поблизости от этого места.

Ведя на веревке Эмерсона, я пришел в пиршественный зал пораньше в надежде разузнать о планах Петерса. Если он затевает безрассудную глупость — сделаю все, чтобы остановить. Если дело — постараюсь пособить.

Но единственное, что мне бросилось в глаза, — некоторое изменение в оформлении зала. По совету Петерса, массивную люстру со свечами убрали: мол, апрельские ночи в этом году на диво теплые, и воск, как ни берегись, все равно капает на дорогие наряды гостей. Было решено осветить зал факелами. Каждой кариатиде, а было их в зале штук пятьдесят-шестьдесят, сунули в правую руку по факелу. Притом к смоле подмешали благовоний, так что присутствующие вдыхали густой вос точный аромат.

Во время моего выступления Петерс подал секретный знак принцу, и тот с семью министрами тихонько удалился в заднюю комнату. Там они проворно переоделись — натянули меховые куртки и штаны. Чтобы обман не сразу бросился в глаза, они вымазали шкуры смолой и вывалились в соломе — ведь обезьяны держали на конюшне, в сене. После этого Петерс сковал их попарно кандалами и прикрепил к кандалам каждой пары длинную цепь, которой они были якобы прикованы к железным кольцам в стене конюшни.

Согласно его плану, мнимые орангутанги должны напасть на гостей около полуночи. Однако принц горел нетерпением устроить спектакль пораньше, так что не успел я закончить номер, как в зал ворвались восемь разъяренных орангутангов. Мой рассказ о диких зверях был совсем свеж в памяти гостей — и начался неимоверный переполох.

Крики, визг... Принц и его министры дурачились в свое удовольствие и радовались каждому новому испуганному воплю. Как и ожидалось, все кинулись к выходу, но принц Просперо заранее велел запереть дверь, как только он ворвется в зал в наряде обезьяны. Поскольку в костюме обезьяны не было карманов, ключи от входной двери забрал Петерс.

В разгар переполоха Петерс куда-то исчез. Зато его дружок Эмерсон бросил меня и смешался с поддельными обезьянами. Мое же внимание привлекла странная вещь: в центре потолка, где обычно висела люстра, оставалась лишь короткая цепь с крюком на конце. И сейчас эта цепь вдруг стала спускаться, пока не достала до пола. Я озадаченно пожал плечами и стал искать глазами Анни.

На моей подруге была алая маска Арлекина, а рядом с ней было трое мужчин, тоже в маскарадных костюмах. Я признал в них фон Кемпелена, доктора Темплтона и Гудфеллоу. Они вчетвером отошли к стене и не принимали участия во всеобщей панике.

Пока ряженые проказничали в свое удовольствие, Эмерсон занялся странным делом: хватал одну за другой длинные цепи, тянувшиеся от кандалов каждой пары ряженых, и конец цепи нанизывал на крюк, обычно державший люстру. Три цепи он нанизал, а для четвертой не хватило места на крюке.

После этого крюк стал подниматься вверх. Мнимые обезьяны почувствовали, что их что-то куда-то тянет, но было поздно — шестеро из них взмыли в воздух. Свисавшую с потолка цепь кто-то подтягивал вверх. Я бросил взгляд в дальний темный угол — там крутил ручку и наматывал цепь на барабан низкорослый широкоплечий человек в шутовском костюме.

Итак, три пары ряженых болтались в воздухе.

Принц Просперо и прикованный к нему министр остались на полу. Я понял, что наступает решающий момент, и стал быстро пятиться к щиту, за которым была спрятана моя сабля.

Петерс метнулся к стене и вырвал факел из руки кариатиды. С горящим факелом он выбежал в центр зала, где трепыхались и вопили шестеро министров, участвовавшие в пьяном дебоше, во время которой погибла Триппетта.

Петерс проворно ткнул факелом в каждого из висящих. Смела оправдала свою репутацию легко воспламенимого материала. Под потолком теперь извивалось шесть живых факелов.

Гости закричали от неподдельного ужаса, но вопли горящих министров перекрывали общий шум. Цепи звенели, тени метались как демоны по стенам. Запах паленного мяса, душераздирающие предсмертные крики... И адский смех, который был громче даже этих жутких криков.

Не сразу я понял, что хохочет Петерс. Хохочет как бесноватый.

Принц Просперо наконец опомнился. Он выхватил спрятанный под обезьяним нарядом пистолет. Петерс упивался своей местью и утратил осторожность. Принц прицелился в него — но тут между ним и Петерсом метнулось огромное мохнатое существо.

Звук выстрела — и Эмерсон замертво упал на пол.

Что тут началось! Паника для этого — слабое слово. Петерс кинулся вперед, но тут обгорелые трупы посыпались с потолка вниз, он споткнулся о них и упал.

Как раз в этот момент гигантские стенные часы черного дерева стали гулко бить полночь. К двенадцатому удару в зале воцарилась мертвая тишина. Случилось что-то необъяснимое. Словно какое-то дуновение сверхъестественного разом лишило всех присутствующих возможности двигаться и воспринимать звуки.

Всех, кроме одного. Я сразу заметил этого человека — потому что в целом зале он один двигался среди застывших фигур. Он появился из какого-то темного угла. Первым делом, меня поразило, что он движется — среди всеобщей неподвижности. Но потом я осознал, что за костюм на нем. Он был выряжен в гротескный костюм полуразложившегося мертвеца — явной жертвы той, от кого все присутствующие так отчаянно укрывались за этими стенами. Да, это был мертвец, сраженный Красной смертью.

Маска, скрывавшая лицо зловещей фигуры, столь точно воспроизводила застывшие черты трупа, что даже самый пристальный и придирчивый взгляд с трудом обнаружил бы обман. Одежда незнакомца была забрызгана кровью.

Шел он пошатываясь, рывками. И только теперь я почувствовал омерзительный запах, исходивший от него. Он приближался — живое воплощение того, чего все так страшились.

Но я-то испугался не потому, что костюм этого человека был неуместной и слишком грубой шуткой. Нет, у меня кровь застыла в жилах, потому что я понял — это не костюм, не маска, не грим. Это тот человек, которого мы оставили на другом конце тайного подземного хода. Это тот самый человек, у которого Петерс позаимствовал шутовской наряд. Да, это был Фортунато, пьяный прихвостень Монтрезора. Он умер и разложился, но некая сила подняла его и привела сюда.

Мертвый Фортунато все той же шатающейся походкой подошел к принцу — и обнял его! Просперо завизжал и упал на пол, потянув цепь, а с ней и ministra, прикованного к ней.

Чары развеялись так же внезапно, как и появились. Всеобщий паралич закончился. Снова послышался гул голосов, вскрики. В дрожащих руках появились кинжалы. Размахивая саблей, я позвал Петерса. Он взглянул в мою сторону. Я схватив факел и факелом показал туда, где, по моему мнению, находился вход в тайный туннель. В темном углу действительно оказалась открытая дверца — через нее-то и явился мертвый Фортунато.

Петерс окинул презрительным взглядом подданных Просперо, задержался глазами на трупе своего верного друга Эмерсона — и последовал за мной в подземный ход.

*Недавних дней события были дрянь,
И сновиденья — хуже быть не может.
Чахотки кашель рвал горталь
Тщедушной леди Жизни.
Смерть руки в боки — и хохочет.
История темная; понимай, кто как хочет.*

Стихотворение без названия, Эдварт Аллан Перри

Глава 10

Эдгар Аллан По скончался. Он умер в Балтиморе позавчера. Это сообщение многих поразит; но лишь немногих опечалит. Поэт был хорошо известен в нашей стране — одни читали его произведения, другие знали о нем понаслышке; у него были свои читатели как в Англии, так и в некоторых других европейских странах; однако у него не было друзей или было очень мало. Так что его кончина будет оплакана в большей степени как литературная утрата, ибо мы лишились звезды, пустяк и крайне странной, зато одной из самых ярких.

«Дейли Трибьюн», «Людвиг» (Руфус Гризуолд)

Сперва мы пробежали вниз по лестнице, потом попали в длинный туннель, идущий под двором крепости. Мы торопились уйти от погони, но я замечал, что Петерс наполовину не в себе от горя и усталости. Он бежал как пьяный. Я ничего не говорил, просто держался рядом с ним и следил, чтобы он не упал.

В том туннеле, что выходил на склад, одна из стен рухнула и почти полностью преградила проход. С огромным трудом мы протиснулись внутрь.

Когда мы оказались в относительной безопасности, я настоял на том, чтобы Петерс сбросил свой костюм шута. Мы прихватили с собой молоты и лом и понеслись по подземному ходу к подвалу дома Монтрезора. Там выяснилось, что Монтрезор замуровал вход в подземный ход. Перед нами была глухая стена. Очевидно, Монтрезор замуровал в подземном туннеле своего слугу Фортунато.

Совсем как в одной из страшных историй Гофмана, чьи книги я так любил читать на досуге, лежа на кровати в казарме. Если бы мы не прихватили с собой инструментов — сгнить бы нам у этой стены!

Петерс стал крашить препятствие страшными ударами молота. Я отошел в сторонку, чтобы не мешать ему. Сколько же силы в этом человеке! За несколько минут Петерс проделал в стене брешь достаточного размера, и мы выбрались наружу.

Проворно поднявшись из подвала по лестнице, мы обыскали дом. Монтрезора в нем не нашли, а вот Лигейя откликнулась на мой зов. Она появилась из комнаты в верхнем этаже — на плече у нее восседал Грип.

— Перри, черт побери! Черт побери, Перри! — скрипучим голосом приветствовал меня говорливый ворон.

- С вами все в порядке, Лигейя? — спросил я.
- Да, все в порядке.
- А с месье Вальдемаром?
- О, он все в том же положении.
- Где Монтрезор?
- Убежал.
- Полагаю, разумно будет нам последовать его примеру.
- Все необходимое упаковано.
- Я снесу ваши вещи вниз.
- Они уже внизу.
- Разве вы знали, что мы возвращаемся?
- Это я послала Фортунато.
- Зачем?
- А разве он пришел не своевременно?
- На чем мы уедем отсюда?
- Там есть карета, — сказала Лигейя. — Она стоит за конюшнями.
- Тогда мы все грузимся и прочь отсюда — к границе.
- Нет, мы направимся в Барселону — к морю. Там нас будет ждать «Ейдолон».
- Почему он направился в Барселону?
- Анни уже довольно давно вложила в голову капитана Ги мысль, что ему надо непременно плыть в Барселону.
- Откуда вы об этом узнали?

— Однажды я хотела проделать то же самое — и провела, что приказ плыть в Барселону ему уже отдан.

— Скажите, а правда, что Анни — ваша...

— В конюшнях не осталось ни одной живой лошади, — сказала Лигейя, не слушая меня. — Помогите мне снять этот ковер со стены. Пожалуйста, поторопитесь!

Я посмотрел туда, куда она указывала. На gobelenе был изображен один воин, пронзающий другого кинжалом. На заднем плане виднелся конь — огромный, невиданной масти.

Я подтащил к стене маленький столик, взобрался на него и в конце концов сумел снять ковер. Сворачивая его, я осведомился:

— Вы уверены, что эта вещь нам совершенно необходима?

— Да, — коротко ответила Лигейя.

Мы с Петерсом перетащили ящик с месье Вальдемаром к карете и стали грузить его наверх. Я раздраженно думал, что мы заняты дурацким делом: грузимся в карету, не имея лошадей.

И тут я услышал конское ржание. Из-за угла появилась Лигейя. За ней шел громадный скакун невиданной масти. Она делала какие-то месмерические пассы в его сторону.

— Эдди, помогите мне запрячь его, — сказала она.

Мои кавалерийские навыки не забылись — я ласково потрепал коня по холке и не спеша, оглаживая, завел его между оглоблями. Хоть это был и настоящий гигант, я не мог не пожалеть животное — придется ему выполнять работу четверых лошадей. Впрочем, теперь с нами нет Эмерсона и кучера, да и большую часть багажа мы бросили.

Обходя карету, я увидел на булыжниках двора брошенный ковер. Один воин по-прежнему резал другого, а вот коня на заднем плане больше не было. Мне не хотелось даже задумываться над тем, что это значит. Но на моем лице, очевидно, что-то отразилось, потому что Лигейя, глядя на меня, стала смеяться.

Я оглянулся на нее: волосы развевает ветер, жемчужно-белые зубы оголены... Какое-то мгновение мне казалось, что вокруг Лигейи разлито бледное сияние. Почудилось? Впрочем, через секунду сияние исчезло —

словно втянулось обратно в ее глаза, засверкавшие сильнее прежнего.

— Вы, Эдди, будете нашим кучером, — сказала она.

— Да я понятия не имею, как ехать в эту Барселону! Лигейя указала рукой:

— Вот в эту сторону. По мере продвижения я буду подсказывать вам, куда и где сворачивать.

Я открыл дверцу и помог Лигейе подняться в карету. Когда я взобрался на козлы, Петерс присоединился ко мне.

— Если не против, я поеду рядом с вами, на свежем воздухе, — сказал он.

— Отлично. А временами будете брать вожжи.

Я снял тормоз, поднял вожжи, и конь резво тронул с места. Уже к концу двора карета набрала хорошую скорость, а уж когда мы выехали на дорогу, странный конь припустил вперед с необычайной скоростью. Я только диву давался — так мы не мчались и с четверкой лошадей! И в то же время чудо-конь не проявлял никаких признаков усталости или напряжения. Более того, он играючи продолжал увеличивать скорость. Мы мало не летели по воздуху, и я молил Бога, чтобы мы не угодили в какую-нибудь рытвину и не перевернулись. Но, странным образом, нас не трясло на ухабах, мы ехали будто по ровному шоссе. Ближайшие деревья слились в размытые пятна.

Я правил каретой в течение нескольких часов, пока меня не сморила усталость. Тогда я передал вожжи Петерсу. Но дивной скотине было хоть бы хны — казалось, она лениво перебирает ногами и ждет, когда же кучер позволит ей действительно разогнаться!

Я потеплее закутался в свой плащ и откинулся на спинку сиденья. Ночные весенние запахи струились вокруг нас. Лишь звезды были неподвижны в окружающем пейзаже. Лигейя время от времени выкрикивала инструкции, а Петерс сворачивал в нужном направлении.

Я задремал, и мне чудилось, будто рядом со мной на козлах сидел не Петерс, а Эдгар По. Я обратился к нему, но он молчал. Потом вдруг перепрыгнул с козел на спину скакуну, обрезал постромки — и был таков. Я остался на козлах еще какое-то время катившей вперед кареты. Что за бред! Наваждение какое-то... Но карета продол-

жала двигаться вперед и после того, как должна была исчерпаться ее инерция. Снова какое-то наваждение!

И тут рядом со мной на козлах оказалась Анни. Я ощутил ее руку на своей руке.

— Перри, — сказала она. — Эдди!

— Анни!.. Господи, мне почудилось, что тут сидел По — всего несколько минут назад. Но он не пожелал общаться со мной. Он ускакал прочь.

— Знаю. Он удаляется от нас. Удаляется все больше и больше. И я больше не могу удержать его.

— А как твои дела, моя прекрасная леди? В последний раз я видел тебя на том пиршестве, которое закончилось вакханалией смерти. Ты вместе с фон Кемпеленом и приспешниками Гризуолда исчезла задолго до финала. Я не заметил, когда именно.

— Я ощущала, что приближается страшная развязка. А остальные научились верить моим предупреждениям, так что мы потихоньку скрылись.

— Ах, ну что бы тебе не сбежать тогда со мной!

— Я знала, что ты хочешь забрать меня. И хотела бежать с тобой. Но ведь мы это уже обсуждали. Я не могу дать им шанс сделать вечной ссылку Эдгара По в чужой для него мир.

— А как твои собственные дела? Ты в порядке?

— Физически — да. Из тогдашней суматохи выбралась без единой царапины. Чуму не подхватила.

— Ты где теперь?

— На борту ялика, который плывет вниз по реке. Вижу тебя в пламени фонаря. Возле устья нас поджидает большой корабль — он стоит там на якоре и готов отплыть в любой момент.

— Название корабля?

— «Грампус». Мы будем на борту этого судна, и оно поднимет якорь раньше, чем вы попадете в Барселону.

— Куда вы направитесь? Ты же понимаешь, что я последую за вами.

— В Лондон. Нужно взять кое-какое оборудование.

— Что за оборудование.

— Для фон Кемпелена.

— Готовит эксперимент?

— Да.

— А из Лондона вы куда направитесь?

- Обратно в Штаты.
- Куда именно?
- Этого я пока точно не знаю. Кажется, куда-то на север.
- А в Лондоне вы где будете?
- Адреса точного не знаю. Впрочем...
- Что «впрочем»?
- У меня такое ощущение, что в Лондоне мы с тобой не встретимся. Тебе предстоит что-то. Вижу только облако, которое придвигается к тебе. И ничего больше.
- Что ж, буду стараться не ударить лицом в грязь.
- Видит Бог, ты многое преодолел. И сделал едва ли не больше, чем в человеческих силах.
- Я люблю тебя, Анни. Пусть моя любовь возникла из инсценировки, которую затеяла одинокая девочка, искавшая товарищей для игр, — от этого любовь ни- сколько не слабее.
- Мой милый мальчик, мой пришелец из зарослей, — сказала она, ласково коснувшись моих волос, — я бы никогда не обрела тебя, не будь в тебе самом ответной потребности — и способности отзываться.

Мы некоторое время сидели молча, и я почувствовал, как ее присутствие становится все менее ощутимым.

— Я устаю, Эдди.

— Знаю. Какая досада, что Красная смерть не прибрала твоих дружков-приятелей — большой недосмотр с ее стороны!

— Доктор Темплтон уберег их. А тебя и Петерса спасла от Красной смерти та замечательная леди, что высвободила силы, которые сейчас влекут вперед вашу карету.

Мне хотелось побывать с Анни подольше, но я пожелал ей доброй ночи — ведь она устала. И после этого сам погрузился в настоящий сон — точнее, в кошмар. Мне снились горящие министры, подвешенные на цепях к потолку, визжащая толпа, окровавленный труп Эмерсона, ходячий мертвец, который все ближе, ближе...

— Пропади оно все пропадом, Эдди. Пропади оно все пропадом! Эдди! Пропади оно.

Я открыл глаза. На моем плече восседал Грип и старался привлечь мое внимание к пиршеству малиновых и оранжевых красок занимающейся на востоке зари.

— Эй, Петерс, давайте мне вожжи, — сказал я, — а сами маленько отдохните.

Он кивнул и передал мне вожжи. Грип перепрыгнул на его плечо.

— Пропади оно все пропадом, Петерс, — заскрипел ворон. — Петерс, пропади оно все пропадом!

Мы проезжали мимо множества заброшенных крестьянских хозяйств — на весенних полях зеленела сорная трава. Однажды мы остановились пополнить запасы провизии в подвале одного из крестьянских домов, владельца которого умер от чумы или сбежал из страны. Наш безымянный скакун дышал ровно, словно и не пробежал бесконечного числа миль. Положив руку ему на круп, я не почувствовал, что конь разгорячен. Но кроме гигантского размера и странной масти в нем не было ничего особенного. Конь как конь. Ну и дела порой творятся на белом свете!.. Еще я заметил странные проплешины на его крупе — прежде их вроде бы не было.

Когда карета покатила дальше, Лигейя приказала ехать по дороге, которая следовала вдоль берега реки — к ее устью. Теперь мы передвигались по лесному краю с множеством озер. Временами мне чудилось, что По рядом. Правда, ощущение это было мимолетным, невнятным. Мы ни разу не пообщались.

К середине дня мы подъехали к изножью холма, с которого, по словам Лигейи, открывался вид на Барселону. Я даже слегка подосадовал, что мы добрались до места так быстро: мне до того понравился более чем резвый ход нашего дивного скакуна, что я был не прочь продолжить путешествие — исключительно ради удовольствия прокатиться с ветерком. Но лихой скакун что-то стал сникать. Он, можно сказать, лысал на глазах — шерсть с него падала клочьями буквально при каждом шаге, при каждом дыхании.

Грип успел слетать в сторону бухты и вернулся с торжествующим криком:

— Пропади оно все пропадом, капитан Ги! Капитан Ги, пропади оно все пропадом!

Я присвистнул.

— Э-э, — громко объявил я, — похоже, наш черный приятель нашел «Ейдолон». Глядите, как он радуется!

— Следуйте за ним, — сказала Лигейя.

Вскоре мы одолели холм и спустились к Барселоне. На ее улицах было относительно мало народа, хотя отовсюду неслись шумы большого города. В окнах домов и лавок виднелось много людей. Просто жители старались поменьше выходить на улицу, торопились домой и общались друг с другом на изрядном расстоянии. Из этого я заключил, что самые страшные времена тут миновали, но люди еще сохраняют осторожность, помня о недавней эпидемии, и норовят избегать общения на близком расстоянии.

Когда мы сворачивали за очередной угол, случился некоторый конфуз — внезапным порывом ветра нашему скакуну оторвало хвост. А когда мы доехали до конца длинного склона, у него отвалилось ухо — вместе с большей частью гривы. Теперь карета катила по улице вдоль морского берега. Я таращился на коня. Дорогу за нами устилала его шерсть. Хуже того, его круп стал опадать, сужаться, словно это была кляча, которую цыгане надули воздухом, чтобы одурить покупателя, — и теперь воздух выходил через известное место.'

Я хотел было обратиться к Лигейе за разъяснениями и советом, но тут я увидел, что на дорогу катится большая тяжелая бочка — выше на холмистой улице двое неловких работников выпустили ее из рук, и теперь она быстро набирала скорость.

Наш одр уже плохо соображал, он едва плелся вперед. Заслышав грохот, он повернул голову и тупо уставился на летящую прямо на него бочку. Впервые за все время конь издал некий звук — придушенное ржанье, которое звучало, словно издалека пришедшее эхо. И тут прежняя прыть вернулась к нему в удвоенном размере. Конь понес. Корабли, пирсы, береговые строения — все слилось в сплошное пятно. Мы мчались с бешеной скоростью. Но конь одновременно уменьшался в размерах. Скоро он был не больше шотландского пони, и сбруя повисла на нем. Однако силы еще не покинули его — мы неслись по гавани с невероятной скоростью. Конь все уменьшался, уменьшался — карета уже неслась сама по себе, а он только убегал от нее. Вот он уже размером с собаку,

с собачку... Горестное короткое ржание возвестило о том, что он понял свою обреченность. Карликовая лошадка остановилась как вкопанная, карета переехала ее. Я вскочил на козлах, посмотрел назад — на дороге от нашего некогда гигантского коня осталась плоская ленточка.

Я нажал на тормоз, однако тот карету не остановил. Тогда Петерс схватил ручку тормоза и налег на нее. Бицепсы его вздулись, он крякнул раз, другой, принаел еще — запахло паленым, но карета стала мало-помалу замедлять ход.

На наше счастье транспорта в порту почти не было. Карета остановилась у горы ящиков — чудом не врезалась. Слева от нас были пристани. Вверху вились и покрикивали серые чайки. Петерс, который прирос к тормозу, отпустил его, потряс руками, потом показал на один из кораблей.

— Вон наш «Ейдолон», Эдди! — воскликнул он. — Эта чертова зверюшка свое дело знала, прикатила нас в нужное место!

Выходя из кареты, я слышал, как Лигейя пробормотала:

— Мир праху твоему, добрый Метценгерштейн!

Позже, когда матросы с «Ейдолона» помогали нам с Петерсом перенести багаж и ящик с месье Вальдемаром на борт корабля, я случайно поднял глаза и увидел на небе облако необычной формы и невиданного цвета. Оно напоминало гигантского коня необычайной масти.

Я попросил капитана Ги немедленно поднимать паруса и плыть в Англию, а о настоящем положении наших дел я расскажу ему уже в пути. Лигейя, Петерс и я наспех перекусили — причем я выпил такое количество бренди, что все окружающие с тревогой ожидали, что я вот-вот упаду замертво. Затем я уединился в своей каюте и смыв с себя дорожную грязь, после чего решил на минутку прилечь на койку. Это было ошибкой: я, разумеется, тут же заснул.

Разбудила меня страшная качка. Проснувшись окончательно, я быстро оделся и побежал на верхнюю палубу. Мы были в открытом море, и снаружи бушевал штурм. Я с полминуты поглядел на распоясавшуюся стихию, спу-

стился вниз и нашел Петерса. Он сообщил, что я проспал двенадцать часов кряду, а шторм начался недавно.

Непогода преследовала нас по всему Средиземному морю. Когда же мы миновали Гибралтар и повернули на север, в сторону Англии, на нас обрушился шторм неистовее прежнего. Идти против ветра было опасно, так что мы отдались воле волн. В итоге, после трехдневного шторма нас отнесло далеко на юг. Шторм причинил большой ущерб оснастке корабля.

Уж не знаю, что за злой демон царил в этой части моря, но он явно невзлюбил наше судно. Не успели мы привести в порядок «Ейдолон» — починить мачты и все такое, как обрушилась новая буря, которая отнесла нас еще дальше на юг. И эта буря была самая жестокая. Она волокла нас, не отпуская ни на час, чуть ли не до самого экватора — под тропик Рака.

— Этот ужасный шторм... — сказала мне Лигейя утром седьмого дня.

— Да?

— Похоже, он наконец слабеет.

Я постучал по дереву — чего-чего, а дерева на корабле предостаточно.

— И слава Богу, что кончается! — воскликнул я. — Правду говорят, что солдатом быть плохо, а матросом во сто крат хуже.

— Погодите радоваться, — промолвила Лигейя.

— Что вы хотите сказать?

— Не верится мне, что эта буря вызвана естественными причинами.

— Да ну?

— Сейчас, когда буря выдыхается, я смогла почувствовать, как устала та, что вызвала ее. До этого я не могла уловить чье-то присутствие за всем этим.

— Объясните мне, дураку, помедленнее.

— Думаю, тут опять замешана Анни, — сказала Лигейя. — Именно она вызвала эту последнюю, такую долгую и такую неистовую бурю. Но больше недели она не смогла повелевать стихией — невзирая на наркотики и мобилизацию всех своих месмерических способностей. Да и ее хозяева не хотят вконец изнурить ее. Растроительно израсходовать все ее силы на то, чтобы устраниć нас с дороги. Анни нужна им для более серьезных целей.

— Вы уверены в своих выводах? — спросил я.

— Не совсем, — ответила Лигейя. — Ведь даже под посторонним воздействием ее сознание в достаточной степени прихотливо и очень непредсказуемо.

Чуть позже установилась хорошая погода. Все мы облегченно вздохнули. Экипаж приободрился — уж очень всех вымотали непрекращающиеся бури. Хотя мачты, к счастью, остались целы, очень многое следовало привести в порядок, и матросы занялись починкой.

Эти-то работы и спасли нас, когда внезапно обрушился новый шторм. Паруса были спущены, благодаря чему налетевший из ниоткуда шквал не переломал мачты.

Нас мотало на волнах целые сутки. Но Лигейя стояла на том, что это естественный шторм и Анни тут ни при чем. Стихия, видно, совсем ополчилась на нас: буря сменялась бурей, пока мы не оказались по другую сторону от экватора — где-то под тропиком Козерога. Нас продолжало относить все дальше к югу, но Лигейя твердила, что сверхъестественные силы тут ни при чем — такое уж наше счастье.

Наконец полоса бурь миновала. Полтора дня царил штиль, матросы привели всю оснастку в отменный порядок. И вот задул благоприятный ветер. Мы снова плыли на север. Команда корабля глядела весело. Демоны оставили нас. Мы наслаждались долгожданным покоем. Матросы напевали и насвистывали за работой. Коку Эрнандесу было велено приготовить торжественный обед — и он расстарался на славу.

Благоприятный ветер не стихал до самого вечера, и солнце садилось за горизонт на чистом небе. Мы ложились спать с радостным чувством, благодаря небеса за снисхождение.

Следующая буря обрушилась на нас подобно ангелу с карающим мечом. И она была хуже всех предыдущих. Я вскочил с постели и оделся по-военному быстро. На палубе могли пригодиться и мои руки. На сей раз мы сражались с непогодой на пределе сил. Нескольких матросов смыло за борт гигантскими волнами. Многие паруса и часть снастей были разорваны. Одна мачта надломилась и упала в океан. Впрочем, непосредственной опасности затонуть для изуродованного «Ейдолона» пока не

существовало. Нас спасало то, что мы вовремя устранили все предыдущие поломки.

Мы сражались со стихией уж не знаю сколько дней — было не до счета. Спали урывками. И не имели представления, в какой части океана находимся. Но во время всей этой страшной суматохи меня не оставляло странное чувство: мне было как-то не по себе, чего-то не хватало — или чего-то было слишком много. Словом, то же не очень приятное чувство, каким я был охвачен, когда сидел на козлах кареты, уносящей нас подальше от проклятого монастыря. Мне постоянно казалось, что Эдгар По где-то совсем рядом — невидимо присутствует при всем происходящем.

А Лигейя подлила масла в огонь:

— Она шествует в ночи как некая темная богиня древних времен. Это Анни наслала шторм. Наслала, чтобы погубить нас.

— Разумеется, не по своей воле?

— Они крепко держат ее в своих руках. И теперь ее воля снова под их контролем.

— И вы ничего не можете противопоставить этому?

Вы — или месье Вальдемар?

— Месье Вальдемар, увы, по-прежнему бессилен в тех областях, где царит Анни. А что касается меня, то я уже долгое время изо всех сил сдерживаю злое влияние Анни. Без этого мы, очевидно, давно были бы на дне. Кое-какие маленькие победы над ней я одержала. Но Анни стала необычайно сильна, и одолеть ее не представляется возможным.

— Неужели нам ждать гибели сложа руки? — воскликнул я.

Лигейя покачала головой.

— Остается только ждать, когда Анни утомится. Я не могу напасть на нее — могу только отбивать ее атаки. Когда она выдохнется, нам надо немедленно плыть к ближайшему берегу. В противном случае нас рано или поздно пустят ко дну.

И все оставалось по-прежнему — буря свирепствовала немилосердно, а Лигейя прикладывала титанические усилия, чтобы корабль не затонул.

На следующий день я забрался высоко на мачту, чтобы высвободить запутавшиеся снасти, — в противном

случае мачта могла сломаться. Как ни странно, в разгар шторма, когда корабль немилосердно качало и волны бесновались вокруг, было менее страшно забираться на головокружительную высоту и работать там. Быть может, потому что и на палубе царил сущий ад.

Я был занят распутыванием узла, и это поглощало все мое внимание. Ветер ревел. Так что вряд ли я слышал крик внизу. Просто какая-то сила заставила меня кинуть взгляд...

Два матроса, позабыв о волнах, которые перекатывались через палубу, но крепко держась за пиллерс, что-то кричали, показывая руками в направлении правого борта. Я посмотрел в том направлении — и был ошеломлен тем, что увидел.

На нас надвигался огромный призрачный корабль. Подобный сказочному великану, он уверенно вспахивал гигантские волны. Огни святого Эльма плясали на его мачтах — казалось, они обведены бледным зеленоватым сиянием, ярким на фоне черных туч, затягивавших небо. Было впечатление, что корабль этот построен в незапамятные времена — уже несколько веков, как подобные красавцы больше не бороздят моря. Однако в те времена столь огромных кораблей не строили. Впрочем, поразительней всего были не размеры и не старинная конструкция корабля, а то, что он, в разгар чудовищной бури, шел под всеми парусами!

И опять каким-то шестым чувством я ощутил невидимое присутствие Эдгара По где-то поблизости от меня, висевшего чуть ли не на макушке мачты. Да и Анни была рядом — уж не знаю как, но я ощущал ее присутствие. Она вела бой с доктором Темплтоном, сопротивляясь тлетворному влиянию наркотика или месмерического воздействия. Я был уверен, что она напрягает все свои силы в этой борьбе — и эта борьба реальна, потому что я слышал, как она твердит мое имя — окликает меня вялым голосом, словно только что проснулась и пытается сбросить путы сна.

В моей голове мелькнула мысль, что я еще успею окликнуть моряков с того гигантского старинного корабля, но было уже поздно, поздно...

Анни вскрикнула, когда корабли врезались друг в друга, а мне показалось, что при ударе корпуса о корпус

мое тело перешвырнуло с мачты «Ейдолона» на мачту неизвестного судна. В первый момент я был совершенно уверен, что столкновение произошло в материальном мире. И лишь потом я осознал, что «Ейдолон» прошел через корабль-призрак как сквозь облако — и столкновение носило совсем иной, нематериальный характер...

Дабы Вселенная не погибла... необходимо, чтобы звезды сгостились в видимости из незримых туманностей — то есть перешли из состояния туманностей в твердое состояние — и посерели, рождая из себя несчетные и сложные вариации жизненных форм... в продолжении целого периода, когда все сущее вернется к Единству со скоростью, которая будет нарастать в обратной пропорции к расстоянию, остающемуся до неотвратимого Конца.

«Эврика», Эдгар Аллан По

Глава 11

Тем немногим, кто любил меня и был любим мною, кто мыслит сердцем больше, чем головой, кто видит сны и снам доверяет более, нежели реальности, — им посвящаю я эту Книгу Истин, которая призвана не провозглашать Истины, а являть Красоту, коей они исполнены; она же подтверждает их истинность. Им представляю я на суд нынешнее в качестве произведения искусства — скажем, как прозаический отрывок; не опасайся я обвинения в заносчивости, я бы назвал это поэмой.

«Эврика», Эдгар Аллан По

Левой рукой я вцепился в канат старинного судна. Одной ногой я прочно стоял на перекладине его мачты. Моя правая рука все еще сжимала нож, которым я собирался разрезать спутавшийся канат на «Ейдолоне». Два корабля быстро расходились.

У меня возникло ощущение, что я еще успею перепрыгнуть обратно на мачту «Ейдолона»... Куда там — это было бы самоубийством! Я сунул нож за пояс — пригодится! — и покрепче обнял мачту чужого корабля. Потрясенный происшедшим, я очумело озирался. Но ни чужой корабль, ни стремительно удалявшийся «Ейдолон» не были повреждены. Прошло совсем немного времени, и «Ейдолон» скрылся из виду.

Я стал медленно спускаться по перекладинам мачты к раскачивающимся над палубой фонарям. Паруса вокруг надувались ветром и оглушительно звенели под уда-

рами шквала — признаюсь, этот грохот хоть и был страшен, но была в нем и упоительная музыка.

Первое, на что я обратил внимание, оказавшись внизу, было почти полное отсутствие качки. Когда я сидел верхом на мачте, мне казалось, что корабль ходит ходуном, опасно раскачивается. Но на палубе я мог стоять ни за что не держась. Да и сам грохот шторма здесь казался приглушенным. Не рев ветра, а тихий вой.

Я был совершенно уверен, что кто-нибудь из членов команды подбежит ко мне и осведомится, цел ли я, не нужна ли мне помощь.

Однако матросы совершенно проигнорировали мое появление! Они занимались своим делом — перетаскивали какие-то ящики с кормы на нос — и не обращали ни малейшего внимания на незнакомца, который спустился с мачты. На секунду мне это показалось вопиющим хамством. Но только на секунду.

Я стоял на пути одного немолодого матроса, тащившего на плече тяжелый, сложенный витками канат, и нарочно не отступил в сторону. Немолодой матрос одышливо кряхтел и покачивался под тяжестью ноши. Глядя мне прямо в глаза, он подошел вплотную ко мне — и обошел меня, будто я был колонной или большим мешком. Тогда я торопливо подошел к другому, тоже весьма пожилому матросу, который, стоя у левого борта, прижался отставшую планку планшира. Я помахал рукой прямо перед его глазами — никакой реакции. Весьма озадаченный, я стал перебегать от одного члена команды к другому. Все они, морщинистые, седые или лысые, выглядели стариками — ветхими и немощными.

В полной растерянности я отошел к борту и стал следить за странностями погоды — как будто демоны ветров могли дать разумное объяснение происходящему. Буря неистовствовала, ревела, буйствовала — можно перечислить все слова, которыми литераторы живописуют беснующуюся стихию. Но корабль двигался по волнам так, словно просто дул крепкий попутный ветер. Это судно не желало считаться со стихией. Даже зеленоватый огонь, разлитый по очерку мачт и похожий на фосфоресцирующий мох, казался самостоятельным и вечным свойством корабля, не имеющим отношения к атмосферным явлениям. Словом, моя растерянность только возросла.

Через некоторое время (о Время! — каким относительным и условным оно казалось на борту этого странного корабля — словно во сне) на капитанский мостик вышел старец, по осанистому виду которого я заключил, что он и есть капитан. Старец передвигался шаркающей походкой, и те несколько инструментов, что он нес в руках, были тяжкой ношей для него. Остановившись под навесом, капитан первым делом приставил к глазу допотопного вида подзорную трубу и стал осматривать горизонт, даром что во мраке было мало что видно — когда черное небо страдальчески оскаливалось молниями, его злобная улыбка освещала лишь непроглядную пелену дождя. Однако старец как бы удовлетворенно закивал головой, оставил в покое подзорную трубу и принялся работать с компасом и сектантом, словно в этих условиях от них был какой-то прок! Что-то приговаривая на неизвестном, гортанном и отрывистом языке, он добросовестно возился с инструментами, которыми можно пользоваться только при наличии солнца или звезд на небе. После этого он тщательно занес результаты своих измерений в судовой журнал, собрал свои инструменты и медленно удалился по трапу в чрево корабля.

Я почти вприпрыжку побежал за ним. Была в этом ветхом старице притягательная сила — в слабом теле угадывался могучий дух. Внизу я нагнал капитана и вошел в его каюту следом. У двери я остановился и огляделся. На полу были разложены навигационные карты, какие-то старинные фолианты с железными уголками на обложках, а также неизвестные мне научные приборы. Капитан прошел к столу, сел и сосредоточенно склонился над лежавшей там картой. Его голова чуть тряслась.

Я покашлял. Никакой реакции.

— Э-э... простите, сэр... — сказал я.

Ответа не последовало.

Разумеется, человек столь преклонных лет мог быть глух как тетерев, но я интуитивно чувствовал, что причина не в этом. Я медленно направился к столу, повторяя свои извинения, но так и не сумел обратить его внимание на себя. Тогда я попытался тронуть его за плечо. Не тут-то было! Между моей рукой и его плечом полыхнул зеленоватый огонь, и руку мою отшвырнуло словно бы мощной струей водопада. Однако старик даже не глянул

в мою сторону. Я таращился на него в полной растерянности. Что же делать дальше?

Внезапно капитан встал. Когда он выпрямился во весь рост рядом со мной, оказалось, что он лишь чуть ниже меня — а роста я немалого: пять футов и восемь дюймов. Казалось, из его серых глаз на меня смотрят несколько веков, но сам он был поджарый, почти не сутулился. До странности моложавый старик. В его мимике и жестах проглядывала такая озадачивающая смесь капитанского мальчишки и зрелого, истинно величавого мужа, что я вдруг проникся безмерным уважением к нему. Не спуская с капитана почтительного и восхищенного взгляда, я последовал за ним.

Он подошел к шкафчику и взял какую-то бумагу, содержащую, надо полагать, предписание с маршрутом. Об этом я догадался, разглядывая бумагу через его плечо. Как я ни щурился, я так и не разобрал фамилию капитана, написанную вверху листа. Заметил только, что она чрезвычайно короткая. Внизу стояла печать и подпись — явно какого-то монарха...

— Да! — услышал я голос. Похоже это короткое слово произнесла Анни. — Да...

Капитан внезапно посмотрел прямо в том направлении, откуда донесся голос. Я посмотрел туда же. Никого. Когда мы отводили взгляды от того места, они случайно на мгновение пересеклись — словно электричество пробежало между нами. Но старец только тряхнул головой и тут же отвернулся.

— Ну и тем лучше! — ворчливо сказал он.

Я услышал что-то вроде всхлипа в том месте, откуда недавно донесся голос Анни.

— Изгнание твое вот-вот закончится, — не то услышал, не почувствовал я ее слова, обращенные к капитану.

Старик посмотрел в сторону невидимой Анни, и выражение его лица смягчилось. Его бледные губы беззвучно шевельнулись, покуда он глядел на говорящую пустоту. Мне почудилось, что движения его губ сложились в имя «Анни».

— Придется мне покинуть тебя, Перри, — услышал я голос Анни.

— Нет! — воскликнул я.

— Я должна, уж так складывается, — сказала она с грустью в голосе. — Если я хочу, чтобы дверь для По оставалась открытой, я обязана покинуть тебя.

— Не покидай меня. Ты единственный дорогой для меня человек в этой жизни!

— У меня нет выбора, я должна. Ты замечательный, Перри, и еще ты очень сильный. Ты приспособлен к жизни в этом мире — да и в любом другом. А вот По — нет. Но что останется от нашего мира, если По в нем не будет? Я должна оставаться рядом с ним — если это возможно. Так что прости меня.

И с этими словами она исчезла — то есть перестала невидимо присутствовать. Слезы застилали мне глаза. Я кинулся вон из этой проклятой каюты. Я куда-то побрел, вслепую, не разбирая дороги. Какая разница, куда теперь идти! Разве можно обрести утешение в мире, где я ни для кого не существую!

Вне времени, в непонятном пространстве, изможденный, я шел по коридору. Из камбуза пахнуло ароматом свежеиспеченного хлеба и свежезаваренного дешевого чая. Я бродил по кораблю как призрак — от борта к борту, от борта к борту. Временами я останавливался послушать разговоры команды. В их тарабарщине я мало что понимал — лишь угадывал, что они обсуждают маршрут своего корабля, не обращая на меня ни малейшего внимания. Еще я заметил, что зеленоватые огни св. Эльма пляшут буквально на всех заостренных или круто закругленных поверхностях.

Прошло Бог весть сколько времени — не то пять минут, не то пять дней, — и я услышал, как некий женский голос обратился ко мне.

— Эдди!

— Анни? — встрепенулся я. — Господи, ты вернулась?

— Нет. Вы так далеко, Эдди. Мне было невероятно трудно связаться с вами.

— Лигейя?

— Да. Ага, сейчас слышу и ощущаю вас лучше. Намного лучше. Вы должны вернуться к нам.

— Легко вам говорить! Как я вернусь? Понятия не имею, как и зачем я здесь очутился. К тому же только что я потерял самое дорогое в моей жизни.

— Попытайтесь. Обязательно попытайтесь, Эдди. Решимость для вас важнее способа осуществления.

— Я бы попытался, кабы знал, с чего начать!

— Ищи и обрящешь!

Я принял расхаживать по палубе, последними словами костера этот дурацкий корабль, его распроклятого капитана, идиотскую команду и мерзопакостную погоду. За бортом был сущий хаос — громадные волны пенились во мраке. Мимо то и дело проплывали льдины или целые ледовые горы. Однажды мы проплыли между двумя айсбергами — справа и слева во тьме высились белые стены, которыми, казалось, кончалась Вселенная. А корабль все плыл и плыл... Ни молитвы, ни проклятия пользы не приносили. Я по-прежнему оставался на анафемском корабле. На какое-то время я, похоже, вообще лишился разума от того, что потерял Анни. И то, что злой рок — или чья-то злая воля? — держит меня в непонятном месте, только увеличивало мое душевное смятение.

Меж ледяных колонн свистел холодный ветер. Вокруг корабля царил мрак. Капитан несколько раз выходил на палубу и повторял свои измерения, но я уже не приближался к нему. Со временем я заметил, что корабль набирает скорость. Все паруса были подняты, как и прежде. А между тем ветер ревел едва ли не с удвоенной силой.

Когда судно впервые воспарило над волнами, я здорово перепугался. Через долгий промежуток времени корабль опять оторвался от волн. Затем эти воспарения стали частыми и происходили через равные интервалы времени. Мы то двигались по волнам, то летели над ними. Вдалеке на палубе я снова увидел того старика с лицом гордого и капризного мальчика — и теперь больше не сомневался, что это какой-то вариант Эдгара По. Капитан уже не производил измерений. Он просто стоял на носу и смотрел на бурное море, на белые ледяные горы, которые ходили кругами вокруг нас. На лице его лежала печать утраты — в нем прочитывались разом и страдание и блаженство от страдания. Не спрашивайте, сменялись ли выражения на его лице или разные эмоции присутствовали на нем одновременно — в этом месте, объятом зеленоватыми огоньками, Время было словно покороблено...

Мало-помалу до меня дошло, что происходит, — корабль совершил широкие круги по краю исполинского водоворота. Нас втягивало в адскую воронку. Однако,

сознавая неизбежность грядущей беды, я больше не питал ненависти к странному капитану. Наоборот, дружеская симпатия былых дней пробудилась во мне. Мне хотелось подойти к нему, обнять — и спасти его, увести из этого зачарованного мирка. Да где мне! Я отлично понимал: не сумею, не могу. А кабы и мог — еще вопрос, согласился бы он покинуть этот страшноватый мир...

Мне оставалось только смотреть, как во мраке беснуется, гремит и рокочет жуткий водоворот — с амфитеатром ледяных глыб по краю. Наши круги становились все меньше, меньше, а грохот все громче, громче. С каждым кругом мы приближались к центру неотвратимой воронки.

Внезапно я понял, что сейчас чувствует По, застывший величаво на носу судна. Он зрит Смерть — совсем рядом с собой, и это позволяет ему с предельной ясностью видеть Жизнь. Я смотрел его глазами — и ощущал, что и я бы мог столь же бесстрашно лететь навстречу гибели, не теряя ясности сознания, чистый сердцем, — навстречу идеальной гармонии...

Я смотрел его глазами, чувствовал его чувствами — и все же не хотел его хотением. Я не хотел гибели. Однажды мы были почти одним человеком. Он был творцом, я — почти что его творением. И вот я оплакивал его в момент, когда он испытывал величайшее в своей жизни упоение.

Слова Лигейи «Ищи и оброящешь!» вспомнились мне — и я нашел: я отвернулся от него.

Жерло зияло, готовясь поглотить — без остатка. Чем я мог помочь?

И я попытался уйти.

*Сумрак неизмеримый
Гордости неукротимой,
Тайна, да сон, да бред:
Это — жизнь моих ранних лет.
Этот сон всегда был тревожим
Чем-то диким, на мысль похожим
Существ, что были в былом.
Но разум, окованный сном,
Не знал, предо мной прошли ли*

Тени неведомой были.
Да не примет никто в дар наследий
Видений, встававших в бреде,
Что я тщетно старался стряхнуть,
Что, как чара, давили грудь!
Оправдались надежды едва ли;
Все же те времена миновали,
Но навек я утратил покой
На Земле, чтоб дышать тоской.
Что ж! пусть канет он дымом летучим,
Лишь бы с бредом, чем был я мучим!

«Эврика», Эдгар Аллан По

Глава 12

Высокая брюнетка взирала на сероглазую девушку. Они стояли на прибрежной полосе ярко-желтого песка. Чуть дальше над сушей нависла серая стена. А море сияло в лучах солнца. Песочный замок размером с городской особняк начала века был наполовину скрыт туманом. По его стене бежала едва заметная трещина.

— Стало быть, это и есть твое королевство на краю земли, — сказала высокая брюнетка.

Вторая, прикусив губу до крови, мрачно кивнула.

— С умом построено, моя дорогая. Подобно лучшим архитектурным строениям, этот замок обладает классической простотой.

Где-то вдалеке от моря прогремел гром. Выползла темная туча, и ее густая тень омрачила искрящиеся на солнце волны.

— Не знала, что вы можете сюда проникнуть, — тихо произнесла сероглазая девушка.

— Поверь мне, это было нелегко.

— Не причиняйте вреда этому месту.

— Не причиню — только в том случае, если поможешь мне.

— Чего вы хотите?

— Мы должны вернуть его.

Еще две тучи объявились на небе, а над сушей вновь громыхнуло.

— Которого из них?

— Того, которого мы все еще в силах спасти.

В одно и то же мгновение пошел дождь — и хлынули слезы из глаз сероглазой девушки.

- Я хочу обоих, — сказала она между всхлипами.
- Увы, дитя, но это неосуществимо.
- Они опять зовут меня. Поздно.

Она попятилась, земля за ней разверзлась — и девушка качнулась в бездну. Но ее падение было остановлено.

Высокая брюнетка простерла вперед руку и, невидимой силой удерживая собеседницу на краю пропасти, сказала:

— Прежде ты поможешь мне. Немедленно. Сейчас. Они оба безумно далеко.

— Хорошо, — кивнула девушка, отняла руки от своего лица и вытянула их перед собой. — Хорошо.

Небо почернело — все. Волны свирепо вздулись. Но женщина и девушка двинулись вперед — прямо по водной стихии.

Придя в сознание, я обнаружил, что нахожусь в прохладной темной воде и судорожно цепляюсь за какой-то широкий деревянный брус — обломок кораблекрушения. Что было до этого — память странным образом не сохранила. Одно утешение: море на диво спокойное, и надо мной с голубого неба сияет теплое солнце...

Почти все мое тело лежало на деревянном обломке. Я подтянулся и вытащил из воды замерзшую ногу, потом устроился поудобнее и стал разминать затекшие члены. Сзади на шее ощущалось странное жжение; до меня не сразу дошло, что это солнечный ожог. Ладонью я зачерпнул воды и плеснул ее на беспокоящее место.

Если Анни на «ты» со сверхъестественным, а у ПоСверхъестественно острое восприятие, то в чем состоит талант третьего в нашем союзе? Не может же быть, что я — единственная бездарь в нашей троице! Если мы составляем единое целое, то на меня приходится... Да, разумеется... Оба они, хоть и по-разному, не от мира сего. То есть из других миров. А я весь — земной, я весь — здешний. И моя религия — жизнь, а мой талант — умение выживать. Я тот необходимый компонент, что приземляет фантазии и мечты об идеальном, не дает им воспарить совсем уж в надзвездные выси.

Я уперся ладонями в качающееся дерево и поднялся над водой. Опять, как велела Лигейя, я был полон решимости найти выход — и благодаря этому обретал его. Что-то в глубине меня подсказывало: открай глаза, поверни голову налево. Я подчинился внутреннему голосу — и ощутил, как кто-то, бывший все это время незримо рядом со мной, лишил меня своего приятного общества.

Слева я увидел парус. Я сорвал с себя рубаху и стал размахивать ею.

То был «Ейдолон»! Корабль подплыл ближе, и меня подобрали в шлюпку. Кроме Лигейи, все на борту оставили надежду найти меня и еще нескольких моряков, смытых волной за борт две недели назад, в мае. Корабль еще какое-то время тащило на юг. Потом он стал возвращаться. Но к этому месту капитан Ги привел его по настоятельной просьбе Лигейи и Петерса, которого Лигейя упросила поддержать ее в разговоре с капитаном.

Когда меня забирали в шлюпку, я краем глаза заметил, что на обломке, который спас мне жизнь было написано название корабля — «Дискавери». Я лежал как раз на этих буквах.

Меня отнесли в мою каюту, поставили мне на столик воду, кашу, хлеб и бренди. Петерс по моей просьбе нашел в одном из сундуков подходящую чистую одежду, и я переоделся. Капитан Ги находился рядом и настаивал на том, чтобы я хорошоенько отоспался. Но я возразил, что пробыл без сознания достаточно долго, все равно что спал, и теперь горю желанием выслушать доклад о всем произошедшем за время моего отсутствия. Да и не мог я заснуть, пока не утолю жажду в полной мере. Так что капитан велел принести еще воды и каши.

К этому времени вернулась Лигейя, успевшая переговорить с местью Вальдемаром. Она изучила мои глаза, пощупала пульс, осталась не очень довольна — и молча ушла.

— Что значит ее недовольная мина? — осведомился капитан Ги.

— Что сейчас она вернется со снадобьем — порцией болотной воды, в которой плавает всякая дрянь, — ответил я.

Это мое пророчество оказалось верным. Пока я пил Лигейино снадобье, капитан Ги говорил:

— Позвольте поблагодарить вас за желание выслушать меня прямо сейчас — весьма разумно с вашей стороны. За это мы можем благодарить провидение — случалось мне видеть людей, которые провели после кораблекрушения день или два в открытом море, так они были в худшем состоянии, чем вы — после двух недель плавания на доске!

— Да, по всему видно, я редкий счастливчик! — сказал я, прихлебывая снадобье. Оно больше не казалось омерзительным. Не иначе как мои вкусовые сосочки пострадали за время моего приключения!

— От команды осталось только шесть человек, — продолжил капитан, — не считая Петерса, которого я назначил своим первым помощником. Оружие у меня под замком, Петерс на моей стороне — а его боятся. Но команда настрадалась с тех пор, как мы покинули Испанию, и настроение у парней неподобающее.

— Их можно понять.

— Пока вас не было, водой залило многие каюты. Двери были сорваны и многие предметы оказались не на своих местах...

— Господи, я, кажется, понимаю, что произошло! — воскликнул я.

Капитан Ги кивнул.

— Да, гроб месеъ Вальдемара оказался в коридоре, и крышка отвалилась. Теперь команда знает о присутствии на корабле странного мертвеца. Матросы считают, что вся череда наших неприятностей — из-за него.

Пришла моя очередь понимающие кивнуть.

— Не вмешайся Петерс, они бы непременно выкинули ящик за борт, — сказал капитан. — Так что на судне очень неспокойно.

— Вы думаете, все обойдется, они успокоятся со временем?

Он пожал плечами.

— Успокоятся, если больше ничего дурного не произойдет. Однако неприятности не заставят себя ждать.

Я тяжело вздохнул. Для меня испытаний было более чем достаточно. Новые меня пугали.

— Пожалуйста, объясните, на что вы намекаете.

— Сейчас нас унесло чрезвычайно далеко на юг — так далеко не заплыvalа ни одна экспедиция. Эти воды совершенно не исследованы — и один Господь знает, что мы тут можем повстречать.

— Если дела пойдут плохо, команда устроит мятеж?

— Вероятность такого исхода очень велика. Ваша сабля у вас под кроватью. Вы ее где-то затупили. Петерс ее заточил.

Я благодарно кивнул коротышке Петерсу.

— Спасибо, мой добрый друг.

Он подмигнул мне и со своей обычной бесовской улыбочкой сказал:

— Не за что, юноша.

— Что ж, — обратился я к капитану Ги, — нам остается только ждать и быть начеку. Куда мы плывем?

— На юг.

— Отчего бы нам не повернуть обратно — в знакомые воды? — спросил я.

Он уныло хмыкнул.

— Мы пленники мощного течения. Можем взять восточнее или западнее, но вынуждены двигаться только в южном направлении. Корабль поврежден, паруса поднять мы не в состоянии. Так что выбора у нас нет — несемся на юг по воле течения.

— Тогда у меня вопрос, — сказал я, — почему не становится холоднее? Когда меня поднимали на борт, я заметил несколько льдин в воде, но воздух не такой уж холодный, какой можно ожидать в таких широтах. Такая температура характернее для умеренной американской зимы.

— В моих книгах по навигации нет никаких упоминаний о парадоксальных теплых зонах в этих широтах, — ответил капитан Ги. — Так что мы привезем домой ценные сведения — ежели Господь позволит нам вернуться.

— Расскажите ему про черных медведей, капитан, — попросил Петерс.

— Ах да, — сказал капитан Ги. — Недавно мы обнаружили несколько медведей с красными глазами и зубами.

— С красными зубами?

— Да, совершенно верно. Вы слыхали о подобных существах?

— Нет. Стало быть, вы видели сушу?

— Только острова. Кроме этих медведей, ничего особенного больше не заметили.

— Так. Это все? — спросил я.

Петерс и капитан быстро переглянулись, из чего я заключил, что это не все. Капитан Ги кивнул Петерсу, и тот промолвил:

— Такое ощущение, что мы набираем скорость. С каждым днем движемся все быстрее.

В моей голове вдруг промелькнули смутные воспоминания о моем пребывании на «Дискавери» — был ли то сон или реальность?

— Иными словами, несущее нас течение ускоряется и ускоряется, — произнес я.

— Вот именно, — кивнул капитан Ги. — А стало быть, есть резон задуматься о правильности теории, выдвинутой полковником Симмсом из Огайо, который утверждал, что Земля — полая. По его теории, морская вода низвергается в отверстие на Южном полюсе, а вытекает через отверстие на Северном полюсе, и таким образом осуществляется циркуляция...

В моей памяти замелькали видения: широкие круги, которые становятся все уже, уже, воронка воды, словно в дне исполинского чана выбили пробку — и вода уходит в бездну... Что тогда происходило — реальная катастрофа или то было лишь предупреждение, прообраз того, что ждет нас?

Я закрыл глаза и с силой потер глазные яблоки.

— Похоже, я когда-то читал в журнале статью на эту тему. Фамилия автора, кажется, Рейнольдс.

— Да, — сказал капитан Ги, — я тоже читал статью Рейнольдса. Поскольку мне вверена забота о сохранности этого судна и безопасности его пассажиров, мистер Эллисон просил меня обсуждать с вами все серьезные проблемы, которые могут возникнуть в пути. Вот почему я спрашиваю сейчас: что, по-вашему, нам следует предпринять в данной ситуации?

— Да что тут скажешь? Можно только гадать!

— Тогда выскажите догадку, — не отставал от меня капитан Ги.

— Ладно, если вы настаиваете. Какова бы ни была причина того, что течение стремительно ускоряется, —

полая Земля или еще что, — но в результате наш корабль может разнести в щепы. Стало быть, нам нельзя сидеть сложа руки, надо попробовать «сокочить» с течения.

Я нашарил в кармане штанов монетку, вынул ее и подбросил в воздух.

— Орел — восток, решка — запад, — объявил я. — Ага, орел. Стало быть, предельно уклоняемся на восток.

Капитан Ги вяло усмехнулся.

— Что ж, этот способ принимать решения не самый худший, — сказал он. — Будь по-вашему...

В стене раздалось постукивание — того же рода, что я слышал во время своих месмерических опытов. Лигейя проворно вскочила.

— Прошу прощения, — поспешно произнесла она и вышла.

— Хотел бы я знать, что происходит! — воскликнул капитан Ги.

Я стрельнул глазами в сторону Петерса: Он согласно кивнул.

— Насколько я понимаю, теперь вы знаете все о месье Вальдемаре? — спросил я капитана.

— Касательно его сверхъестественных способностей? Да. Лигейя ввела меня в курс, когда, так сказать, кот вылез из мешка.

Тут его лицо прояснилось. Он даже привстал со стула.

— Ах вот оно что! — протянул он.

Я подтвердил его догадку энергичным кивком.

Вскоре Лигейя вернулась.

— Когда завтра утром пробьет шесть склянок, направляйтесь в юго-западном направлении, — сказала она.

— Будет исполнено, — сказал капитан.

— Разумеется, так и сделаем, — подтвердил я.

Мне налили еще стаканчик бренди, и через некоторое время я заснул мертвым сном.

Хотя на волнах по-прежнему качалось довольно много льдин, воздух заметно теплел. На одном островке я увидел тех самых гигантских черных медведей с красными зубами, а на следующий день — что еще более занятно — мы проплыли мимо лодки, в которой сидели

темнокожие и чернозубые люди. Впрочем, мы пронеслись мимо них на большой скорости.

Еще один день миновал.

Когда я возвращался к себе после прогулки по палубе, из каюты месье Вальдемара вышла Лигейя и остановила меня в коридоре.

— Скоро! — сообщила она.

— Что скоро?

Индийским жестом — движением подбородка — она указала на трап, по которому я только что спустился. Мы с ней поднялись на палубу. Лигейя провела меня на корму и указала на северо-северо-запад.

— Оно придет с той стороны. Будьте начеку.

— Что? Что придет?

— Я забыла, как вы это называете, — ответила она и удалилась.

Я остался на корме. Сунул руки в карманы, оперся на перила и стал ждать. Долгое время ничего не происходило. Я стоял загипнотизированный плеском волн за нашим кораблем.

— Пропади оно все пропадом, Перри!

— Эй, Эдди! Вы тут вахтенным или как?

За моей спиной объявился Петерс с Грипом на плече.

— Да вот стою гляжу на небо. Вглядываюсь в северо-северо-запад...

— Что вы там высматриваете?

— М-м-м... Лигейя сказала как-то неконкретно — дескать, смотрите.

— Ага, вон оно! — воскликнул Петерс. — Что-то вроде перевернутого большущего клоунского колпака, а под ним корзинка.

— Что? — удивленно переспросил я.

Но сколько я ни щурился и ни приставлял руку козырьком к глазам — ничего подобного не увидел.

— Вы что, дурачитесь? — спросил я через несколько мгновений. — Фантазируете?

— Господь с вами, Эдди. Вы знаете, что я всегда говорю чистейшую правду.

— Вы хотите сказать, что действительно что-то разглядели?

— Стану я вас дурачить, Эдди. Вон же оно, разве вы сами не видите?

У меня глаза заболели от напряжения. Но видел я только точку в небе у горизонта — то ли птица, то ли обман зрения.

— А поверх этой штуки — что-то вроде черной ленты с серебряной пряжкой, — сказал Петерс.

— Бросьте, неужели вы все это видите?

— Ей-же-ей! Раскройте глаза, Эдди!

Что ж, подумал я, возможно, не зря сложены легенды об удивительном зрении живущих в прериях индейцев, чья кровь течет в жилах Петерса.

— Ладно, верю, — кивнул я. — Что там еще?

Он прищурился посильнее.

— Похоже, в той корзинке сидит человек, — сказал он.

Я наблюдал за точкой, которая постепенно увеличивалась в размерах.

— Медвежье дермо! — провозгласил Грип. Наш корабль как раз проплыval мимо большой льдины, на которой не раз оправлялись краснозубые медведи.

— Вот умница, Грипчик! — сказал Петерс и достал из кармана кусочек печенья для ворона. — Сметливый ученик!

— Ну! — утвердительно скрипнул Грип.

Прошло несколько минут, и неизвестный предмет приблизился настолько, что и я разглядел его. Описание Петерса оказалось верным.

— Этот ваш покойник знает свое дело, — обронил Петерс.

— Да, этого у него не отнимешь, — согласился я.

Необычный предмет летел в нашу сторону, и я вспомнил все, что мне случалось читать о воздушных шарах. Шар наполнен газом, внизу к нему привешивают гондолу, которую Петерс именовал корзинкой.

Чуть позже я разглядел и пассажира в гондоле. Аппарат направлялся явно к нам — и постепенно снижался. Я забеспокоился — наш корабль ощетинился сломанными мачтами, так что шар мог порваться при подлете. С тихим шипением шар пронесся над нами — и опустился на воду чуть впереди, по левому борту.

Мы с Петерсом спустили шлюпку за рекордное время и через какую-то минуту после приводнения доставили воздушного путешественника в безопасное место. Оказавшись на корабле, незнакомец представился как

Ганс Пфааль из Роттердама. Он изъяснялся на плохом английском и еще худшем французском. Петерс тут же предложил свои услуги в качестве переводчика. Он, дескать, обучился голландскому наречию, выполняя некоторые поручения мистера Эллисона в Нидерландском Королевстве, — правда, уж не обессудьте, говорит он на крутом просторечии. Но если никто не возражает...

Никто против его услуг не возражал. Оказалось, что Петерс и тут не врал. Какое-то время он болтал с незнакомцем, потом сообщил нам, что Ганс Пфааль вылетел из Роттердама несколько недель назад. Согласно его утверждениям, в эти южные широты путешественника занесли высотные ветры неимоверной силы и скорости.

Капитан Ги, Лигейя и все члены команды высыпали на палубу. В шаре ещё оставалось немного воздуха, и владелец необычного экипажа волновался, как бы волны его не унесли. Капитан приказал подобрать шар и, выпустив из него воздух, аккуратно сложить на палубе рядом с гондолой — плетеной корзиной, в которой находилось много загадочного вида приборов.

Затем полотно шара и гондолу хорошенко просушили и под внимательным оком путешественника спустили в трюм.

Нам слабо верилось во все фантастические рассказы герра Пфаала. Но как бы то ни было, этот человек совершил удивительнейшее путешествие и сумел по воздуху пересечь океан!

Наше собственное путешествие продолжалось, однако не было и проблеска надежды — нас все так же влекло к Южному полюсу! Дни шли, временами мы видели маленькие островки или большие льдины. Море вокруг становилось все более странным.

Скажем, мы набрали в ведро снега с плавающего обок с кораблем ледяного островка. Когда мы растопили его, чтобы пополнить запасы питьевой воды, получилась необычайно странная жидкость. Я затрудняюсь дать точное представление об этой воде, не прибегая к пространному описанию. С первого взгляда она по плотности напоминала гуммиарабик, влитый в обычную воду. Но этим не ограничивались ее необыкновенные

качества. Не будучи бесцветной, она все же не имела какого-то одного определенного цвета, а переливалась в движении всеми возможными оттенками пурпур, как переливаются тона у шелка. Набрав в посудину воды и дав ей хорошенько отстояться, мы заметили, что она вся расслаивается на множество отчетливо различимых струящихся прожилок, причем у каждой был свой определенный оттенок, что они не смешивались и что сила сцепления частиц в той или иной прожилке несравненно больше, чем между отдельными прожилками. Мы провели ножом поперек струй, и они немедленно сошмекнулись, как это бывает с обыкновенной водой, а когда вытащили лезвие, никаких следов не осталось. Если же аккуратно провести ножом между двумя прожилками, то они отделялись друг от друга, и лишь спустя некоторое время сила сцепления сливалась их вместе.

Петерс рассмеялся, набрал этой чудо-воды в горсть и выпил, пока мы с умным видом рассуждали о ее необычайных качествах. Он провозгласил, что эта вода отличная, не хуже ключевой. Поскольку он не упал бездыханным, то и остальные отведали странной жидкости. Все остались живы. Петерс пояснил, что вода пахнет «правильно», а потому безопасна. Нам оставалось лишь довериться его знаниям, полученным еще в детстве, когда он жил в прериях с ушароками.

Тем временем течение, влекущее наш корабль, стало настолько могучим, что мы уже не могли справляться с ним и маневрировать из стороны в сторону. Мы оказались в полной его власти.

Через два дня, проснувшись утром, я подумал, что снаружи идет снег. Выйдя наверх, я обнаружил, что это не снег, а вулканический пепел. Всю палубу покрывал слой серого пепла. Мы были по соседству от легендарной горы Янек, из жерла которой тянулись огромные серые облака, наподобие гигантских капустных листов. Меж ними сверкали молнии, а временами проглядывал сноп огня над кратером. Со стороны вулкана доносился глухой гул. Мрачное небо сияло серый пепел все время, пока мы плыли мимо.

Еще с того времени, когда я вернулся в Барселоне на корабль, я избегал свиданий с месье Вальдемаром — быть может, потому, что в памяти была жуткая

маска Красной смерти, виденная при дворе принца Проперо. Однако по всем признакам мы стремительно приближались в Симмсовой дыре на Южном полюсе, положение становилось все отчаянней — стоило преодолеть брезгливость и получить консультацию у существа потустороннего. Вокруг продолжало теплеть, море нагрелося — хоть купайся. Больше никаких следов льда или снега. Это были опасные признаки — самая пора для решительных действий!

Лигейя в тот момент спала в своей каюте, и я решил ее не тревожить. Имея запасной ключ, я вошел в каюту месье Вальдемара с небольшой масляной лампой в руке.

После того как я проделал необходимые месмерические пассы, началась обычная свистопляска в стенах, затем ящик из-под вина приподнялся над полом и какое-то время повисел в воздухе. Вслед за этим месье Вальдемар сам отодвинул крышку и приподнялся. На этом дело не кончилось — он развернулся в своем гробу и, похожий на жуткое огородное пугало, сел на край ящика, свесив ноги вниз.

— А-а, Эдди! — произнес он. — Опять? Дитя Земли, вы вили в меня еще больше жизни, чем в прошлый раз!

— Простите, — сказал я, — но мое дело не терпит отлагательства. Мне кажется, наш корабль приближается к Симмсовой дыре на Южном полюсе.

— Вы правы, правы! — воскликнул месье Вальдемар. — Славный исход, славный! Спасибо, что привезли меня поприсутствовать при таком впечатляющем финале. Эта страшная связка — единственное зрелище, которое способно доставить мне что-то вроде удовольствия.

— Э-э... Извините, что я разочаровываю вас, — сказал я, — но я, собственно, ищу путей избежать этого чрезесчур впечатляющего финала.

— Нет! — воскликнул живой покойник. — Тут я на отрез отказываюсь помогать вам. Какое недомысление — пытаться избежать столь замечательной и достойной гибели!

— Мне неприятно говорить это, — сказал я, — но в моей власти принудить вас помочь мне.

Я стал делать предварительные пассы для привлечения новых порций месмерической энергии.

— Прекратите! Не будь таким жестокосердным!

Месье Вальдемар встал и зашаркал в мою сторону с умоляюще простертymi руками.

— Или вы скажете мне все, что знаете по данному вопросу, — сказал я, — или я оживлю вас на веки вечные!

— Спрашивайте меня о чем угодно другом, — ответил он. — Мне открыты секреты всех веков. Что вы желаете? Хотите, я добуду вам утраченные трагедии Софокла? Или доказательство последней теоремы Ферма? Или укажу место, где под землей скрыты остатки древней Трои? Или...

— Вы нарочно тянете время, — сказал я. — Зачем?.. О Боже, неужели мы так близко?

Руки его бессильно упали вдоль тела.

— Да, совсем близко, — ответствовал он.

— Но у нас еще есть шанс спастись — ведь так, да? Когда мы будем совсем рядом, каждая минута будет играть решающую роль.

— Надо отдать вам должное, Перри, вы очень сметливый молодой человек...

— Полноте, мне ваша лесть ни к чему. Давайте факты! Воздушный шар — пожалуй, наше единственное спасение. Сколько времени нам понадобиться, чтобы надуть его?

— Часа два.

— А когда мы низвергнемся в недра Земли?

— Часа через три.

— Сколько человек способен поднять в воздух этот шар?

— Четверых.

— Тогда все пропало. Нас двенадцать человек.

— Будет не двенадцать, — сказал месье Вальдемар и осклабился.

— То есть?

— Объяснить?

— Да, вам бы только поговорить и время потянуть. А времени в обрез. До свидания.

Я повернулся и побежал к двери.

— Эдди! Погоди!

Я остановился как вкопанный: это было сказано тоном приказом. Таких интонаций в речи месье Вальдемара я прежде не замечал.

— Ну что? — спросил я.
— Возьми оружие.
— Зачем?
— Я ничего против тебя лично не имею. Возьми саблю и не расставайся с ней.
— Ладно, — сказал я. — Спасибо.
И с этими словами я выбежал из каюты.

Когда я торопливо вышел из своей каюты, на ходу пристегивая саблю, наверху раздавались крики и звон, как при ударах металла о металл. Вместо того чтобы бежать в трюм, где находился воздушный шар, я поспешил наверх — выяснить, что происходит.

Когда я по грудь показался над палубой, выяснилось, что трап охраняет один из матросов. Стоило мне появиться, как он двинул меня дубинкой в грудь. Я полетел вниз по лестнице, но одной рукой вцепился в перила и остановил падение, а другой выхватил саблю. Рванувшись вперед, я полоснул наступавшего сверху матроса поперек груди. Он вскрикнул и скатился по ступенькам. Путь был свободен.

Я выбежал на палубу и быстро понял смысл происходящего.

Капитан Ги, Петерс и Ганс Пфааль находились на корме, загнанные в ловушку на полуяте. На них наступали взбунтовавшиеся матросы. Очевидно, команда решила, что больше терпеть нельзя. Рядом с одной из шлюпок я заметил запасы провианта и воды. На палубе поблизости с этой шлюпкой виднелись пятна крови. Пятна крови были и на груди сорочки капитана Ги. Судя по тому, как тяжело он опирался на перила фальшборта, капитан был серьезно ранен. Надо полагать, он застал матросов в момент, когда они хотели удрачить на шлюпке, — тут-то и начался открытый мятеж.

Петерс в каждой руке держал по кофель-нагелю — такие небольшие железные штуковинки, которые используют для крепления снастей. Это было единственное оружие Петерса — правда, очень грозное в его лапищах. Пфааль размахивал саблей, похожей на мою.

Пятеро матросов оглянулись — и увидели, как их товарищ рухнул в трюм. То, что в их тылу появился че-

ловек с саблей, удвоило решимость взбунтовавшихся быстрее атаковать капитана, его помощника и воздухоплавателя.

С дикими криками они устремились вперед.

Того парня, что бросился с ножом на капитана, Петерс огrel по голове своей короткой железной дубинкой. Парень и вскрикнуть не успел — рухнул мешком на палубу. Второй матрос, высоко занесший руку с саблей, кинулся на самого Петерса. Тем временем Пфааль держал свою саблю наизготове и таращился на третьего матроса, который подступал к нему с кинжалом в одной руке и дубинкой — в другой.

Я побежал на корму, преодолевая многочисленные лесенки, и при этом орал благим матом, чтобы отвлечь внимание нападавших на себя. Мчась на выручку капитану, я впервые услышал это — глухой рокот, словно голос далекого тайфуна, донесся с той стороны, куда двигался наш корабль. Рокот стоял не только в воздухе. От него вибрировала палуба под моими ногами. Вibration была до того сильна, что у того, кто стоял неподвижно, зубы начинали стучать. Природа этого звука и этой тряски мне стала ясна сразу — и кровь заледенела в моих жилах. Теперь я орал уже от страха. Один из матросов, бывший в арьергарде нападавших, повернулся в мою сторону — высокий поджарый малый с безжалостными глазами. Помахивая шипастой палицей, он двинулся мне навстречу. Этакая палица, если ее с умом направить, вмиг переломит мою саблю.

Я видел, как Петерс ловко увернулся от сабельного удара, парировав его ударом железки по запястью нападавшего. Затем вперед и вверх пошел маховик его исполинского кулака. Парень с дубинкой закрыл конец сцены от меня, но через мгновение тот, кто нападал на Петерса, оказался вознесенным высоко над палубой — он изгибался в руках могучего коротышки и из его рта хлестала кровь. Правее я увидел, как Пфааль падает с обагренным плечом.

Но тут я лишился возможности наблюдать — наступил горячий момент для меня самого. Когда матрос размахнулся палицей, я остановился и отскочил. Было бы неразумно парировать такой удар саблей. Он размахнулся палицей опять — на сей раз бил не сверху, а попе-

рек моего тела, на уровне живота. Я опять отскочил назад и внимательно приглядывался к его манере вести бой, чтобы обнаружить слабое место.

Ганс Пфааль страшно вскрикнул — помню, меня успело поразить, что и в крике проявляется акцент! Голландец упал на палубу.

Над нами пронеслась стая птиц — в северо-западном направлении. Пролетая над кораблем, они кричали «Э-текели-ли!»

Атакующий меня матрос попытался нанести новый удар. Палица шла сверху, по диагонали. Держал он ее обеими руками. Я отпрыгнул, а он расхохотался и выкрикнул:

— Эй, боец сопливый, ты бы остановился на секундочку. Вот бы я тебя, труса, приложил! Ну, иди сюда, голуба!

Я вежливо ослабился и кивнул. К этому моменту я успел заметить, что после удара сверху он менее проворно поднимает палицу, чем после горизонтального удара.

Тут я услышал, как матрос, нападавший на капитана Ги, завопил от боли. Это Петерс, покончив со своим противником, поспешил на подмогу капитану. Он перехватил кисть матроса, пригнулся к палубе и зубами оторвал ему ухо. Тем временем матрос, которого Петерс свалил на палубу кофель-нагелем, пришел в себя и начал подниматься.

— Э-текели-ли!.. Э-теке... Дерьмо! — надсадно орал Грип, летая над местом схватки и снайперски какая сверху на тех, кто нападал на Петерса.

В этот момент «Ейдолон» содрогнулся и в следующее мгновение перелетел над волнами, словно огромная летучая рыба.

Это парение напомнило мне ужасный опыт на «Дискаверии» — то судно тоже с определенного момента повадилось лететь над волнами. Когда «Ейдолон» опять оказался на воде, скорость наша заметно увеличилась. Я бы, наверно, нисколько не удивился, если бы на кончике моей шпаги заплясал зеленоватый огонек.

Но тут на кончике моей шпаги действительно заплясал зеленоватый огонек. Неужели его вызвала к жизни моя мысль? Возможно ли, что в этих местах я

обладаю некоей особой связью с вещами, которых я прежде касался, — связью более ощутимой, нежели сила воспоминания?

Глаза высокого матроса заметно округлились, когда он заметил, что по острюю моей сабли пробежал зловещий зеленоватый огонек. И все же он продолжал нападение — поднял палицу над своим левым плечом и попытался нанести сокрушительный удар. Я опять отступил. Но не так, как прежде. Вспомнив долгостоящий урок, преподанный мне в юности кривоногим мастером фехтования, который проезжал через мой родной город, я сделал шаг назад левой ногой, потом стремительно отступил и правой ногой, высоко поднял саблю, вынес ее чуть вбок, повел вперед по полукругу, превратив ее в колющее оружие.

Пока мой противник, чья палица просвистела в воздухе, не задев меня, поднимал свое оружие вверх, готовясь к новому нападению, я проткнул его правую руку пониже плеча. Затем, без секунды промедления, я выдернул саблю из раны и послал ее острием вперед матросу в горло, вложив в удар всю инерцию своего тела. Удар достиг цели.

Я получил возможность взглянуть на Петерса — тот швырнулся своего обезумевшего врага на того, который поднимался с палубы. Матрос, которому он разнес грудь, бессильно валялся — из его ушей, носа и рта сочилась кровь. Я на всякий случай кинул взгляд через плечо: парень, которого я рубанул поперек груди, лежал на палубе и, похоже, больше не дышал.

Итак, трое из шести бунтовщиков выведены из строя. Двое, однажды уже поверженные Петерсом на палубу, кое-как встали и наступали на помощника капитана — яростнее прежнего. Последний матрос вытащил свой кинжал из-под ребер на левой стороне груди Ганса Пфаала. Покончив с голландцем, он присоединился к своим товарищам, наседавшим на Петерса. Со зловещей улыбкой этот верзила поигрывал дубинкой, которую он держал в левой руке; в его правой руке на уровне бедра посверкивал окровавленный кинжал. Когда громила проходил мимо неподвижной фигуры капитана Ги, распластертого на палубе, вдруг раздался пистолетный выстрел. Дубинка вывалилась из пальцев мат-

роса, он упал на одно колено, схватившись левой рукой за живот.

Невзирая на грохот Симмсовой бездны, я услышал, как громила тоном обиженного ребенка произнес:

— А я-то думал, что вы померли!

Тут он упал на второе колено — и я разглядел капитана Ги полностью. Прислонившись затылком к швартовой тумбе, он со слабой кривой улыбкой смотрел на матроса. В руке капитана был короткоствольный крупнокалиберный пистолет.

— Ты ошибся, парень, — сказал капитан.

Я двинулся к двум матросам, что наступали на Петерса — один из них подхватил с палубы саблю, которую выронил его сраженный раньше товарищ. Именно этот, с саблей, первым услышал мои шаги — и развернулся лицом ко мне. Он чуть согнулся в пояссе и пошел вперед, держа саблю самым нелепым образом — низко, чуть вбок, готовясь вонзить ее, словно это был нож. Смех да и только. Я стремительно и смело шел прямо на него. Разделаться с этим неумехой будет парой пустяков для такого опытного фехтовальщика, как я.

Но тут меня угораздило поскользнуться на птичьем помете. Из-за своего глупого высокомерия я упал чрезвычайно низко — в буквальном смысле слова. Мой противник вырос надо мной в мгновение ока и изготовился воткнуть конец сабли мне прямо в трахею. Лежа на спине, я выставил вперед правое колено, чтобы хоть как-то остановить его. Но, запрыгивая на меня, он тоже выставил вперед колено, чтобы надавить им мне на грудь. Я отчаянно брыкнулся. В результате его колено качнулось в сторону и придавило бицепс моей правой руки, которая при падении ушла далеко в сторону. Бесполезная в этом положении сабля выскоцила из моих пальцев. Я рванул свою правую руку из-под его колена и двумя руками сразу встретил клинок противника. Я ухватил саблю за лезвие, которое показалось мне в запале схватки удивительно тупым. Увы, оно было достаточно острым...

Из порезов на моих руках хлынула кровь, обагряя мою рубаху на груди, и матрос злорадно осклабился. Его морда была прямо надо мной, рядом. Я вдыхал зловоние

его гнилоязубой пасти. От этого, а не от порезов, было впору потерять сознание!

Где-то в стороне звучали крики и ругань — это продолжал схватку Петерс. Тут корабль снова завис над волнами — и клинок гнилоязубого подонка до половины вошел мне в ладонь левой руки. Вокруг корабля творилось такое, что даже в сложившемся отчаянном положении я сознавал рев Симмсовой бездны — равный грохоту тысячи Ниагар. Краем глаза из своей идиотской позы я видел, что слева от меня высоко в небе колеблется столб водной пыли — словно колонна тумана — и этот столб смещается в нашу сторону, бледный, зловещий, подобный призраку великана...

Я плонул прямо в морду моему противнику. Знаю, это не по правилам, так джентльмены не поступают — да и учитель фехтования меня таким приемам не учил. Но один британский офицерик по фамилии Флэш, с которым мы однажды гудели всю ночь в какой-то забегаловке, поведал мне, что чуть было не погиб во время дуэли, когда его противник применил этот, мягко говоря, неординарный прием — неизменно ошеломляющий и выводящий из себя. В моей памяти этот рассказ засел как вопиющий пример самого хамского нарушения этикета. По счастью, я не офицер и не джентльмен. Прием сработал замечательно.

Матрос отпрянул, а я, скрипнув зубами от боли, сжал кулак и что было силы ударил в источник зловонного дыхания.

Голова противника мотнулась назад, но сам он по-прежнему наваливался на меня, прижимая к палубе. Но тут за его спиной вырос бледный и зловещий призрак — нет, не тот великан, что гулял в небе, а тот материальный призрак, которого я меньше всего ожидал увидеть в этой ситуации. Месье Вальдемар схватил матроса за шею и рывком поднял на ноги, освобождая меня. Матрос ахнул и мощным коротким движением по самую рукоять всадил саблю в живот месье Вальдемару. Тот никак не отреагировал на удар и с какой-то неспешной деловитостью крутанул шею подонка. Раздался треск, и матрос стал замертво валиться на палубу. Месье Вальдемар с рассеянным видом выпустил его из своих рук и произнес:

— О, какая горестная ирония! Посылать других туда, где я хотел бы сам оказаться!

Он вырвал саблю из своего живота и швырнул ее на палубу.

— Спасибо, — сказал я. — Клянусь отблагодарить вас должным образом в самое ближайшее время. Верьте мне.

Справа от меня раздался короткий лающий смешок. Я посмотрел туда: Петерс как раз разгибался — окровавленный клинок в одной руке, скальп в другой.

— Заработали маленький приз? — сказал я, вяло улыбаясь.

— Сегодня призов более чем достаточно, Эдди, — все еще зловеще скалясь, но уже с горечью сказал Петерс. Мы разом посмотрели на капитана и Пфаала.

Оба еще дышали, но были очень плохи. Мы с Петерсом помогли им — в меру наших сил. Все мятежники оказались перебиты. Пфааль что-то лепетал на своем гортанном наречии.

— Он говорит, — перевел Петерс, — нам надо побыстрее вытащить шар на палубу, а он подскажет, что и как делать, чтобы подняться в воздух.

— Верно, — кивнул я. — Давайте поторопимся.

Мы помчались в трюм. По дороге я пробежал мимо Лигейи. Она стояла у трапа и довольно улыбалась. Мне на мгновение почудилось, что в углу ее рта капелька крови. Ей-ей, не вру!

Но вот мелькнул ее язычок — и иллюзия рассеялась, осталась только странная сътая улыбка на устах. Надо думать, померещилось.

Торопясь как на пожаре, мы с Петерсом выволокли воздушный шар на палубу. Трудно было сказать, сколько времени у нас оставалось до рокового момента.

Пфааль командовал процессом надувания шара. Его голос поминутно слабел, Симмсова бездна ревела все громче — так что Петерсу приходилось приникать ухом к самым губам голландца, чтобы разобрать приказы. Месье Вальдемар и Лигейя исправно помогали нам. Когда несчастный голландец прошептал последние инструкции и душа его тихо отлетела, месье Вальдемар разразился потоком завистливых ругательств: еще

один счастливчик юркнул мимо него в вожделенный загробный мир!

Капитан Ги подозвал меня слабым жестом. К этому моменту подготовка шара уже завершалась — оставалось только ждать, когда оболочка до конца заполнится газом.

— Эдди, — слабеющим голосом произнес капитан, когда я склонился над ним, — я хочу попросить вас об одной услуге.

— Я готов выполнить любую вашу просьбу.

— Отнесите меня на нос корабля, чтобы я мог видеть то, что поглотит мой «Ейдолон».

Мы с Петерсом принесли удобное кресло из моей каюты и усадили в него капитана Ги. Корабль здорово качало, нам пришлось привязать капитана веревкой к креслу, после чего мы отнесли его на нос судна.

— Это штуковина побольше каньонов на Диком Западе! — провозгласил Петерс, когда мы увидели темную пропасть у основания гигантской колонны водяных брызг.

— Попробуйте закрепить кресло, ребята, — попросил капитан Ги. Мы нашли канаты и прочно закрепили кресло. Тем временем капитан вынул из глубин своего обильно залитого кровью камзола трубку и стал раскүривать ее дрожащими руками.

— Позвольте помочь вам, — предложил я.

— Ничего, ничего, я сам...

— Вы действительно хотите остаться?

— Да, хотя остаюсь я ненадолго, — промолвил он, делая первую затяжку. — Но не могу же я упустить такое. Многие ли капитаны имеют случай погибнуть вместе со своим кораблем столь величественным образом? — Он выпустил облачко дыма. — Не обращайте на меня внимания. Готовьте шар к взлету, а я буду наслаждаться зрелищем...

Я провел рукой по его плечу, оставляя кровавый след.

— Да не оставит вас Господь, капитан, — сказал я. — Вы были так добры с нами. Спасибо вам за все.

Петерс тоже что-то шепнул капитану, но слов я не разобрал. Когда мы побежали к шару на корме, я заметил, что мы совсем близко от бездны. Она зияла перед

нами во всем своем жутком величии. Мы работали в лихорадочной спешке.

Лигейя и месье Вальдемар уже забрались в корзину, а шар рвался в небо, натягивая канаты, которые мы привязали к железным кольцам на палубе.

— Отчаливаем! Скорее! — крикнула Лигейя.

Я полоснул саблей по канатам, и шар взмыл в небо.

Через несколько мгновений мы уже с высоты взирали на то, как «Ейдолон» с переломанными мачтами колышется на самом краю ревущей бездны. Какая патетика в этом невероятном способе кануть в Лету!.. Невольно мне вспомнился По. Ему бы это понравилось.

Из уст месье Вальдемара вырвался странный хрип, затем он обронил:

— Мне оказаться среди спасшихся — какая гнусная насмешка судьбы!

Бывают мгновения, когда даже бесстрастному взору Разума печальное Бытие человеческое представляется подобным аду, но нашему воображению не дано безнаказанно проникать в сокровенные глубины. Увы! Зловещий легион гробовых ужасов нельзя считать лишь пустым вымыслом; но подобные демонам, которые сопутствовали Афрасиабу в его плавании по Оксусу, они должны спать, иначе они растерзают нас, — а мы не должны посягать на их сон, иначе нам не миновать гибели.

«Заживо погребенные», Эдгар Аллан По

Глава 13

Наука! ты — дитя Седых Времен!
Меняя все вниманьем глаз прозрачных,
Зачем тревожиши ты поэта сон,
О коршун! крылья чьи — взмах истин мрачных!
Тебя любить? и мудрой счастье тебя?
Зачем же ты мертвашь его усилия,
Когда, алмазы неба возлюбя,
Он мчится ввысь, раскинув смело крылья!
Дианы коней кто остановил?
Кто из леса изгнал Гамадриаду,
Услав искать приюта меж светил?
Кто выхватил из лона вод Наяду?
Из веток Эльфа? Кто бред летних грез,
Меж тamarисов, от меня унес?

«Сонет к науке», Эдгар Аллан По

Мы продолжали стремительно подниматься — и грохот бездны стал мало-помалу слабеть. Лигейя настолько на своем — промыла мои изрезанные ладони и перевязала их. К счастью, она успела принести в гондолу очень много нужных вещей, пока мы с Петерсоном были заняты покойным капитаном.

Мы намеревались достичь на шаре если не Европы, то хоть какого-нибудь цивилизованного места. Но вскоре выяснилось, что мы не способны контролировать движение воздушного аппарата. Как бы то ни было, постоянный ветер нес нас куда-то на север — куда же еще

можно лететь с Южного полюса! Зато высотой мы могли управлять, сбрасывая балласт или выпуская из шара некоторое количество газа. Перемещаясь по вертикали, мы могли искать благоприятный ветер. Увы, не было способа с точностью определить направление нашего полета.

Месье Вальдемар свернулся калачиком в углу гондолы. Лигейя накрыла его куском брезента, и со временем мы привыкли к его присутствию, как привыкают к тумбочке в углу комнаты. К тому же в этой тесноте мы использовали его именно в качестве мебели: Лигейя присаживалась на него и часами медитировала; Петерс приваливался в нему спиной и сидя дремал; я использовал месье Вальдемара как оттоманку.

Избыток эмоций приводит к отупению. Так что в первый день на воздушном шаре мы слабо воспринимали сам факт полета и страшной высоты. Наши прежние и теперешние испытания превратили нас в неких сомнамбул. Когда мы начали воспринимать высоту, мы уже бессознательно привыкли к ней, так что шок был ослаблен.

Вообще надо сказать, что на мою долю выпало событий с лихвой. Как только выдерживали мои нервы — вспомнить хотя бы пытки в камере инквизиции, за которыми последовало дикое путешествие на корабле-призраке «Дискавери», а до того ведь был пир у принца Пропспера, закончившийся приходом Красной смерти... Кому как не мне знать чувство, которое бывает, когда полночь зачитаешься фантастическим романом, — эмоциональное напряжение отодвигает сон, но не совсем, и события в книге уже не совсем события в книге, а как бы часть реальности. Разница одна: читатель может тряхнуть головой, отогнать наваждение и захлопнуть книгу. Мне же не было дано благостного избавления — возможности отложить книгу. (Хотя это сравнение в моем случае может хромать: сам я прежде редко сдавался в плен своему читательскому воображению. Но у меня — так же, как у пылкого читателя — есть своеобразное утешение: яркое живое чудо события обычно предшествует фальшивым утешительным философским сентенциям — не потому ли все мы склонны засыпать над философскими трактатами?) Мой ум в таком

состоянии туманился, мысли блуждали, перед глазами все плыло — и я мыслил телом, а не умом.

Второй и третий день прошли примерно так же, хотя реальность все чаще скреблась в двери нашего сознания. Мы ели, беседовали, а Грип время от времени осыпал нас ругательствами, сидя или на мотке веревки в углу или — бесстрашно — на краю гондолы.

Чуть ли не целую неделю мы прыгали вверх-вниз на большой высоте и ловили ветер, влекущий нас на север. Мы втроем гадали, какой нынче месяц — июнь, июль или август? Было глупо тревожить месье Вальдемара по такому пустяковому поводу.

Словом, путешествовали мы без особых приключений. На следующей неделе мы совершили посадку на тропическом острове — приземлились на поляне, заросшей многоцветными травами. Следовало срочно пополнить наши запасы воды. Всего остального было вдоволь.

Что за прелесть был этот остров! Откуда-то с гор текла молчаливая в долине река, а вокруг нас виднелись многочисленные гейзеры и разломы, курившиеся вулканическими газами. Мы напились холодной чистой воды, заполнили ей все имевшиеся в корзине емкости, а шар накачали горячим газом из вулканической трещины.

Затем вновь поднялись в воздух, нашли подходящий воздушный поток и направились дальше — туда, где по нашим расчетам находился север. Вскоре мы очутились над непроглядным слоем туч. И этим тучам не было конца.

Мы заспорили, надо ли нам спуститься ниже пелены облаков и уточнить свой маршрут. Решили, что не стоит. Слишком мала вероятность того, что мы увидим на земле какие-то знакомые ориентиры. Зато, спускаясь сквозь слой туч, мы можем запросто напороться на горный пик.

Так мы и летели поверх облаков — день за днем. Мы потеряли счет времени. Но решили держаться, пока не кончатся запасы воды и пищи. Было бы глупо потерпеть аварию вдалеке от нашего полушария или где-то в тропиках, далеко от умеренной зоны. Летим в сторону родных мест — ну и ладно. От добра добра не ищут.

Только когда в воздушном шаре обнаружился разрыв и утечка газа, мы приняли решение спускаться.

Это оказалось не так-то просто. Сперва мы чрезвычайно долго летели среди облаков — в густом тумане, словно через слой ваты, где время совершенно остановилось. О продолжительности нашего полета можно было судить только по тому, что мои изрезанные руки успели поджечь.

Когда мы наконец вынырнули из облаков, под нами расстилались зеленые леса. К нашему облегчению, это были не тропические леса. Но о своем местонахождении мы больше ничего не знали.

Мы летели дальше — достаточно низко над землей, в надежде завидеть следы цивилизации. Так прошла еще одна ночь.

Заря занималась в верхних слоях атмосферы, когда мы проснулись на следующее утро. У поверхности же еще царили густые сумерки. Но милые сердцу звуки и запахи оповестили нас о наличии внизу жилья. Мы опустились пониже, и в рассветных лучах я разглядел сельскую дорогу и дорожный знак на перекрестке с указанием, сразу согревшим наши души: «Ричмонд — 10 миль».

Мы приземлились, выпустили газ из шара и спрятали наш летательный аппарат в лесу. Из месье Вальдемара получился плохой ходок — он шатался, волочил ноги. Чтобы он нас не задерживал, мы оставили его на попечение Лигейи, а сами направились на разведку. Надо было разжиться транспортным средством для перевозки месье Вальдемара.

Пройдя милю-другую, мы услышали голоса. Мы с Петерсом немного изменили наш маршрут и через несколько минут подошли к приотворенным металлическим воротам.

Из-за ворот выглядывал какой-то мужчина. В следующее мгновение он приветливым жестом пригласил нас зайти внутрь. Это был видный и красивый джентльмен старого закала — изысканно одетый, с изящными манерами и тем особым выражением лица, важным, внушительным и полным достоинства, которое производит столь сильное впечатление на окружающих. Мы обме-

нялись рукопожатиями, и он представился: мистер Майар.

А вот люди за его спиной производили совсем иное впечатление.

По двору прогуливались престранные личности в причудливых нарядах разных эпох и народов. Среди них была женщина, которая периодически останавливалась, начинала размахивать руками и басовито кричать во весь голос: «Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!»

— Нельзя ли одолжить у вас на время дрожки или хотя бы телегу или тачку? — спросил я. — Мы были ли бы премного обязаны вам, сэр.

— Полагаю, что-нибудь найдется, — ответил мистер Майар. — Впрочем, вам следует беседовать на эту тему не со мной. Пройдемте в центральное здание — надеюсь, кто-нибудь в конторе сумеет помочь вам.

Мы последовали за ним к большому старинному особняку. По пути к нам подбежал мужчина на четвереньках — поскучивая, он стал теряться о наши ноги. Затем внезапно залаял и убежал — судя по всему, за кроликом.

— Сэр, — обратился я к мистеру Майару, — мы люди приезжие, здешних мест не знаем. Я догадываюсь, куда мы попали, но не трудно ли вам все же уточнить назначение этого... э-э... заведения.

Он улыбнулся.

— Думаю, вы и сами догадались, что это сумасшедший дом. Его открыли переехавшие сюда из Франции несколько лет назад доктор Смоль и профессор Перро, авторы новейшего радикального способа лечения психических больных.

Мы взошли по ступеням и оказались внутри старинного особняка. Со словами, что он сейчас переговорит с нужным человеком в конторе, мистер Майар оставил нас в просторной гостиной — когда-то роскошная, теперь она выглядела несколько обшарпанной. Мы с Петерсом рухнули на обсаженный диванчик с потертой обивкой.

— Никак не могу поверить, что мы снова на родной земле, Эдди! — воскликнул Петерс. — Не забудьте узнатъ, какой нынче месяц!

— Нынче у нас сентябрь.

Это произнес небольшой человечек, почти утонувший в большом темном кресле в темном углу гостиной.

— Ах, простите, — сказал я. — Мы вас не приметили. Незнакомец хихикнул.

— Быть незамеченным иногда полезно, — изрек он, встал и поклонился. Это был седой человечек с козлиной бородкой и ясными голубыми глазами, которые казались особенно большими за очками в тяжелой оправе. — Доктор Август Бедлоу к вашим услугам.

— О, так вы из медицинского персонала!

— Нет. На самом деле я здешний пациент.

— Ах, простите...

— Не стоит извиняться. Не бойтесь, я не сумасшедший.

— То есть... я не совсем понимаю...

— Позвольте осведомиться: кто вы по профессии?

— Я — Эдгар Перри, отставной офицер армии Соединенных Штатов, — сказал я, протягивая ему руку. — А это мой друг Дирк Петерс, помощник капитана с «Ейдолона».

Доктор Бедлоу с горячностью пожал нам руки.

— Я просто желал убедиться, что вы не имеете отношения к племени судейских прохвостов и крючкотворов. Очень рад, что вы не из юристов.

— А я рад доставить вам это удовольствие.

Я покосился на Петерса, который неопределенно пожал плечами.

— Вы видите перед собой одного из двух нормальных людей в этом заведении, — сказал доктор Бедлоу. — Остальные того-с...

— Да, да, — поспешил согласиться я. — Конечно!

— Я говорю с полной ответственностью, сэр. Хочу предупредить вас — для вашего же блага.

— Простите, но как вышло так, что...

— Видите ли, три дня назад, — пояснил он, — душевнобольные взбунтовались, взяли власть в свои руки и заперли доктора Смоля и профессора Перро в комнату для буйных, обитую матрацами. А возглавляет бунтовщиков мистер Майар, опасный маньяк.

Я пристально вглядывался в лицо собеседника. Словеса его звучали так убедительно!

— Вы спросите: с какой стати мне верить вам? — продолжал доктор Бедлоу. — Но примите во внимание простой факт: все умалишенные бродят свободно по двору, а ворота не заперты.

— Да, Эдди, я уже обратил внимание на это, — сказал Петерс. — И на душе у меня очень неспокойно. Но скажите, доктор Бедлоу, вы-то что здесь делаете, коли вы человек нормальный?

— Несколько лет назад я очутился перед выбором: или быть повешенным за убийство или... — сказал доктор Бедлоу. — Сами понимаете, лучше годами корчить из себя психа, чем одну минуту болтаться с вывалившимся языком. Вот почему я сперва интересовался, не законники ли вы.

— О-о! — понимающие протянули мы с Петерсом.

— Только не думайте, что я настоящий головорез. Просто один мой пациент по выходе из транса, в который я его погрузил, скончался от сердечного приступа. А его родственники-невежды притянули меня к суду.

— Вы погружали в транс? Стало быть, вы месмерист? — спросил я.

— Да, сэр, и по отзывам — неплохой.

— У меня есть знакомый, к которому я испытываю минимум симпатии, — сказал я. — Так он применяет свои месмерические способности в отнюдь не благовидных целях.

— Позвольте поинтересоваться его именем?

— Некий доктор Темплтон, — ответил я.

— Будучи в некоторой степени знаком с ним, — сказал доктор Бедлоу, — могу только согласиться с вашим нелестным отзывом.

— Так вы знаете его?

— Да. И вправе подтвердить, что он остался таким же мерзавцем. В данный момент он и его приспешники — некие Гудфеллоу и Гризуолд — находятся в штате Нью-Йорк в поместье Арнхейм. Там они стакнулись с миллионером Сибрайтом Эллисоном и готовятся заняться производством золота по алхимической формуле, которую предоставил им некий нанятый ими немецкий учений.

— Что-о? — вскричал я, вскакивая и вцепляясь в лацканы его сюртука. — Да откуда вы все это знаете?

Что вы плетете! Вы минуту назад сказали, что пробыли здесь несколько лет!

— Пощадите, сэр! Я человек преклонных лет! Я желаю вам только добра — потому и предупредил вас о том, что тут происходит. Воля ваша верить мне или нет — однако же, не надо трепать меня как куклу!

— Нет, сперва вы мне скажете, откуда у вас подобные сведения про доктора Темплтона!

Тем не менее я выпустил его. Рухнув в кресло, он добровольно рассказал следующее:

— Я имел случай упоминать, что нас здесь двое нормальных. Именно второй нормальный пациент поведал мне о событиях в поместье Архейм. Несколько месяцев назад мистер Эллисон нанял его в качестве личного секретаря. На самом же деле это был журналист, который специально нанялся работать к известному богачу, дабы разоблачить темные дела Эллисона, которые тот проворачивает на нескольких континентах.

— Если этот разоблачитель был сам разоблачен — отчего его просто не убили?

— Это молодой человек со связями, да и слишком много людей знали, куда и зачем он направился. Было безопаснее поручить доктору Темплтону упрятать противника в сумасшедший дом.

— Неужели достаточно слова доктора Темплтона, чтобы кого-то признали умалишенным? — недоверчиво спросил я.

— Недостаточно. Но когда молодого человека — его зовут Сэнфорд Мартин — забирали в сумасшедший дом, он был действительно безумен. Для того, кто понаторел в нашем искусстве, ничего не стоит привести любого человека в состояние временного умопомрачения. Позже, когда Мартин уже пришел в себя, его перевезли под вымышленным именем сюда. Вот он-то и рассказал мне о том, что происходит в поместье Архейм.

Я опять возбужденно вцепился в своего собеседника — теперь стал теребить за рукав.

— А скажите, сэр, не упоминал ли этот Мартин некую особу по имени Анни — сейчас она, очевидно, живет в Архейме.

— Упоминал, — сказал доктор Бедлоу. — У этой леди необычайные месмерические способности. Она работает помощницей того немца, фон Кемпелена.

Я добрел до ближайшего кресла, рухнул в него и уронил голову на руки.

— Господи, совершить столь длинное странствие, — наконец произнес я, — и опоздать всего на чуть-чуть!..

Я почувствовал руку Петерса на своем плече.

— Бросьте, Эдди. Еще не поздно. Во время оно мистер Эллисон не раз повторял в моем присутствии, что получение золота — весьма долгий процесс.

— Если хотите удостовериться в правдивости моих слов, — предложил доктор Бедлоу, — я могу устроить вам встречу с Сэнфордом Мартином.

— В этом нет нужды, сэр, — сказал я. — Не могли же вы измыслить такую громоздкую ложь — ведь факты удивительным образом сходятся.

— Эдди, вам нужно спешить, — сурово произнес Петерс. — Но месье Вальдемар будет страшной обузой, а Лигейя ни за что его не покинет.

— Знаю.

Из задней части дома донесся нестройный гул голосов. Похоже, в гостиную двигалась целая толпа.

— Повторяю свое предостережение, — сказал доктор Бедлоу, — побыстрее удирайте отсюда! А тележку найдите в месте поскокайнее.

— Хотите бежать вместе с нами?

— Не могу, — ответил он. — К тому же от меня здесь кой-какая польза. Я успел вылечить нескольких больных.

Мы с Петерсом встали и на прощание пожали руку доктору Бедлоу.

— Удачи вам, ребятки, — сказал он.

— Эдди, давай ноги в руки! — воскликнул Петерс, потому что гул приближался — и в нем слышались гневные нотки.

И мы побежали.

Когда мы оказались в лесу, вне опасности, я снял свой пояс с зашитыми в нем золотыми монетами, разделил деньги между собой и Петерсом. С этими золотыми

он не пропадет и раздобудет экипаж для всей компании. А также купит новый ящик для месье Вальдемара. Я попросил его стать сопровождающим и защитником месье Вальдемара и Лигейи в их путешествии на север.

Нельзя сказать, что я отсыпал его из чистого альтруизма. Нет, я просто не мог с точностью оценить силу и природу его преданности Сибрайту Эллисону. А ну как эта верность проявится в неподходящий момент! Что связывало этих двоих, когда установились их странные отношения — всего этого я так никогда и не узнал. Но мне показалось, что и Петерс не без облегчения встретил мое решение в одиночестве отправиться в поместье Эллисона и улаживать там дела без его участия.

И вот я в последний раз обнял страшноватого коротышку — мало к кому в жизни я был привязан так, как к нему. И под яркой луной, этой подругой охотников, мы расстались.

*Кто будет реквием читать,
творить обряд святой?*

«Пеан», Эдгар Аллан По

Глава 14

Ты победил, и я покоряюсь. Однако отныне ты тоже мертв — ты погиб для мира, для небес, для надежды! Мною ты был жив, а убив меня, — взгляни на этот облик, ведь это ты, — ты бесповоротно погубил самого себя!

«Вильям Вильсон», Эдгар Аллан По

Глубокой ночью унылого октября я перемахнул через высокую стену из нетесаного камня, постаравшись не попасться на глаза конным вооруженным охранникам, и направился к главной усадьбе поместья Арнхейм — через ухоженный ландшафтный парк, протянувшийся на несколько миль. Мне пришлось бы много плутать в поисках главной усадьбы, поднимаясь вдоль живописной реки Виссахикон, если бы не точные инструкции Лигейи, с которой я имел встречу в королевстве на краю земли — похоже, в последнее время она запросто проникала туда.

В ту ночь я спал в летнем домике — в Лэндор Коттидж, куда влез через окно. Лигейя сказала, что Анни вроде бы находилась там некоторое время. И действительно я обнаружил в спальне тот самый испанский гребень, что был в волосах Анни в крепости, где прятался от чумы принц Просперо. Стало быть, ее держали здесь в заключении. Утром, прихватив гребень как драгоценную реликвию, я направился дальше.

В иное время я бы упоенно любовался красотами рукотворного парка, но в тогдашнем моем состоянии я был нечувствителен к эстетическим впечатлениям. Что ни ночь — а порой это случалось и днем — у меня был новый сон или видение наяву: я встречался с Анни и Лигейей, а также с По, которого всегда видел только издалека — обреченно бредущим навстречу своей гибели. Частота и интенсивность этих бередящих душу свиданий подсказывали мне, что наши взаимоотношения стремительно движутся к некоей развязке.

Но — вперед.

Из всех видений я сделал определенный вывод: Эллисон и его конкуренты осознали, что порознь им свое-го не добиться и, чем мешать друг другу, лучше объединить силы.

Мой якобы благодетель теперь стакнулся с теми, в погоне за кем я, по его поручению, пересек океан и обошел несколько стран. Фон Кемпелен тут, в Арнхайме, со всей компашкой новоявленных друзей. Он готовится превратить в золото огромное количество свинца. Все полученное золото немедленно перейдет Сибрайту Эллисону в уплату за обширную недвижимость — в том числе за поместье Арнхайм, — а также за драгоценности и прочие дорогие вещи. После этого в присутствии всех участников договора алхимическое оборудование для производства золота будет уничтожено. Тем самым будет устранена опасность перепроизводства золота и падения его цены в будущем.

Но — вперед.

Вокруг меня царило буйство осенних красок. Небо отражалось в глади озера, возле которого случилось мое последнее видение. Из этого видения я узнал, что планируется убить фон Кемпелена после того, как будут уничтожены его приборы.

Но — вперед.

И вот центральная усадьба — сущий земной рай, где я был очарован небесной музыкой, лившейся из окон, густыми сладкими ароматами, сказочными видом высоких восточных деревьев, искусно подрезанных кустарников, стайками экзотических птиц — золотистых и малиновых, а также бесчисленными фонтанами, прудами, цветниками, лугами и серебристыми ручьями. Понево-

ле я залюбовался всем этим и глазел во все стороны дольше, чем следовало бы в моем положении незваного гостя.

Впрочем, я старался не попадаться на глаза охране — в чем вроде бы преуспел. Наконец передо мной возник во всей красе, посреди сего райского сада, дворец Эллисона, построенный в полуготическом-полумавританском стиле. Красные лучи солнца играли на сотнях башен и башенок, на минаретах и шпилях. Дивное зрелище.

Подойдя к дворцу ближе, я обнаружил, что он обнесен рвом с водой. Я обогнул дворец несколько раз, прячась за густым кустарником. Не было иного пути, кроме как по небольшому мосту. Место было открытое, но я все же предпочел быструю пробежку по мосту плаванию в холодной октябрьской воде.

Вблизи дворец выглядел добротным строением, которое содержалось в отменном порядке. Лишь по фасаду бежала небольшая трещина. Пройдя через готическую арку, я очутился у тяжелой деревянной двери. Я толкнул ее — она оказалась открытой.

Внутри все было отделано деревом в старинном духе, на стенах висели мрачноватого вида ковры, черная мебель из ценной древесины. Я пересек просторный холл быстро и осторожно — стараясь не шуметь, с наполовину вынутой из ножен саблей и пистолетом на изготовку. Еще кое-какое оружие было спрятано под моей одеждой.

Я вышел в коридор и стал красться вдоль стены, заглядывая в каждую комнату. Сибрайта Эллисона я нашел в третьей слева.

Не будучи любителем эффектных сцен, я вошел просто, без театральных жестов и восклицаний. Это была библиотека. Эллисон, в шелковом темно-бордовом халате, восседал на диванчике — читал, покуривая сигару. Справа от него, на низком столике стоял стакан темного вина. Когда моя тень упала на него, он поднял глаза и улыбнулся.

— А, Перри! И точно вовремя.

Я не собирался подыгрывать ему и спрашивать, что он имеет в виду, говоря «точно вовремя». Я просто задал самый главный для меня вопрос:

— Где она?

— Здесь. И ей тут вполне хорошо. Поверьте мне, никто не намерен обижать ее.

— Анни удерживают здесь насилино и принуждают делать то, чего она делать не желает!

— Позвольте заверить вас, ее помочь будет чрезвычайно щедро оплачена, — сказал Эллисон. — И, коль скоро мы заговорили о вознаграждении, хочу заметить: ваши усердные труды не будут забыты.

— Помнится, вы обещали мне особое вознаграждение, если я убью Гризуолда, Темплтона и Гудфеллоу. У меня сейчас руки чешутся. Ваше обещание в силе?

Он слегка побледнел, но выдавил из себя улыбку.

— Вынужден огорчить вас: мои тогдашние слова утратили силу несколько месяцев назад, когда я пришел к соглашению с вышеперечисленными особами.

— Стало быть, вы теперь заодно? — спросил я.

— Более или менее.

— И фон Кемпелен здесь?

— Да. Однако же вы времени не теряли и недурно осведомлены обо всем. Желаете стаканчик шерри?

— Охотно выпью, если вы мне кое-что расскажете.

— Извольте, молодой человек. Что именно вы хотите услышать?

Эллисон достал еще один стаканчик-наперсток и наполнил его — до половины.

— Вы говорите, что хорошо заплатите Анни, — начал я. — Однако то, что она делает, она делает вопреки своей воле!

— Но для ее же собственного блага! И я могу это доказать.

Я сделал глоточек шерри.

— Ну так докажите.

— Я имею в виду ее долю в большом капитале — точнее говоря, в громадном капитале...

— Ясно. А что касается Эдгара По?

Эллисон встал. Размахивая дымящейся сигарой, он стал прохаживаться по комнате.

— Что вам сказать об этом Эдгаре По? — проговорил он. — Если вас — и Анни — угораздило подружиться с ним, то могу только пожалеть вас. Мне действи-

тельно жаль вас. Однако ваши крайне своеобразные отношения, увы, не могут длиться вечно.

— Да ну! Вы так полагаете?

— Да, я так полагаю.

Эллисон кивнул, нарочито игнорируя мой насмешливый тон. Он вел себя так, как будто я во всем с ним соглашался.

— Ваши крайне своеобразные отношения не могут продолжаться по очень простой причине. По более не существует — по крайней мере в этом, нашем мире, мире практических дел. Ему предназначено идти своим путем, а мы пойдем своим. Он сам выбрал путь мечтателя — ни я, ни вы тут ни при чем.

— Однако наше разлучение — ваших рук дело!

— Помилуйте, юноша, вины тут моей никакой! Да-да, здесь ни грана моей вины! Мир фантазий и мир практический, они изначально несовместимы.

Я допил шерри и отставил стаканчик.

— Я хочу видеть ее.

— Извольте, никаких возражений, — сказал Эллисон. И жестом пригласил меня следовать за собой.

Из библиотеки мы прошли в другую комнату, где также было много книг и картин. Эллисон пересек эту комнату, не останавливаясь. Я же остановился как вкопанный у картины в нише слева. Это был портрет женщины с огромными темно-серыми глазами и с выьющимися волосами. На ее голове был давно вышедший из моды капор, с округлых плеч струилось платье времен Империи — с цветочным узором. Я не мог отвести взгляда от этих загадочных огромных глаз, ласкал взором темные каскады ее волос.

— Идемте же, — с порога позвал меня Эллисон.

— Сибрайт Эллисон — это имя напоминает сценический псевдоним, — произнес я. — Вы когда-нибудь играли на сцене?

Его глаза сузились.

— Быть может. С какой стати вы спрашиваете, юноша?

Я в свою очередь внимательно уставился на него. Этот портрет был увеличенной копией миниатюры, с которой я не расставался всю жизнь. На этой миниатюре была изображена моя мать — Элизабет. Я сомневался,

что Эллисону известно о существовании миниатюры и что я ее владелец.

— Эта леди кажется мне странным образом знакомой, — сказал я.

Он пожал плечами.

— Портрет достался мне от прежних владельцев. Я оставил его, чтобы не пустовал простенок.

Голова моя закружилась. Со времени нашей первой встречи с этим человеком многое повергало меня в оторопь. Но сейчас я был ошеломлен как никогда.

— Ах, вот оно что, — промолвил я и наконец оторвал свой взгляд от портрета.

Он прошел в следующую комнату — зал с высоким потолком, где, помимо множества книг, было изрядное количество произведений искусства и коллекция оружия. Я же на секунду задержался, пальцем стер густой слой пыли с подписи под портретом.

Моим глазам предстало имя: «Элизабет Арнольд».

Я поспешил вслед за Эллисоном.

Да, то было имя моей матери — хотя мне не требовалось читать подпись, чтобы узнать в этой актрисе собственную мать. Если он — тот самый мужчина, что бросил ее...

Но ведь это чужой мир — не тот мир, где я родился. А стало быть, он — сбежавший отец По, а не мой. Более того, события на этой Земле и на моей Земле совпадают далеко не во всем, а потому никогда мне не узнати истины — правда ли, что он сознательно пожертвовал своим сыном ради получения сокровищ. Как не узнати и того, был ли мой отец похож на Эллисона — там, в моем родном мире.

— У вас тут мило, — сказал я, догоняя хозяина Арнхайма.

Теперь мы прошли под дверной аркой в готическом стиле, задрапированной красно-голубой материей. Я сообразил, что мы движемся по галерее — анфиладе комнат, опоясывающей дворец.

— А вы не помните своих родителей? — спросил Эллисон через некоторое время.

— Можно сказать, не помню. Я потерял их в очень раннем возрасте.

Мы дошли до конца галереи и повернули направо, из углового зала вышли во внутренний двор, где отдохало несколько десятков вооруженных людей, державшихся двумя группами.

— Это что за армии на постое?

Эллисон рассмеялся.

— Моя армийка и их армийка. Стоят тут, чтобы никто из нас ненароком не напроказил.

— Выходит, вам пришлось установить перемирие и объединить капиталы, дабы удовлетворить аппетиты фон Кемпелена?

Он кивнул.

— Да, этот немец умеет торговаться.

— Будь я на его месте, я бы привел с собой свою собственную армийку, чтобы все было по-честному и никто из вас «не напроказил».

Эллисон потрепал меня по плечу.

— Слыши речи истинного солдата, — сказал он. — Потому-то я и нанял вас к себе на службу, что вы парень не промах. Когда закончится вся эта суeta, я с охотой выслушаю повесть о вашей одиссее.

— Так что же все-таки охраняет фон Кемпелена, которого никто не охраняет? — спросил я.

— У него есть то, что нам нужно.

— А после того как вы это получите, вы дадите ему уйти?

Эллисон глубоко затянулся своей сигарой, выпустил облачко дыма, вынул ее изо рта — и широко, белозубо улыбнулся. Но мой вопрос оставил без ответа.

— Хотите взглянуть на его лабораторию?

— Я хочу видеть Анни.

— Возможно, она там.

— Что произойдет с ней, — спросил я, — когда все закончится?

— Вы сами знаете — она обладает уникальными сверхъестественными способностями.

— Ну и что вы хотите этим сказать?

— Она — кладезь сверхъестественных способностей и может принести кучу денег в других предприятиях.

— А если она не пожелает дальше работать на вас?

— Ее организм выработал привычку к некоторым химическим веществам. Она будет работать ради наркотиков.

У меня слезы навернулись на глаза.

— Какое счастье, что вы не мой отец, — брякнул я в порыве эмоций.

Эллисон отпрянул, как будто я дал ему пощечину. Моя рука легла на рукоять сабли. Но я так и не выхватил оружия. Этот человек мне еще нужен.

— Я и не отец По, — процедил он сквозь сжатые зубы.

— А я и не утверждал. У вас есть дети?

Он отвернулся.

— Достойных — нет.

Я последовал за ним. Похоже, мы шли в северном направлении.

— Стало быть, вы меня ненавидите? — спросил Эллисон через некоторое время.

— Верно, ненавижу.

Он остановился у начала широкой каменной лестницы. Повернувшись ко мне и прислонившись к стене, он произнес:

— Мне бы хотелось полной ясности в наших взаимоотношениях до начала сегодняшнего вечера.

— Так вот на что вы намекали, говоря, что я явился своевременно.

Он кивнул.

— Сегодняшний вечер — особенный. Но вы, похоже, каким-то странным образом провели об этом.

— Похоже, да.

— Все золото достанется мне, — сказал Эллисон после короткой паузы. — Хотя я вынужден расстаться с изрядной долей моей собственности — в том числе и с этим поместьем.

— И с Анни? — спросил я. — Она входит в цену за золото?

Он снова молча кивнул.

— Но мне хотелось бы, чтобы вы были на моей стороне, Перри, когда придет время забирать слитки золота. Да, я пообещал отдать им Анни. Я пообещал бы что угодно, лишь бы работа была выполнена. Что же касается истинного состояния дел, после получения золота..

С них довольно огромной недвижимости, что я им отдаю, бриллиантов и моих вкладов в иностранных банках. Я получу взамен золото, а вы получите Анни. И плевать на их негодование.

— До какой же степени вы хитры, Эллисон! — сказал я. — Настоящий Макиавелли. Могу ли я довериться столь коварному человеку — даже если бы мне захотелось этого!

Хозяин Архейма тяжело вздохнул. Потом долгое время стоял потупившись. Прошла по меньшей мере целая минута в полном молчании. Или он в прошлом действительно был актером и умел держать эффектные паузы, или же он и впрямь глубоко задумался.

Наконец он произнес:

— Ну что ж, так тому и быть.

Эллисон сунул руку под свой шелковый халат и извлек откуда-то серебряную флягу. Он отвинтил ее крышечку и поводил открытым сосудом перед мои носом. Пахло виски.

Крышечка была размером с обычный здешний стаканчик для крепких напитков. Эллисон наполнил ее — и одним махом выпил. Когда он протянул флягу и крышечку мне, я последовал его примеру.

— Я сам попал в этот мир случайно, во время странного шторма на море, — сказал Эллисон. — Очевидно, в тот же момент мой двойник очутился в моем мире. Таким образом, я знал, что переход из мира в мир принципиально возможен. Мне понадобилось очень много времени на разгадку того, благодаря чему это возможно. Знакомство мое с Гризуолдом и доктором Темплтоном произошло именно на этой почве — мы совместно искали пути перехода из мира в мир. Но мои компаньоны стали не в меру алчны — что особенно проявилось во время недавних событий и в условиях нашей последней сделки.

Он предложил мне еще один колпачок виски, но я отказался. Тогда он выпил сам — и спрятал флягу.

— Поэтому у меня нет угрызений совести, — продолжил Эллисон, — по поводу того, что я не выполню части условий этой бессовестной сделки. Если девушка так дорога вам — она ваша, и делу конец.

Я в растерянности сел на ступени и стал массировать виски.

— Когда между людьми кровное родство, им проще приходить к соглашению, — сказал Эллисон после долгой паузы.

— Да пропадите вы пропадом, сэр, с вашим родством! — воскликнул я.

— Ну, я не прошу сыновьего сочувствия. Я прошу только поддержки. Мы перехитрим мерзавцев и одержим победу. Я получу золото, вы — свою возлюбленную, а эти негодяи ограбят столько денег, что будут возмущаться не слишком громко. Они предпочтут немного недополучить, чем получить слишком много — свинца в грудь.

— Насколько я заметил, ваши военные отряды примерно равны по силе.

— У меня припрятано столько вооруженных людей, — сказал Эллисон, — что перевес в мою сторону будет более чем очевиден. Они сдадутся без боя. Так что придется им убраться восьсяси. И пусть после этого клянут меня последними словами — мне от этого ни тепло, ни холодно.

— А как быть с фон Кемпеленом?

— Известно как.

— Он должен остаться в живых.

— Да вам-то что?

Я вспомнил, как пучеглазый мужчина потчевал нас чаем в Париже и так смешно волновался за нас, когда мы дали деру по крышам... Спору нет, человечек он поганенький, себе на уме. С другой стороны, он не убийца, не сумасшедший, да и вообще не принадлежит к хищникам. Скорее, он простодушный, много о себе возомнивший теленок, который вздумал заключить сделку с волками. Но объяснять все это прожженному Эллисону? Пустое дело.

Поэтому я сказал коротко:

— Просто мне так хочется.

Он потянулся под халат за фляжкой, затем передумал.

— Но мне придется наблюдать за ним до самой его смерти, чтоб он еще раз не претворил свинец в золото! Какие хлопоты!

Я криво усмехнулся.

— Они вам по силам. Не разоритесь.

— «Проклятье, сэр», — процитировал Эллисон откуда-то. — «Коль таковы условия ваши — согласен. Стоит ли ссориться из-за пустяков?»

— Не стоит.

Он бросил сигару на пол и раздавил ее.

— Вот и хорошо. А теперь мы должны согласовать подробности, чтобы действовать в унисон. Выработаем план действий, договоримся об условных репликах, после которых все закрутится по-нашему. А пока я расскажу, откуда мы явимся и в какие двери юркнем, когда станет по-настоящему горячо...

Позже мы спустились в глубокий подвал, освещенный лишь факелами и свечами. Помещение напоминало многократно увеличенную парижскую лабораторию фон Кемпелена. Работали несколько печей. Повсюду стояли сосуды, пробирки, реторты, перегонные кубы и змеевики. Но основное происходило в больших чанах, расположенных в хиткой и непонятной для меня последовательности.

Посреди комнаты на брезенте лежали груды темного металла. Анни, в простом сером балахоне, стояла у одного из чанов и помешивала его содержимое парой железных прутьев. Увидев на пороге меня, она бросила прутья и кинулась ко мне. Мы обнялись.

— Я знала, что ты придешь сегодня!

Фон Кемпелен вытаращился на меня, потом восхликал:

— Постойте, да я же знаю вас! Вы были с тем коротышкой и с большущей обезьянкой!

Я кивнул.

— С тех пор я много побродил по свету, — сказал я. Затем обратился к Анни: — Дорогая, нельзя ли нам уйти отсюда?

Она вопросительно взглянула на фон Кемпелена.

— Иди, иди. Мы закончим загрузку попозже, — кивнул тот.

Я взял Анни за руку и увел прочь из этого подземелья — через анфилады комнат в сад.

Через некоторое время, когда мы лежали на полянке посреди прекрасного сада, согреваемые солнцем, любовались золотистыми деревьями, я спросил:

— Так значит, процесс получения золота включает в себя использование животного магнетизма?

— Это непременный элемент для превращений большого масштаба, — пояснила она. — Вся тайна заключается в нем. И это месмеризм особого рода.

— Вот как? Особого рода? В чем же особенность?

— Мы привлекаем энергию из другого мира. В момент, когда возвращение По станет невозможным и двери за ним закроются окончательно, высвободится огромное количество нужной нам энергии.

— И это случится сегодня вечером — во время вашей работы?

— Им того хотелось бы, — сказала Анни. — Но этого не произойдет. Я отнюдь не держала двери в другой мир открытыми — им на потребу.

— Ты потеряла меня.

Она улыбнулась.

— Нет, я никого не потеряла. Даже По. Я намереваясь дать им их проклятое золото, но одновременно — вернуть По. И мы, все трое, наконец объединимся. Здесь, в этом месте.

— Я не ученый, — сказал я, — и мои опыты в сфере месмеризма только-только начались. Но даже не зная математики, которая предоставляет необходимые доказательства, я совершенно уверен в очевидной вещи: существует закон сохранения — Вселенная дает только тогда, когда получает что-то взамен. Какова цена того, что произойдет?

Она опять улыбнулась.

— Мистер Эллисон не знает, что мне известен его секрет, — произнесла Анни. — Он с Земли. Из того мира. Поэтому я могу обменять его на По — и лишь после этого закрыть двери между мирами. Вот так мы и воссоединимся, а мистер Гризуолд будет нам безмерно благодарен.

— Еще бы ему не быть благодарным! — сказал я. — Так вот что ты задумала!

— Да.

Как будто я смотрю на крутящийся вихрь — что ни секунда, то он другой. Чей план победит? Сумеет ли Анни осуществить задуманное? А ну как и фон Кемпелен не простодушный олух! Вдруг у него имеется секретная армия гомункулов, которые в нужный момент этого октябрьского вечера объявятся, дабы склонить чашу весов в его сторону? Похоже, я один затесался в эти события без хорошо и заранее продуманного коварного плана!

Я вздохнул, поцеловал Анни и попросил:

— Расскажи мне побольше о месмеризме. Если мы способны концентрировать такие объемы энергии, наверное есть способы как-то держать их под контролем.

— О, разумеется, — сказала она. — У нас должны быть инструменты такого контроля...

В ту ночь на воскресенье седьмого октября — да-да, именно в ту ночь, далеко за полночь, мы спустились в лабиринт подземелья архаймского дворца, дабы свершить долгожданное превращение свинца в золото.

С одной стороны подземной лаборатории толпились вооруженные головорезы Сибрайта Эллисона, с другой — телохранители Нечистой Троицы. Их было человек по сорок — уже по этому можно судить о размерах подвала. У каждого из охраны было или ружье, или несколько пистолетов за поясом. А холодного оружия — не счесть.

Я поежился, представив бой с применением огнестрельного оружия в этаком месте: сотни пуль рикошетируют от каменных стен! Одно слово, штатские, воображающие себя большими вояками... Заблаговременно, когда в лаборатории был только фон Кемпелен, занятый своим делом, я забежал и вырыл окопчик на случай беды — неглубокую яму за грудой свинцовых заготовок — и прикрыл ее брезентом. Ночью я старался держаться поближе от нее. Эти олухи и впрямь могут затеять перестрелку — тогда я схвачу Анни и нырну в окопчик.

Фон Кемпелен прилежно соединял шланги и трубы, ведущие от чана к чану, от емкости к емкости. Вся система замыкалась на кучу свинца. Анни восседала на сверкающем черном кресле — по-моему, оно было сде-

лано из обработанных глыб обсидиана. На моей любимой было что-то вроде стеклянного шлема, затылком она упиралась в золотую полосу на высокой спинке, а в руках держала по длинному жезлу, которыми она могла касаться кучи свинцовых болванок.

Немецкий алхимик прошептал ей последние инструкции, затем кивнул Эллисону и прочим. Тут в помещении прекратились все разговоры. Установилось понятное психологическое напряжение. Я шагнул в сторону Анни и ощутил, как концентрируются вокруг нее месмерические силы, которыми она начинает манипулировать. Я замер. Тут вдруг задребезжал один из чанов. Невидимая и неизвестная сила, источаемая Анни, заставила звенеть и резонировать остальные емкости.

Казалось, что я слышу чудовищно высокий вой — и моя голова вдруг стала разламываться от боли. Напрасно я пробовал закрыть уши — это не помогало, хотя и остальные пытались заткнуть себе уши.

Затем омерзительный звук исчез, а в центре подвала в полуумраке внезапно возникли и поплыли в воздухе едва различимые образы — какие-то диковинные рыбы по-над странными волнами... И вновь началась невидимая пульсация воздуха. Теперь воздух ходил густыми волнами — до того плотными, что на них, казалось, ничего не стоило опереться. Впрочем, после вчерашних тренировок вместе с Анни я менее испугался этого феномена, ощущая некоторую возможность контролировать его усилием своего сознания.

На какое-то мгновение вернулся одуряюще-высокий звук, затем пропал. Над чанами и котлами, а также над кучей свинцовых болванок замелькали многоцветные вспышки. Руки Анни побелели — с такой силой она сжимала два жезла.

Затем началась эта удивительная рябь. Человек, на которого я смотрел в тот момент, вдруг немного расплылся и стал раскачиваться, будто я видел его отражение на возмущенной глади озера. И остальные предметы утратили четкость контуров, заколебались. Казалось, ничто вокруг не изменилось — и все было не похоже на себя. Можно сказать, все предметы в подвале била мелкая-мелкая дрожь.

Цветные вспышки сменились ровным свечением — преимущественно золотисто-желтым. А зримая вибрация не прекращалась.

Я сделал еще один шагок в сторону Анни. Возле нее шла концентрация невидимого давления. Серые свинцовые болванки вдруг на мгновение полыхнули желтоватым вибрирующим цветом. Через секунду феномен повторился — теперь свинец окрасился отчетливо. Казалось, куча свинца меняет не только цвет, но и форму, съеживается по мере того, как золотое сияние усиливается, и расширяется, когда золотое сияние почти пропадает.

Я посмотрел на Эллисона. Он улыбался.

Частота вибраций увеличилась. Пульсация цвета свинцовых болванок — из серого в золотой, из золотого в серый — учащалась. Затем период желтизны стал удлиняться, а период, когда болванки оставались изжелтасерыми, стал сокращаться. Болванки начали будто прыгивать, тереться друг от друга, некоторые свалились с кучи.

Я снова бросил взгляд на Эллисона. Мне почудилось, что он стоит объятым пламенем. Но сам он, похоже, этого не замечал. И тут вибрация и пульсация разом прекратились. Я зрел слитки золота там, где недавно находилась куча свинца.

Казалось, все присутствующие в подвале разом ахнули.

О, это божественное тусклое свечение! Его ни с чем не спутать! И мы впитывали его жадными глазами...

Я перевел взгляд с золота сперва на Анни, потом на Эллисона, по-прежнему объятым огнем. Затем с Эллисона на Анни.

Ничего не происходило. Никто не пошевелился. Но что-то должно же произойти! Не может же это длиться вечно! Какое-то движение, жест, нечто, что прервет гипнотическое онемение всех членов...

Анни вскрикнула. И огонь, струившийся вокруг Эллисона, разом исчез.

В то же мгновение Анни надрывно простонала:

— По умер.

Гризуолд довольно ослабился. Анни отшвырнула жезлы и сорвала с головы стеклянный шлем.

По подземелью словно порыв ветра пробежал — будто некий гигант горестно вздохнул. И тут же пол под нами и стены вокруг нас тряхнуло как при сильном землетрясении.

Куча золотых слитков вдруг раздалась в объеме, мгновенно утратила неповторимый цвет золота, стала уныло серой — и рассыпалась.

Гризуолд завизжал, Эллисон издал утробный стон. Но охранники стояли совсем одуревшие — никто из них, к счастью, не схватился за пистолет.

Анни повторила два страшных слова — теперь тихо-тихо, но четким голосом:

— По умер.

И, как эхо ее словам, подвал опять тряхнула неведомая сила, факелы заходили ходуном в своих настенных креплениях. Мы услышали, как над нами рушатся стены. Из дверей, ведущих вверх, и с потолка посыпалась пыль.

Все устремили взгляды вверх. Кто-то завопил от страха. А треск и грохот наверху все усиливался.

Дочитав это предложение, я вздрогнул и на мгновение оторвался от книги; мне почудилось (впрочем, я незамедлительно принял это за обман моего перевозбужденного воображения), что из самой дальней части особняка донесся почти неуловимый звук, который по характеру своему в точности напоминал эхо (хотя, разумеется, приглушенное и смутное) того самого треска и хруста, что так ярко описал сэр Ланселот. Вне сомнений, мое внимание приковало именно совпадение, и только оно; потому что, посреди стука ставень и обычной смеси шумов нарастающей бури, этот звук как таковой не имел в себе ничего особенного, что могло бы заинтересовать или насторожить меня. Я продолжил чтение...

Вслед за этим раздались глухие удары — словно по всем стенам подземелья были гигантскими кувалдами. Затем послышался треск. Казалось, весь подвал заходил ходуном, стены норовили разбежаться, а с кучи серых

болванок обрушились на пол новые бруски свинца. Эллисон, быстро озинаясь, бегом устремился к лестнице. Через мгновение Нечистая Троица последовала за ним. Но тут словно гром прогремел — и нас тряхнуло уже совсем страшно.

— По умер, — эти слова, произнесенные снова, теперь шепотом, гремели во всех уголках подвала.

«Тут Этельред воздел свою булаву и ударил ею по главе дракона, коий пал наземь, и зловонное дыхание навеки излетело из него с ревом столь могучим и пронзительным, что Этельред был принужден прикрыть руками уши, дабы его не оглушил звук госеле неслыханной силы».

Здесь я опять прервал чтение, ибо теперь был исполнен живейшего удивления — так как уже не сомневался, что в это мгновение до меня откуда-то очень издалека донесся (хотя я бы затруднился сказать, с какой именно стороны) низкий звук, могучий и долгий, какой-то совершенно необычайный — не то вой, не то скрежет, в точности тот самый звук, который, в согласии с описанием романиста, представился моему воображению как противоестественный предсмертный визг дракона.

Рухнувшая груда камней завалила выход из подземелья. Теперь многие доселе грозные мужчины в панике визжали. Все побросали оружие и думали лишь о том, как бы выбраться из проклятого подвала.

Тем временем Анни вытянула перед собой руки и стала водить ими из стороны в сторону. Словно повинувшись ее движениями, весь дворец стал раскачиваться. На верху раздался страшный грохот и треск. Дом ритмично сотрясался.

Затем потолок подземелья треснул в пяти-шести местах, из щелей посыпалась пыль. Опять грохот и треск — и с потолка посыпались балки и камни. Раздались предсмертные вопли и стоны тех, кто оказался погребен под руинами.

Было впечатление, что пришедший в мир разрушительный ураган своим воем без слов оплакивает По. Откуда-то потянуло едким запахом дыма...

Глаза ярко-серые. Над лбом выются каштановые волосы. Ручки — залюбушься, изящной формы, с длинными пальчиками. Голубенькая юбочка и белая блузка были в песке, а подол юбки сильно промок. Пухлые губки девочки гневно дрожали, пока она осматривала разрушения, метая гневные взгляды в его сторону. Однако из серых глаз не выкатилось ни одной слезинки.

— Простите, пожалуйста, — снова пролепетал он.

Она демонстративно отвернулась от него. А через мгновение вдруг размахнулась босой ножкой — бац! и еще одна стена рассыпалась. Бац! и еще одна башня рухнула.

— Не надо! — закричал он и кинулся к ней. — Прекратите! Пожалуйста, прекратите!

— И не подумаю! — взвизгнула девочка, с остервенением двигаясь вперед и норовя докончить разрушение. — Вот так! Так!

Он схватил ее за плечики, а она вырывалась, и брыкалась, и крушила песочный замок...

Я вцепился в ее плечо. Весь чертов потолок собирался обрушиться на нас — падали объятые огнем балки, камни, доски...

— Анни! Останови все это! — прокричал я.

Казалось, она даже не осознает моего присутствия. Где-то над нами рухнула стена дворца. В то же мгновение я понял, что настал конец — вся эта стенища с ее дурацкими орнаментами проломит потолок подвала и рухнет прямо на нас...

— Анни!

Она взмахнула рукой — и земля рядом с нами стала расступаться. Я с размаху дал ей пощечину, чтобы она пришла в себя.

Но она уже падала в расселину — я едва успел подхватить ее. Тогда я исступленно воззвал к той, с кем ус-

становил невидимую связь еще в Испании — до того, как отправиться в Толедо.

— Лигейя!

Поднимая Анни на руки, я увидел вдали Лигейю — в серебристом проеме света.

— Я жду, — произнесла она. — Я прошла свою половину пути. Встречайтесь со мной на середине.

Серебристый светящийся коридор удлинился от нее к нам. С Анни на руках я бегом поспешил по коридору света — туда, где нас ждала спасительница. А за моей спиной раздался чудовищный грохот, словно разом заговорила тысяча водопадов.

Не оглядываясь, я продолжал бежать.

Глава 15

Спустя несколько месяцев я узнал, что, к величайшему моему удивлению, мое имя было упомянуто в завещании Сибрайта Эллисона и я унаследовал от него небольшое ежемесячное содержание, а также особняк под названием Лэндорс Коттидж, где мы с Анни проживаем в данное время и где я пишу эти воспоминания.

Наши друзья, в частности Дирк Петерс, время от времени приезжают навестить нас.

Мы не забыли Эдгара Аллана По, покинувшего разом два мира, что стало горестной утратой и для одного мира, и для другого.

Ах, как бы нам хотелось, чтобы он мог разделить с нами прелести жизни в милом зеленом уголке, где у самого особняка столько васильков, тюльпанов, маков, гиацинтов и тубероз, а дальше — луга, рощи, тихие прудики с кувшинками у берегов.

Но временами мы открываем другую, заднюю дверь нашего милого жилища, — и тогда оказываемся на туманном берегу, где катятся теплые, как кровь, морские волны и колышутся бесформенные тени. Оттуда мы совершили не одно полуночное путешествие в пределы странные и малоизведанные, о существовании коих мы бы ничего не знали, если бы на Земле однажды не жил наш любимый брат.

•

*Вот за демонами следом,
Тем путем, что им лишь ведом,*

*Где, воссев на черный трон,
Идол Ночь вершит закон, —
Я прибрел сюда бесцельно
С некой Фулы запредельной, —
За кругом земель, за хором планет,
Где ни мрак, ни свет и где времени нет.*

«Страна сновидений», Эдгар Аллан По

Содержание

Витки, роман, перевод с английского В. Ваканова, И. Корженевского	5
Черный трон, роман, перевод с английского В. Задорожного	185

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 16 томах

Том первый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректор *О. Курдаева*

Оператор компьютерной верстки *М. Белоусов*

Художественный редактор *М. Захаренкова*

Иллюстрация на обложку и оформление форзаца.

А. Кирилов

Оформление шмунтитулов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам,
представленным издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 3.01.95. Формат 84x108/32

Гарнитура Балтика Печать высокая

Усл. печ л. 23,52. Тираж 30 000 экз

Заказ № 264. С 111

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

ВИТКИ
ЧЕРНЫЙ ТРОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995